

ISSN 1818-4936

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АСТРАХАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2012
№ 1 (41)

Журнал издается с 2000 г.

*Журнал включен в перечень изданий, утвержденных ВАК
для публикации основных результатов
диссертационных исследований
по направлениям «Филология», «Юриспруденция»,
«Педагогика»*

Астраханский государственный университет
Издательский дом «Астраханский университет»
2012

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2012
№ 1 (41)

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор *Г.Г. Исаев*

Редакционный совет:

- Н.Ф. Алефиренко*, д-р филол. наук, проф. Белгородского государственного университета;
Х. Баран, д-р филол. наук, проф. Университета Олбани, США;
В.Г. Вестстейн, д-р филол. наук, проф. Амстердамского университета, Нидерланды;
Р. Вроон, д-р филол. наук, проф. Калифорнийского университета, США;
В.А. Гутман, канд. пед. наук, доц., министр образования Астраханской области;
А.А. Данилов, д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой истории
Московского педагогического государственного университета;
А.А. Демченко, д-р филол. наук, проф. Педагогического института Саратовского университета;
В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. Волгоградского педагогического университета;
Е.А. Лукьяненко, зам. Председателя Правительства Астраханской области;
А.П. Лунёв, д-р экон. наук, проф. Астраханского государственного университета;
А.Н. Чумаков, д-р филос. наук, проф.,
первый вице-президент Российского философского общества, г. Москва

Редакционная коллегия:

- Ю.А. Повх*, ответственный секретарь;
С.В. Виноградов, д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой истории и архивоведения
Астраханского государственного университета;
П.В. Казаков, канд. истор. наук, доц. кафедры истории России
Астраханского государственного университета;
Л.П. Гвоздарёва, канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории
Астраханского государственного университета;
Е.А. Мясоедова, канд. пед. наук, доц., ректор Астраханского института
повышения квалификации и переподготовки;
Л.Я. Подвойский, канд. филос. наук, доц. кафедры философии
Астраханского государственного университета;
Е.М. Стомпель, канд. филол. наук, доц. кафедры английской филологии и СТО
Астраханского государственного университета;
И.Н. Кайгородова, д-р филол. наук, проф. кафедры общего языкознания
Астраханского государственного университета;
А.П. Романова, д-р филос. наук, проф., директор Гуманитарного института
Астраханского государственного университета

Журнал выходит 4 раза в год

Статьи выражают точку зрения автора, с которой редколлегия может не соглашаться.
Все материалы, поступающие в редколлегию журнала,
проходят независимое рецензирование.

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом
«Астраханский университет», 2012

© Скоблев В.Д., оформление обложки, 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАНИ ДУХОВНОГО МИРА

А.М. Казиева

Национальная культура и ее место
в цивилизационном пространстве страны 7

ЯЗЫК. КОММУНИКАЦИИ

И.М. Алиева

Соотношение научных парадигм
в процессе обучения иностранным языкам..... 12

Т.С. Астахова

Прозвище как неотъемлемая часть системы
именований лиц (на примере сборной РФ по футболу) 17

И.Н. Кайгородова, М.Г. Курбанова

К вопросу о функции языкового воздействия эргонимов 25

М.Г. Курбанова

Эргонимы современного русского языка
в коммуникативно-прагматическом аспекте 29

И.А. Саликова, И.А. Френкель

Специфика семантики этнонима в составе фразеологических единиц
французского языка 36

Н.Л. Синячкина

Социолингвокультурные аспекты изучения теории языковых контактов
в эпоху глобализации..... 42

В.Е. Черникова

Теория концепта в контексте гуманитарного знания 46

Е.В. Чиликина

Политематический рекламный текст в современной деловой рекламе 53

И.Ю. Чистякова

Память как категория риторики 58

А.Н. Чурушкина

Лексико-семантическая характеристика существительных
в текстах рэперов Германии 61

Е.И. Glinchevskiy

Methods of verbal influence
of textual level reflecting conceptual world image
(media language as example) 67

Y.V. Ocheredko

The main structural characteristics
of the English religious-popular discourse..... 74

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Р.З. Акавов

Творчество Ыырчы Казака: историософский аспект 78

С.Т. Анпазова

Метатекст: лингвистический и литературоведческий аспекты..... 82

Гараева Д. Гусейн гызы Антропонимы в романах М. Гусейна	87
Л.В. Жаравина Проблема художественного метода в прозе В. Шаламова	93
Д.Н. Жаткин, О.В. Родикова К.К. Павлова – переводчик стихотворения А.А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...»	101
Е.Е. Завьялова Традиции французского реализма в творчестве Н.В. Гоголя (пургаментарные образы).....	106
Г.Г. Исаев «Песочные часы» А. Кусикова – поэма о творческом кризисе и его преодолении	113
Е.В. Кузнецова «История одного путешествия» Г. Газданова – «роман о художнике» в свете проблем феноменологической прозы.....	127
С.А. Мусаева Проблема человека в творчестве Л.Н. Толстого рубежа XIX–XX вв.	135
Е.В. Никульшина Образ Мазепы в русской исторической беллетристике XIX в.	139
И.Ж. Сарсенова Герценовская концепция личности в контексте христианской традиции.....	144
Л.В. Спесивцева Поэма как литературный жанр	150
Н.А. Трубникова Концепция «пластического театра» как комплекс способов выражения художественной условности в пьесах Т. Уильямса	157
Т.А. Фёдорова Художественная реализация идей «деревенской прозы» в творчестве А. Варламова.....	164

ВОСПИТАНИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ. ШКОЛА

А.Р. Ахмеева Педагогическое управление формированием исследовательской компетенции студентов.....	169
Л.В. Баева Совершенствование качества учебного процесса в современном вузе	175
Н.В. Волынкина Оценка личностных качеств школьников в аспекте самоопределения	179
О.В. Гаврилова Формирование инновационного потенциала студентов вузов как педагогическая проблема	183
Е.Н. Гребенюк Студенческое самоуправление: синергетический подход	190

Л.Н. Давыдова, Е.В. Рябова

Структурно-содержательная характеристика
 понятия «готовность будущих педагогов начального образования
 к выбору педагогико-эргономических условий
 обучения младших школьников» 196

Н.В. Зубова

Задачный подход как способ формирования компетенций
 у студентов технических вузов 202

А.И. Корникова

Сущность и структура лидерских качеств студентов –
 будущих государственных служащих 207

Г.Х. Мусина-Мазнова

Факторы успешного карьерного становления социальных работников
 в процессе непрерывного образования 214

Г.В. Палаткина, А.С. Джангазиева

Сущность, принципы и структура первичной профилактики
 делинквентного поведения мигрантов
 младшего подросткового возраста в мультикультурной среде 222

Г.В. Палаткина, М.Г. Семеничева

Модель эстетического воспитания младших школьников
 посредством синтеза искусств во внеклассной работе 228

И.А. Потапова

Теоретические основы программы формирования
 мультикультурного поведения школьников 234

М.К. Санина, С.А. Санин

Особенности профессиональной деятельности социального педагога
 в рамках молодежного волонтерского движения
 олимпийской направленности 241

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА. ТЕОРИЯ ПРАВА**Э.Ф. Байбекова**

Способы защиты прав инвесторов в сфере недропользования
 (на примере Республики Казахстан) 250

С.А. Балаев

Налоговые льготы как стимулы
 для реализации функции налогообложения 257

С.В. Березиков

Проблемы совершенствования стимулирующих основ
 исправительного процесса осужденных к лишению свободы 262

А.В. Петров

Проблемные вопросы установления основания
 для возбуждения уголовного дела и практика их разрешения 268

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ**Г.М. Мирзоев**

Цивилизационные основы Дербента –
 древней южной столицы России 277

М. Соегов

О двухкрылой системе управления государством
хазарскими правителями в Итиле (Астрахань)
и ее древних тюрко-огузских корнях..... 281

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ АГУ

Т.А. Ткачёва

Всероссийская конференция с международным участием
«Язык в социокультурном пространстве и времени» 289

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 296

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 301

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ..... 303

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ МЕСТО В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАНЫ¹

А.М. Казиева

Современная духовная ситуация в России и в мире характеризуется глубокими изменениями, которые показывают на разных уровнях социальных, являющихся и сознания. Одна из ключевых ролей в этих изменениях играет возрождением национальной культуры, включая ее научно-теоретический анализ и философское отражение. Главная цель современного человечества - исследование свойственных оснований национальной культуры, ее специфики и места в общем цивилизационном космосе страны, и творческого потенциала художников, в которых имеют конкретное выражение и точную кристаллизацию, специфические особенности национальной перспективы становятся одним из ее основных предметов.

The modern spiritual situation in Russia and in the world is characterized by deep shifts which are shown at different levels of social being and consciousness. One of key roles in these changes is played by revival of national culture, including its scientific-theoretical analysis and a philosophical reflection. An overall objective of the modern humanity is research of the intrinsic bases of national culture, its specificity and a place in general цивилизационном country space, and creativity of artists in which have got concrete expression and accurate crystallization peculiar features of national outlook becomes one of its main subjects.

Ключевые слова: национальная культура, Северный Кавказ, картина мира, современная поэзия, ментальность, ценности.

Key words: national culture, the North Caucasus, a world picture, modern poetry, mentality, values.

Современная духовная ситуация в России и в мире характеризуется глубинными сдвигами, которые проявляются на разных уровнях общественного бытия и сознания. Одну из ключевых ролей в этих изменениях играет возрождение национальной культуры, в том числе ее научно-теоретический анализ и философская рефлексия. Главной целью современной гуманитарной науки является исследование сущностных оснований национальной культуры, ее специфики и места в общем цивилизационном пространстве страны, а одним из ее главных предметов становится творчество поэтов, в котором выразились специфические черты национального миропонимания.

В северокавказской культуре среди большого круга поэтов, которые ярко выразили национальный образ мира, одно из значимых мест принадлежит К. Кулиеву, Р. Гамзатову, И. Машбашу, З. Тхагазитову, Б. Утижеву, А. Бицуюеву, А. Оразаеву, О. Хубиеву, А. Суюнчеву, М. Табаксоеву, А. Додуюеву и многим другим. Поэтический мир этих авторов и всей когорты северокавказских поэтов в целом приобрел функцию своеобразного метатекста, в котором средствами художественной символики выражены основные смыслы, ценности, цели жизни народа в его прошлом, современном и будущем. Этот мета-

¹ Статья выполнена в рамках гранта Министерства образования и науки РФ 2012 г.

текст не только имеет статус фонда коллективной памяти, но и приобретает программный характер: он определяет и будет определять способ мироощущения коллективным национальным сознанием тех или иных явлений исторического, социально-политического, культурного и морального бытия любого этноса.

Поэтическое творчество не просто несет в себе потенциал определенных смыслов, ценностей, целей и т.п., но и транслирует специфический способ миропонимания и соответствующий национальный образ мира, что составляет парадигму национальной аутентичности.

Именно специфическая модель национального образа мира является главной предпосылкой преемственности в национальной культуре, восприятия и возобновления традиции, а тем самым и одной из главных предпосылок национальной идентичности и жизненных сил народа. С другой стороны, национальный образ мира аккумулирует в себе опыт изменений и модернизаций в культуре народа, в частности, тех, которые сформировались в результате творческих усилий его выдающихся художников. Наиболее репрезентативное проявление национального образа мира происходит в типичных художественно-поэтических образах, созданных писателями, ведь смысл художественного творчества заключается в том, чтобы полно и глубоко выявить своеобразие народной жизни, что в повседневности может оставаться скрытой и незаметной. Типичные художественные образы национальных художников, таким образом, не только получают определяющее значение для их личного миропонимания, но и выявляют сущностную специфику образа мира, присущего коллективному сознанию нации. Следовательно, интерпретация ключевых художественно-поэтических систем является одним из главных (хоть далеко не единственным) объектов анализа с целью реконструкции национального образа мира.

Образ мира можно определить как определенную совокупность коллективных представлений о существующей реальности (природную и социальную), что обобщается символами, которые составляют системную целостность мировоззрения. До сих пор основное внимание исследователей было обращено на этническую ментальность: при этом объективные символические концепты в культуре, воспроизводящие эти ментальные особенности, оставались лишь «материалом» таких исследований, не рассматривались как самостоятельный предмет анализа, характеризующийся системной целостностью и имеющий свои оригинальные особенности развития и функционирования. Исследование символов национального образа мира, в том числе поэтических, должно быть основой анализа менталитета и других измерений культуры.

Реконструкция образа мира, который нашел программное воплощение в поэтическом творчестве национальных авторов, выходит за пределы научно-теоретической рефлексии и приобретает философский характер, поскольку переходит в сферу исходных мировоззренческих проблем и категорий, связанных с анализом фундаментальных архетипных символов-мифологем, которые лежат в основе человеческого мировосприятия и миропонимания. Таким образом, исследование национального образа мира, в частности, его поэтического воплощения в творчестве того или иного автора, принадлежит области философского анализа этнического.

Основным модусом бытия в категориальном понимании эстетического сознания является мир человека, который всегда опосредствует восприятие и

освоение человеком мира как такового, то есть в его не зависимом от нас объективном бытии. Здесь человек и близлежащая реальность выявляют свою взаимозависимость, которая создает феномен осознаваемого бытия. В таком контексте становится понятной эвристическая плодотворность категории этнического в исследованиях специфики национального бытия и национальной культуры.

Образ мира не является искусственным и сугубо субъективным образованием, поскольку формируется как смысловой регулятив предметно-практической и духовно-практической деятельности человека, обеспечивая ее целостный, универсализованный характер. Особое значение при этом приобретают категории миропонимания мировосприятия и менталитета в их этническом осмыслении. Миропонимание можно определить как рациональное, осознаваемое измерение мировоззрения, мировосприятие – наоборот, чувственно-эмоциональное, связанное с глубинами подсознания. Менталитет – это первичное синкретическое и неразвернутое единство, мировоззрение – вторичное, сложное и развернутое в целую систему сфер культуры. Образ мира как система ключевых символов миропонимания является совокупностью отдельных специфических, символично конкретизированных черт менталитета, которые отличают тот или другой субъект культуры (например, нацию) от других.

Национальный образ мира формируется как символическая «кристаллизация» специфики освоения объективного мира конкретной нацией как коллективным субъектом жизнедеятельности и эстетического мышления. Такая объективно-символическая данность мира определяется своеобразием его осмысления коллективным умом нации, освоение его коллективной предметно-практической деятельностью, переживание его коллективной чувственностью, оценивание его коллективным опытом и обобщение его самых ценных элементов коллективным национальным духом в качестве идеалов. Символическая система, в форме которой существует национальный образ мира, имеет несколько измерений, среди которых в качестве основных можно выделить рационально-концептуальный, психологический (чувственный в широком смысле слова) и ценностный. Соответственно, символ можно определить как такую смысловую обобщенность, которая имеет выражение в формах чувственного переживания ее человеком и выступает регулятивом основных измерений национального образа мира. Гносеологическая специфика символа заключается, помимо остального, в необходимости творческого усилия для его восприятия и понимания.

В этом смысле в определении и статуйровании творческого наследия любого поэта весомое значение приобретает выяснение роли и места автора в общей парадигме национального эстетического мышления как частного проявления этнической модели мировосприятия и мировоззрения. Поэты, которые в наиболее рельефной форме выразили в своих произведениях детерминирующие черты общенационального взгляда на окружающее, достойны особого внимания, тем более что опыт показывает: именно авторы подобного рода, будучи самыми яркими носителями этнической аутентичности, одновременно воплощают в своем творчестве и ценностные элементы общегуманитарного плана.

Проблемы определения специфики образа мира увязаны в современном национальном литературоведении со спецификой этнической культуры в целом и художественным творчеством в частности. В конкретных исследованиях поэтического мира северокавказских авторов накоплен большой материал, нуждающийся в обобщении под углом зрения определения системы ключе-

вых мировоззренческо-поэтических символов творчества, которые образуют целостность национального образа мира в его классическом выражении.

Исходным методологическим принципом исследования этнического образа мира в произведениях северокавказских авторов является учет опосредованности ее субъективных символических структур личным опытом авторского самосознания, с одной стороны, а с другой, считаем абсолютно неоспоримым тот факт, что именно традиции национального эстетического сознания определяют специфику образа мира в контексте общечеловеческого мировоззрения. Поэтическое творчество раскрывает определенный тип мировосприятия. В отличие от архаичного народного мировосприятия, в котором доминирует принцип упорядоченности, гармонии, поэтическое миропонимание современных авторов характеризуется преимуществом противоположного ему принципа постоянных динамичных изменений. В поэтическом мире Северного Кавказа имеет место предельная структуризация поэтического времени по схеме: неустойчивое Прошлое – Современность как непредсказуемая турбулентность – Будущее как неопределенность, скрашенная тонами оптимистичного ожидания. Энергия поэзии порождается напряженным континуумом всех времен в поэтическом сознании художника.

Этот основной принцип поэтического образа мира предопределяет его радикальное отличие от относительно спокойного, уравновешенного и органического народного поэтического мировосприятия. Впрочем, народность ведущих поэтов заключается не в повторении общих мест, а во взятии на себя функций реорганизатора мышления в границах коллективного сознания. Хотя авторы не выходят за пределы этого мировосприятия (оно сохраняется на глубинном уровне сознания, создавая глубинное напряжение и «поэтику контраста»), они радикально проблематизируют его, ставят на границу внутренней реформации, сомнения во всех традиционных смыслах и формах жизни.

У лучших современных авторов произошел переход от смыслового центра архаичного народного мировоззрения (что фиксируется символической осью социум – конфликт – личность) к более современной и личностной (Человек – Мысль – Путь), то есть от социоцентризма к антропоцентризму, от наивного систематизационного – к рефлектирующему сознанию; от этики, связанной с патриархальным традиционализмом, – к примату субъективного.

Видоизменение установившихся смыслов и ориентиров народного мировоззрения, которое, впрочем, не означает их отрицания, а лишь модернизацию, переход в другой режим существования и составляют онтологическое основание определенной специфики смысловой концептуализации в современной северокавказской поэзии.

Тем не менее, анализ однозначно показывает, что центром поэтического сознания северокавказских авторов является глубинная национальная структура мироощущения, правда, сильно модернизированная. Это закономерно. Только в ситуации, когда интровертный человек (или человечество в целом) переживает себя как своего рода центр мироздания, становится возможным свободное изменение, флуктуации национальных ориентиров.

Таким образом, невзирая на то что поэтические произведения северокавказских авторов внешне лишены систематической рефлексии метафизических, историсофских, этических и эстетических проблем, их творчество несет в себе мощный потенциал оригинального и целостного национально-специфического философского осмысления исходных экзистенциальных проблем, поскольку представляет собой результат глубокого личного духов-

ного опыта, связанного с напряженной эстетической рефлексией. Этот опыт, воплощенный в конкретных символах поэтического образа мира, является неисчерпаемым предметом для рациональных интерпретаций и концептуализаций в современной поэзии и одним из главных источников оригинальности авторов в контексте национальной поэтической традиции.

Творчество поэтов Северного Кавказа является уникальным сочетанием проникновения в глубины традиционного народного мировоззрения северокавказских народов с его радикальной модернизацией и моделированием будущей истории, благодаря чему этнический образ мира, представленный в ключевых концептах и символах поэзии, приобретает полную, классическую и потенциально неисчерпаемую форму и содержание, демонстрируя общую потенцию национальной культуры, ее способность отвечать на исторические и цивилизационные вызовы будущих времен. Кроме того, поэтическое творчество современных авторов является оригинальным национальным вариантом модернизации европейского культурного сознания, чем во многом определяется ее значение.

СООТНОШЕНИЕ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

И.М. Алиева

В статье раскрывается тема использования теоретических положений современного языкознания в процессе обучения иностранным языкам. Автор рассматривает возможность включения концептуальных идей всех трех парадигм в лингводидактику.

The article deals with the teaching of Russian language. The article is about the scientific paradigms in the linguistics. The author puts that possibilities structuralism and anthropological paradigm should be used equally.

Ключевые слова: научная парадигма, языковые универсалии, дискурс.

Key words: scientific paradigm, language universals, discourse, language didactics.

Концептуальные идеи всех трех парадигм современного языкознания (сравнительно-исторической, структуралистской и антропоцентрической) непосредственно представлены в процессе обучения иностранным языкам. Например, идея сравнительно-исторического языкознания с логической последовательностью приводит к созданию типологических представлений о языках мира и о существенных различиях между ними в грамматическом строе и семантической системе. С другой стороны, осознание важности типологических различий принципиально важно на фоне языковых универсалий. Непосредственно практический выход в лингводидактику здесь закономерен. В процессе обучения иностранным языкам, как правило, исходят из существенности универсалий, на фоне которых представлены типологические различия в родном и изучаемом иностранном языке. Типологии удастся выделить основные участки и направления сходств и различий, на которых необходимо фиксировать внимание. Причем дискретность языка, то есть объекта описания, приводит к дискретности описательного механизма. С другой стороны, различными могут быть векторы сопоставительного исследования. Во всех случаях сопоставительный анализ и выделение типологических различий и сходств задействует универсальный эпистемологический механизм интеллектуального освоения мира, что имеет первостепенное значение в обучении иностранным языкам. Причем, сама логика анализа предполагает всесторонность охвата языковых явлений. Например, «Наряду с контентивно-текстуальным сопоставительным анализом можно выделить еще один аспект, недостаточно исследованный зарубежной контрастивной лингвистикой. Это – сравнительное исследование самых общих закономерностей расхождений, выявляемых при контрастивном анализе. Например, лексику можно сопоставлять по отдельным словам, по цельным семантическим группам, по морфологической структуре слов, наконец, в функционально-ономасиологическом плане – по способам лексического выражения тех или иных значений или обозначения тех или иных денотатов. Но сопоставление лексики может идти и по общим категориям: использование гиперонимов и гипонимов, прямых и переносных значений, нейтральных и экспрессивно окрашенных значений, универсальных и многокомпонентных

номинаций и т.п.» [5, с. 15]. Таким образом, очевиден непосредственный выход сравнительно-исторического и типологического языкознания в лингводидактику и, в частности, в систему обучения иностранным языкам.

В контексте антропоцентрического языкознания становится необходимым дать конкретные и однозначные ответы на такие вопросы, как формы воплощения культуры в языковых феноменах. Постановка вопроса сразу же обнаруживает всю серьезность проблемы. Легко сказать, что культура отражается в языке, значительно труднее описать в непротиворечивых терминах конкретные номинации. Причем следует понимать под номинацией не языковую единицу, а процесс означивания. Таким образом, необходимо показать конкретные способы превращения культурных феноменов в языковые феномены, в знаки.

Другим важным моментом в пространстве органического единства языка и культуры является сознание как языкового коллектива, так и отдельного индивида как представителя данного языкового и культурного коллектива. Можно много рассуждать об абстрактных критериях обнаружения точек соприкосновения культуры и языка, но на самом деле единственным местом локализации таких контактов является сознание индивида. Именно индивидуальное сознание определяет онтологический статус ментального соединения языка и культуры, потому что естественная контаминация языка и культуры представляет собой исключительно ментальный процесс.

Специфика лингвокультурологической парадигмы состоит в том, что эта новая отрасль знания «использует данные культурологии, социологии, психологии в тех или иных их аспектах, которые имеют отношение к предметной области лингвистики – речевой деятельности» [4, с. 9]. Лингвокультурологический фактор актуализирует и представление о дискурсивных практиках как о речевой деятельности в широком, социологическом, политическом и культурологическом значении. Важно понимать, что дискурсивные практики могут структурироваться как осознанно, так и бессознательно.

Изучение иностранного языка сводится к изучению различных дискурсов, однозначно накладывающихся на действительность. Чтобы изучить действительность, необходимо изучить язык. Действительность распадается на фрагменты, которые полностью укладываются в дискурсивные пространства.

Такое понимание связи языка, культуры и действительности крайне актуально и в пространстве изучения родного языка, которое просто неотделимо от познания мира или даже знакомства с миром, характерного для психической жизни любого ребенка. В процессе изучения иностранного языка символическая функция знаков бывает представлена более выпукло.

Если дискурс – это совокупность высказываний, принадлежащих единой дискурсивной структуре, то дискурсивная практика – это «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [2, с. 101].

При таком понимании языка обучающийся иностранному языку воспринимает его прежде всего как практику дискурсивных игр. Условность знаковой системы и ограничения, накладываемые системой на реализацию содержания языковой единицы, воспринимаются как правила игры. Поэтому антропоцентрический метод вообще актуализирует игровые методы обучения иностранным языкам.

Системно-структурная парадигма в языкознании сегодня может рассматриваться как нечто промежуточное между сравнительно-историческим и антропоцентрическим подходом. Она, разумеется, значительно более строга в методологическом отношении и в высшей степени формализована по сравнению со сравнительно-историческим языкознанием. С другой стороны, она полностью отказывается от ментального фактора в структурировании объекта. Это и отличает структурализм от антропоцентрического языкознания. Между тем структурализм даже сегодня, будучи во многом преодоленной концепцией, не утрачивает своей методологической и эпистемологической ценности. Принципы и методы системно-структурного языкознания имеют непосредственный выход в лингводидактику. Более того, понимание природы объекта, механизма его функционирования и эволюции оказывается востребованным в практике обучения иностранным языкам.

Существуют фундаментальные принципы структурализма, определяющие его лицо и целостность в истории языкознания. Важнейшим структуральным принципом, нашедшим отражение в названии парадигмы, является принцип системного ограничения, накладываемого на реализацию содержания языковой единицы. В соотношении единицы и системы второе доминирует над первым. Следовательно, важно не абстрактное значение языковой единицы, а те ограничения, которые система накладывает на нее.

Вполне логично задать вопрос: какие лингводидактические выводы можно сделать из этого важнейшего теоретического постулата структурализма? При изучении иностранного языка почти ничего не дает знакомство с содержанием языковой единицы. Подлинное знание связано не с содержанием языковой единицы, а с системным ограничением. Например, мало сказать обучаемому, что в русском языке существует фразеологизм *куры не клюют* в значении «много». Важнее указать, что существует конфигурация «*куры не клюют + деньги*», поскольку система русского языка накладывает ограничения на реализацию значения «много» этим фразеологизмом. Суть системного ограничения заключается в том, что значение «много» фразеологизм *куры не клюют* способен реализовать только в сочетании со структурно релевантным окружением, а именно в сочетании с лексической единицей *деньги*.

Академик В.В. Виноградов указывал: «Связь значений в смысловой структуре слова, способы сочетания слов и значений в речи определяются внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы. Здесь кроются основания и условия исторически сложившихся ограничений в правилах связывания значений слов и в семантических сферах их употребления. Вот почему далеко не все значения слов в живой функционирующей лексической системе непосредственно направлены на окружающую действительность и непосредственно ее отражают. И в этой сфере язык представляет собой продукт разных эпох. Многие значения слов замкнуты в строго определенные фразеологические контексты» [1, с. 175].

В.В. Виноградов показывает несоответствие валентности слова и его функции, что непосредственно отражает системные ограничения языка. Например, он говорит о том, что слово *безысходный*, означающее «не имеющий исхода, то есть очень интенсивный, напряженный по силе», реализует свое значение исключительно в сочетании с названиями отрицательных эмоций. Говорят *безысходная тоска*, *безысходная печаль* и нельзя сказать *безысходная радость* и т.д. [1, с. 176]. Казалось бы, функция обозначения степени чувства должна позволять этому слову употребляться с любым обозначением

чувства. Однако система русского языка очевидным образом ограничивает возможности реализации этой функции. Указанное слово способно реализовать свое значение только в сочетании с названиями отрицательных эмоций.

Это ограничение носит чисто семантический характер. Однако в той же работе В.В. Виноградов показывает и конструктивное ограничение. Таким образом, анализ типов лексических значений выводит В.В. Виноградова на валентность лексических единиц, что непосредственно отражает закономерности структурных ограничений. При этом характерно, что логика исследования выводит ученого на два типа закономерных ограничений – семантическое и конструктивное.

Неслучайно также Виноградов говорит о типах лексического значения, хотя на первом плане в рассматриваемой работе находятся проблемы сочетаемости слов. Семантические и конструктивные ограничения реализации содержания непосредственно связаны с лексическим значением. Хотя, на наш взгляд, логика семантического и валентностного анализа может подсказывать и обратное, а именно: тип лексического значения предопределяется особенностями сочетаемости.

Таким образом, основными принципами системно-структурной парадигмы, как видно из самого названия, являются системность и структурность. Следует отметить, что провозглашение этих принципов с самого начала формирования парадигмы предполагало совершенно особое отношение к своему объекту. Например, важнейшим признаком системы является взаимообусловленность элементов. На первый взгляд кажется, что понятие «взаимообусловленность» такое же простое, как и «взаимосвязанность», однако это не так. Взаимосвязанность предполагает наличие каких-либо отношений между объектами. Взаимообусловленность означает, что существование одного объекта обусловлено существованием другого объекта. Понятно, что «взаимообусловленность» – более сложное понятие, однако именно оно представляет собой наиболее существенную характеристику системы. Любая система представляет собой некоторое упорядоченное множество, характерной особенностью которого является причинно-следственная связь между единицами. Следовательно, ничто в системе не является случайным, и язык как система не является исключением. Именно это понимание природы языковой системы обусловило важнейший теоретический постулат структурализма о возможности корреляции с нулем. Суть тезиса о корреляции с нулем заключается в том, что обусловленность появления того или иного элемента не связана с его появлением, то есть причины, обуславливающие появление некоторого признака, не менее важны, чем сам этот признак. При наличии двух взаимообусловленных признаков существенна их корреляция. При наличии одного признака и отсутствии другого существующий признак коррелирует с нулем. Разумеется, корреляция с нулем есть результат действия функции существующего формально признака. Таким образом, важны даже не признаки, а структурные отношения между ними.

Очевидно глубинное различие в механизме метафоризации на основе одного и того же объекта сравнения. Семантический анализ в данном случае должен последовательно проводиться в аспекте асимметрии языкового кода и эволюции означающего знака и одновременно в лингвокультурологическом аспекте. Такой параллельный анализ, объединяющий цели двух разных лингвистических парадигм только и может привести к наиболее эффективным

результатам, максимально полноценной информации о языковом факте и системе в целом.

Совершенно очевидно также, что такое закономерное согласование стратегий структурализма и антропоцентрического языкознания находит непосредственный и столь же закономерный выход в лингводидактику. Так, культурологические различия, обусловившие конкретику асимметрии кода того или иного языка, естественным образом должны оказываться в центре внимания реципиента при обучении иностранному языку. Особенно в условиях изучения иностранного языка вне языковой среды, на наш взгляд, осознанным должно быть понимание того, что «обозначающее (звучание) и обозначаемое (функция) постоянно скользят по "наклонной плоскости реальности". Каждое "выходит" из рамок, назначенных для него его партнером: обозначающее стремится обладать иными функциями, нежели его собственная; обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак. Они асимметричны; будучи парными (*accouplés*), они оказываются в состоянии неустойчивого равновесия. Именно благодаря этому асимметричному дуализму структуры знаков лингвистическая система может эволюционировать: "адекватная" позиция знака постоянно перемещается вследствие приспособления к требованиям конкретной ситуации» [3, с. 90].

Конкретные ситуации, в результате приспособления к которым адекватная позиция знака постоянно перемещается, носят культурно обусловленный характер, на что обязательно должно обращать внимание в лингводидактике.

Другим важнейшим понятием структурализма, имеющим непосредственный выход в методику обучения иностранным языкам, является понятие о системно-значимых связях и отношениях, то есть о тех отношениях, которые собственно и делают язык системой. Ситуация знакоупотребления снимает многозначность и позволяет знаку реализовать свое содержание. Следовательно, встает вопрос об условиях коммутации или условиях субституции знаков.

Если система языка представляет собой совокупность тождеств и различий, то становится понятным, что тождества делают в принципе возможной субституцию, в то время как различия в принципе отрицают такую возможность. Однако если система одновременно является системой тождеств и различий, то актуальным становится вопрос об условиях субституции. Если субституция связана с тождествами и различиями, то она возможна только при условии нейтрализации различия, дифференциальных признаков.

Дискретность предполагает, что лингвистический анализ всегда исходит от некоторого заданного текста. Именно текст наблюдается в процессе коммуникации. Это утверждение абстрагируется от таких вариантов структуры, называемой текстом, как устный и письменный, диалогический или монологический. Утверждение о тексте предполагает, что анализ ведется от некоторой целостной структуры, репрезентирующей некоторый законченный смысл, по непосредственно составляющим. Так, непосредственно составляющими текста являются сложные синтаксические целые, предложения, словосочетания. Непосредственно составляющими словосочетаний являются слова. Непосредственно составляющими слов являются морфемы, которые, в свою очередь, делятся на фонемы как мельчайшие смысловозначительные элементы. Таким образом, каждая языковая единица предполагает деление на единицы более низкого уровня вплоть до фонемы, которая соответствует самому мелкому смысловозначительному элементу, самой мелкой информационной единице: «Дискретность и неоднородность – это фундаментальные и

наиболее общие свойства элементов языка. Это системообразующие свойства, сохраняющиеся за все время существования системы. Это максимально общие характеристики элементов всех уровней. Они проявляются на разных уровнях различно» [6, с. 52].

Рассмотренные постулаты всех трех парадигм обязательно должны включаться в лингводидактику. Теоретические положения современного языкознания закономерным образом находят практический выход в процесс обучения и должны быть сознательно использованы.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов // В.В. Виноградов. Избранные труды. – М. : Наука, 1977.
2. Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия / В. А. Канке. – М. : Логос, 2000.
3. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М. : Просвещение, 1965. – Ч. 2. – С. 85–90.
4. Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
5. Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. 25: Контрастивная лингвистика.
6. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1971.

ПРОЗВИЩЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ (на примере сборной РФ по футболу)

Т.С. Астахова

Статья посвящена прозвищу как неотъемлемой части системы именований лиц и его роли на разных этапах становления официального языка и государственности России. В результате исследования становится очевидной диахроническая стабильность таких антропонимов русского языка, как личное имя и прозвище в текстах разных эпох и жанров, что подтверждается анализом берестяных грамот и летописей, а также употреблением идентифицирующих прозвищ в современном русском языке (механизмы выбора прозвищ в коллективах спортсменов, употребление прозвищ в текстах СМИ).

The article discusses nicknames as an essential part of the system of name giving and their role on different stages of language evolution and the Russian statehood formation. The research shows diachronic stability of such Russian anthroponyms as personal names and nicknames in texts of different epochs. This conclusion is confirmed by the data of birch-bark letters, medieval annals and also by modern Russian identifying nicknames (the mechanisms of nickname selection in sports teams, the usage of nicknames in mass-media texts).

Ключевые слова: антропонимика, аппозитивное нелокальное прозвище, локальное прозвище, личное имя, отчество, берестяные грамоты, летописи, СМИ.

Key words: anthroponymics, appositive nonlocal nicknames, local nicknames, proper name, patronymic, birch-bark letters, annals, mass-media.

Система именовании любого языка отражает особенности идентификации лица в разное время. В России одной из таких особенностей именовании было прозвище и его положение в официальной сфере общения, что непосредственно связано со становлением государственности.

Сегодня прозвище находится вне официальной системы именовании, а для адекватной реконструкции его положения в древнерусском языке необходимо обратиться к источникам, отражающим реальную языковую картину того времени, прежде всего, к берестяным грамотам.

Последние показывают, как в ходе освоения христианского имени изменялось соотношение не-/канонических именовании: «в большом количестве встречаются двойные наименования типа *Кузьма Нѣжебудичь, Дьмитръ Дорогонѣжичь...* (с христианским личным именем и нехристианским отчеством), тогда как обратное соотношение (типа *Мирославъ Гюрьятиничь*) представлено несравненно реже, причем только в раннюю эпоху» [2, с. 196].

Такая возможность варьирования именовании объединяет русскую традицию с европейской, в частности, скандинавской, где были допустимы вариации не только сочетаний антропонимов, но и самой структуры личных имен, где словообразовательные «замены разрешены правилами свертывания и развертывания древнегерманских личных имен. Двухчастные имена, такие, как *For-steinn*, *For-grímr*, могли сокращаться до своих значащих вторых компонентов, ср. *Steinn* «камень», *Grímr* «закрытый шлемом», а последние могли достраиваться до двухкомпонентных за счет разных расширителей, ср. *Grímr* > *For-Grímr*, *Arn-Grímr*, *Hall-Grímr* и т.д.» [5, с. 295].

Как видно из примеров, варьирование именовании, объединяющее балто-славянскую и германскую языковую ветви, имело место в Древней Руси, и это неслучайно, ведь «русско-скандинавские контакты, теснота которых в свое время привела к появлению на Руси варяжского по происхождению правящего дома, не ослабевали на протяжении нескольких столетий» [4, с. 178].

В древнерусский период использование прозвища наравне с личным именем в официальных бумагах было в порядке вещей, в чем можно убедиться, анализируя именовании в берестяных грамотах. К примеру, в грамоте за 1320–1340 гг. под № 45 читаем: «*Вот счелся Бобр с Семеном: на два с половиной рубля за три года [процентов] тринадцать с половиной гривен, а рубль...?*» (<http://gramoty.ru>), а в более поздней 42-й грамоте (1380–1400 гг.): «*Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Вот я, раб Божий Михаль, отходя от сей жизни, пишу завещание при своей жизни. Что касается моих (вероятно, = причитающихся мне) кобылок и двух рублей, то производит расчет братьям моим, а детям моим [до них дела нет]...?*» (<http://gramoty.ru>). Видно, что в этих документах употребляется сохранившаяся до сих пор в церковных текстах религиозная формула «*раб Божий (имя рек)*», хоть и с употреблением фонетически видоизмененного канонического имени, что еще приемлемо для современного носителя языка, потому что данная конструкция употреблена в завещании, а вот прозвище *Бобр* употреблено вместе с личным христианским именем *Семен* без какого-либо конкретизатора, что является недопустимым в современном официальном документе.

Если в древнерусском языке было возможно употребление не только различных фонетических вариантов не-/канонических имен, но и прозвищ, а также вариации сочетаний антропонимов и их использование в официальном стиле речи, то теперь это невозможно в связи с требованием современного

общества максимально точно идентифицировать конкретного человека, что принципиально отличает современную русскоязычную картину от древнерусской.

Как и раньше, сегодня прозвище призвано различать людей между собой, причем личные имена не играют в этом такой роли, как в случае его сочетания с фамилией, так как мы можем употребить прозвище и без него, например, *Александр Освободитель* = *царь Освободитель* или *Александр Македонский* = *Македонский*. Приведенные прозвища принадлежат знаменитым людям, и это неслучайно, ведь известность делает человека (хоть личность всегда неповторима) уникальным, и эта исключительность может быть связана с рангом, причем как в древнерусский период (*Иван Грозный*), так и в современном обществе (*царь Борис*). Такой уникальностью обладают слова *владыка*, *великий князь*, *президент* и т.п., которые позволяют нам опустить т.н. идентификаторы (или паспортные данные, или фамилию, или отчество). Так, при упоминании *Сергия Радонежского* возникает определенный образ – *Сергия*, *игумена Радонежского*, хотя уже в его окружении были носители этого личного имени, например, *преподобный Сергий Обнорский*, ученик преподобного *Сергия Радонежского* и постриженник святой Афонской горы.

На современном этапе такая система прослеживается в прозвищах знаменитых людей, в том числе футболистов. Например, обращаясь к системе поиска «Википедии», обнаруживаем, что по прозвищу можно найти известного человека, например, при поиске *Жо* открывается страница о бразильском футболисте по прозвищу *Жо*, полное имя которого – *Жуан Алвес ди Ассис Силва* (<http://ru.wikipedia.org>). При большой численности населения Бразилии и популярности имени *Жуан* существование тезок с таким прозвищем (производным *Jô* от *João*) представляется возможным, однако знаменит один, поэтому при его упоминании не требуются фамилия и личное имя или дополнительные идентификаторы.

Здесь можно говорить о т.н. официальном прозвище, то есть о таком, которое имеет место не только в межличностном общении. В зарубежной традиции, в отличие от российской, прозвища даже пишутся на футболках футболистов, по ним можно найти человека в поисковых системах типа Википедии, то есть они не противопоставляются официальной сфере жизни. Этому способствовала сама история, а именно положение прозвища в Средневековье. Так, на примере древнескандинавских текстов IX–XIV вв. становится очевидным, что «скандинавские прозвища, независимо от семантики, являются *универсальными*, а не локальными обозначениями: это значит, что любое однажды использованное и регулярно воспроизводимое прозвище, в том числе комическое или пейоративное, например *Кудельный Нос* (дрисл. *Strýnefr*) или *Зуд в Руках* (дрисл. *Fuðhendr*), будет восприниматься как официальное обозначение лица, а не как кличка, заменяющая личное имя в кругу друзей или врагов» [6, с. 87–88].

Для выявления механизмов, закономерностей происхождения и особенностей прозвищ в современном русском языке были выбраны прозвища футболистов, так как последние являются публичными людьми, каковыми в древний период были, к примеру, воеводы и князья, что позволяет проследить как сходства, так и различия между принципами именования лиц в древнерусском и современном русском языке.

Представим рассматриваемые прозвища в виде таблицы 1.

Таблица 1

ФИО и прозвища футболистов сборной РФ

Фамилия, имя, отчество футболиста по паспорту	Прозвище (согласно Википедии)	Прозвище по другим источникам
Адвокат Дирк Николас	<i>Сержант Дик Прокурор Маленький Генерал Генерал (Кэп) Питбуль</i>	–
Акинфеев Игорь Владимирович	–	<i>Конифей</i>
Анюков Александр Геннадьевич	<i>Ан-22/ Ан-2 Анюк</i>	–
Аршавин Андрей Сергеевич	<i>Шава Маленький Царь</i>	<i>Arse shaving Arse shaver Дизайнер</i>
Березуцкий Алексей Владимирович	–	<i>Брат Брат-близнец № 8 Брат-2</i>
Березуцкий Василий Владимирович	–	<i>Брат Брат-близнец № 7</i>
Березуцкие А.В. и В.В. (общие прозвища)	–	<i>Сестры Веселые Сестрички Пересруцкие</i>
Билялетдинов Динияр Ринатович	<i>Билл Биля Биляш</i>	<i>Беляш</i>
Бурлак Тарас Александрович	<i>Тара Американский солдат Таран</i>	–
Бухаров Александр Евгеньевич	<i>Бухарик Алкаш</i>	–
Быстров Владимир Владимирович	<i>Быстрый Быстрик</i>	<i>34-й скорый Хавчик Кириешка</i>
Глушаков Денис Борисович	–	<i>Глушак Глуш Глушачок</i>
Денисов Игорь Владимирович	–	<i>Гарик</i>
Дзагоев Алан Елизбарович	<i>Дзага Дагой</i>	<i>Дага Дагой Джигит</i>
Жирков Юрий Валентинович	–	<i>Никулин</i>
Зырянов Константин Георгиевич	–	<i>Зыря Жирия Коста</i>
Игнашевич Сергей Николаевич	<i>Игнат Великий Немой</i>	<i>Игна</i>
Карпин Валерий Георгиевич	<i>Блондинка</i>	<i>Болонка</i>

Продолжение таблицы 1

Кержаков Александр Анатольевич	<i>Керж</i>	<i>Кержи Писатель ББББ (Мистер) Твиттер</i>
Колодин Денис Алексеевич	–	<i>Колода Пушка</i>
Малафеев Вячеслав Александрович	–	<i>М-16 Мало</i>
Павлюченко Роман Анатольевич	<i>Спящий гигант Super Pav ПаПо</i>	–
Погребняк Павел Викторович	<i>Пога Великий По ПаПо</i>	<i>Буратино Полено</i>
Семак Сергей Богданович	<i>Сэм Сема Капитан</i>	<i>Бомж</i>
Семшов Игорь Петрович	<i>Сема</i>	<i>Зинедин</i>
Сычев Дмитрий Евгеньевич	<i>Сыч</i>	<i>Святой</i>
Торбинский Дмитрий Евгеньевич	<i>Клец</i>	<i>Торба Торби Торбидог Торбизверь Торбинатор Турбина Марадона</i>
Шешуков Александр Сергеевич	<i>Боб</i>	–
Широков Роман Николаевич	<i>Балабол</i>	<i>Рома Ши</i>
Шишкин Роман Александрович	<i>Шишка</i>	–
Янбаев Ренат Рудольфович	–	<i>Енба Электричка Ranabayev</i>
Всего 30 игроков	39 ¹	52 ²
Итого прозвищ	91	

Как видно из таблицы, в ходе анализа именованний игроков сборной РФ по футболу расширенного состава, то есть тридцати человек, было выявлено 91 прозвище. Таким образом, в среднем у футболистов может быть по 3 прозвища, так как их почти в три раза меньше количества прозвищ. Реальная картина такова: наиболее популярные футболисты имеют несколько прозвищ, например, пять, как В.В. Быстров, а малоизвестные довольствуются одним или не имеют их вовсе, как А.С. Шешуков, не забивший ни одного гола в еврокубках и в сборной РФ.

¹ Здесь 40 прозвищ, но *ПаПо* – общее, поэтому считаем его как одно, следовательно, всего 39.

² Здесь 53 прозвища, но *Брат* – общее, поэтому считаем его как одно, следовательно, всего 52 прозвища.

Прежде всего, остановимся на прозвищах, ставших общими для некоторых футболистов: *ПаПо* и *Брат*.

Прозвищем *ПаПо* могут называть и Р.А. Павлюченко, и П.В. Погребняка, что обусловлено схожим амплуа этих футболистов, хоть они редко находятся на поле одновременно; оно образовано путем сложения первых слогов названных фамилий.

Происхождение общего прозвища *Брат* очевидно: А.В. и В.В. Березуцкие – близнецы, поэтому прозвище, образованное от термина родства «брат», может относиться к обоим спортсменам, а в связи с необходимостью максимально точной идентификации у А.В. Березуцкого появилось прозвище *Брат-2*, сочетающее в себе механизм образования прозвища от термина родства и метафоризации (с прозвищем *Брат* одного из персонажей одноименного кинофильма «Брат-2»).

Истоки прозвищ не всегда легко найти. Например, С.Б. Семак известен как *Бомж* по двум причинам: он перешел в команду «Зенит», болельщиков которой называют *бомжами*, и часто бывает в разъездах. Полузащитник признает: «Считая количество переездов за последнее время, это более чем подходящее для меня прозвище. Прописка хоть и есть, но постоянной жилплощади как таковой нет!» (<http://www.sports.ru/football/111068343.html>).

Теперь распределим указанные в таблице прозвища футболистов по группам, соответствующим механизму их образования¹:

1) прозвища, описывающие внешность именуемого:

а) в целом: *Боб*, *Буратино*, *Маленький Царь*, *Никулин*, *Сестры*, *Спящий гигант*, *Полено*;

б) отдельными чертами: *Американский солдат*, *Блондинка*, *Болонка*;

2) прозвища, говорящие о характере:

а) по его особенностям: *Генерал (Кэн)*, *Маленький Генерал*, *Питбуль*, *Сержант Дик*;

б) по поведению или поступкам (с нашей точки зрения, по манере игры / амплуа футболиста): *Ан-22/ Ан-2*, *Буратино*, *Быстрик*, *Быстрый*, *Великий По*, *Клец*, *Маленький Царь*, *М-16*, *ПаПо*, *Пересруцкие*, *Полено*, *Пушка*, *Спящий гигант*, *Таран*, *Торбидог*, *Торбизверь*, *Торбинатор*, *Турбина*, *34-й скорый*, *Ranabayev*, *Super Rav*;

3) прозвища, воспроизводящие особенности речи, единичны: *Бабабол* (общие особенности речи) и *ББББ* (характерное выражение);

4) прозвища, отражающие важный/яркий момент биографии, событие: *Ан-22/Ан-2*, *Бомж*, *Брат*, *Брат-близнец № 7*, *Брат-близнец № 8*, *Брат-2*, *Великий Немой*, *Веселые Сестрички*, *Зинедин*, *Марадона*, *(Мистер) Твиттер*, *Капитан*, *Кириешка*, *Писатель*, *Святой*, *Хавчик*, *34-й скорый*;

5) прозвища, данные по профессии или занятию: *Дизайнер*, *Прокурор*;

6) прозвища, образованные от именованного, можно разделить на две подгруппы:

а) от личного имени: *Игна*, *Игнат*, *Рома Ши*, *Сержант Дик*, *Тара*, *Таран*;

б) от фамилии: *Алкаш*, *Анюк*, *Ан-22/ Ан-2*, *Билл*, *Билля*, *Билляш/Беляш*, *Бухарик*, *Великий По*, *Глуш*, *Глушак*, *Глушачок*, *Дага*, *Дагой*, *Дзага*, *Емба*, *Жиря*, *Зыря*, *Керж*, *Кержи*, *Колода*, *Конифей*, *Коста*, *Мало*, *М-16*, *Пересруцкие*, *Пога*, *Рома Ши*, *Сема (1)*, *Сёма (2)*, *Сыч*, *Сэм*, *Торба*, *Торби*, *Торбидог*, *Торбиз-*

¹ Распределение проведено на основе типов, выделенных в работе [7].

верь, Торбинатор, Турбина, Шава, Шишка, Arse shaver, Arse shaving, Rana-bayev, Super Pav;

7) прозвища, данные по национальной принадлежности именуемого: Джигит.

Причины образования прозвищ многолики: от профессии до особенностей поведения. При этом у футболистов нет прозвищ, характеризующих качество органов чувств (вероятно, потому что все спортсмены априори должны быть здоровы), а также данных по какой-либо привычке, речевым ошибкам и самоназыванию (очевидно, владение правильной речью не главное достоинство в глазах футболистов). Количественная структура рассмотренных прозвищ представлена в таблице 2.

Таблица 2

Количественное соотношение прозвищ футболистов сборной РФ

Количественное соотношение прозвищ футболистов сборной РФ										
Внешность		Характер		Особенности речи		События	Занятие / профессия	Именование		Национальность
В целом	Отдельные черты	Особенности	Поведение	Общие	Характерные выражения			Личное имя	Фамилия	
7	3	4	21	1	1	17	2	6	43	1

Проследим процентное соотношение разных типов прозвищ. Многочисленны прозвища, образованные от фамилий (40,56 %), а также описывающие поведение / манеру игры футболиста (19,81 %) или напоминающее о каком-то событии / особенности биографии (16,03 %).

Наименьшую группу составили прозвища, данные по особенностям речи и национальному признаку. Первое вполне объяснимо, о чем упоминалось выше, а второе делает честь футболистам: для них главное – способности, талант товарища, а не его происхождение. Это вполне в духе современной толерантности, актуальной сегодня и имевшей место в древний период, что реконструируется благодаря таким именованию, как *Татарин* («завтра же присла **Татарина** именем. Баимоура» [3, с. 850]) или *Болгарыня* («**В Болгарыни** Бориса и Глѣба» [3, с. 67]).

Кроме того, выделяются прозвища, которые нельзя отнести к той или иной группе, поскольку они сочетают в себе признаки двух или даже трех групп: это *Ан-22/Ан-2*, *Спящий гигант*, *Таран*, *Сержант Дик*, *Буратино*, *Полено*, *М-16*, *Super Pav*, *Великий По*, *Торбидог*, *Торбизверь*, *Торбинатор*, *Турбина*, *Рома Ши* и *Ranabayev*.

Характерно, что из полного именованя, представляющего собой на русской почве антропонимический трехчлен (фамилия, личное имя и отчество), расширенный паспортными данными, в качестве основ рассмотренных прозвищ ни разу не было использовано отчество, тогда как оно представляет собой характерную черту восточнославянской подгруппы языков. Такую избирательность можно объяснить как европеизацией, так и неиспользованием

отчества игроками в силу их молодого возраста и экономией языковых средств и времени.

Кроме того, ряд прозвищ имеет схожие черты с кличкой, что «можно объяснить пейоративностью слова *кличка*, той его негативной окрасочностью, которая наиболее соответствует духу карнавализации, <...> характерному для современной русской живой речи и публицистики» [1, с. 6]. Действительно, часть (14,6 %) рассмотренных прозвищ имеет негативную окраску разной степени выраженности: *Алкаш, Балабол, Блондинка, Болонка, Буратино, Бухарик, Веселые Сестрички, Иудушка, Пересруцкие, Полено, Хавчик, Arse shaver, Arse shaving*. Показательно, что среди прозвищ, данных по поведению, то есть в зависимости от амплуа футболиста, есть только одно с негативной окраской. Это общее прозвище А.В. и В.В. Березуцких *Пересруцкие*, которое относится также к группе прозвищ, образованных от фамилий (на основании созвучия), и получает презрительный, бранный оттенок: как считают болельщики, это «ироничная переделка фамилии братьев-защитников, намекающая на то, что оба нередко крайне неудачно играют» (<http://www.demidsytchev.sitcity.ru>). Другими словами, в языке отмечаются предпочтительно положительные достижения игроков, к примеру, *Быстрый* (за феноменальную скорость В.В. Быстрова), *Клец* (по манере обороны Д.Е. Торбинского в ходе игры).

Проведенный анализ показывает, что большинство прозвищ образовано от фамилий игроков сборной России по футболу, например, защитник *А.Г. Анюков* известен как *Анюк*, а полузащитник *Д.Б. Глушаков* – как *Глушак, Глушак* и *Глушачок*. Во всех прочих случаях прозвища поражают своей оригинальностью: к примеру, *А.А. Кержаков* известен как *Писатель*, ведь он издал автобиографию «От 16 и старше», а также *ББББ* (согласно его девизу «Бил, бью и буду бить!»).

В результате исследования становится очевидной диахроническая стабильность таких антропонимов русского языка, как личное имя и прозвище в текстах разных эпох и жанров, что подтверждается проведенным анализом берестяных грамот и летописей, а также употреблением идентифицирующих прозвищ в современном русском языке (механизмы выбора прозвищ в коллективах спортсменов, употребление прозвищ в текстах СМИ спортивной тематики). Описанная языковая картина подтверждает локальность прозвищ в современном русском литературном языке. Прозвища находятся вне официальной сферы, по ним нельзя найти человека, они не указываются на форме игроков, что обусловлено менталитетом. Сегодня на русской почве, в отличие от Запада, нет т.н. официального прозвища, несмотря на широкое употребление прозвищ в живой речи, что отличает современный антропонимикон от древнерусского. При этом прозвище, как и в древнюю эпоху, всегда мотивированно и широко представлено в других сферах коммуникации, представляя собой неотъемлемую часть системы именованых лиц как древнерусского, так и современного русского языка.

Список литературы

1. Вальтер Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 704 с.
2. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 720 с.
3. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 648 с.

4. Литвина А. Ф. Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский // Именослов. Историческая семантика имени. / сост. Ф. Б. Успенский. – М. : Индрик, 2007. – Вып. 2. – С. 135–188.

5. Циммерлинг А. В. Сага о Людях с Песчаного Берега / А. В. Циммерлинг // Исландские саги / пер., общ. ред. и коммент. А. В. Циммерлинга. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 2. – 608 с.

6. Циммерлинг А. В. Скандинавская ономастика и историческая достоверность / А. В. Циммерлинг // Славяно-германские исследования / отв. ред. А. А. Гугнин, А. В. Циммерлинг. – СПб. : Алетейя, 2008. – Т. 3: От имен к фактам. – С. 87–120.

7. Чайко Т. Н. О принципах номинации в народных прозвищах (на материале говоров Кировской области) / Т. Н. Чайко // Вопросы топониматики. – Свердловск, 1971. – Вып. 5. – С. 150–153.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЭРГОНИМОВ

И.Н. Кайгородова, М.Г. Курбанова

Эргонимы – собственные наименования деловых объединений людей. Они представляют разновидность полисемiotичного текста массовой коммуникации, цель которого – оказание прагматического воздействия на адресата. Выбор коммерческого имени стимулирует рыночную активность в продвижении товара. В статье анализируются условия эффективного функционирования наименования и средства создания экспрессии эргонимов.

Ergonimy – own names of business associations of people. They represent a version poleisemiotichnogo the mass communication text, which purpose rendering of pragmatistical influence on the addressee. The choice of a commercial name stimulates market activity in goods advancement. In article conditions of effective functioning of the name and means of creation of an expression эргонимов are analyzed.

Ключевые слова: эргоним, лингвопрагматика, рекламный ономастикон, когнитивная модель, эффективный эргоним.

Key words: ergonim, lingvopragsmatika, publicity onomastikon, kognitivnaya model, effective ergonim.

Эргонимы – собственные наименования деловых объединений людей, предприятий, фирм, обществ и других организаций [7, с. 151]. В настоящее время область эргонимии переживает состояние «номинационного взрыва» [9]. С переходом российской экономики на рыночные рельсы возникает масса новых коммерческих предприятий, магазинов и ларьков, турагентств и страховых компаний. Многообразные городские объекты получают индивидуальные собственные имена. Старые названия, связанные с другой формой собственности, заменяются новыми, соответствующими текущим потребностям.

Какими должны быть эргонимы, чтобы соответствовать требованиям общества? Маркетологи считают, что выбор коммерческого имени, наряду с другими способами позиционирования¹, играет немаловажную роль в стимуляции рыночной активности, продвижении товара и создании благоприятного имиджа.

¹ Позиционирование – маркетинговые и рекламные мероприятия по обеспечению компании, товара, услуги определенным местом, нишей на рынке, конкурентоспособностью, расширения клиентуры, возможными потребителями.

Наряду с назывной и информативной функциями эргонимов, исследователи выделяют функции языкового воздействия (экспрессивная, аттрактивная, мнемоническая, магическая и игровая), что позволяет рассматривать городское название как рекламное имя [5].

В этой связи выделяется особый раздел науки – прагмалингвистика: «Прагмалингвистика (лингвистическая прагматика) выделяется как область лингвистических исследований, имеющих своим объектом отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве, в котором взаимодействуют говорящий/пишущий и слушающий/читающий и для характеристики которого важны конкретные указания на место и время их речевого взаимодействия, связанные с актом общения цели и ожидания» [8].

Неоспорим тот факт, что любое воздействие начинается с взаимодействия индивидов. Будь то приказ, увещание, просьба, вступая в контакт с другим человеком, мы не только сообщаем ему определенную информацию и свое отношение к ней, но и особыми способами явно или скрыто воздействуем на него. Воздействие же «не может считаться успешно осуществленным, если не приводит к определенному результату» [6, с. 96]. Формирование мнения слушающего во многом зависит от того, как сведения были преподнесены и какие действенные приемы убеждения были использованы.

Согласно данным психолингвистики и когнитивной лингвистики, эргоним представляет собой «некую когнитивную модель, целью которой является создание мотивации для приобретения товара» [4, с. 10] или пользования теми или иными услугами.

Интересной на наш взгляд является проблема, рассматриваемая в диссертации О.В. Кирпичевой, – особенности функционирования имен собственных. Имена собственные являются особой языковой категорией, создаются и функционируют по своим, достаточно специфическим законам [3, с. 3]. В работе О.В. Кирпичевой рассматриваются три основных уровня психологического воздействия имени собственного, значимые для исследования рекламного ономастикона: 1) когнитивный, направленный на выполнение информативной функции; 2) аффективный, формирующий эмоциональное отношение потребителя к рекламируемому товару; 3) суггестивный, на котором происходит воздействие на подсознание покупателя [3, с. 7–8].

Таким образом, в рамках прагмалингвистики и семиотики эргоним можно определить как разновидность полисемиотичного текста массовой коммуникации, целью которого является оказание прагматического воздействия на адресата, заключающееся в том, чтобы побудить его к приобретению товара.

Выделяются два уровня восприятия эргонима адресатом. На первичном уровне (спонтанном, наивном) обнаруживается способность эргонима вызывать в сознании носителей языка сразу несколько ассоциативных образов (семантический, фоносемантический, структурно-словообразовательный, паралингвистический и контекстуальный); на вторичном уровне (глубинном), выявляемом в результате анализа публицистических текстов, содержащих рефлексивную оценку коммерческих названий, формируются номинативные предпочтения адресата и складываются представления об идеальном названии, согласующиеся с основными правилами изобретения эргонима.

Наряду с необходимостью информировать о предприятии в целом, услуге или товаре, существует целый ряд требований к современному эргониму: он должен привлекать внимание и легко запоминаться, вызывать положи-

тельные ассоциации и быть понятным широким слоям городского населения. Для коммерческой эргонимии характерно, что в иерархии интенций создателей названий городских объектов лидирующие позиции занимает желание привлечь внимание (иногда шокируя, эпатажируя адресата): ночной клуб *Пирания*, бар *Тарантул*, кафе *Спрут*.

Ассоциативный эксперимент, проведенный А.М. Емельяновой на примере эргонимов г. Уфы, показал, что эргонимы могут вызывать разные виды ассоциаций:

1) онтологические (энциклопедическое знание о мире): салон красоты *Афродита*, ресторан *Лувр*, гостиница *Кавказ*, ресторан *Титаник*, ресторан *Ясная поляна*;

2) языковые (собственно вербальные, соответствующие языковой компетенции субъекта): пивной бар *Погребок*, хозяйственные магазины *Чистый дом*, *Уютный Дом*.

Суть эксперимента заключается в том, что при восприятии эргонима мотивировка активизирует у адресата ассоциативно-образную память и катализирует механизм восприятия: сначала возникает эмоциональная реакция, потом – эмоционально-оценочное отношение и, наконец, действие (в нашем случае – желание или нежелание обращения в данное предприятие) [1].

Одним из условий эффективного функционирования наименования является тождество замысла номинатора и восприятия названия потенциальным адресатом, обладающим разнообразными индивидуально-психологическими и мотивационными характеристиками. Для создания наименований, вызывающих благоприятные ассоциации, активно используются имена собственные ядерных разрядов – антропонимы (кафе *Снежана*, выпечка *Марьямка*, кафе *Диана*, салон мебели *Лиза*, магазин детской одежды *Амели*, ресторан *Николай II*, ресторан *Граф Суворов*), астрономы (ООО *Марс*, торговый дом *Меркурий*, кофейня *Антарес*), мифонимы (*Олимп*, массажный салон *Эллада*, салон красоты *Медя*, студия красоты *Венера*, юридическое агентство *Соломон*), топонимы (кафе *Анталія*, ресторан *Римини*, агентство недвижимости *Рим*, мебельный салон *Аризона*, магазин посуды *Прага*) и др.

Для привлечения внимания адресата особенно важен коннотативный компонент в семантической структуре эргонимов. Наиболее часто он проявляется в эмоционально-экспрессивном компоненте значения. Экспрессия достигается за счет использования в процессе номинации:

1) жаргонизмов и разговорных лексем: суши-бар *Япошка*, автосалон *Япона мать*, интернет-портал *Чо каво?*, мебельный салон *Фарт*, кафе *Разводьяга*, клининговая компания *Аврал* и т.д.;

2) приемов языковой игры: внутренняя форма слова изменяется так, чтобы потенциальный потребитель мог судить о сфере деятельности компании: рекламные агентства *PReЛюди я*, *PRопеллер*, *PRямая линия* и *Медиа-PRогноз*, торговая фирма *SIMФония* (продажа сотовых телефонов), пивной бар *Веерлога*, тату-салон *Татуin*, инвестиционная компания *ПИФточка*, салон напольных покрытий *ИнтерПол*, гриль-бар *ГРИЛЬяж* и мн. др.;

3) «игровой» аббревиации: производственная компания *Скорая Оконная Служба* (СОС), *Бюро Оценки Стоимости Собственности* (БОСС), *Центр риэлторских услуг* (ЦРУ), *КрасноярскГазБетон* (КГБ) и т.п.;

4) смешения кириллицы и латиницы: бар *Liker*, гостиничный комплекс *Samolet*, ночной клуб *Зажигалка*, салон красоты *Бигуди*, агентство событий *Ура-фабрик!* и мн. др.

Согласно общему мнению, удачно придуманное имя стимулирует продажи и вносит вклад в формирование благоприятного общественного лица фирмы, а неудачное, противоречащее этнокультурным или этноязыковым особенностям потенциальной аудитории способно ухудшить положение фирмы на рынке [2, с. 282].

На первом месте по неудачности стоят эргонимы, вызывающие негативные ассоциации у реципиентов. Так, например, эргоним *Титаник* (ресторан) имеет сразу две отрицательные характеристики: во-первых, в нашем представлении возникает образ затонувшего корабля, а во-вторых, мифологические образы свергнувших титанов. Также неподходящим для ресторана является эргоним *Валькирия*. В скандинавской или германской мифологии валькирия (др.-исл. *valkyrja* 'подбирающая убитых') – дочь славного воина или *конунга*, которая реет на крылатом коне над полем битвы и подбирает воинов.

Неуместным, на наш взгляд, является название ресторана *Нить Ариадны*. В древнегреческой мифологии это нить, с помощью которой Ариадна – дочь критского царя Миноса – дала возможность афинскому герою Тесею, спасшему Крит от чудовища Минотавра, выйти из лабиринта. В переносном значении это способ, помогающий выйти из затруднительного положения; путеводная нить. Такое название больше подошло бы какому-нибудь учреждению по психологической помощи. Также неуместным является название ресторана *Лувр*. Как известно, Лувр – это один из крупнейших музеев мира, расположенный в центре Парижа, и никакого отношения к ресторанному бизнесу он не имеет.

Некоторые предприниматели выбирают для своих объектов устрашающие названия: ресторан *Барракуда*, ночной клуб *Пиранья*, кафе *Спрут* (по одноименным фильмам ужасов). Такие эргонимы нравятся только определенному кругу молодых людей.

Неудачными являются эргонимы с непрозрачной внутренней формой. К таким наименованиям можно отнести ООО *Сэлт*, салон дверей *Граде*, рекламное агентство *Имлбрэн*, стоматологию *Аритэль*. Такие названия плохо запоминаются и не вызывают никаких эмоций, оставаясь незамеченными.

Не всегда благозвучными и понятными бывают аббревиатурные наименования: *ЛЕОС* – Лечебно-оздоровительный салон, торговый дом *ММП*, муниципальное предприятие *АТХ ГЗО*. Абброэргоним магазина модной одежды *ZARA.Z* ассоциируется у жителей города Махачкала со словом «зараза».

Недостаточно продуманная рекламная кампания или низкий уровень владения иностранным языком, а также непринятие во внимание того факта, что подобное наименование может вызвать неправильное толкование, порождает у клиента недоумение и смятение: кафе *Seldom* (англ. 'редко'), ресторан *Esperanto* (эсперанто 'искусственно созданный язык'). Возможно, эти названия были выбраны только по звучанию, но не по значению.

Зачастую владельцы торгово-промышленных предприятий при выборе названия отдают предпочтение словам из английского языка, которые кажутся им более привлекательными и интересными, чем русские аналоги. Нередко это абстрактные понятия, которые мало соотносятся с объектами, которые они называют: *Paradise* – название декор-салона, а также автомойки, *Symbol* – магазин одежды, *Republic* – ресторан, *Format* – кафе, *World* – пиццерия. Еще тяжелее догадаться, что *Phone Club* – это не очередной магазин сотовых телефонов или салон связи, а кафе.

На первый взгляд кажется, что эргонимы не играют большой роли в выборе ресторана или кафе, а главное – внешнее и внутреннее оформление, качество обслуживания, блюд, отзывы друзей и знакомых. Но на подсознательном уровне неблагозвучные эргонимы могут отталкивать адресата.

Таким образом, эргонимы представляют интерес с лингвистической и прагматической точки зрения. Они постоянно совершенствуются: в минимальный объем текста вкладывается максимальный объем информации, профессионально обработанной с целью привлечь внимание потребителя и повлиять на его выбор незаметно для него самого. В таких условиях наиболее эффективный эргоним завоевывает доверие людей и создает безупречный имидж организации. Цель автора названия – выделить объект из остальных как лучший, обозначить его специфику, вызвать положительные эмоции у потребителя. Новые приемы привлечения клиента являются залогом выживания на рынке, и названия предприятий играют здесь далеко не последнюю роль. Поэтому изучение эргонимов еще долго будет оставаться актуальным, хотя бы в силу их изменчивости.

Список литературы

1. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : дис. ... канд. филол. наук / А. М. Емельянова. – Уфа, 2007.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М., 2008.
3. Кирпичева О. В. Ономастикон рекламного текста : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кирпичева. – Волгоград, 2007. – 222 с.
4. Краилина Н. А. Роль темпа и пауз в рекламном тексте (на материале французской телерекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Краилина. – М. : МПГУ, 2005. – 17 с.
5. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Крюкова. – Волгоград, 2004.
6. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. XVII.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1988. – С. 151.
8. Сусов И. П. История языкознания : учеб. пос. / И. П. Сусов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999.
9. Язык города. Наименования магазинов: Метод. разработка к практике для студентов филфаков / сост. Т. В. Шмелева. – Красноярск, 1989.

ЭРГОНИМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

М.Г. Курбанова

Статья посвящена анализу названий коммерческих предприятий (эргонимов) с точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта. Название предприятия, как правило, несет в себе некую информацию, должную по замыслу номинатора каким-либо образом привлечь адресата (потенциального клиента) к названной фирме. Другими словами, эргоним может предполагать воздействие на адресата, то есть обладать прагматикой. Стремясь достигнуть эффективной коммуникации, номинаторы изобретают большое количество различных и оригинальных названий для своих предприятий.

The present article is devoted to the analysis of the names of commercial enterprises in terms of communicative and pragmatic aspects. Ergonim usually carries some information due to the addresser's plan in any way involve the recipient (ie potential customer) to the firm. In other words, the ergonomic may involve effects on the recipient, has pragmat-

ics. In an effort to achieve effective communication, addressers invent a lot of different and original titles for their enterprises.

Ключевые слова: эргоним, прагматика, номинатор, адресат, эффективная коммуникация.

Key words: ergonim, pragmatic, addresser, recipient, effective communication.

Исследовать живой мир постоянно изменяющихся, вновь нарождающихся и отмирающих названий достаточно сложно. Каждое из них выполняет целый комплекс различных функций, имеет ряд ассоциаций, значений. Плохо подобранное название становится помехой и в результате приводит к экономическому провалу предприятия.

Развитие современной теории текста сопровождается постоянно возрастающим интересом лингвистов к категории адресованности, рассматриваемой в качестве определенного свойства вербального объекта – текста, посредством которого «опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретационной деятельности» [4, с. 29]. Безусловно, в глобальном значении направленность на адресата является неотъемлемой предпосылкой коммуникации и онтологически присуща языку и человеческому мышлению.

Выделение коммуникативно-прагматического аспекта эргонимов предполагает признание важности данной ономастической единицы для городской коммуникации. При этом название городского объекта рассматривается как свернутый текст [13, с. 5], в котором в сжатом виде изложен посыл номинатора: стоматология *Жемчужная улыбка* («И ваша улыбка будет сиять, как жемчуг»).

Функциональное многообразие эргонимов определяется интенциями номинатора. Наряду с необходимостью информировать о предприятии, услуге или товаре, существует целый ряд требований к современному эргониму: он должен привлекать внимание и легко запоминаться, вызывать положительные ассоциации и быть понятным широким слоям городского населения. Для коммерческой эргонимии характерно, что в иерархии интенций создателей названий городских объектов лидирующие позиции занимает желание привлечь внимание (иногда шокируя, эпатируя адресата): ночной клуб *Пиранья*, бар *Тарантул*, кафе *Спрут*.

Очень важным пунктом при изобретении эргонима считаем наличие у номинатора умение выбрать нужную стратегию и тактику, что, несомненно, определяет будущее его предприятия, в какой-то мере влияет на решение адресата предпочесть ту или иную из конкурирующих фирм. В условиях жесткой рыночной конкуренции предприниматель начал всерьез задумываться над тематикой вывески своего предприятия: от этого напрямую зависит успех его дела.

Закон эффективной коммуникации предполагает, что при восприятии эргонима мотивировка активизирует у адресата ассоциативно-образную память и катализирует механизм восприятия: сначала возникает эмоциональная реакция, потом – эмоционально-оценочное отношение и, наконец, действие (в нашем случае – желание или нежелание обращения в данное предприятие) [7, с. 47].

Ассоциативный эксперимент показал, что эргонимы могут вызывать разные виды ассоциаций:

1) онтологические (энциклопедическое знание о мире): салон красоты *Афродита*, ресторан *Лувр*, гостиница *Кавказ*, ресторан *Титаник*, ресторан *Ясная поляна*;

2) языковые (собственно вербальные, соответствующие языковой компетенции субъекта): пивной бар *Погребок*, хозяйственные магазины *Чистый дом*, *Уютный Дом*.

Одним из условий эффективного функционирования наименования является тождество замысла номинатора и восприятия названия потенциальным адресатом, обладающим разнообразными индивидуально-психологическими и мотивационными характеристиками. Для создания наименований, вызывающих благоприятные ассоциации, активно используются имена собственные ядерных разрядов – антропонимы, астронимы, мифонимы и др.:

1) эргонимы, мотивированные антропонимами:

– женскими именами: кафе *Снежана*, выпечка *Марьямка*, кафе *Диана*, салон мебели *Лиза*, магазин детской одежды *Амели*, свадебные салоны *Валерия*, *Ева*, *Евгения*, *Жаклин*, *Катрин*, *Кристина*, *Эвелина*, салоны красоты *Долорес*, *Ева*, *Кетлен*, *Милена*, *Моника*, магазин одежды *Daniela*;

– мужскими именами: коллегия адвокатов *Августин*, гастроном *Тимка*, кафе *Леоп*, продуктовый магазин *Руслан*.

При символическом типе необязательно, чтобы в качестве эргонимов использовались имена владельцев. Эргонимов, мотивированных женскими именами, намного больше, нежели эргонимов, мотивированных мужскими, так как женские имена более благозвучны, позитивно настраивают потенциального клиента, особенно если основной потребитель торгового продукта или предоставляемых услуг – женщина;

– историческими деятелями: ресторан *Николай II*, ресторан *Граф Суворов*, ресторан *Демидов*, салон красоты *Клеопатра*, аптека *Ибн-Сина*, мужской салон *Цезарь*;

– писателями: ресторан *Агата Кристи*, кофейня *Чеховъ*;

– знаменитостями (актерами, певцами): кафе *Лючано*, салон красоты *Мерилин*, магазин мужской одежды *Чарли*;

2) эргонимы, мотивированные мифонимами: ресторан *Олимп*, массажный салон *Эллада*, салон красоты *Медея*, студия красоты *Венера*, юридическое агентство *Соломон*, магазин бытовой техники *Гефест*, магазин мужской одежды *Гермес*, кафе *Калипсо*, ресторан *Золотое руно*;

3) эргонимы, мотивированные астронимами: ООО *Марс*, торговый дом *Меркурий*, кофейня *Антарес*;

4) эргонимы, мотивированные топонимами: кафе *Анталиа*, ресторан *Римини*, агентство недвижимости *Рим*, мебельный салон *Аризона*, магазин посуды *Прага*, мебельный салон *Вавилон*, магазин мужской одежды *Стамбул*;

5) эргонимы, мотивированные родом деятельности: аптека *Лекарь*, хозяйственный магазин *Мастер*, выпечка *Поваренок*, аптека *Целитель*, юридические услуги *Консультант*;

6) эргонимы, мотивированные характерными чертами, присущими людям: выпечка *Гурман*, магазин детской одежды *Модняшка*, одежда для детей *Сорванец*, магазин мужской одежды *Хулиган*, выпечка *Сластена*;

7) эргонимы, мотивированные принадлежностью к высшему обществу: ресторан *Барон*, гостиница *Граф*, магазин мужской одежды *Аристократ*, автомойка *Царь*, ресторан *Царская охота*, мебельный салон *Lord*, торговый дом *Монарх*, бутик *Elite*, салон красоты *VIP*;

8) эргонимы, мотивированные знаменитыми брендами: магазины спортивной одежды *Adidas*, *Reebok*, *Columbia*, магазин одежды *United colors of Benetton*, салон красоты *Chanel*, магазин нижнего белья *Incanto*, магазин одежды *Lacoste*, магазин мужской одежды *Roberto Cavalli*;

9) эргонимы, мотивированные литературными произведениями и персонажами: ресторан *Дворянское гнездо* (по названию романа И.С. Тургенева); ресторан *Айвенго* (по названию романа В. Скотта); ресторан *Камелот*, названный так же, как город из цикла британских легенд о короле Артуре, кафе *Робинзон*, детская площадка *Винни*, сеть поликлиник *Доктор Айболит*, кафе *Золушка*, магазины игрушек *Буратино*, *Маугли*, магазин цветов *Аленький цветочек*, туристическое агентство *Алые паруса*, выпечка *Белоснежка*;

10) эргонимы, мотивированные названиями и персонажами фильмов, в том числе мультипликационных: сра-салон *Красотка* (по одноименному фильму с участием Джулии Робертс), ресторан *Властелин кольца* (по фильму «Властелин колец»); ресторан расположен на троллейбусном кольце в городе Махачкале), магазин детской одежды *Мадагаскар* (названный по одноименному мультипликационному фильму), магазин одежды для детей *Розовая пантера*, магазин игрушек *Симба* (из мультипликационного фильма «Король лев»);

11) эргонимы, мотивированные названиями животных, птиц или рыб: магазин для будущих мам *Аист*, магазин мужской одежды *Акула*, магазин *Барс*, магазин детских товаров *Бегемот и К°*, выпечка *Белочка*, магазин детской одежды *Бельчонок*, свадебный салон *Белый лебедь*, кафе *Белый попугай* (по одноименной юмористической телепередачей, основанной Э. Рязановым и Ю. Никулиным), бассейн *Дельфин*, магазин женской и детской одежды *Zebra*, строительная фирма *Крот*, магазин одежды *Лиса*, ночной клуб *Пиранья*, салон сотовой связи *Скорпион*, кафе *Спрут*, салон красоты *Чайка*, магазин детской одежды *Какаду*.

Состав коммерческой эргонимии в значительной степени определяется фактором экономической конкуренции. Это проявляется прежде всего в том, что название предприятия, как правило, несет в себе некую информацию, должную по замыслу номинатора каким-либо образом привлечь адресата (потенциального клиента) к названной фирме. Другими словами, эргоним может предполагать воздействие на адресата, то есть обладать *прагматикой*. Прагматика – это раздел семиотики, изучающий отношения между знаковыми системами и теми, кто их использует. В данном случае речь идет прежде всего о речевом воздействии говорящего (номинатора, автора эргонима) на слушающего (реципиента, адресата этого эргонима).

Эргоним в условиях конкурентной экономики приобретает черты, определяющие его роль не только как обозначения фирмы, но и как элемента имиджа предприятия, элемента диалога хозяина (номинатора) и клиента (адресата).

Н.В. Шимкевич предлагает классификацию коммерческой номинации на основании «наличия или отсутствия в эргониме прагматики». Исследователем выделяются непрагматические и прагматические эргонимы. Непрагматические эргонимы подразделяются на информирующие (сообщают сведения о роде занятия фирмы: *Дорстройхолдинг*) и неинформирующие (не содержат никаких сведений о фирме, понятных без дешифровки: ресторан *Академия*). К прагматическим относятся эргонимы, характеризующиеся ярко выраженным моментом речевого воздействия на адресата. Н.В. Шимкевич, таким образом, под прагматикой понимает речевое воздействие номинатора на реци-

пиента *внелогическим* путем, а эргонимы, наделенные прагматикой, называются *прагматическими* [11, с. 12]. Такие эргонимы были разделены им на две группы:

1) прагматические информативные – сообщают некую дополнительную информацию о предприятии, не имеющую прямого отношения к роду деятельности этого предприятия, но помогающую созданию у адресата позитивного образа предприятия. Это может быть, например, информация о расположении объекта: кафе *На набережной*, ресторан *Лунный берег*;

2) прагматические ассоциативные – те, которые стремятся повлиять на адресата не через сообщение ему дополнительных сведений, а путем создания положительных ассоциаций, апеллирующих к самым различным областям знаний и культурного опыта адресата: гастроном *Бабушкины продукты*, магазин одежды для будущих мам *Аист*, ювелирный магазин *Шкатулка*, выпечка *Гурман*, салон красоты *Красотка*, дизайн-студия *Уют*, салон сотовой связи *Лидер*, ресторан русской кухни *Емеля*.

Эффективность эргонима зависит также от степени его соответствия картине мира и ценностных ориентиров потенциального покупателя. Это условие полностью выполняется в названиях, отражающих особенности определенного региона. В нашей картотеке это наименования, во-первых, передающие особенности городов России; во-вторых, отражающие менталитет русских и многочисленных этносов, проживающих в городах России, и, в-третьих, характеризующие города России как центры экономической и промышленной жизни того или иного региона.

Перспективными для дальнейшего исследования представляются вопросы, связанные с описанием эргонимов как единиц ономастического пространства языка города с точки зрения когнитивной, коммуникативной лингвистики, лингвокультурологии, социномастики, с раскрытием сложности их восприятия и понимания. Для привлечения внимания адресата особенно важен коннотативный компонент в семантической структуре эргонимов. Наиболее часто он проявляется в эмоционально-экспрессивном компоненте значения. Экспрессия достигается за счет использования в процессе номинации:

1) жаргонизмов и разговорных лексем: суши-бар *Япошка*, автосалон *Япона мать*, интернет-портал *Что каво?*, мебельный салон *Фарт*, кафе *Разводьяга*, клининговая компания *Аврал* и т.д.;

2) приемов языковой игры: внутренняя форма слова изменяется так, чтобы потенциальный потребитель мог судить о сфере деятельности компании: рекламные агентства *PReЛюди я*, *PRопеллер*, *PRямая линия* и *Медиа-PRогноз*, торговая фирма *SIMФония* (продажа сотовых телефонов), пивной бар *Веерлога*, тату-салон *Татуin*, инвестиционная компания *ПИФточка*, салон напольных покрытий *ИнтерПол*, гриль-бар *ГРИЛЬяж* и мн. др.;

3) «игровой» аббревиации: производственная компания *Скорая Оконная Служба* (СОС), *Бюро Оценки Стоимости Собственности* (БОСС), *Центр риелторских услуг* (ЦРУ), *КрасноярскГазБетон* (КГБ) и т.п.;

4) смешения кириллицы и латиницы: бар *Liker*, гостиничный комплекс *Samolet*, ночной клуб *Зажигалка*, салон красоты *Bigуди*, агентство событий *Ура-фабрик!* и мн. др.

При языковой игре очевиден эффект необычности, яркости, чего нет, на наш взгляд, при ошибочном употреблении или построении. Причиной появления «аномального» в языке Н.Д. Арутюнова считает эмоции и экспрессию [1, с. 85]. Языковая игра трактуется как отступление от канона. В основе ин-

тенции говорящего при языковой игре лежит стремление намеренно обыграть норму, создать эффект на столкновении с ней, что ведет к нарушению автоматизма восприятия и неожиданному эффекту. Названия экспрессивного, шуточного характера пришли на смену безликим номинациям номенклатурного характера (*Продукты, Молоко, Обувь* и др.). Из знака-извещения она превратилась в знак рекламы. В вывеске (или в эргониме) как в знаке рекламы выделяется объект именованного, к нему (объекту) привлекается внимание с целью убедить адресата (покупателя, клиента) обратиться именно к его услугам [9, с. 115]. В этом можно видеть сходство «слов на вывесках» с такими типичными жанрами городской речи, как выкрики-завывы уличных торговцев [3, с. 54]: ресторан *Погребок* + *Заходи на вечерок к нам в радушный погребок!*; палатка *Пирог от очага* + *Пирог горячи из горячей печи!*; палатка *Олады* + *Хороши оладушки из печи от бабушки!*; кафе *Сам пришел* + *Улыбнулся и зашел*; салон мобильных телефонов *Евросет* + *Всем труба!* (игра на столкновении значений фразеологизма *всем труба* и экспрессивной номинации мобильного телефона *труба*); палатка-кафе *Русские блины* + *Даешь блины! Блины народу!* (завыв, построенный по модели идеологических клише советского прошлого типа *Даешь пятилетку в три года!*).

Нередко экспрессивные названия городских объектов (преимущественно специализированных кафе, ресторанов) обыгрываются стилизованным оформлением интерьера (ресторан *Теремок* построен в виде сказочного деревянного домика), а также карнавализацией акционального кода. Например, работник охраны на входе в корчму *Тарас Бульба*, выполняющий одновременно работу зазывалы, одет в национальный украинский костюм.

Языковая игра анализируется нами в нормативном аспекте, как имплицитно существующая в языке и актуализирующаяся при определенных условиях другая норма. Это такой подход к языковой игре, когда она рассматривается как осознанное нарушение нормы: «идея понимания стереотипа является продуктивной, ибо она позволяет рассматривать данный феномен с точки зрения отражения закономерностей системы и нормы в языковом сознании социума и конкретного индивида» [6, с. 6].

Наконец, не менее важную роль играет системно-аналитический закон. Под ним мы предполагаем конечный этап, на котором проявляется рефлексия, то есть возвращение клиента к своим собственным мыслям, взглядам, нечто осознаваемое и, следовательно, фиксирующее внимание личности на самой себе. Системно-аналитический закон представляет собой анализ собственной и чужой деятельности и содержит ответ на вопрос, *удачно или нет создано название*. Рассмотренный закон завершает ступени лингвориторического анализа названий коммерческих предприятий с позиций риторики как теории мыслеречевой деятельности.

Стремясь достигнуть эффективной коммуникации, номинаторы изобретают большое количество различных и оригинальных названий для своих предприятий. Определим несколько важных, на наш взгляд, условий создания успешного эргонима:

1) при создании эргонима необходимо *использовать весь спектр возможностей* онимотворчества, чтобы наименование не было стереотипным, безликим, ничего не значащим или омонимичным. Следует стремиться к *созданию индивидуального* названия. Наличие омонимии является серьезным недостатком в процессе номинации эргонимов;

2) эргонимы должны быть естественно произносимыми, благозвучными, красивыми;

3) при создании наименования адресант обязан обращать внимание на правила орфографии;

4) в наименованиях не должно содержаться ложных ассоциаций, противоречащих виду деятельности предприятия. Следует учитывать фоновые знания номинатора и потенциального клиента (адресат должен суметь расшифровать название, провести параллель, аналогию с понятиями, содержащимися в его «мысленном досье»);

5) не следует увлекаться чрезмерным использованием иноязычной лексики;

6) по возможности учитывать специфику изучаемого региона;

7) необходимо оценивать потенциал имени для дальнейшего развития, например, магазин *Веснушка*, медицинская клиника *Светлячок*, ресторан *Нить Ариадны*. Если фирма планирует развиваться и расширять свою деятельность, то необходимо отдавать себе отчет в том, как будет смотреться шутовское или эпатазирующее название на уровне региона.

Итак, эргоним является элементом городской лингвокультуры, частью языкового пространства города, в пределах которого происходит его коммуникативная реализация. В настоящее время господства жесткой конкуренции адресанту нужно всерьез подходить к построению названия, так как от этого зависит успешность предприятия или фирмы.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Жанры общения / Н. Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992. – С. 85.
2. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация: Общие вопросы. – М., 1977.
3. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. – М. : Искусство, 1971. – С. 54.
4. Воробьева О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязычная коммуникация) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Воробьева. – М., 1993. – 48 с.
5. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры : дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Гридина. – М., 1996.
6. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. – С. 6.
7. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы) : дис. ... канд. филол. наук / А. М. Емельянова. – Уфа, 2007.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Яуза-пресс, 2008.
9. Китайгородская М. В. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 115.
10. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – Волгоград : Перемена, 2008.
11. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – 34 с.
12. Шимкевич Н. В. К вопросу о прагматизме эргонимов в неконкурентной среде / Н. В. Шимкевич // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2003. – Вып. IV.
13. Яловец-Коновалова Д. А. Названия коммерческих предприятий : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Яловец-Коновалова. – Челябинск, 1997. – С. 5.

**СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ ЭТНОНИМА
В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**

И.А. Саликова, И.А. Френкель

В статье рассматривается семантическая структура этнонима как особого вида имени собственного в составе фразеологической единицы.

The authors consider the semantic structure of an ethnonym as a particular kind of a proper name and a part of a fixed phrase.

Ключевые слова: фразеологическая единица, этноним, имя собственное, имя нарицательное, семантическая структура.

Key words: fixed phrases, ethnonym, proper name, common name, semantic structure.

Объектом исследования являются фразеологические единицы (далее – ФЕ) с компонентом-этнонимом, представляющие собой группу устойчивых оборотов, отличающихся развитой системой значений, образов, средств выражения.

Целью данной статьи является изучение:

- 1) семантической структуры этнонима в составе ФЕ;
- 2) вопроса отношения лексической категории этнонимов к классу имен собственных (далее – ИС).

Этноним – это номен, служащий для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т.д.) [11, с. 167]. Денотатами этнонимов являются относительно замкнутые ряды лиц, относящихся в силу исторических причин к определенному этническому коллективу [16, с. 207–209].

Отношение этнонимов к классу ИС является одной из дискуссионных проблем. Согласно традиционной точке зрения, этнонимы рассматриваются как:

- 1) ИС, так как выполняют функцию индивидуализации [3; 7; 9; 13; 15; 18];
- 2) наименования не отдельно взятых индивидов, а целой группы людей, которые соответствуют характеристикам ИС, так как, называя конкретную этническую общность, выделяют ее из числа всех возможных этнических общностей [21, с. 8–9].

В соответствии со вторым подходом, этнонимы трактуются как:

- 1) имена нарицательные (далее – ИН) [11, с. 158; 16, с. 205–209];
- 2) единицы языка, характеризующиеся тесной взаимосвязью с антропонимами и топонимами, что проявляется в обмене языковыми единицами данных лексических категорий: топонимы могут происходить от этнонимов, и наоборот, этноним – от антропонима, и наоборот, но по лингвистическим характеристикам этнонимы являются ИН [16, с. 209].

Согласно третьей точке зрения, этнонимы занимают промежуточное положение между ИС и ИН и трактуются как:

- 1) полусобственные имена [12, с. 18];
- 2) «классные имена» [27, с. 828].

В данном случае вывод о промежуточном положении этнонимов делается на основании формального факта написания этнонима с прописной или строчной буквы. Например, точка зрения С. Геденова основывается не на семантическом анализе этнонима, а на том, что во время его жизни этнонимы писались в русском языке со строчной буквы [17, с. 25]. В то же время в от-

личие от русского во французском и английском языках этнонимы пишутся с прописной буквы.

В соответствии с четвертой точкой зрения, только исследование семантики этнонимов позволяет отнести их к ИН или ИС. В семантической структуре этнонима проявляется апеллятивно-онимическое взаимодействие, в связи с чем этнонимы могут иметь как ономастическую, так и нарицательную семантику в зависимости от формы числа и от контекста, в которых они используются [17, с. 24]. В соответствии со сказанным выше, название лица по национальности в форме единственного имеет следующие характеристики:

1) не является этнонимом, так как характеризует человека так же, как и наименование по профессии, месту жительства и т.д. [17, с. 26];

2) ономастические функции обнаруживаются в эмфатической или стилистически сниженной речи [17, с. 27].

Функции названий национальностей в форме множественного числа:

1) ИН – в случае употребления в значении «представители того или иного народа; люди определенной национальности» [17, с. 26];

2) ИС – в случае соотношения с сингулятивным собирательным денотатом «народ, нация», то есть при выражении понятия этноса в целом, характеризуемого не количественными, а особыми качественными признаками [20, с. 8]. Аргументом в пользу отнесения этнонимов к особому виду ИС служит также, по мнению В.И. Супруна, словообразовательная активность и совпадение деривационных моделей с ядерными ИС (антропонимами, теонимами, агнионимами, мифонимами, зоонимами) [17, с. 29].

Мы разделяем традиционную точку зрения и считаем, что этнонимы относятся к категории ИС, так как они выполняют присущую ИС индивидуализирующую функцию, как в единственном, так и во множественном числе. Этноним в единственном числе является наименованием отдельно взятого индивида как представителя определенного этноса, индивидуализирующего последний. Этноним во множественном числе, являясь наименованием не отдельно взятых индивидов, а целой группы людей, также соответствует характеристикам ИС: называя конкретную этническую общность, он, таким образом, выделяет ее из числа других и наделяет при этом особыми качественными признаками.

Как показал анализ фактического материала, этнонимы, входящие во ФЕ, подразделяются на две группы:

1) названия народов, составляющих основное население отдельных государств, связанных с французами в силу географических или исторических факторов и представляющих в основном различные языковые группы: *Français, Allemand /Boche, Anglais, Suisse, Turc, Polonais, Indien, Espagnol, Grec, Maure*;

2) названия национальных меньшинств Франции, исторически населяющих часть территории данного государства и имеющих свой язык: *Basque* – народ, составляющий основное население северо-западных областей Испании и юго-западных районов Франции [4, с. 37]; *Breton* – народ, живущий в области Бретань (ранее независимое герцогство) на северо-западе Франции, переселившийся туда во второй половине V в. с юга Британии, откуда их вытеснили начавшиеся набеги англосаксов [22, с. 245]; *Gaulois* – название племени индоевропейской группы, обитавшее в I тыс. до н. э. на территории современной Франции [22, с. 816].

ФЕ с компонентом-этнонимом могут быть подразделены на ряд групп, в соответствии с функцией и семантикой этнонима.

1. ФЕ, вербализующие какое-либо представление о конкретной этнической общности, стереотипное представление о которой проявляется как на уровне буквального, так и на уровне фразеологического значения. Как показывает анализ, основная функция большинства ФЕ, входящих в данную группу, заключается в характеристике человека и его качеств через ассоциацию со стереотипным представлением о качествах того или иного этноса.

В данную группу входят адъективные компаративные фраземы с подчинительной структурой, состоящие из прилагательного (или адъективного слова) – союза *comme* и этнонима в качестве зависимого члена: *costaud comme un Turc* – «здоров как бык»; *fort comme un Turc* – «сильный как бык, настоящий силач»; *gris comme un Polonais* (разг.) – «пьян как сапожник» [10, с. 1556–1557]. Данные ФЕ можно отнести к общепринятым сравнениям (устойчивым, недискретным), целью и значением которых является указание меры или полноты качества, но не самого качества [14, с. 161–162], выраженного отдельной лексемой – прилагательным. Сравнительный компонент – носитель образа – выступает как эталон приписываемых субъекту качеств или признаков и выражает высшую степень признака, выражаемого прилагательным [8, с. 207–211]. В отличие от трехчастных сравнений, например, *волосы, черные как смоль*, анализируемые ФЕ не содержат переменной части – темы (в русском примере – *волосы*), а представляют собой сравнение, состоящее из двух постоянных, скрепленных между собой частей: сравнения – *comme un Turc, comme un Polonais* и основания сравнения – *costaud, fort, gris*.

Специфической особенностью указанных ФЕ с компонентом-этнонимом является наличие в их структуре прилагательных, содержащих в своей семантической структуре признак отрицательной или положительной оценки: прилагательное *fort*, характеризующееся наличием рационально-оценочного компонента, и *gris, costaud* – эмоционально-оценочного компонента. Функция употребленных при них этнонимов заключается в выражении интенсивности проявления признака, рассматриваемого в данном случае как характерный для того или иного этноса.

2. ФЕ, не содержащие характеристику этноса в буквальном значении, но актуализируемую на уровне фразеологического значения. К данной группе относятся:

✓ глагольные фраземы с подчинительной связью, состоящие из глагола и зависимого члена – сравнительного оборота с предлогом *comme* и существительного – этнонима: *boire comme un Polonais* – «пить как сапожник, пить мертвую»; *fumer comme un Suisse* – «дымить как паровоз как фабричная труба». ФЕ данной модели имеют значительный удельный вес и характеризуются большой продуктивностью [8, с. 101].

Как и адъективные, глагольные фраземы представляют собой двухчастные конструкции. Употребленные в них глаголы относятся к нейтральной общеупотребительной лексике и служат для обозначения явлений действительности – действий, процессов. В структуре анализируемых ФЕ отсутствуют лексемы, дающие какую-либо качественную характеристику указанных действий. В связи с этим оценка последних проявляется только на уровне трактовки фразеологического значения единицы. Таким образом, только этнонимы *un Polonais, un Suisse* привносят в значение ФЕ сему «чрезмерность»: «чрезмерное потребление спиртного» и «злоупотребление табачными изде-

лиями» – качества, стереотипно приписываемые соответственно полякам и швейцарцам. Функция этнонима в глагольных фраземах (как и в адъективных) заключается в выражении интенсивности проявления признака, в данном случае действия, рассматриваемого как типичное для конкретного этноса [8, с. 212–213].

К данной группе также относятся следующие ФЕ: *aller comme un Basque; courir comme un Basque; marcher comme un Basque; trotter comme un Basque* – «идти, бежать очень быстро; бежать сломя голову». Употребленные в них глаголы, сохраняющие свое лексическое значение и объединенные общей семой «передвижение на ногах», отличаются тем, что только лексемы *courir, trotter* содержат сему «ускоренное передвижение». В связи с тем что все четыре единицы характеризуются идентичным фразеологическим значением, можно констатировать, что именно этноним *un Basque* привносит во фразеологическое значение сему «чрезмерная быстрота передвижения». Во ФЕ *parler le français comme un Basque espagnol* – «очень плохо говорить по-французски» [26] также только этноним *un Basque* в сочетании с прилагательным *espagnol* является носителем значения «низкий уровень владения французским языком», качества, стереотипно приписываемого носителям данной этнической группы;

✓ субстантивные двухчленные фраземы с подчинительной связью, состоящие из существительного и постпозитивного предложного определения, выраженного этнонимом: *Querelle d'Allemand* – «пустая ссора, ссора из-за пустяков». Для ФЕ данного типа характерно лексическое ослабление значения зависимого компонента. Ведущий член словосочетания *querelle* выступает в прямом узуальном значении, следовательно, носителем семы «беспричинность» является этноним *Allemand*, что соответствует мнению некоторых исследователей о том, что в данном выражении нашло отражение издавна сложившееся мнение о немцах как о людях вспыльчивых и драчливых [19, с. 4–5].

3. ФЕ, содержащие в буквальном и фразеологическом значениях стереотипное представление об этносе и идентифицирующие выражаемое качество с этносом. В данную группу входят коммуникативные ФЕ-паремии: *Qui fit Breton fit larron* – «Кто ведет себя как бретонец, ведет себя как вор»; *qui dit Anglais, dit flegmatique* – «если англичанин, значит флегматик» [19, с. 48–49].

ФЕ данного рода содержат именные компоненты, называющие определенные качественные признаки и характеризующиеся наличием в их семантике рационально-оценочного компонента. В соответствии со структурой единицы, происходит идентификация качества с определенным этносом: *Le Breton est larron; L' Anglais est flegmatique*.

Во ФЕ *Tous les Basques iront au ciel: Le diable lui-même n'entend rien à ce qu'ils disent* – «очень плохо говорить на французском языке» [24] – идея низкого уровня владения французским языком выражается отрицательной формой глагола *entendre*. Отнесенность данного качества ко всему этносу подчеркивается употреблением прилагательного *tous* и определенного артикля во множественном числе *les*.

4. ФЕ с компонентом-этнонимом, содержащие в себе как характеристики этноса, так и расовой принадлежности. Например, коммуникативные ФЕ-паремии с компонентом *Maure*: *à laver la tête d'un Maure (d'un âne), on perd sa lessive; à blanchir la tête d'un Maure, on perd son temps et sa lessive; à blanchir la tête d'un Maure, on perd son temps et son savon* (посл.) – «Черного кобеля не отмоешь добела; сколько с быком не биться, молока от него не до-

биться»; «дурака учить, что мертвого лечить»; (иноск.) «неисправимого не исправишь» [24]. Значение данной единицы основано на сходстве между двумя ситуациями: обучить упрямого, глупого и непослушного человека – такая же бесполезная трата времени, как отмыть добела голову мавра.

С нашей точки зрения, в данной ФЕ этноним употребляется как:

1) этноним – название народа, основного населения (мавры / мавританцы) Исламской Республики Мавритания – государства в Северной Африке. Возможность синонимической замены этнонима на ИН при лексическом варьировании ФЕ подтверждает функциональную тождественность этнонима ИН: *à laver la tête d'un âne, on perd sa lessive*. В данной ФЕ этноним *Maure* метафорически обозначает «глупый человек». Подобное восприятие данного этноса подтверждается данными энциклопедического словаря: «По внешности Мавры очень симпатичны, красивы, с несколько задумчивым выражением лица, но очень трусливы, фанатичны, чувственны, жестоки, коварны и умственно тупы» [1];

2) название негроидной расы, что подтверждается происхождением слова *Maure*: «черные люди» [1], а также, например, ФЕ соответствующей семантики, существующими в других языках: *К чему негру мыло, а дураку совет* (турецкая пословица). Близость этнонимов данной группы к классу ИН связана с расширением их значения в составе ФЕ.

5. ФЕ, не содержащие характеристики этноса, выраженного соответствующим этнонимом ни в буквальном, ни во фразеологическом значении. Например, коммуникативная ФЕ-паремия: *Les Anglais ont débarqué* [23]. ФЕ подобного рода образуются путем имплицирования большего исторического контекста в меньший. Реальные исторические факты сжимаются во ФЕ, этнонимы отражают представление о конкретном и единичном историческом событии, в котором принимала участие та или иная этническая группа [6, с. 59]. Анализируемые этнонимы имеют большую совокупность ассоциаций и являются гиперноминативными. Ассоциации имеют энциклопедический характер и включают в себя знание исторических событий, связанных с прототипом данного этнонима [2, с. 118–134]. Этноним частично переосмысливается и в процессе фразеологизации приобретает культурно-информационные коннотации [5, с. 142]: *Les Anglais ont débarqué*. Этимология фразеологизма связана с известным историческим событием – битвой при Ватерлоо, проигранной Наполеоном, в которой императорские войска были одеты в униформу красного цвета. Английские войска, захватившие место битвы, были настолько многочисленными, что напоминали движущийся поток. Красная по цвету форма французских солдат багровела от крови [25]. По аналогии анализируемая идиома употребляется в просторечии для обозначения ежемесячных физиологических процессов, происходящих в организме женщины.

Во ФЕ *va te faire voir chez les Grecs; va te faire foutre par les Grecs* (прост.) – «пошел ты...! Катись...!» – этноним *Grecs* является в составе данной единицы символом исторически отдаленного времени, ассоциирующегося с эпохой процветания данного этноса.

К данной категории относятся также следующие ФЕ: *c'est toujours ça que les Anglais, n'auront pas; encore un(e) que les Allemands n'auront pas; c'est toujours ça que les Allemands n'auront pas; c'est toujours ça que les Boches n'auront pas* (разг.) – «этого (еды, выпивки) у нас никто не отнимет; это никому не достанется» [25]. Функционирование данных этнонимов объясняется

историческими факторами: вторжением англичан и немцев на территорию Франции.

Итак, этноним в составе ФЕ может:

1) сохранять свои категориальные признаки, то есть называть человека по национальной принадлежности: *qui dit Anglais, dit flegmatique*;

2) трансформировать свое значение, приближаясь в той или иной мере к ИН, и выражать интенсивность проявления признака – качества, присущего человеку, стереотипно ассоциирующегося с тем или иным этносом: *boire comme un Polonais; fort comme un Turc*. В наибольшей степени близость к ИН проявляется в том случае, когда ФЕ служит для обозначения явлений и предметов действительности: *Les Anglais ont débarqué*.

Таким образом, этнонимы, входящие в состав анализируемых выше ФЕ, сохраняют свою грамматическую природу. Данный факт объясняется тем, что выбор этнонима не является произвольным, а диктуется культурными связями, историческими событиями, прямо или косвенно указывающими на межэтнические контакты французов.

Список литературы

1. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Режим доступа: <http://www.slovoedia.com/10/204/979321/html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Брысина Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона : дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Брысина. – Волгоград, 2003. – 543 с.
3. Геденов С. Варяги и Русь: Историческое исследование / С. Геденов. – СПб., 1876. – Ч. 1–2. – 721 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – Т. 1. – 699 с.
5. Иванцова Е. В. Семантическая трансформация имени собственного в лексике и фразеологии современного русского языка / Е. В. Иванцова // Семантика языковых единиц : докл. V Междунар. конф. – М. : Физкультура, образование, наука, 1996. – Т. 1. – С. 141–143.
6. Мокиенко В. М. О собственном имени в составе фразеологизма / В. М. Мокиенко // Перспективы развития славянской ономастики : сб. ст. / отв. ред. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1980. – С. 57–67.
7. Мурзаев Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1974. – 382 с.
8. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка : учеб. / А. Г. Назарян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1987. – 288 с.
9. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 510 с.
10. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гака, Л. А. Мурадова [и др.] ; под ред. В. Г. Гака. – 2-е изд., стереотип. – М., 2006. – 1624, [4] с.
11. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии ; отв. ред. А. В. Суперанская ; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1988. – 192 с.
12. Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт / А. А. Реформатский // Топономастика и транскрипция : сб. ст. / ред. колл.: чл.-кор. АН СССР С. Б. Бархударов [и др.]. – М. : Наука, 1964. – С. 13–27.
13. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов / С. Роспонд // Восточнославянская ономастика. – М., 1972.
14. Степанов Ю. С. Французская стилистика / Ю. С. Степанов. – М. : Высшая школа, 1965. – 355 с.
15. Стрижак О. С. Етнонімія Геродотової Скіфії / О. С. Стрижак. – Київ, 1989. – С. 45.

16. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. – 3-е изд., испр. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 368 с.
17. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – 172 с.
18. Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1977. – № 6. – С. 13–29.
19. Хайитов Б. Т. Французско-русский лингвострановедческий словарь по фразеологии / Б. Т. Хайитов. – М. : Московский Лицей, 1997. – 50 с.
20. Чельцова Л. К. Формы множественного числа существительных как объект лексикографии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. К. Чельцова. – М., 1976. – 26 с.
21. Шен Д. А. Этноним в лексико-семантическом пространстве английского языка : дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Шен. – Н. Новгород, 2009. – 160 с.
22. Dictionnaire encyclopédique Auzou. Editions Philippe Auzou. – Paris, 2006. – 2176 p.
23. Dictionnaire du centre national des ressources textuelles et lexicales. – Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. фр.
24. Dictionnaire de français «Littré». – Режим доступа: <http://littrereverso.net/dictionnaire-francais/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. фр.
25. Dictionnaire de français Mediadico – Режим доступа: <http://www.mediadico.com/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. фр.
26. Montreynaud F. Pierron A. Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons / F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni. – Paris : Le Robert, 1993. – 492 p.
27. Pulgram E. Individual name, Class name, common noun // Onomastica Monacensia. – München, 1961. – В. IV. – S. 828.

СОЦИОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н.Л. Синячкина

Статья посвящена некоторым результатам лингвистических исследований, связанных с теорией лингвистических контактов, особенно с билингвизмом на постсоветской территории.

Article is devoted to some results of linguistic researches connected with the theory of linguistic contacts, particularly with the bilingualism in the post-soviet territory.

Ключевые слова: русско-инонациональный билингвизм, билингв, исследования.
Key words: Russian-other languages bilingualism, bilingual, research.

Явление билингвизма изучается в разных его аспектах и с разных позиций и признается учеными основной задачей исследования процессов межязыкового взаимодействия, поскольку понятие билингвизма определяется учеными как одно из главных в теории языковых контактов [16, с. 286]. Ученые подчеркивают, что «на современном этапе истории билингвизм становится важнейшим геополитическим, социальным и культурным обстоятельством и актуальнейшей научной проблемой» [22].

В русском языкознании последних двух десятилетий особую актуальность приобрели вопросы русско-инонационального (инонационально-русского) билингвизма. Это связано, очевидно, с разрушением единой общ-

ности, объединенной на базе русского языка как языка государствообразующего. На постсоветском пространстве образовались новые государства со своей языковой политикой, языковым строительством.

По мнению лингвистов, языковые факторы наравне с географическими и другими являют собой подсистему относительно системы государственной [2]. Для российского социума важными становятся вопросы не только преодоления «языковой вольницы», но и вопросы двуязычия, среди которых особое место занимают проблемы языковой и этнической идентичности этнически не русских граждан. Они подвергаются научной рефлексии. Свидетельством этому являются не только последние научные труды, но и многочисленные научные конференции («Функционирование финно-угорских языков в современных условиях», 2009; «Горный Алтай: проблемы билингвизма в поликультурном пространстве», 2011; «Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия», 2009 и мн. др.). Заметным событием для специалистов стало проведение ежегодной международной научно-практической конференции по проблемам русскоязычия и билингвизма в ПГЛУ (Пятигорск) «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» (2008, 2009, 2010, 2011). Заинтересованность филологов в дискуссиях по русско-инонациональному билингвизму носит не только научный, теоретический характер. В научном сообществе сложилось устойчивое понимание, что отнюдь не в последнюю очередь формирование гражданской идентичности конкретного индивида, родившегося и живущего и/или приехавшего на постоянное место жительства в Россию, зависит от изучения соотношения личности его языковой и этнической идентичности.

Теория языковых контактов, теория двуязычия за последние двадцать лет пополнилась исследованиями отечественных лингвистов и лингвистов ближнего зарубежья (М.Б. Амалбекова, У.М. Бахтикиреева, Б.А. Газдиева, С.А. Гринберг, Л.П. Дианова, М. Джусупов, Г.А. Дырхеева, Б.М. Есаджанян, А.А. Залевская, А.М. Казиева, Е.Н. Кремер, И.В. Лисковец, Т.П. Млечко, А.О. Орусбаев, И.М. Румянцева, Э.Д. Сулейменова, Р.О. Туксаитова, А.Б. Туманова, Н.К. Хан, Э.В. Хилханова, И.С. Хугаев, Н.Ж. Шаймерденова и др.).

В контексте происходящих изменений на постсоветском пространстве хотелось бы остановиться на некоторых важных положениях и выводах исследователей русско-инонационального (инонационально-русского) билингвизма. Так, на наш взгляд, важным представляется вывод Е.Н. Кремер: «Активно функционирующее в пределах постсоветской макросистемы русско-инонациональное двуязычие влияет на сферы применения языков, его составляющих, их функциональный статус, способствует созданию новой языковой ситуации и формированию билингвальной личности (нередко с доминированием русского языка)» [10, с. 7].

Справедливым представляется тезис Л.П. Диановой о том, что «функционирование русского языка на постсоветском пространстве обеспечивается не только за счет носителей языка, но и за счет большого числа билингвов, что придает этноязыковому ландшафту стран Содружества диффузный характер» [7, с. 6].

Актуален вывод С.А. Гринберг, отмечающей, что «современной лингвокультурной ситуации на постсоветском пространстве (в том числе в Республике Беларусь) присущи такие характерные черты, как активное неравновесное двуязычие и "кризис идентичностей". Они обусловлены ранее культиви-

руемыми тезисами "о двух родных языках" и идентичности "советский человек", которые не выдержали проверки временем» [5, с. 7].

Особого внимания заслуживают вопросы соотношения языковой и этнической идентичности билингвальной личности в российском социуме в частности и на постсоветском пространстве в целом. В этой связи интерес представляют основные типы этого соотношения, которые были предложены Е.Н. Кремер. Подробное описание каждого из этих типов подробно изложено в ее диссертационном исследовании и представляет интерес для языковедов-практиков, а также значимо для социо(психо)лингвистических исследований. Здесь мы только назовем эти основные типы соотношения языковой и этнической идентичности билингва:

- 1) бесконфликтная билингвальная личность;
- 2) билингвальная личность с проблемной идентификацией [10, с. 7–8].

Как следствие языковой политики и языкового строительства в конкретном государстве оцениваются нами филологические исследования о русскоязычной ветви национальных литератур (У.М. Бахтикиреева, Г.М. Вишневская, С.А. Гринберг, Е.Н. Кремер, Н.Л. Лейдерман, С.Г. Николаев, И.С. Хугаев и др.). По мнению С.А. Гринберг, «тесное взаимодействие и взаимовлияние культур и языков в полиэтническом обществе обусловило художественное творчество писателя-билингва как особый тип дискурса – бикультурный художественный дискурс, использующий все существующие в распоряжении двуязычного автора языковые ресурсы, формы и виды речевой деятельности для воссоздания образного мира, существующего в его воображении и осложненного субъективной составляющей, специфической у каждого из языков в отдельности» [5, с. 7].

Изучение художественного (литературного) билингвизма уже давно стало объектом лингвистических исследований. То, что исследование художественного билингвизма должно носить междисциплинарный характер, признается литературоведами. Так, известный специалист в области русскоязычной литературы И.С. Хугаев полагает, что, поскольку понятие языка (русскоязычие) представляет узловой момент определения объекта (русскоязычная литература, в частности осетинская, есть явление не только литературной, но языковой истории конкретного этноса), становление и историческая динамика этой литературы должны рассматриваться сквозь призму одновременно *литературоведческих* и *лингвистических* категорий. Впервые в осетинском литературоведении это и было сделано И.С. Хугаевым, показавшим, как на смену изначальному транслингвизму первых осетинских писателей приходит билингвизм, как с течением времени билингвальных писателей (неполных транслингвов) становится все меньше, как осетинские русскоязычные писатели снова (уже на новом витке литературного гиперцикла) становятся чистыми транслингвами. Причем данная «лингвистическая» динамика, по И.С. Хугаеву, известным образом коррелирует с периодизацией на основе собственно литературоведческих параметров (метод, жанр и пр.).

Как видно из представленных результатов научных исследований, билингвизм, основанный на взаимодействии разных языков с русским, остается актуальным. «Необходимость всестороннего описания процессов русско-инонационального межъязыкового взаимодействия, расширяет проблемное поле сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, в том числе за счет теоретического осмысления опыта индивидуального билингвизма» [10, с. 7].

Дальнейшее исследование русско-инонационального билингвизма имеют ценность не только для общего и русского языкознания, но и обстоятельства российской действительности обуславливают культурный и социальный интерес к данному объекту.

Список литературы

1. Амалбекова М. Б. Феномен билингвальной личности публициста (лингвокогнитивный и сопоставительный аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Б. Амалбекова. – Астана, 2010. – 40 с.
2. Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / У. М. Бахтикиреева. – М., 2005. – 40 с.
3. Вишневская Г. М. Литературно-художественный билингвизм: лингвистическая интерпретация : учеб. пос. / Г. М. Вишневская. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2011. – 224 с.
4. Газдиева Б. А. Функционирование родного языка ингушской диаспоры в условиях русско-казахского билингвизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. А. Газдиева. – Астана, 2009. – 27 с.
5. Гринберг С. А. Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. А. Гринберг. – М., 2011. – 26 с.
6. Джусупов М. Статус русского языка как дисциплины школьного и вузовского образования в Республике Узбекистан / М. Джусупов // Актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы на современном этапе : мат-лы Междунар. науч. конф. – Самарканд, 2002. – С. 79–80.
7. Дианова Л. П. Русский язык в речевой культуре билингвов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. П. Дианова. – М., 2011. – 26 с.
8. Дырхеева Г. А. Язык и этническая самоидентификация бурят в России, Монголии и Китае / Г. А. Дырхеева // Язык и общество в современной России и других странах : докл. и сообщ. Междунар. конф. (Москва, 21–24 июня 2010 г.) / отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко ; ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. – М., 2010. – С. 192–195.
9. Есаджанян Б. М. К проблеме определения понятий «билингвизм» и «билингвальное обучение» / Б. М. Есаджанян // Мир русского слова. – 2003. – № 4. – С. 47–53.
10. Кремер Е. Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Кремер. – М., 2010. – 21 с.
11. Лисковец И. В. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы билингвизма и отношения к языку : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Лисковец. – СПб., 2006. – 267 с.
12. Млечко Т. П. Языковая социализация в многоязычном государстве / Т. П. Млечко // Жизнь языка и язык жизни : сб. ст. / под общ. ред. Н. Ж. Шаймерденовой. – Алматы : Казак университеті, 2006. – С. 277–286.
13. Николаев С. Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов / С. Г. Николаев. – Ростов н/Д. : Старые русские, 2004. – 176 с. – Ч. 1: Теоретические основы изучения иноязычия в поэзии.
14. Орусбаев А. Язык и этническая идентичность / А. Орусбаев, А. Кулжабаева // Язык и этническая идентичность : мат-лы докл. и сообщ. Междунар. конф. «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ. – Алматы : Казак университеті, 2006. – С. 190–198.
15. Румянцева И. М. О проблеме утраты естественного билингвизма на территории бывшего СССР / И. М. Румянцева // Язык и общество в современной России и других странах : докл. и сообщ. Междунар. конф. (Москва, 21–24 июня 2010 г.) / отв. ред. В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко ; ИЯ РАН, НИЦ по нац.-яз. отношениям. – М., 2010. – С. 144–145.

16. Серебренников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка / Б. А. Серебренников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – С. 451–501.
17. Сулейменова Э. Д. Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность / Э. Д. Сулейменова // Язык и этническая идентичность : мат-лы докл. и сообщ. Междунар. конф. «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ. – Алматы : Қазақ университеті, 2006. – С. 15–26.
18. Туксайтова Р. О. Художественный билингвизм: к определению понятия / Р. О. Туксайтова // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 39. – С. 198–206.
19. Туманова А. Б. Языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Б. Туманова. – Алматы, 2008. – 40 с.
20. Хан Н. К. Языковая картина мира корейских писателей Казахстана и проблема идентификации / Н. К. Хан // Язык и идентичность : мат-лы докл. и сообщ. Междунар. конф. «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ. – Алматы, 2006. – С. 290–301.
21. Хилханова Э. В. Язык и этническая идентичность национальных меньшинств в современной России / Э. В. Хилханова // Изменяющийся языковой мир : мат-лы Междунар. конф. – Пермь : ПГУ, 2002. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/khilkhanova-02.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
22. Хугаев И. С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. С. Хугаев. – Владикавказ, 2010. – 51 с.
23. Шаймерденова Н. Ж. Язык и этнос : учеб.-метод. комплекс / Н. Ж. Шаймерденова, Р. А. Авакова. – 2-е изд., дораб. – Астана : Сарыарка, 2008. – 230 с.

ТЕОРИЯ КОНЦЕПТА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В.Е. Черникова

В статье рассмотрены особенности лингвистического и культурфилософского подходов к понятию «концепт». Подчеркнуто, что концепт культуры как объект культурфилософского исследования представляет собой сложное образование, имеющее своеобразную природу. При анализе специфики концепта культуры выявлены его основные характеристики, раскрыто содержание метода реконструкции при исследовании данного феномена.

The article concerns the features of linguistic and cultural-philosophic approaches to the interpretation of concept. It is underlined, that the concept of culture as the object of cultural-philosophic analysis represents complete formation with specific character. While analyzing the concept of culture, it's main characteristics and the content of method of reconstruction were determined.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концепт культуры, концепт текста, ментальный мир человека, метод реконструкции.

Key words: concept, concept sphere, concept of culture, concept of text, mental world of person, method of reconstruction.

Характер философских, культурологических, лингвистических исследований последнего десятилетия позволяет констатировать возрастающее внимание ученых к понятию «концепт». Изначально термин «концепт» являлся принадлежностью математической логики и определялся как «содержание понятия» [8]. Лишь в последние десятилетия в рамках постмодернистской

парадигмы, сблизившей методологические основы различных областей социогуманитарного знания, термин «концепт» закрепляется в философии, языкознании, культурологии. Более того, понятие «концепт» приобретает сегодня философский статус, становится универсалией. Данное понятие выполняет интеграционную функцию, выступая в качестве своеобразного фокуса, в котором сходятся различные подходы к изучению культуры: психологический, исторический, культурологический, лингвистический, логико-семантический.

Многие исследователи обосновывают использование термина «концепт», указывая на его универсальность. Так, по мнению Р.М. Фрумкиной, «термин "концепт" удобен тем, что, акцентируя те реалии, к которым нас отсылает слово, он позволяет отвлечься от принятого в логике термина "понятие"» [9, с. 45].

Ю.С. Степанов подчеркивает, что, хотя на сегодняшний день термины «концепт» и «понятие» и имеют в русском языке одинаковую внутреннюю форму, в науке они редко выступают как синонимы, напротив, довольно четко разграничены.

В настоящее время единого, универсального определения концепта не существует, он стал своего рода точкой пересечения различных научных парадигм: лингвистической, культурологической, философской.

Значительное количество определений концепта сформулировано в *лингвистической науке*, причем данные дефиниции формируются в русле лингвокультурологического и психолингвистического подходов.

Традиционно появление термина «концепт» в русской лингвистической традиции связывают с именем религиозного философа С.А. Аскольдова, который в 1928 г. предложил по-новому взглянуть на соотношение терминов «понятие», «слово» и философский по происхождению «концепт».

При этом ученый предлагает различать концепты познавательные («почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей») и художественные («сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, волевых проявлений»), основным отличием которых называется «чуждая логике и реальной прагматике художественная ассоциативность».

Базовыми характеристиками концепта объявляются его заместительная по отношению к понятию функция, символическая природа, динамизм (изменчивость, подвижность смыслового наполнения) и – для художественных концептов – потенциальная открытость интерпретациям («неопределенность возможностей»). По ряду не зависящих от развития науки причин идеи Аскольдова на долгое время были забыты, и только в 90-е гг. Д.С. Лихачев возвращается к ним в работе «Концептосфера русского языка», представляя вслед за предшественником концепт как заместитель понятия. Ученый подчеркивает важность «индивидуального культурного опыта, запаса знаний и навыков», от богатства которых напрямую зависит богатство концепта.

Таким образом, Д.С. Лихачев исходит из лингвокультурологического понимания концепта, который возникает как «отклик на предшествующий языковой опыт человека». При этом концепт не столько рождается из слова, сколько является результатом столкновения словесного значения с личным и народным опытом человека.

Несомненной заслугой Д.С. Лихачева является также то, что он подчеркивает сложнейшую по типам и структуре взаимосвязь концептов и вводит понятие концептосферы как совокупности концептов данного языка.

В настоящее время термин «концепт» основательно вошел в понятийный аппарат когнитивистики, психолингвистики, прагматики, этнолингвистики, (лингво)семантики, (лингво)культурологии.

Данный термин потребовался когнитивистам для того, чтобы объединить множество разнообразных единиц ментального словаря неким родовым понятием, отвечающим представлению о смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде некоторых «"квантов" знания» (Е.С. Кубрякова).

Для психолингвиста концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [4]. Таким образом, основой концепта в психолингвистическом понимании становится не столько понятийное содержание (как в рамках когнитивного и лингвофилологического подходов), сколько блок знаний, представляющий собой совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых и пр.) элементов в психике человека.

В контексте лингвистических учений, за ставшими уже классическими работами А. Вежбицкой, под концептом зачастую понимают некий объект из мира «Идеальное», который отражает определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность». Таким образом, концепт в сугубо лингвистических исследованиях предстает неким конструктом, репрезентирующим ассоциативное поле того или иного имени, но не равным ему. «Концепт – это парадигматическая модель имени, включающая и логическую структуру его содержания, и сублогическую [2, с. 263–289].

В рамках лингвокультурологического подхода, представленного многочисленными и фундаментальными работами таких исследователей, как Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев, В.В. Колесов, В.А. Маслова, С.Х. Ляпин, В.Н. Телия, И.А. Стернин, В.И. Карасик и мн. др., концепты определяются как формы воплощения культуры в сознании человека: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек сам входит в культуру» [7, с. 42].

Попыткой объединить едва ли не все вышеперечисленные подходы к концепту в лингвистических и окололингвистических исследованиях инспирировано появление самостоятельной научной дисциплины «лингвоконцептология» (автор термина – С.Г. Воркачев). С точки зрения этой новой научной дисциплины, возникшей на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, можно выделить три составляющих концепта:

1) понятийная, отражающая признаковую и дефиниционную структуру концепта;

2) образная, фиксирующая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании;

3) значимостная, определяемая местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда входят также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени [2, с. 81].

Из приведенных выше базовых для отечественной науки точек зрения на природу концепта следует, что концепт – это, прежде всего, ментальное образование, аккумулирующее знания человека об определенном фрагменте дейст-

вительности, это структура представления знаний, форма воплощения культуры в сознании индивида. Концепт позволяет глубже рассмотреть давно интересующую ученых проблему взаимоотношения языка и мышления, слова и понятия и открывает новые возможности для исследования этой взаимосвязи.

Один из типов структурирования концептов можно описать как «концептуальное пространство». В современной лингвистике это словосочетание употребляется часто в качестве синонима термина «концептосфера», под которым вслед за Д.С. Лихачевым понимают совокупность категоризированных, обработанных и стандартизированных концептов в сознании народа. На наш взгляд, термином «концептуальное пространство» (в узком смысле) можно обозначить особый, специфический тип организации концептов в человеческом сознании и языковой картине мира.

Особый смысл приобретает интерпретация концепта с точки зрения культурфилософского подхода. Обращаясь к истокам возникновения данного термина, отметим, что в философии понятие «концепт» восходит к средневековой проблеме универсалий (общих понятий). Средневековый концептуализм примирял своими постулатами противоположные позиции реалистов и номиналистов. Если реалисты (Иоанн Эриугена, Ансельм Кентерберийский) утверждали, что общие понятия существуют отдельно от единичных вещей как их духовные сущности, первообразы, то позиция представителей номинализма (И. Росцелин, Д. Скотт, У. Оккам, П. Абеляр) заключалась в обосновании тезиса «Универсалии – имена после вещей». П. Абеляр рассматривал универсалии не как слова или реально существующие вещи, а как понятия, которые выражают общее в единичных вещах; понятия отражают общую родовую сущность, свойственную множеству вещей, причем общее существует иначе, чем единичные предметы.

Понятия существуют в человеческом уме, который в своей познавательной деятельности извлекает из индивидуальных предметов то общее, что в них есть. Это общее, эта абстракция формулируется в нашем уме в виде понятий, концепций, поэтому теория Абеляра и называется концептуализмом.

Абеляр полагал, что человек в процессе чувственного познания вырабатывает общие понятия, которые выражаются в словах, имеющих тот или иной смысл. Общие понятия (универсалии) создаются человеком на основе чувственного опыта посредством абстрагирования в уме тех свойств вещи, которые общи для многих предметов.

О концептах в их современном понимании упоминается в работах Г. Лейбница и И. Канта. Г. Лейбниц определяет их как «принципы *prolepseis*, то есть основные допущения, или то, что принимают за заранее признанное; математики называют их общими понятиями» [6, с. 62]. У И. Канта образами концептов культуры выступают так называемые апостериорные (эмпирические) идеи, («Любовь», «Вера», «Радость»), которые формируются у человека в течение жизни [6, с. 63].

Представители современной постмодернистской философии вновь обращаются к проблеме концептов как универсалий, которые рассматриваются в качестве «последней стадии концептов» (Делез, Гваттари).

Они наделяют концепты следующими характеристиками.

Во-первых, концепт имеет фрагментарную природу: он определяется как «неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абстрактного парения с бесконечной скоро-

стью». Иными словами, концепт не может иметь однородную структуру – даже в первичном концепте уже есть несколько составляющих.

Во-вторых, концепт может включать в себя лишь ограниченное количество составляющих, так как в этом случае его структура неизбежно становилась бы хаотичной.

В-третьих, концепт существует не изолированно: он находится в постоянном взаимодействии с другими концептами.

В-четвертых, каждый концепт имеет собственную историю: становление, отмирание, «переплавку», возрождение в новом качестве. Так, старый концепт, погруженный в новую среду, исчезает, теряет свои составляющие или же приобретает другие, которые его преобразуют.

С точки зрения современной парадигмы философского знания, концепт определяется как «формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие» [1, с. 263].

В философии культуры термин «концепт» закрепился в последние десятилетия в связи с возникновением особого направления в искусстве – концептуализма, претендующего на роль феномена культуры, синтезирующего в себе науку, философию и собственно искусство в новом понимании (арт-деятельность). Представители концептуального искусства (Р. Берри, Д. Хьюблер, Л. Вейнер, Д. Грехэм) во главу угла ставят концепт – формально-логическую идею вещи, явления, произведения искусства.

В настоящее время в культурфилософской научной парадигме концепт определяется как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [7, с. 43].

В исследованиях последних лет концепт рассматривается как средство взаимодействия людей между собой и с природой, обретающей символическую значимость. Культурный концепт может быть по-разному расшифрован, быть по-разному реальным для людей данной культуры.

В контексте концептов культуры можно выделить следующие типы концептов: концепты мировоззрения, эмоциональные концепты, концепты текста.

Внимание ученых, занимающихся изучением концептов мировоззрения, сосредоточено на концептах, связанных с деятельностью сознания человека: «вопрос», «память», «долг», «личность», «истина». За основу исследователями взято определение концепта, данное А. Вежбицкой: «Объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий определенные культурнообусловленные представления человека о мире "Действительность"» [2, с. 275–276].

Эмоциональные концепты. А. Вежбицкая выделяет в отдельную группу концепты типа «страх», «печаль», «счастье», «горе». Эмоции являются неотъемлемой частью духовной культуры и выделение данного типа концептов обосновано. Несмотря на это, многие исследователи не выделяют эмоциональные концепты в отдельную группу, мотивируя это тем, что они не могут быть истолкованы.

Наиболее автономной группой среди значительного количества культурных концептов являются *концепты текста*, возникающие как психолингвистическая реакция на внешний раздражитель, имеющие эмоционально-рациональную природу и существующие в сознании человека и тексте в форме идеи. Почти все исследователи текстовых концептов сходятся во мне-

нии, что концептуальность является основополагающей категорией художественного текста.

Необходимо отметить, что все описанные выше группы (мировоззренческие, эмоциональные, текстовые) можно рассматривать в контексте *концептов культуры*. Культурные концепты являются важным компонентом национально-специфической картины мира. Обобщив и проанализировав значительное количество определений концепта (Д.С. Лихачева, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, А. Вежбицкой, Р. Фрумкиной и др.), возьмем за основу определение Ю.С. Степанова как универсальное: концепт – это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний [7, с. 43].

Как отмечено выше, концепт культуры как объект культурфилософского исследования представляет собой сложное образование, имеющее своеобразную природу. Посредством концепта культура входит в ментальный мир человека, и с его же помощью рядовой человек сам входит в мир культуры. Из этого взаимодействия выводятся специфические свойства концепта: он не только мыслится, но и является предметом переживаний, вызывает соответствующие эмоции. Таким образом, концепт представляет собой единство рационального и иррационального.

Концепт представляет собой единство индивидуального и коллективного: он существует одновременно в сознании отдельного человека и в коллективном, массовом сознании. Взяв за основу термин Д.С. Лихачева, можно говорить о концептосфере индивида и концептосфере культуры в целом.

Концепт представляет собой единство устойчивого (константного) и изменчивого: в состав культурного концепта, наряду с константными семантическими компонентами, входят элементы, являющиеся результатом различного рода трансформаций.

Сферой существования культурного концепта является сознание, ментальный мир человека. Концепты обладают обобщающей силой и представляют собой преломление объективной действительности через призму культуры, сознания человека. Исследователи расходятся во мнении о форме существования концепта: с точки зрения классической философии, концепт выступает в виде умственного образа; постмодернистская философия предполагает его существование в форме «сгустка» смысла; в русле культурологического подхода концепт выступает в виде формально-логической идеи вещи, явления; «сгустка» культуры.

По мнению Ю.С. Степанова, при изучении концептов культуры необходимо детальное описание их этимологии, истории, так как во всех концептах оседают идеи, возникающие в разные эпохи. Обладая сложной, слоистой структурой, последние сохраняют свою целостность благодаря наличию так называемого прототипического, первичного элемента.

Изучение такого сложного понятия, как «концепт», предполагает использование особых методов исследования. Исследование культурного концепта необходимо начинать с выявления его происхождения, анализа этимологии, его пассивного, исторического слоя. Иными словами, необходимо реконструировать буквальный смысл явления.

Основоположником метода реконструкции можно считать древнегреческого историка Фукидида, которым был предложен «метод реконструкции прошлого путем обратного заключения на основании рудиментов (культурных пережитков)» [7, с. 51].

В России метод реконструкции в исследовании содержания применялся К.Д. Кавелиным, который рекомендовал этнографам искать буквальный смысл исследуемых обрядов и обычаев: толкования, которые народ дает этим обычаям, обрядам и повериям, часто не отвечают более действительности. Первоначальный смысл их с изменением условий нередко утрачивается, народ продолжает их придерживаться, чтить их, уже не понимая основного смысла. Так образуется различие между первоначальным смыслом факта и его толкованием в народе.

Метод реконструкции был взят в качестве фундаментального основоположником культурной антропологии К. Леви-Строссом, который определил свою задачу как исследование глубинного слоя, существующего в современном состоянии культуры в неосознаваемом людьми, латентном виде. Данный метод широко применялся в самых разных областях гуманитарного знания. Например, Р.Дж. Коллингвуд, взяв за основу тезис Г. Гегеля, что исторические события познаваемы для исследователя лишь как внешнее выражение мыслей» современников, определил основную задачу историка, которая заключается «не в том, чтобы узнать, что люди сделали, но в понимании того, что они думали» [5, с. 11–12].

Таким образом, метод реконструкции является универсальным для восстановления исторического слоя культурного концепта.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что в настоящее время термин «концепт» приобретает ключевое значение в рамках парадигмы гуманитарного знания. Он отличается универсальностью и позволяет отвлечься от принятого в логике термина «понятие». Выполняя интеграционную функцию, концепт выступает в качестве посредника, осуществляющего взаимодействие между человеком и культурой.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Академия, 2002. – 363 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 305 с.
3. Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2002. – Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – С. 76–92.
4. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. – С. 36–45.
5. Коллингвуд Р. Идея истории / Р. Коллингвуд. – М. : Наука, 1980. – 485 с.
6. Лосницкая Г. И. Понимание культуры: исторический опыт / Г. И. Лосницкая. – М. : Аванта+, 2007. – 352 с.
7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
8. Фреге Г. Избранные работы / Г. Фреге. – М. : ДИК, 1997. – 157 с.
9. Фрумкина Р. М. Психолингвистика / Р. М. Фрумкина. – М. : Академия, 2008. – 316 с.

ПОЛИТЕМАТИЧЕСКИЙ РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ РЕКЛАМЕ

Е.В. Чиликина

Деловая реклама является важнейшим жанром современных деловых коммуникаций. Она представлена политематическими и монотематическими текстами. В политематическом тексте количество ССЦ (сложных синтаксических целых) определяет количество макротем, формирующих информационное пространство на основе взаимодействия старого и нового знания с привлечением коннекторов и вложенных структур.

Business advertising is of paramount importance in modern business communication. It is represented by polytopical and monotopical texts. In a polytopical text the amount of the difficult syntactic wholes defines the amount of macrotopics, forming the informative structure of the text on the basis of the old and new knowledge interaction, involving connectors and embedded structures.

Ключевые слова: деловая реклама, политематический текст, сложное синтаксическое целое, гипертема, макротема, коннекторы, вложенные структуры.

Key words: business advertising, polytopical text, difficult syntactic whole, hyper-topic, macrotopic, connectors, embedded structures.

В бизнес-мире в условиях обострения конкуренции деловое общение становится важным фактором, определяющим успех деятельности не только отдельного человека, но и целой фирмы, организации. Очевидно, что современный бизнес невозможно представить без рекламной деятельности, поскольку именно реклама стала важнейшим жанром современных деловых коммуникаций. Деловая реклама, публикуемая в основном в отраслевых изданиях, призвана в отличие от потребительской рекламы (*consumer advertising*) осуществлять связь между предприятиями и организациями. Она направлена на лиц, приобретающих и/или заказывающих товары/услуги для делового использования. Деловая реклама, адресованная профессионалу, создается в результате воплощения в жизнь концепции, построенной фирмой, предприятием, и базируется на психологических приемах, успешно реализуемых в условиях реального рынка. Современная деловая реклама, как правило, размещается в специализированных деловых изданиях или профессиональных журналах, в почте, направляемой непосредственно организациям, или на специализированных выставках-ярмарках. Помимо печатных изданий, деловую рекламу также можно найти в электронных версиях деловых журналов. Использование глобальной сети облегчает и ускоряет деловую коммуникацию партнеров по бизнесу. Деловая реклама, размещаемая в печатных и электронных версиях деловых журналов, представлена, как правило, текстом. Эти тексты включают фоновые знания социокультурной специфики делового социума [5, с. 57] и в совокупности представляют рекламный деловой дискурс. Нами они определяются как рекламные тексты делового дискурса (РТ ДД). Реклама, адресованная современному деловому сообществу, представлена, как показывает анализ, двумя основными типами текстов: политематическими и монотематическими.

Политематические рекламные тексты делового дискурса, содержащие несколько ССЦ, в отличие от монотематических текстов содержат несколько **макротем** (в тексте могут появляться третьи, четвертые макротемы),

которые можно заключить в **гипертему** (<http://www.twirpx.com/file/199840>). **Гипертема** – это обобщающая макротема, большая по объему и смысловому содержанию. Макротемы подчинены гипертеме и представляют собой ее часть. Приведем пример политематического текста.

“I got all the gadgets you can think of. But Comcast showed me what I was still missing”. You may have the latest gadgets. Make sure you have the services to match. Like Comcast Digital Cable with Channel 1 On Demand. Up to 1,000 titles, from hit movies and popular shows to golf tips and guitar lessons – all ready.

*Or **Comcast High-Speed Internet with PowerBoost tm**, the blazing-fast download speed for your music. Your games. Your favourite social networking sites. Anything and everything you want to do online.*

*With **Comcast Digital Voice**, you get the benefits of home phone service even when you are far from home. With cool features like Digital Voice Center, where you can check Voice Mail from any computer with Internet access.*

The Comcast Triple Play. It's cool stuff for all your staff. Call today for a great order. Call: 1-877-793-9404 (<http://www.economist.com/digital>).

Данный политематический текст состоит из 4 ССЦ. Каждое ССЦ выражает макротему. В данном случае, речь идет о существовании следующих макротем: *checking your services, the benefits of Comcast High-Speed Internet, the benefits of **Comcast Digital Voice**, the benefits of the Comcast Triple Play*. Данные макротемы складываются в гипертему *the gadgets of Comcast are everything you can think of*.

Для логической связи между макротемами автором РТ ДД используются определенные коннекторы. Так, в данном случае слово *Comcast*, которое повторяется во всех 4 ССЦ, и выступает в качестве коннектора, соединяющего макротемы ССЦ в гипертему. Наряду с коннекторами автор прибегает к вводной конструкции *With Comcast Digital Voice*, которая соединяет предыдущую макротему с последующей и позволяет создать логические взаимосвязи в данном РТ ДД.

На основании порядка предъявления информации [3, с. 239–245] в политематическом РТ ДД можно говорить, что традиционная информационная структура (Т→Р) является доминирующей (65 % текстов), как, например, *Crossroads challenge our mastery at taking action at the decisive hour* [5]. В этом предложении мы наблюдаем прямой порядок слов, наличие всех членов предложения, а именно: подлежащего *crossroads*, сказуемого *challenge*, дополнения *our mastery* и уточнения *at taking action at the decisive hour*. Обратная информационная структура (Р→Т) [1, с. 15] встречается только в 35 % политематических текстов, как в следующем примере: *How can ICT shape the future of learning for everyone, everywhere?* (<http://www.economist.com/business-finance>).

Данное предложение представляет собой специальный вопрос. Обратный порядок слов характерен для вопросительных конструкций [2, с. 3]. Поскольку вопросительные конструкции встречаются в текстах деловой рекламы реже, обратный порядок слов не так распространен. Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что для политематических текстов характерна традиционная информационная структура, поскольку структура и стиль подобных текстов жестко регламентированы. Это может объясняться тем фактом, что рекламные тексты функционируют в деловом дискурсе, а последний характеризуется достаточно жесткой регламентированностью и предполагает общепринятые формы изложения, в которых наличествуют некоторые рече-

вые клише [1, с. 43–63]. Проведенное нами исследование показало, что в политематических текстах преобладают диремные высказывания (65 %), а моноремные составляют 35 % от общего количества исследуемых политематических РТ ДД. Например:

Why HEC Paris. Three good reasons to choose HEC Paris. Rankings Financial Times. № 1 Business School in Europe. № 1 in the world for Executive Education. A unique program. HEC Paris. HEC Faculty. Rankings. See the video. You need to invest in a degree program devoted to senior managers and executives from around the world. You need to be sure you are with the best Business School in Europe.

1. International cutting edge programs. At HEC Paris, we specialize in business education.

Our programs are specifically designed to suit the needs of future business professionals or business executives already in senior management positions. We bring our expertise to bear in creating innovative, international, cutting-edge programs that will not only meet their needs, but keep them ahead of the game.

2. Academic excellence. HEC Paris has an internationally renowned faculty who are at the forefront of their respective fields.

There are 108 professors holding doctorates from leading universities from around the world, 45 visiting professors each year from HEC partner institutions, 85 affiliate professor and 700 adjunct lecturers.

3. International reputation. HEC Paris was ranked the No.1 business school in Europe by the Financial Times since 2006 (<http://www.ericsson.com/nestforum>).

Отметим, что в политематических текстах мы наблюдаем гораздо большее, чем в монотематических текстах, количество диремных высказываний.

В данном тексте автор прибегает к использованию следующих моноремных высказываний, которые несут новую информацию, не являющуюся ни тематической, ни рематической, и передают новое знание:

- 1) *Why HEC Paris;*
- 2) *Three good reasons to choose HEC Paris;*
- 3) *Rankings Financial Times;*
- 4) *№ 1 Business School in Europe;*
- 5) *№ 1 in the world for Executive Education;*
- 6) *A unique program. HEC Paris. HEC Faculty. Rankings.*

В данном примере моноремные высказывания представлены номинативными неполными предложениями, в которых отсутствует тот или иной член предложения. Наряду с моноремными высказываниями, в данном РТ функционирует и диремное: *The HEC Executive MBA offers senior managers and executives from around the world the opportunity to select from a number of specializations and to take classes in five different locations worldwide.*

Характерной чертой диремных высказываний является наличие так называемой **диффузной зоны**, которую Г. Пауль и Я. Фирбас определяют как «связующий член», содержащий временные и модальные показатели, и выделяют его как третью зону, помимо тематической и рематической. Для языкового выражения диффузной зоны в политематических текстах используются вложенные структуры (в 35 % текстов). Наиболее часто в качестве таких структур используются ситуативы *when doing – 15 %*, *while doing – 15 %*, *at the time of doing – 10 %*, *at the moment of – 5 %*.

Что касается использования определенных коннекторов политематических РТ ДД, под которыми мы понимаем слова-связки [6, р. 20] между предложениями, микротемами предложений и макротемами [4, с. 15], то в текстах преобладают модальные рамки и вводные конструкции (25 %). Частотность употребления причинно-следственных и другие логических связей составляет 35 %, например, *that's why, because, so, then*. Однако фактивы преобладают в монотематических РТ ДД (35 %), в то время как в политематических они составляют лишь 25 %. Одной из важнейших функций, осуществляемых коннекторами, является механизм связи между макротемами ССЦ в политематическом тексте. Приведем пример:

At Intel, we are vigilant in our quest to reduce emissions, manage our water use, minimize waste, and build more environmentally responsible facilities. We work hard to minimize our own carbon footprint.

As the largest voluntary purchaser of green power in the US (according to the US Environmental Protection Agency), we're proud of our role in helping to stimulate renewable energy markets.

In fact, our 2011 purchase of renewable energy credits (equivalent to 85 % of our US energy use) will have the equivalent environmental impact of eliminating the carbon dioxide emissions from the annual electricity use of nearly 218,000 average American homes (<http://www.ericsson.com/nestforum>).

Данный политематический текст состоит из 3 ССЦ. Использование коннекторов, выделенных нами в каждом ССЦ, позволяет соотнести и связать между собой макротемы ССЦ. В данном случае мы также встречаем **модальную рамку**, так называемую **вводную конструкцию**, которая передает предикаты мнения и знания (<http://www.twirpx.com/file/199840>): *In fact, our 2011 purchase of renewable energy credits (equivalent to 85 % of our US energy use) will have the equivalent environmental impact of eliminating the carbon dioxide emissions from the annual electricity use of nearly 218,000 average American homes.*

В качестве коннекторов автор также использует **фактив**: *As the largest voluntary purchaser of green power in the US (according to the US Environmental Protection Agency)*, представляющий характеристику предмета сообщения.

В ССЦ политематического текста в качестве коннекторов, связывающих между собой микротемы, автор использует уточняющие конструкции, которые являются весьма частотными и встречаются в 40 % политематических РТ ДД, как, например:

FIRST REPUBLIC BANK. It's a privilege to serve you

First Republic goes the extra mile. They are a great partner – and I don't mean vendor, I mean partner (The Newsweek. – 20.05.08.).

В данном примере мы наблюдаем использование автором уточняющей конструкции *and I don't mean vendor, I mean partner* для пояснения предшествующей информации, которая отделяется на письме от основной информации при помощи тире.

Фактивы (конструкции вида «предикат» или «субъект + предикат») (45 %): *Based on this robust evidence, multiple government organizations and societies advocate ultrasound guidance.*

Структура *based on this robust evidence* не является в данном высказывании темой или ремой, а представляет некоторое явление и отношение автора текста (в широком смысле) к предмету сообщения.

Поскольку в каждом политематическом тексте присутствует гипертема, обобщающая макротемы, в процессе описания событий происходит ее изменение и развитие. Это случается, когда автор начинает описывать развитие событий в тексте, указывает их причину и демонстрирует результат.

Рассмотрим следующий пример:

Eurex products across various asset classes are offered via the Flexible Contracts facilities. The minimum trading size for Flexible Contracts is identical to the Block Trade size of the respective product.

The Flexible Contracts

The Flexible Contracts facilities support off-exchange trading of tailor-made futures and options contracts. This allows traders to customize their trades to meet their individual needs.

In this way, Eurex members benefit from the flexibility of off-exchange trading and at the same time take advantage of the efficiency and safety of standardized clearing and settlement processes (<http://www.economist.com/business-finance>).

В данном примере автор РТ логически разделяет информацию на следующие макротемы: *Eurex products* (расположение продукции); *Trading size* (объем продаж); *The Flexible Contracts* (контракты); *Benefit* (источники получения прибыли), которые соответствуют графически выделенным в тексте разделам. Дробление текста на макротемы при помощи графического разделения текста на абзацы и ввода заголовков (*The Flexible Contracts*) позволяет автору правильно организовать и передать необходимую информацию небольшими тематическими порциями. Более того, информация получает развитие в тексте, из абзаца в абзац объем информации нарастает, развертывается повествование, и читатель получает полную картину событий.

Итак, мы приходим к выводу, что политематический текст широко распространен в деловой рекламе и обладает особым информационным пространством, а именно: содержит несколько ССЦ, приравниваемых нами к макротеме. Макротемы складываются в политематическом тексте в гипертему, большую по объему и смысловому содержанию. Информация в политематическом тексте деловой рекламы выступает как единство старого (наличного) и нового знания и реализуется посредством чередования компонентов известного и неизвестного в рекламном тексте. Для языкового выражения тема-рематического членения информации в тексте используются коннекторы и вложенные структуры.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: знать и его синонимы / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 43–63.
2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – М. : Высшая школа, 1978.
3. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. – М. : Прогресс, 1967. – С. 239–245.
4. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории / А. Ф. Папина. – М. : УРСС, 2002.
5. Ширяева Т. А. Основные характеристики текста делового дискурса / Т. А. Ширяева // Вестник ПГЛУ. – 2009. – № 3. – С. 57–61.
6. Bassano D. Operateurs et connecteurs argumentatifs: une approche psycholinguistique / D. Bassano. – Laboratoire de Psychologie Expérimentale, Université de Paris V, Intellectica, 1991. – P. 149–191.

ПАМЯТЬ КАК КАТЕГОРИЯ РИТОРИКИ

И.Ю. Чистякова

Память есть совершенное
и крепкое в разум
взятие вещей словесных.
«Риторика 1620 г.»

В статье анализируется память как четвертая составляющая риторического канона. Автор обращается к опыту древних ученых и раторов и пытается сопоставить их с размышлениями современных говорящих личностей.

The article analyses memory as the fourth component of rhetorical canon. The author refers to the experience of ancient scholars and speakers and tries to match them with the thinking of modern speaking individuals.

Ключевые слова: риторика, ритор, риторический канон, декламация.

Key words: rhetoric, speaker, rhetoric canon, declamation.

Проблема памяти издавна привлекала внимание исследователей – философов, филологов, историков. Так, древние греки изучали память как составляющую риторического канона, четвертую его часть (*inventio, dispositio, elocutio, memoria, actio*). Их интересовала техническая функция памяти – способность воспроизводить опыт прошлого. «Прекрасно все памятное, – писал Стагирит Аристотель, – и чем вещь памятнее, тем она прекраснее» [2, с. 133]. Интересно, что греков отличало неодолимое стремление к состязаниям во всех сферах жизни, будь то Олимпийские игры или публичные философские диспуты, сочинение поэм или декламирование их наизусть.

В Древней Греции разрабатывались секреты запоминания текста для актеров и раторов. Известно, что римский ратор Гортензий, по упоминанию М.Ф. Квинтилиана, как-то после многочасового аукциона перечислил без ошибок, в правильной последовательности все выставленные на продажу вещи, их цены и покупателей. Стагирит Аристотель утверждал, что мышление невозможно без конкретных образных представлений, память же состоит из запечатленных образов. Уже во времена Античности советовали развивать как зрительную, так и ассоциативную память. Природной, или естественной, памяти публичному ратору было недостаточно. Путем специальных тренировок древние риторы развивали искусную память. Убедительной иллюстрацией тому была жизнь знаменитого Демосфена. «Запоминая речи, которые ему довелось услышать, он затем восстанавливал ход рассуждений и периоды, он повторял слова, сказанные другими или же им самим, и придумывал всевозможные поправки и способы выразить ту же мысль иначе» [4, с. 62]. Современники считали его звездой в раторской элите античности. Его чтили греки и римляне и почитали другие народы. Цицерон завещал учиться у него, а англичане видели в нем выдающийся прообраз парламентского ратора.

Традиционно память еще в классическое античное время трактовалась как творчески осмысленное глубинное понимание текста, его переживание, настрой души. В связи с этим перечислим некоторые риторические упражнения, совершенствующие раторскую память:

1) заучивание наизусть и осмысленное проговаривание высказывания в разных текстовых вариациях с целью обогащения идейной и словесной памяти ратора;

2) импровизированное устное воспроизведение высказывания в разных воображаемых ритором ситуациях общения;

3) чтение наизусть вслух стихотворных произведений с точным их воспроизведением;

4) импровизированное воспроизведение высказывания с опорой на картинные образы, символы, впечатления, ассоциации и предметы культурной памяти.

При этом важно помнить, что хороший оратор заучивает не фразы, а ход мыслей, общее содержание речи, общие места (топы), музыкальное построение высказывания. В связи с этим возникают вопросы. Почему у каждой говорящей личности формируется своя культурная память? Какие свидетельства о памяти хранит наука? Как время и место влияют на память, на отбор событий и имен?

Интересные размышления по этому поводу находим в статье А.П. Чехова от 1893 г. «Хорошая новость» об открытии нового курса – Декламации – в Московском государственном университете. Способность к воспроизведению опыта прошлого, хранению информации о вещах, именах и событиях – одно из основных качеств говорящей личности. Неслучайно в русской речевой культуре закрепляются идиоматические выражения «живая память», «вечная память» и «память сердца», рассматриваемая в науке как эмоциональная память чувств и способствующая развитию образной и словесно-логической памяти. Вспомним рассказ И.Л. Андроникова о феноменальной памяти И.И. Соллертинского, блестящий словесный стиль которого формировался под воздействием природной памяти: «Память у него была просто непостижимая. Если перед ним открывали книгу, которой он никогда не читал и даже видеть не мог, – он, мельком взглянув на страницы, бегло перелистав их, возвращал говоря: "Проверь". И какую бы страницу ему ни назвали, – произносил наизусть!». В статье «О Соллертинском всерьез» Иракий Луарсабович рассказывает об искусстве чтения лекций Соллертинским в разных областях науки и искусства, о широкой эрудиции великолепного ученого и ратора, обладающего поистине энциклопедическими знаниями и феноменальной памятью.

Какие же еще секреты работы над памятью предлагает нам риторическое учение? Например, хрестоматийное упоминание о следующем историческом факте: М.Т. Цицерон заучивал речи, мысленно гуляя по своему дому. Вступление ассоциировалось с входной дверью, тезис речи – с прихожей, другие части – с комнатами дома, менее значимые положения он связывал с различными предметами интерьера. Внимание, сила воображения, умение отбирать, систематизировать и воспроизводить идеи способствовали рождению образцовых речей великого ратора классической эпохи. М.Т. Цицерон восхвалял память Симонида, Феодекта, Киния, Гортензия и даже писал о памяти простых людей, об их умении и искусстве запоминать.

«Что такое память, нам не видно; но какова она – видно; а коли не это, то уж как она широка – заведомо видно. Так что же она? Может быть, мы вообразим в душе какую-то емкость, в которую, как в сосуд, стекаются все наши воспоминания? Но это нелепо: как она будет наполняться, и как представить себе такие очертания души, и вообще, что это за огромная получится емкость? Или, может быть, вообразить душу подобной воску, а память – следам

вещей, отпечатавшимся на воске? Но какие отпечатки могут оставлять слова и даже предметы, а главное – как безмерна должна быть величина этого воска, чтобы запечатлеть столько всего?» [5, с. 227–228]. Понятно, что речь идет о человеческой душе, о ее роли в формировании образцового высказывания. Позже духовные риторы, неоплатоники развивали идею божественной памяти. Память рассматривалась не как часть риторического канона, а как нечто целое: память, рассудок, воля, согласно Блаженному Августину, представляют собой образ Троицы в человеке.

В знаменитой «Исповеди» Августина Блаженного находим метафоризированные рассуждения о памяти: обширные дворцы памяти, кладовые памяти, укромные неопишуемые закоулки памяти, огромные палаты памяти, сокровищница памяти и др. В Средние века, начиная с XII в., в Европе появляются первые университеты. «Люди в средние века любили историю и думали исторически. Каждому новому событию они пытались найти аналогию в прошлом. Чтобы передать свой опыт будущим поколениям, они стремились как можно более точно и правдиво описать текущие события. Так создавались летописи и другие исторические сочинения» [3, с. 154]. В эпоху Ренессанса памяти приписывалась магическая функция. Признанными риторами того времени были Ф. Меланхтон, Ю.Ц. Скалигер, Г. Фосс, У.Ф. Гуттен и многие другие.

В христианской культуре память связана с традицией, наследованием. При этом важной составляющей здесь становится этос, связанный с местом, временем произношения речи и аудиторией, этика, представление о добре и зле, о грехах и добродетелях. На этой идеологической основе в конце XX в. было создано учение А.К. Михальской – о русском риторическом идеале. Русский риторический идеал рожден благоустраивающей силой природы и призван найти истину и изменить мир к лучшему. У каждого носителя языка существует представление об образцовой речи и о говорящей личности, отвечающей требованиям такой речи.

Очевидно, что искусству памяти следует учиться у актеров, декламаторов, чтецов, театральных деятелей и хороших рассказчиков, каким был И.Л. Андроников. Он много выступал в концертных залах, театрах, консерватории, на телевидении, блестяще произносил многочасовые монологи без всяких «бумажных» подсказок. Живой интерес образованной части общества, ее элиты вызывает телепередача «Линия жизни» на канале «Культура», когда в центре этого почти театрального действия оказывается Е. Вестник, В. Лановой, М. Ножкин, Т. Доронина, А. Баталов, В. Баринов, В. Зельдин – риторы, проповедующие духовные ценности, каждый со своим индивидуальным образцовым стилем и способностью диалектически мыслить, много и блестяще читать наизусть русскую и зарубежную классику.

Список литературы

1. Андроников И. Л. Избранные произведения : в 2 т. / И. Л. Андроников. – М. : Художественная литература, 1975. – Т. 2.
2. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. – СПб., 2000.
3. Волков А. А. Язык и мышление: Мировая загадка / А. А. Волков. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007.
4. Корнилова Е. Н. Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи / Е. Н. Корнилова. – М. : Изд-во МГУ, 2002.
5. Цицерон М. Т. Избранные сочинения / М. Т. Цицерон. – М. : Художественная литература, 1975.

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В ТЕКСТАХ РЭПЕРОВ ГЕРМАНИИ**

А.Н. Чурушкина

В статье изложены результаты классификации лексики, используемой рэперами Германии. Для анализа лексики используется описательно-классификационный метод, предполагающий наблюдение, обобщение, интерпретацию результатов. В ходе исследования выделены 10 лексико-семантических групп наиболее часто употребляемых существительных: обозначения лиц мужского, женского пола, представителей старшего поколения, денег, половых органов, оружия, наркотиков и продавцов наркотиков, деталей и марок автомобилей, профессиональной деятельности, ругательства. Все лексико-семантические группы соответствуют традиционным темам хип-хоп-культуры, таким как насилие, секс и наркотики, воспевание собственных достоинств и оскорбления соперников. В статье отмечается негативное влияние хип-хоп-культуры на молодое поколение в связи с употреблением рэперами нецензурной лексики.

In the article classification results of the lexicon used by the German rappers are given. For the lexicon analysis method of the descriptive classification is used, which supposes surveillance, generalization and interpretation of the results. During the investigation 10 lexical-semantic groups of the nouns are singled out, which are most frequently used: designation of males, females, older generation representatives, money, genitals, drugs and drug dealers, car models and details, professional occupation, swearwords. All lexical-semantic groups correspond to traditional themes of the hip-hop culture such as violence, sex and drugs, self-respect extolling and insult to the rivals. In the article the negative influence of the hip-hop culture on younger generation is noticed which is caused due to the usage by rappers of unquotable lexicon.

Ключевые слова: хип-хоп, рэп, лексико-семантическая группа, существительное, текст, классификация, лексическая единица, молодежный жаргон, тематическая группа, словосочетание.

Key-words: hip-hop, lexical-semantic group, noun, lyric, classification, lexical unit, youth slang, thematic group, word combination.

Языковой основой хип-хоп-культуры является рэп – быстрый, ритмический речитатив под музыку, который читается преимущественно молодыми исполнителями для молодой аудитории. Ведущую роль в рэп-композициях играет не музыка, а тексты. Анализируя тексты рэперов Германии, следует подчеркнуть, что к таким традиционным темам в хип-хоп-культуре, как насилие, секс и наркотики, воспевание собственных достоинств и оскорбление соперников, прибавляются рассуждения о семье, любви, об отношениях детей и родителей. Как мы уже отмечали, приверженцами хип-хоп-культуры являются молодые люди, в связи с чем язык текстов в стиле рэп близок молодежному языку и изобилует различными словами и выражениями молодежного жаргона, которые можно сгруппировать по понятийному принципу [3, с. 93]. Используя для анализа лексики с точки зрения семантики описательно-классификационный метод, предполагающий наблюдение, обобщение, интерпретацию результатов, мы выделяем 10 тематических групп:

- 1) обозначения лиц мужского пола (позитивные и негативные);
- 2) обозначения лиц женского пола;
- 3) обозначения родителей и представителей старшего поколения;

- 4) обозначения денег;
- 5) обозначения половых органов;
- 6) обозначения оружия;
- 7) обозначения наркотиков и продавцов наркотиков;
- 8) обозначения деталей и марок автомобилей;
- 9) обозначения профессиональной деятельности;
- 10) ругательства.

Классифицируя лексику, используемую рэперами, следует уделить особое внимание таким тематическим группам, как «**Обозначения лиц мужского пола**» и «**Обозначения лиц женского пола**», поскольку наиболее актуальны названия лиц, с которыми рэперы находятся в постоянном контакте. В данных группах мы выделяем подгруппы, содержащие позитивные и негативные обозначения мужчин и женщин. В специальных словарях, где собраны современные молодежные жаргонизмы, обращает на себя внимание обилие слов, используемых для обозначения и характеристики сверстников – девушек и юношей. У Г. Кюппера перечислено более 370 слов, обозначающих Mädchen. Это лексика, собранная по различным источникам и пользовавшаяся популярностью в разное время, слова, которые употребляют в непринужденной, раскованной манере, любовно, насмешливо или цинично молодые люди в своем кругу. Слов со значением “Junge” примерно в четыре раза меньше, и в большинстве своем это тоже, по-видимому, «мужские» слова. Из всего колоссального перечня слов с центральным значением “Mädchen” и “Junge” в ходу немногие [1, с. 154]. В текстах песен в стиле рэп группа существительных, обозначающих лиц мужского и женского пола, самая многочисленная из представленных в исследовании. Не все лексические единицы данной группы повторяются часто, однако отдельные слова повторяются во многих текстах как обращения, например, *der Bruder, der Junge, Jungs, der Freund, der Kumpel, der Alte, Alter, man*. Данные лексические единицы мы относим к подгруппе «*позитивные обозначения лиц мужского пола*», так как они несут положительную характеристику мужчин – друг, приятель, товарищ. Положительное значение при обращении имеет также слово “*der Hammer*”. В этой подгруппе мы выделяем ряд слов, которые не используются как обращения, следовательно, встречаются в текстах реже: *der Typ, der Freak, der Mann, der Kerl*. Одной из особенностей жанра является восхваление собственных достоинств, поэтому, даже если темой песни не является сам рэпер, элемент самовосхваления может присутствовать в большинстве песен. Нами отмечены следующие слова и словосочетания, с помощью которых рэпер характеризует свои достоинства и свое превосходство над другими: *der Beste, der beste Freund, die Bombe, der Chef, der Einzige und Wahre, der Erste, der Größte der Größten, der Held, ein guter Junge, der King (of Rap), der König, der Krasse, die Legende, echter Mann, die Goldkehle, der Labelboss, der Papa, der Vater, der Rapgott, der Schwergewichtsrappchampion, der Straßenjunge, der Terrorist, der Egoist, der Verbrecher, der Pitbull, der Banger, Womanizer, der Kanacke, der Führer, der Straßenrapper, das Topthema, der Traum-Man, der Mafiosi, ein Panzer auf zwei Beinen, der die Bomben spuckt*. Одним из самых распространенных слов при восхвалении себя является *der Bozz*.

«*Негативные обозначения лиц мужского пола*» рэперы используют при обращении к потенциальному или существующему сопернику, употребляя при этом в том числе грубые, вульгарные слова: *Der Bagger, der Beef, Bitch-Homo, der Dicke, der Feigling, der Feind, der Fettsack, der Ficker, der Fucker*,

die Fotze, das Gesocks, der Gremlin, der Homie, der Hurensohn, der Hundeficker, Kalb, der Kanacke, der Kinderficker, der Loser, der Penner, der Pisser, Pussi, der schwule abgefuckte Rapper, der Sack, der Schmock, arrogantes Schwein, der Schwule, der Spinner, der Stricher, die Tunte, der Wichser, ассимилировавшееся *der Motherfucker* и немецкий вариант *der Mutterficker*, а также названия различных животных, употребляемые как оскорбления: *das Schwein, die Ratte, der Hase, der Hund, der Affe, das Nagetier*. Следующие слова и словосочетания вне контекста не воспринимаются как грубые или вульгарные, но в рамках хип-хоп-культуры, приобретают негативное значение: *der Besserwesser, ein halbes Hemd, der kleine Mann, die Ballerina, kleiner Android*.

При обозначении представительниц противоположного пола рэпперы также используют нейтральную лексику и грубые слова и выражения, как и при обозначении мужчин. Среди общеупотребительных слов, не несущих в себе отрицательной характеристики, отметим такие, как *die Frau, die Ehefrau, die Karrierefrau, die Freundin, das Baby, Miss, Girl*, разговорные *das Mädchel, die Tussi, die Puppe, das Modell*. Также положительную коннотацию имеют слова и словосочетания *die Ladys, die Katze, das schöne Wesen, starke Frau, mein Schatz, etwas Besonderes, das Schönste vom schönsten, meine große Liebe, der Hammer, die Rapperin, mein Mädchen, das schwache Geschlecht, waschechte Gangsterbraut, coole Frau, mein Pfirsich, meine Nummer Eins*. При этом красота противоположного пола, а также сила или слабость в их положительном значении подчеркиваются такими прилагательными, как *schön, schwach, stark, cool, die beste, einzig*.

Если речь идет о девушке соперника, его матери или сестре, рэперы используют грубую лексику с целью оскорбления достоинств тех женщин, о которых идет речь. Негативное отношение рэперов к женщинам выражается с помощью следующих лексем: *die Emanzen, die Ziege, die Ghettochicks, die Zicke, die Schlampe, die Bitch, die Nutte, die Hure, die Sau, die Ficksau, das Flittchen, das Hühnchen, das Modepüpchen, die Bikinibitch, die Chick*. Негативизм по отношению к женщинам подчеркивается, как и в случае с позитивными наименованиями, прилагательными с отрицательной коннотацией: *wild, fett, ganz klein (Flittchen)*.

Кроме того, из приведенных примеров можно сделать вывод, что тексты песен рассчитаны на мужскую аудиторию, поскольку в качестве обращений использованы лишь слова мужского рода в единственном или во множественном числе. Рэперы ведут своего рода диалог в своих песнях с представителями сильного пола, обращаясь к ним, высказывая свое мнение. Только в одной песне рэпера Kool Savas "On Top" наряду с обращением *Bruder* зафиксировано обращение *Schwester*.

Интерес представляет также тематическая группа «**Обозначения родителей и представителей старшего поколения**». Для молодежного жаргона характерно обозначение родителей и людей старшего поколения другими словами, которые составляют одну из важных понятийных групп: *der Tattergreise, der Vadder, die Mudder, der Knacker, der Alde* или *der Alte*, хотя последнее слово может употребляться также и в значении «приятель». Помимо названных слов, в текстах песен в стиле рэп встречаются общеупотребительные слова *der Vater, die Mutter*, а также уменьшительно-ласкательные *die Mama, die Mutti, Mum, Mom, der Papa*. Чаше в текстах встречаются слова *die Mutter* и *die Mama*, поскольку рэперы с уважением отзываются о своих матерях; о матери соперника рэперы высказываются неуважительно, что подчеркнуто при-

лагательными перед словом *die Mutter*: *deine dicke Mutter*, или контекстом: *ich muss deine Mutter ficken; weil ich Sex mit deiner Mutter hatte; ich der Typ, der deine Mutter, während sie den Schwanz lutscht, anspuckt; ich zerficke deine Mutter; ich ficke sie bis zum Herzinfarkt; ich mache deiner Mutter Söhnchen*, в то время как своя мама остается для рэпера самой лучшей женщиной в мире: *die schönste Frau, starke Frau*.

В текстах в стиле рэп на немецком языке можно выделить также группу слов и словосочетаний, называющих «**Обозначения денег**». Одна из песен рэпера Kool Savas “Geldwelt” посвящена деньгам, которые «вращают» мир. В тексте данной песни рэпер использует 11 различных слов для обозначения понятия «деньги»: *die Mäuse, die Scheine, die Flocken, die Kohle, die Piepen, die Kröten, das Papier, das Cash, der Kies, der Zaster, Money*, помимо общеупотребительного литературного слова *das Geld*.

К данной понятийной группе можно отнести следующие существительные, встречающиеся в текстах рэперов Германии: *das Bargeld, das Schwarzgeld, das Schutzgeld, die Geldsumme, der Geldfluss, der Geldbetrag, der Euro, das Dollarzeichen, der Dollar, der Rubel, das Moos, die Scheine, die Flocken, die Mäuse, der Zaster, die Kohle, die Piepen, die Kröten, das Papier, das Cash, der Kies, die Knete, der Fuffi, Money* и, конечно, общеупотребительное *das Geld*.

Кроме того, для обозначения денег в текстах встречаются словосочетания, строящиеся по схеме:

1) прилагательное + существительное: *blutiges Geld, die großen Kohle, große Scheine, großes Geld, dicke Scheine, schmutziges Geld, leichte Kohle*;

2) существительное + существительное: *Ein Bündel Scheine, Haufen Geld, Tausend Euro*.

Исследуя частоту использования рэперами слов, обозначающих понятие «деньги», мы находим, что о деньгах речь идет в 224 из 300 проанализированных текстов. Это позволяет сделать вывод о том, что деньги являются для рэперов важной частью их жизни, подтверждением их статуса в шоу-бизнесе, а также яркой реалией современного мира, ведь неслучайно деньги воспеваются или, как минимум, упоминаются в большинстве текстов.

Тематическая группа «**Обозначения половых органов**» является не столь многочисленной, как, например, обозначения лиц женского, мужского пола или ругательства, однако по частотности употребления занимает далеко не последнее место. Тексты в стиле рэп изобилуют словами данной понятийной группы, поскольку рэперы, восхваляя себя, упоминают и о своих достижениях в половой жизни, а также, нанося оскорбления своим противникам, рассказывают о совершении половых актов с матерью, сестрой или девушкой соперника. Данная группа включает в себя 30 лексических единиц: *das Rohr, das Glied, der Dinger, die Ritze, der Dick, der Schwanz, der Pimmel, die Möse, die Fotze, die Schamhaare, der Loch, der Lolli, die Nippel, die Pisse, die Titten, der Penis, die Klit, der Hammer, der Stock, der Arsch, die Eier, der Männerschwanz, der Männerpenis, der Pferdeschwanz, die Muschi, die Bälle, die Penisprothese, der Kitzler, die Latte*. В текстах рэперы используют следующие прилагательные для характеристики половых органов: *dick, voluminös, riesig, klebrig, klein, hart, süß*. Прилагательные *dick, voluminös, riesig, hart, süß* рэперы используют при описании себя с целью подчеркнуть собственное превосходство.

Лексико-семантическая группа «**Обозначения оружия**» также представляет предмет споров и сравнения с другими рэперами с целью выяснения, кто представляется более влиятельным джентльменом. В текстах встречаются

названия различных видов оружия, например, *die Gun, die Knarre, die Waffe, der Knarrenlauf, die Beretta, (neun Millimeter) Waffe, die Schreckschussknarre, der Berettalauf, die Pistole, die Schnellschussknarre, die Flinte, die Pumpgun, das Gewehr*. Данная лексико-семантическая группа является немногочисленной, однако и она, по нашему мнению, оказывает негативное воздействие на слушателей, пропагандируя «разборки» с помощью оружия. Наиболее часто употребляемой лексической единицей данной группы можно назвать слово *Die Knarre*, которое встречается в текстах также в составе сложных существительных, таких, как *die Schreckschussknarre* или *die Schnellschussknarre*.

Мы выделяем также тематическую группу «**Обозначения наркотиков и продавцов наркотиков**», поскольку многие рэперы упоминают в своих текстах наркотики, а в композициях рэпера Kollegah запрещенные психотропные вещества упоминаются практически в каждой песне. Данную лексическую группу мы подразделяем на две подгруппы, которые представляют наименования наркотиков и людей, занимающихся их распространением и употреблением. «Названия наркотиков» предстали следующими существительными (26 лексических единиц): *die Koksreste, Kokain, der Stoff, Koka, das Gras, Coke, Crack, Weed, Bar, White-Widow, das Heroin, Crystal Meth, die Drogen, das Dope, das Rauschgift, der Kokainstaub, das Cokx, die Pille, der Drogenscheiß, Der Haschischmesser, die Haschischplatte, das Hero, Extasy (Ecstasy), das Pulver, Cannabis, Piece (Peace)*.

Рэперы не скрывают тот факт, что они употребляют и распространяют наркотические вещества, в связи с чем в текстах употребляются существительные, обозначающие продавцов наркотиков (10 лексических единиц): *der Heroticker, der Junky, der Kokshändler, ein Haschischdealer, der Grasticker, der Ticker, der Drogendealer, der Kockstricher, der Kokadealer, der Drogendezernate*.

Как мы отмечали, некоторые тексты изобилуют вышеназванными словами, указывая на то, что рэперы распространяют наркотики и употребляют их, демонстрируя тем самым цинизм, браваду. Масштабы их деятельности мы видим в таких словосочетаниях, как *den Stoff zentnerweise lagern, 2000 Euro pro Kilo, 1001 Gramm verkaufen in einer Nacht, 3 Kilo White-Widdow, 2 Kilo, 100-Gramm-Platten, riesige Kokaberge*. Исходя из масштабов деятельности рэперов в сфере торговли и распространения наркотиков, мы еще раз подчеркиваем отрицательное влияние рэперов на своих фанатов, на молодое поколение, которое слушает тексты в стиле рэп и принимает как идеал поведение своих кумиров. Негативное влияние наркотиков мы находим и в некоторых текстах. Так, в песне “Kollegah verarscht eine Frau am Telefon” представлен телефонный разговор, суть которого уловить трудно, в связи с чем женщина задает рэперу вопрос: “Ey, hast du es irgendwie mit Drogen?” (Kollegah). Текст песни “Sido und die Drogen” представляет собой набор отдельных слов, не связанных между собой смыслом:

Warte erst, ich komme endlich...! Hehe! Musste verstehehn man...hehe!

Ok, warte! Jetzt aber, jetzt wirklich! Jetzt mach an des Ding! (OK!)

Yeah! Yeah! Yeah! One, two! Sido am Mikrofon, ich mache alles...!

Scheiße man, Scheiße! Wie ging denn die Scheiße man!

«**Обозначения деталей и марок автомобилей**» мы изначально не выделяли как отдельную лексическую группу, однако анализ текстов показал необходимость описания данного пласта лексики, поскольку в текстах рэпера Koool Savas уделяется много внимания описанию автомобилей. Мы считаем важным выделение данной лексическо-семантической группы, потому что

машины являются неотъемлемой частью жизни рэперов, темой для соперничества и бахвальства, что уже стало традицией в хип-хоп-культуре. В некоторых текстах встречаются до 14 (Kool Savas “Komm mit mir”) названий марок автомобилей, что подчеркивает богатство и «крутизну» рэпера. Так, в текстах мы встречаем следующие названия автомобилей: *der BMW, der Daimler-Benz, 3er BMW, der Sportwagen, der Maybach, der Cadillac, Cadillac Escalade, Rolls Royce, Maserati, Karre, Geländejeep, der Mercedes, Range Rover, Sportwagen-Cabrios, Aston Martin Coupes, Lexus, Cabriolets, Porsche, Audi Avant, Lamborghini, Jeep, Ferrari, der Hummer, ein Mini* и сокращения *Lex, Cabrio, der Benz, 6-er, ein SL*.

Детали автомобиля и связанные с автомобильной семантикой слова представлены группой из 31 слова: *Der Mercedesstern, die Reifen, Chromleisten, der Scheinwerfer, der Stern, die Felgen (22-Zoll-Felgen), die Panzerfensterscheibe, der Ledersitz, die Haube, die Motorhaube, der Lenker, die Zündung, der Motor, das Airbag, der Scheibenwischer, die Windschutzscheibe, der Fensterheber, der Tank, der Zweisitzer, die Automatik, der Diesel, das Getriebe, die Stoßstange, ABS (антиблокировочная система), ESP (Электронная система контроля), DISTRONIC, der Kick-Start, die Spur, das Cabriodach, das Ferraricockpit*.

Группа «**Профессиональная деятельность**» (53 лексические единицы) включает в себя существительные, отображающие деятельность рэпера в его сценической жизни и представляющие собой хип-хоп-жаргонизмы. В нашем исследовании мы приводим только те слова, которые рэперы используют в своих текстах. Используемая лексика относится по большей части к такой составляющей хип-хоп-культуры, как рэп. Так, произведения и их части могут быть названы *Song, der Track, der Soundtrack, der Single, die Mucke, der Hook, Line, Hookline, Bridge, Splash, der Beat, der Flow, der Sprechgesang, Chart*; представители хип-хоп-культуры – *MC, DJ, der Ghetrapper, Zuhälterrapper, der Rap-Profi, der Battler, die Crew, der Graffitiprüher, der Fan, der Blümchenrapper, Homie, Toy, das Groupie (фанатка)*; направления хип-хоп-культуры – *HipHop, Rap, Zuhälterraap, der Freestyle, Graffiti, Bomberjackenrap, Blümchenrap, Blockrap, Oldschool, Newschool, das Biz, das Showbiz, Bomberstyle, Breakdance*, атрибуты и навыки – *Skills, Mic, der Turntable, das Vinyl, Label, die Hood*, уважение/вражда – *Battle, Beef, Fame, Respect, Disrespect, Diss*.

Группа «**Ругательства**» представлена во всех проанализированных нами текстах песен в стиле рэп, кроме песни Azad “Ich bete zu Dir” которая посвящена Богу. В связи с тем что хип-хоп изначально считался исключительно «мужским делом», и женщины в хип-хопе появились значительно позже, то и лексический состав языка рэперов отличается от повседневной речи наличием большого количества грубых слов, жестоких и вульгарных выражений сниженной лексики. Так, практически в каждом тексте встречаются слова и словосочетания *der Arsch, das Arschloch, arschficken, der Bastard, Bitch, die Scheiße, scheißegal, scheißen, Shit, ficken, der Ficker, der Hundeficker, fuck, der Fucker, das Ficken, kacken, verkacken, die Kacke, der Kacktext, Kackface, der Dreck, dreckig, verdammt, saufen, halt die Fresse, verpiss dich!*

Для создания эмоционально-окрашенных языковых единиц рэперы используют элемент *scheiß-* в качестве первого компонента сложных слов, который может добавляться практически к любому существительному, прилагательному или наречию: *das Scheißwetter, scheißegal, das Scheißlied*.

Таким образом, в исследуемых текстах преобладает грубая, сниженная лексика. Трудно не согласиться с К.Ф. Седовым в том, что языковая личность, использующая в своей речи нецензурную лексику, «обнажает свою интеллектуальную скудность и духовное плебейство, следствием которого становится низкий уровень социолингвистической компетенции» [2, с. 230]. Мы не в праве выносить «окончательный приговор» исполнителям рэпа, тем более, что некоторые из них получили гимназическое образование, но злоупотребление нецензурной лексикой дает отрицательную характеристику их речевому поведению и уровню речевой культуры. Мы учитываем, что жанр, в котором исполняют свои композиции музыканты, требует от исполнителей определенной степени брутальности, грубости и даже жестокости, однако песни в стиле рэп, наполненные грубой, нецензурной, вульгарной лексикой, которые заучиваются фанатами наизусть и цитируются при любом удобном случае, можно назвать угрозой повседневной разговорной литературной речи.

Список литературы

1. Розен Е. В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. – М. : Просвещение, 1991. – 190 с.
2. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – 320 с.
3. Чурушкина А. Н. Характеристика языка современной немецкой молодежи / А. Н. Чурушкина // Язык, перевод и межкультурная коммуникация : мат-лы Регион. науч. конф. (13–14 октября 2005 г.). – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2005. – 248 с.

METHODS OF VERBAL INFLUENCE OF TEXTUAL LEVEL REFLECTING CONCEPTUAL WORLD IMAGE (Media Language as Example)

E.I. Glinchevskiy

В данной статье анализируется сущность и роль речевого воздействия в языке СМИ с точки зрения его способности оказывать существенное влияние на восприятие и осмысление массовой аудиторией происходящих событий и явлений. Целью данной статьи является анализ особенностей ряда методов речевого воздействия, выделенных автором данной статьи и используемых в языке СМИ на уровне текста.

This paper analyzes the essence and the role of verbal influence in the language of mass media from the view-point of its ability to exert a substantial impact upon mass audiences' perception and comprehension of happening events and phenomena; its ultimate goal is analyzing the peculiarities of a number of methods of verbal influence specified by the author of this article and applied at the level of an entire media text.

Ключевые слова: язык СМИ, медиатекст, речевое воздействие, функции речи, текстовый уровень, концептуальная картина мира, концепт, языковая картина мира, методы речевого воздействия.

Key words: mass media language, media text, verbal influence, functions of speech, textual level, conceptual world image, concept, language world image, methods of verbal influence.

Present-day Linguistics pays much attention to the issue of how language reflects humans' internal mental world. Being a universal system of signs [8, p. 56–57], a human language is potentially capable of expressing everything that emerges

in the human conscience, and this is its advantage over other systems of conventional signs; thanks to that, humans can share their world-vision and their attitudes, emotions, feelings, images, evaluations of phenomena, of objects, and of events taking place in the real world by means of a language. Thus, language becomes both a mirror and a tool of a human being's internal world. It acts as a mirror of the internal mental world, since its units (words, morphemes, sentences, etc.) reflect the world-vision of a particular individual; on the other hand, it acts as its tool, since it enables an individual to share their world-vision with other people, thus exerting an impact upon other people's subjective perception of the objectively existing real world.

For the last two decades, a number of research papers concerning the link between language units and the mental world of a human being have been written and published¹. Basically, the authors of such works operate with two fundamental notions – “*concept*” and “*world image*”.

“A world image is a fundamental global image of the world, which forms the foundation of a human's world-view and which represents the world's essential properties as its bearers comprehend it and which results the entire spiritual activities of a human”² [5, p. 123]. This definition of the notion “world image” by O.D. Ivitskaya (which, in our view, is one of its best definitions) reveals a distinct link between humans' subjective images and their mental activities, which, in their turn, are based on human beings' perception of the objectively existing reality, of objectively existing phenomena, events, and facts. Yet, in our opinion, one should add the following principal point to this definition: any mental activities and any image is of undoubtedly subjective character, it is a subjective reflection of the objectively existing world.

As for the notion “concept”, let us provide our own definition: a concept is a complicated mental formation existing in the human conscience; it acts as an aggregate reflection of both objectively existing and subjective peculiar features of a particular phenomenon or object; it can be verbalized by means of a human language.

The said above makes it possible to make three further statements that become the main theoretical points of this article:

1. In their entire aggregate, concepts compose what is basically named “*the conceptual world image*”, which represents the real world that is perceived and comprehended through a prism of subjective images. According to A.A. Zalevskaya, the conceptual world image is humans' single informational base [13].

2. Since language is a universal system of signs potentially capable of reflecting practically everything that emerges in a human's mind, then subjectively arising images, emotions, feeling, evaluations, and any other subjectively existing products of a human's mind can certainly be expressed by means of language. “In itself, a natural language is not a conceptual system; figuratively speaking, it is “interwoven” into this system, it serves for further construction and symbolic imagination of the contents of a definite conceptual system” [6, p. 117].

¹ Works by the following authors could be an example of fundamental research papers relevant to concepts and to their language manifestation: S.A. Askoldov, D.S. Likhachyev, A. Wierzbicka, V.I. Karasik, Yu.S. Stepanov, I.A. Sternin, N.D. Arutyunova, N.F. Alefirenko, G.G. Slyshkin, B.A. Serebrennikov, M.V. Nikitin, V.N. Teliya, Z.D. Popova, V.A. Maslova, E.S. Kubryakova, etc.

² Here and below, all the citations are provided in a word-for-word English translation from the Russian originals listed in the References below.

3. Being applied to reflect the conceptual world image, language forms what is named “*the language world image*”, which includes language units [11] of various levels (lexemes, morphemes, sentences, etc.) that have acquired certain semantic contents. Such language units perform the verbal manifestation of the conceptual world image (which is the information base, some kind of a supplier for the language world image); for this goal, they are frequently attributed subjective connotation meanings and nuances that fill them with rich semantic contents.

“...studying the language world image is necessary to describe and to model concepts, and thus, the conceptual world image, whose constituents they are, since in this case language norms are a means to access the humans’ conceptual sphere; they also favor the revelation of cognitive structures of conscience denoted by language. Most researchers agree that apparently, no more convenient access to the cognitive world image exists” [2, p. 31–32].

Agreeing with the cited utterance, we should add that not only language units (phonemes, morphemes, lexemes, or sentences) or a whole text can be a research object for Philology; a concept verbalized by means of a definite language can also be its research object.

Following the above statement about a rich variety of subjective connotation meanings and nuances that provide language units with rich semantic contents, one should say that actually, the plane of contents of a language sign acts as a vivid invariant verbal manifestation of a particular concept. Since not all the styles of speech are aimed to contain subjectively-attributed emotional, evaluating, or figurative meanings, it makes it possible to state that only particular styles of speech are able to verbalize the conceptual world image in the most versatile and varied way. Those are the artistic literature style, the colloquial style, and the journalistic style that is represented with numerous so-called *media texts* – texts intentionally written to be published by the mass media (this notion being introduced by T.G. Dobrosklonkaya) [4].

To specify the reason why it is these three styles that are able to provide a vivid invariant verbal manifestation of the conceptual sphere, one should say that it is the function of *verbal influence* that enables them to achieve this goal. Following the doctrine of functions of speech by V.V. Vinogradov [12], this paper specifies such functions of speech as communication, information, and influence. With the communicative function lying in the foundation of humans’ application of speech in their overall everyday activities, the informative and the influencing functions are deemed to perform basically different functions from the view-point of providing a verbal manifestation of the conceptual world image. In itself, a delivery of bare information (i.e. of information that contains no emotions or feelings, no individually-expressed emotional figurative evaluations, no additional subjectively-attributed connotations) is evidently typical for those styles of speech that are indeed regarded as informative styles (scientific, official documentary, etc.). On the contrary, the artistic literature and the journalistic styles perform the function of verbal influence in the maximal degree (as specified by V.V. Vinogradov, with whom we definitely agree). It is this function thanks to which language units and whole texts are filled with rich, vivid contents.

Basically agreeing with the definition of verbal influence by E.F. Tarasov that it implies “regulating a human being’s activities by another human being by means of speech” [10, p. 3], we would add that any human being’s activities are based on their internal mental activities that take place in their mind, which makes it possible to state that humans’ mental conscious activities are a primary goal of verbal influence.

“Any verbal influence is simultaneously an act of communication and a means to achieve a non-speech goal, i.e. it spans a wide range of human relations” [9, p. 3]. In our view, this “non-speech goal” of verbal influence mentioned by I.R. Styopkin is to exert a considerable impact upon the individual conceptual world image of an addressee of a communicative message, and this is a peculiar feature of media texts that represent the journalistic style of speech. The three following citations contribute to this statement.

“...verbal influence deals with altering an individual conscience, or, which is synonymic for us, with altering an implicit world image” [7, p. 325].

“...influence exerted by a text can result in essential changes in readers’ psychology, in their reformed system of values, in transformations of their vital world. A text offers an alternative look at the world of our reality, builds up a “possible” world (reveals a prospect of spiritual alternative existence), and we can settle in this new world” [1, p. 26].

“It (*i.e. verbal influence – E.G.*) is performed from the position of the author of the text, from their gnosiological and psychological attitudes. Those attitudes are aimed to describe the world, to change the world, and to estimate it in order to influence the recipient’s intelligence, emotions, and will” [3, p. 5].

Thus, the function of verbal influence in a media text is able to exert a powerful impact upon a recipient of a communicative message, thus causing them to alter their subjective perception and their subjective attitudes towards what is taking place in the objective reality. Owing to the present-day enormous role of mass media in the human society, media texts cannot but exert influence upon their audiences by means of specific methods.

The ultimate goal of this paper is to analyze methods of verbal influence that are relevant to the textual level. Let us list them and analyze their essence in this paper.

Being relevant to the level of an entire text, all the methods listed hereunder reflect their authors’ attitudes towards the phenomena that they write about. We have taken the phenomenon of terrorism, since this phenomenon has been paid a lot of attention in the world press for the last decade; one could say that this is one of the most frequently and acutely concerned phenomena in the present-day media language.

1. The first method to be analyzed in this paper is the argumentative commentary of what has happened. As no other method of verbal influence to be exerted upon readers, it provides an open appeal to their minds by means of logical, rational arguments. This method is applied mostly in analytical commentaries to provide rational and sound arguments to defend an author’s view-point upon what is being written about.

Let us provide the media text “The Radicals Are Desperate” published by “Newsweek” (of March 15, 2004) by Fareed Zakaria that concerns the prospects of Islamist terrorism. The author expresses his view-point quite distinctly: the Islamist terrorism has no future and no prospects; it is doomed to lose popularity among Muslim masses due to the following reasons, each of them being analyzed in details: very few Muslims want a Taliban-style regime and way of life; Al-Qaeda and similar terroristic organizations hate Shiites and thus deepen the already existing acute split between the Sunni and the Shia in the Muslim world; terrorists have killed lots of their fellow believers in terroristic acts and thus have acquired an image of marginal criminals among millions of peaceful Moslems. Grounding on these arguments, the author expresses his final thought: the war against the Islamist terror is not a war between civilizations – it is primarily a war within the Muslim

civilization, between moderate Muslims and radicals, and radicals are undoubtedly losing the war against modernity.

To add to the said in the previous paragraph, let us pay attention to the fact that the author of this media text bears a Moslem-sounding name, which could favor the power of his arguments: a Muslim man lives within the Muslim environment and thus he must be aware of attitudes and moods that reign in the Muslim society. In his other media text “Terrorists Don’t Need States” (of March 29, 2004), the same author expresses another key thought of his: terrorism has become much more dangerous nowadays, since it does not need the support of a state any more, as it used to be in the late 20th century: its current fundamental support is the radical ideology that has united dozens of terroristic cells all over the planet into one whole chain; so the current situation is opposite to the past situation: states used to support terrorism that used to be of local character; now terrorism supports radical states (e.g. the Taliban regime in Afghanistan prior to its overthrow by the NATO) and has acquired a world-wide character, since its activities are performed by small obscure cells across the world united by a global ideology.

2. The second method is the axiological evaluation of events, frequently from the view-point of basic moral and cultural values. This method is of much more emotional character than the previous one. For instance, the text “No Greater Love” (Newsweek, Sept. 11, 2006) evaluates terrorism from the view-point of basic Christian values: terrorists who wanted to fly a hijacked plane into the White House were a symbol of evil, and the passengers of that plane (United Flight 93) are heroes, since they sacrificed with their lives: they fought terrorists and wrecked the terrorists’ plans to perform a bloody massacre in Washington. The basic Christian precept is “There is no greater love than to lay down one’s life for one’s friends”, and its fragment has become the title of this text to emphasize the author’s view upon what happened on board of that plane.

“Tears of 9/11 Rush Back as Children Read Names” (USA Today, Sept. 11, 2003) – this is another example how the author’s emotional and empathic evaluation contributed to the power of verbal influence that this text exerts upon its readers. The basic idea of this text is similar to the previous text: terrorists have performed an act of outrageous cruelty, of senseless atrocity, which has brought nothing but grief and tears to numerous innocent people. The emotional, tear-provoking description of the mourning ceremony on Ground Zero provides an efficient verbal impact upon anyone reading this text.

As for the events that took place in Russia, the emotional influencing power of the media text “Healing Continues for Beslan’s Kids” (Newsweek, Dec. 23, 2004) and its tearful description of the atmosphere of horror and grief in Beslan also contributes to extremely negative evaluations to terrorism and terrorists: terrorism is barbarous, outrageous, and inhuman; it defies even the most basic human value – the value of human life.

3. The three texts that have illustrated an axiological evaluation of terrorism could also be an illustration of another textual means of verbal influence: efficient text composition and division. For instance, the above mentioned text “No Greater Love” is written in the telegraphic style to reconstruct the entire sequence of what happened on board of United 93. Short simple sentences, two or three-line brief paragraphs create a tensed, laconic, sequential, and at the same time very emotional description of the passengers’ heroic deed. Subtitles (even outlined with bold letters) contribute to an integral reconstruction of the entire chronicle of those events. Similar descriptions of grief and tears in the texts “Healing Continues for Beslan’s

Kids” and “Tears of 9/11 Rush Back as Children Read Names”, where any part of the texts (introductions, conclusions, intermediate conclusions, subtitles, main thoughts) is used to emphasize the inhuman nature of terrorists’ atrocities.

4. Authors’ individual interpretation of key notions actually becomes a key to comprehend the authors’ overall views upon what is being written about. It may be either purely rational or definitely emotional. For instance, the media text “What Is International Terrorism?” (Christian Science monitor, May 14, 1986) provides an absolutely rational description of the process of terrorism internationalization. The author interprets the notion “international terrorism”: “International terrorism, coming from groups sent by various state sponsors to attack third-party interests on foreign soil”. This definition is a starting point for the author to describe the entire process of terrorism transformation and internationalization to defend his basic view-point: the problem terrorism is becoming much more acute nowadays, in comparison with the past decades.

An emotional interpretation of a key notion is also possible; the verbal impact exerted upon a reader is enforced by awaking turbulent emotions and feelings while perceiving the described events and phenomena. “What the Bible Says about Fighting Terrorism” (Newsweek, July 19, 2006) by Marc Gellman is a bright example of that. The author provides a vivid, emotional comparison of terrorism with Amalek who intended to annihilate Jews fleeing from Egypt. In our view, the following citation from this text does not require any additional comments: “Our enemies are just our enemies except if our enemy is Amalek. In that case our enemy is also the enemy of God. Amalek thus become the symbol of terrorism in every generation. He is the symbol not of evil but of radical evil. In our generation Amalek is alive and well and killing the weak ones at the rear of the march”. Actually, this is the author’s definition of the notion “terrorism”, which acts as the central notion this media text: terrorism is radical, satanic evil aiming to slay the weakest and the innocent. This emotional definition actually becomes the idea of this text.

5. A quality interpretation of events and phenomena provides a distinct causative-consecutive link (as comprehended by the author of a media text) between the past, the present, and the future: reasons, causes, consequences, preconditions, present-day and future significance, what it all means, etc. For instance, the authors of the media text “Islamic Radicals Can Find Nest in Nations of Europe” (USA Today, July 10, 2005) interpret the development of terroristic activities in Europe not from the view-point of a conflict between civilizations, not from the position of cultural, religious, or moral preconditions, but from the position of social and political preconditions – a wrong policy of European governments that favored the emergence of powerful Moslem diasporas in the West, which contributed to the development of the world terrorism. To prove this view-point, they cite a number of US and UK officials whose activities make them competent in this field.

The interpretation of war on terror provided in the media text “The New Age of Terror” (Newsweek, Aug. 21, 2006) is very similar to that of the previously referred text. Its author starts his large-size text with a rhetorical question: “Have we learned anything since 9/11?” to develop the following idea: countries fighting terrorism have been making a most serious mistake by paying little attention to their “fifth column” (i.e. to their permanent Islamist residents who are potential terrorists) and by paying too much attention to their external rivals, such as Iraq. “Bush has doggedly argued that it is better to fight the terrorists in Iraq than to fight them on the streets of New York. It increasingly appears that terrorists have spilled into the streets of Britain as well. For years, European and American intelligence ser-

vices bleakly joked about “Londonistan”, the London neighborhoods where radical imams like the notorious hook-handed Abu Hamza al-Masri spewed hatred and harbored suspected terrorists”.

Another example is the text by Daniel Striff “How a Bad US Visit Influenced Osama’s Brain” (Newsweek, Oct. 07, 2005). The author states that it was probably the book “Milestones” by the Islamic radical ideologist Sayyid Qutb who is popular in the Arabic world that has influenced other Islamists’ world-view and beliefs. He analyzes the major points of Qutb’s work, which was written after Qutb’s visit to the United States in 1948; as a result, Qutb felt a very acute aversion of the Western world and wrote his book that was evidently able to inspire other radicals, including bin Laden. Thus, the emergence of Islamist terrorism is interpreted here as a consequence of a most profound abyss between the Western Christian and the Moslem Oriental civilizations.

Having analyzed the five methods of argumentative verbal influence that are applied in media texts to exert a considerable impact upon their readers’ conceptual world image by means of language, one could make the following conclusion: efficient verbal influence can be exerted within the scope of an entire media text by means of clear and unambiguous perception, interpretation, and presentation of described events and phenomena from an author’s view-point. Authors’ distinctly and vividly expressed evaluations, emotions, feelings, and interpretations can definitely contribute to an efficient composition of a media text, which cannot but exert a powerful impact upon its readers’ perception of the surrounding world.

References

1. Abramov S. R. Vozdeystvie teksta na chitatelya kak germenevticheskaya problema (Influence Exerted by Text upon Reader as Hermeneutic Problem) / S. R. Abramov // Problemy rechevogo vozdeystviya : mat-ly Vseros. nauch. konf. (Limanchik-96) / red. L. B. Savenkova. – Rostov-na-Donu, 1996. – Vyp. 1: Rechevye tseli i sredstva ikh realizatsii. – S. 25–26.
2. Balashova E. Yu. Kontsepty lyubov' i nenavist' v russkom i amerikanskom yazykovykh soznaniyakh (Concepts “Love” & “Hatred” in Russian & in American Language Conscience) : dis. ... kand. filol. nauk / E. Yu. Balashova. – Saratov, 2004. – 262 s.
3. Baranov A. G. Model' rechevogo vozdeystviya: avtor vs retsipient (Model of Verbal Influence: Author VS Recipient) / A. G. Baranov // Problemy rechevogo vozdeystviya : mat-ly Vseros. nauch. konf. (Limanchik-96). – Rostov-na-Donu, 1996. – Vyp. 1. Rechevye tseli i sredstva ikh realizatsii / red. L. B. Savenkova. – S. 5–7.
4. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya media tekstov: (Opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy media rechi) (Issues of Researching Media Texts: (Experience of Researching Modern English Media Speech) / T. G. Dobrosklonskaya. – M. : Dialog-MGU : Maks-press, 2000. – 287 s.
5. Ivitskaya O. D. K voprosu o natsional'noy yazykovoy lichnosti i razlichiyakh v nominativnoy kartine mira (na primere Velikobritanii) (Issue of National Language Personality & Differences in Nominative Image of World) / O. D. Ivitskaya // Yubileynyy sbornik statey. – M. : Nauchno-obrazovatel'nyy tsentr “Shkola Kitaygorodskoy”, 2000. – S. 122–142.
6. Pavilyonis R. Y. Problema smysla. Sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka (Problem of Meaning. Modern Logical & Philosophical Analysis of Language) / R. Y. Pavilyonis. – M. : Mysl', 1983. – 295 s.
7. Petrenko V. F. Osnovy psikhosemantiki (Fundamentals of Psychological Semantics) / V. F. Petrenko. – M. : MGU, 1997. – 398 s.
8. Rozhdestvenskiy Yu. V. Teoriya ritoriki (Theory of Rhetoric) / Yu. V. Rozhdestvenskiy. – M. : Dobrosvet, 1997. – 597 s.
9. Styopkin I. R. Rechevoe vozdeystvie: problema ponimaniya inokul'turnogo teksta (Verbal Influence: Problem of Comprehending Text of Another Culture) : dis. ... kand. filol. nauk / I. R. Stepkin. – M., 2001. – 161 s.

10. Tarasov E. F. Rechevoe vozdeystvie v sfere massovoy kommunikatsii (Verbal Influence in Sphere of Mass Communication) / E. F. Tarasov [i dr.]. – М. : Nauka, 1990. – 138 s.
11. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (Language & Intercultural Communication) / S. G. Ter-Minasova. – М. : Slovo, 2000. – 264 s.
12. Vinogradov V. V. Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika (Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics) / V. V. Vinogradov. – М. : Vysshaya shkola, 1963. – 253 s.
13. Zalevskaya A. A. Pskhilingvisticheskiy podkhod k problemam kontsepta (Psychological Linguistic Approach towards Issues of Concept) / A. A. Zalevskaya // Metodologicheskie problemy sovremennoy lingvistiki. – Voronezh : Izd-vo VGU, 2001. – S. 36–44.

THE MAIN STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF THE ENGLISH RELIGIOUS-POPULAR DISCOURSE

Y.V. Ocheredko

Статья рассматривает главные характерные особенности английской религиозно-популярной беседы. Автор сосредоточивает внимание на цели, понятиях, участниках и жанрах этого вида беседы. Рассматриваются определенные коммуникативные стратегии и лексические пункты, стилистические приемы и графические выразительные средства.

The article considers the main characteristic peculiarities of the English religious-popular discourse. The author focuses on the aim, the concepts, the participants and the genres of this kind of discourse. Specific communicative strategies and lexical items are viewed, both stylistic devices and graphic expressive means are marked in the article.

Ключевые слова: религиозно-популярный дискурс, концепты, конгломератный речевой жанр, участники, коммуникативные стратегии, лексические единицы, стилистические приемы, графические выразительные средства.

Key words: religious-popular discourse, concepts, conglomerate speech genre, participants, communicative strategies, lexical items, stylistic devices, graphic expressive means.

The religious-popular discourse is one of the types of the religious discourse, which is stated on the point of view of institutionalism (along with the religious discourse and the theological discourse. The English religious-popular discourse is a complex, complicated and multilateral phenomenon. From the point of view of sociolinguistics religious-popular discourse is a status-oriented type of communication. In fact, it is an institutional communication, but with a special type of the institute. That's why we can say, that religious-popular discourse is something in between the religious-popular discourse and the mass-informational discourse. The structure of the religious-popular discourse is variable, but some components are inflexible.

The religious-popular discourse has much in common with the mass communication, but they don't coincide entirely. The religious-popular communication in the English language usually has both a mediated character (by means of a computer, a telephone – genres: “Internet-letter”, “religious conversation”) and a spontaneous character (that is “face-to-face communication” – genres: “religious conversation”, “popular sermon”). Religious-popular communication is a mutually-directed, social process, as its values concern the interests of some English-

speaking religious groups, the aims of which – to extend the amount of their believers.

Among the most important aspects of the English religious-popular discourse we can point out such main concepts as “God”, “faith” and “salvation”, which can be expressed in a different succession and with a different lexical variation in a discourse practice.

Analyzing the genre peculiarities of the English religious-popular discourse we come to the conclusion that the English religious-popular discourse is a conglomerate speech genre, which includes features of the following types of communication: institutional, everyday, mass-communicative, religious and ritual communication and it has a specific compositional structure. Basing on such parameters of a speech genre as: communicative goal, conception of an author, conception of an addressee, subject-matter, factor of a communicative past, factor of a communicative future, parameter of a linguistic realization and a communicative key (зд. тональность), we can point out in the English religious-popular discourse the following genres:

- 1) “religious conversation”;
- 2) “popular sermon”;
- 3) “religious-popular article”, including subgenres: “article in popular editions”, “religious-popular leaflet”, “popular-entertaining materials”;
- 4) “religious-popular letter” and its subgenres: “personal letter” and “Internet-letter”.

Each of the above-mentioned genres has its own distinguishable characteristics, structural peculiarities, intonation and verbal specifications and strategies.

The main participants of the English religious-popular discourse are a missionary (agent), God (superagent) and a potential adherent (client). Thematic relations between the participants in this kind of discourse are organized in the following way: “agent – client”, “agent – potential client”, “agent₁– agent₂”, “agent– superagent”, “client – agent– superagent”.

The peculiarity of this kind of discourse is that superagent is not necessarily God himself, it can be one of the agents. It’s also important, that agents are represented more differentially than clients. An agent in the religious-popular discourse can be *concrete* (genre “religious-popular conversation”, “personal letter”) and *abstract* (genre “religious-popular article”, “Internet-letter”). The peculiarity of a religious-popular discourse, as we see it, is that an agent acts in such a way, so that clients from abstract ones became concrete partners, believers.

In the English religious-popular discourse we can find three main groups of communicative strategies:

- 1) discourse strategies, such as: phatic (зд. контактоустанавливающая) strategy, modeling strategy, appellative strategy;
- 2) religious-discourse strategies: strategy of involvement, ritual strategy, the strategy of support;
- 3) religious-popular-discourse strategies: explanatory strategy and adaptive strategy.

Phatic strategy has its aim to make a contact between the potential participants of the communication and to arouse interest of the participants for the communication. It is made by means of different questions:

- 1) question-problem, for example: (*The Bible: just a good book?*);
- 2) question-statement, for example: (*Life: how did it get here? By evolution or by creation?*);

3) question-order (зд. побуждение), for example: (*Ethnic harmony is it possible?*).

Modeling strategy of the English religious-popular discourse has its aim to model and organize the process of the participants' interaction. This strategy is mainly actualized by means of imperative mood in the form of:

1) advice, for example: (*Teach your children to love Jehovah!*);

2) appeal, for example: (*Let the Congregation praise Jehovah*).

Appellative strategy is realized by means of direct addressing to the God, by the function of speech acts:

1) pray to the God, for example: (*God (heaven) forbid; for God's sake!; May God give everybody as good*);

2) showing of believers their emotions by means of spontaneous exclamations of an interjection character, for example: (*Great God (Lord)! Oh, God! My Goodness! Almighty God, God's truth!*).

The strategy of involvement of the English religious-popular discourse has its aim to attract attention of as much clients to a religious doctrine as possible. This strategy is realized by means of:

1) hyperbole, for example: (*Death a dreadful reality!.. Is there a remedy for death? The following article provides Scriptural answers to these questions...*);

2) humor, or even sarcasm, for example: (*One man says to the other: "You know, I've read the book in which a Jew was the main hero." "Well – says the other – I've read it already, it's a Bible!"*).

Ritual strategy is verbally realized by means of appeal to the God (as an illocutionary force).

The strategy of support has its aim to help client, to instruct him within the bounds of this discursive model. This strategy is realized mainly by means of persuading and affirming replies, for example: (*How precious to Jehovah are all those who are faithful!*).

Explanatory strategy of the English religious-popular discourse has its aim to explain and interpret the main principles of some religious teaching to the client. This strategy is realized mainly in the form of:

1) a story-telling or a narration of some truth (зд. истина);

2) contrastive speech and exposing causal links, which show the client, that he's chosen the so-called "right" religious teaching, for example: (*"In my opinion, if we have not achieved peace, it's because people forget its most fundamental aspect. Before we talk about peace among nations, we must settle our peace with God"- Reverend Sun Myung Moon*).

Adaptive strategy has its aim to simplify the content and the form of religious Holy Scriptures, by means of different examples of a modern life.

The English religious-popular discourse is a multigenre variety of a monologic and dialogical speech, which is characterized by a number of specific means. So, in this connection, peculiarity of a conversation of that type of the discourse is based on the use of lexical items, which belong to different styles in accordance with the pragmatic goals and aims of such type of communication. Most frequently in analyzing texts we can find out:

1) poetisms, for example: (*"If you are married, your closest neighbor is your spouse, so be honest and specific about feelings when talking to your mate. /spouse – супруг, супруга/*);

2) bookish words, for example: (*"As demonstrated in the altercation quoted earlier, some problems may evoke strong emotions". /altercation – ссора/*);

3) biblical expressions, sometimes even word combinations, which are nowadays phrasemes, fixed expressions, phraseological units and proverbs, for example: (*safe and sound; to be in a melting pot; seeing is believing; not for the love of money*).

Means of expression and stylistic devices of syntax in the texts of English religious-popular discourse play a very important role not only in the technique of depicting, but they also help in exposing of such factor of style as interaction of a reflecting reality and of such qualities of an individual as his way of thinking, his character and peculiarities of speech perception of an addressee. In the result of the analysis of syntactical peculiarities of the English religious-popular discourse, we come to conclusion, that more frequently in the texts of such type of communication we can find such expressive means of the language as:

- 1) inversion, for example: (*Often, blatant dishonesty is involved*);
- 2) rhetorical question, for example: (*What makes people act cruelly? Will cruelty ever end? And if so, how and when?*);
- 3) parallel constructions, for example: (*Try to choose the right time, the right setting, the right words to state your concerns*);
- 4) nominative mononuclear sentences, for example: (*Deliverance. Liberation. Salvation. For centuries, people have longed for relief from burdens and cares*);
- 5) asyndeton, for example: (*Biblical and secular history contain many examples of people who stole, perverted justice, prostituted themselves, committed murder, betrayed others, lied – all for money*);
- 6) inserted constructions of different types, for example: (*Claudius, another one of Jehovah's Witnesses, left his office earlier than usual*).

It is found out, that the main aim of using such means of expression is to make the speech expressive, emotional and bright, so as to shorten the distance between the participants of the communication in some genres of the discourse.

Besides, within the boundaries of the English religious-popular discourse different graphic expressive means are used. Among such means we can point out:

- 1) using of different kinds of brackets, for example: (*“And all the nations will be gathered before the Son of man [Jesus], and he will separate people one from another... And these [wicked ones] will depart into everlasting cutting-off, but the righteous ones into everlasting life.”*);
- 2) accentuation of some words with the capital letters, for example: (*God's Kingdom, Paradise, Ruler, the Source of Love, The Word of the Creator, Hell, Satan the Devil*);
- 3) cursive writing of some sentences, so as to reflect their intonation, for example: (*What is God's Kingdom? What does the Bible really teach?*).

Further more, it is found out, that religious-popular texts are composed according to the special structural type and they consist of three parts: the title, the body and the closing phrase. Each of them is usually marked graphically. All these graphic expressive means are a special system of signs and rules of their using and they fulfill expressive-emotional function in the texts of the English religious-popular discourse.

Upon the whole, we can say, that the English religious-popular discourse is a complicated, complex and multilateral phenomenon. And it has the following constitutive features: adaptation of some religious ideas and thoughts, presentation of a creed or a doctrine by means of rituals.

References

1. Awake! – August, 2007. – 32 p.
2. Awake! – August, 2009. – 32 p.
3. Jehovah's Witnesses: proclaimers of the God's Kingdom. – Watch Tower Bible Tract Society of Pennsylvania, 1993. – 750 p.
4. Reverend Sun Myung Moon: Peacemaker and Unifier. – Washington DC. Global Image Associates, 1990. – 224 p.
5. The Watchtower. – April 15, 2007. – 32 p.
6. The Watchtower. – August 1, 2005. – 32 p.
7. The Watchtower. – August 1, 2009. – 32 p.
8. The Watchtower. – July 1, 2007. – 32 p.

ТВОРЧЕСТВО ЙЫРЧЫ КАЗАКА: ИСТОРИСОФСКИЙ АСПЕКТ

Р.З. Акавов

Статья посвящена творчеству кумыкского поэта XIX в. Й. Казака, рассмотренного в интересующем нас культурно-историческом историсофском аспекте изучения художественного метода. Особую актуальность приобретает в настоящее время новое прочтение Й. Казака в его диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности с мировоззрением, с идейными и общественно-эстетическими установками поэта.

Article is devoted to creativity of the kumytsky poet of the XIXth century of J. Kazaka considered in cultural and historical istoriosofsky aspect interesting us of studying of an art method. The special urgency is got now by J. Kazaka's new reading in its dialectic interrelation and interconditionality with outlook, with ideological and public and esthetic installations of the poet.

Ключевые слова: поэт, историсофский, идеология, культурно-исторический, кумыкская поэзия.

Key words: the poet, istoriosofsky, ideology, cultural-historical, kumytsky poetry.

У истоков кумыкской национальной литературы, по всеобщему признанию, стоял такой крупный мастер, художник-реалист, как народный поэт кумыкского народа Йырчы Казак, с именем которого связаны ее формирование и поистине небывалый взлет. Один из талантливых исследователей жизни и поэтической судьбы Й. Казака С.М. Алиев пишет: «Поэзия, созданная Й. Казаком, поистине народна не только по форме, но и прежде всего по социально-политической направленности в высшей степени индивидуального поэтического мастерства. Если она вписана в память народную, если она вызывает к себе неослабленный интерес, то она, несомненно, пульсировала в умонастроении, в характерах, в судьбах людей. Можно сказать с уверенностью, что через личную судьбу поэта просматривается вся судьба его народа. Возможно поэтому интерес к жизни и творчеству Й. Казака не угасал, с годами: поэт стал легендарной личностью, о нем народ до сих пор слагает легенды и песни, а писатели создают поэмы, пьесы, романы. Й. Казак стал первым общенациональным поэтом кумыков, народным героем, примером служения своему народу, защитником справедливости, человеком негибаемой воли, нравственной чистоты и высокого поэтического мастерства» [1, с. 32].

В интересующем нас культурно-историческом историсофском аспекте изучения художественного метода особую актуальность приобретает новое прочтение творчества Й. Казака в его диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности с мировоззрением, с идейными и общественно-эстетическими установками поэта. В связи с недостаточной разработанностью вопросов художественного метода поэта особую значимость представляет, пожалуй, мировоззренческий аспект в том его значении, которое открывается в трудах академика М.Б. Храпченко: «Вопрос о мировоззрении писателя следует рассматривать, прежде всего, как вопрос о видении мира, о характере и особенностях раскрытия явлений действительности, об отношении к ним. Несомненно, что талант художника сам по себе – это способность воспринимать процессы

жизни острее и глубже, чем свойственно другим людям, способность чувствовать и видеть то, что остается незаметным для других. Взволнованный и глубокий отклик на впечатления бытия, проникновение за внешние грани явлений и событий, постижение дотоле неизвестных особенностей – органическое свойство настоящего художественного таланта. Качественную определенность, "системность" представлениям и наблюдениям художника придает его общий взгляд на мир, складывающийся в процессе жизненной практики, в конкретных общественно-исторических условиях» [3, с. 6–7].

Произведения Й. Казака отражают более конкретные коллизии социально-исторической жизни народов Северного Кавказа. В условиях, когда отсутствует сколько-нибудь основанное на документальных фактах жизнеописание писателя, приходится пользоваться методом текстологического изучения связей творчества поэта с теми событиями, которые находят свое отражение в его творчестве. При этом необходимо быть максимально внимательным к соотношению исторического и вымышленного, факту и художественному обобщению.

По единодушному мнению исследователей творчества поэта, одним из доминирующих признаков поэтики Й. Казака является верность художника к точности изображаемых фактов, явлений, которые затем, в процессе творческого «воплощения» в образы получают иную, обобщенную жизнь. Поэзии Й. Казака характерно «документальное» следование за событиями, которые осмысляются, «переживаются» им в определенных идейно-эмоциональных «позициях». Кстати, такая «событийность», прикрепленность произведений к фактам (биографическим, историческим и т.д.) составляет отличительную черту, своеобразие художественного метода Й. Казака. В аспекте проблем и задач настоящего исследования установление этой взаимосвязи творчества поэта с коллизиями социально-исторической действительности имеет особое значение.

В этом смысле следует обратить внимание на возникающий у казакведов любопытный вопрос: как могло случиться, что М.-Э. Османов, лично знакомый с Й. Казаком, собиравший его стихи и при жизни же издавший их в Петербурге, в то же время не включил в свою «Хрестоматию» все произведения поэта. Некоторые исследователи склонны видеть в этом «цензурные соображения» М. Османова. Такая трактовка представляется не выдерживающей критики прежде всего на фоне тех произведений, которые вошли в «Кумыкско-ногайскую хрестоматию» М. Османова, в особенности такие создания Й. Казака, как «Эпитафия на смерть генерал-майора князя Хасая Уцмиева», «Еще раз на смерть Хасая Уцмиева» и др.

Чтобы прийти к решению этого вопроса, прежде всего, необходимо выйти из привычного представления творческой биографии поэта. К примеру, возьмем стихотворение, написанное по поводу смерти Абдулмуслим-шамхала, которое можно датировать 1860 г. (год его смерти), имея в виду, что произведения такого эпитафийного характера, как правило, создаются вслед за событиями, по «горячим следам». Отсюда следует, что «Сибирский цикл» стихов написан до 1860 г. потому что в них этот шамхал (именно Абдулмуслим-шамхал, а не другие) процветает в своем еще незабытом феодальном великолепии и пребывает в дворцовом окружении и составляет реальную силу, определяющую судьбу поэта-узника. Далее, как показывает стиль, эпитафия «На смерть Абдулмуслим-шамхала» написана человеком, у которого ощущается новая социально-политическая ориентация, по мнению К.Д. Султанова, открыто звучит

ирония на «старые добрые» времена, «рыцарские доблести», «благородного» феодала. Произведение написано ровно, без каких-либо срывов в ту или иную романтически-эмоциональную стихию. В нем чувствуется последовательность изложения, творческий процесс, литературная работа. Все это, конечно, возможно было достичь благодаря углублению социального и исторического анализа действительности, на этапе более зрелого творческого развития, в условиях иной социальной действительности.

Далее симптоматичен и следующий аспект. Через весь «Сибирский цикл» стихов, а также через произведения, имеющие какую-либо связь с русской действительностью (например, два стихотворения, посвященные окончанию Кавказской войны и Шамилю, эпитафии на смерть Х. Уцмиева, «Письмо Магомед-эфенди Османову», «Панегирик Умар-эфенди Османову», «Панегирик замечательному хозяину Шихмурзе Аджаматову»), показательно некое «стадиальное» развитие отношения поэта к России. При этом имеется в виду обобщенная характеристика типа «русский век», «скандальный век» и т.д. Эта идейно-эмоциональная переакцентировка наглядно иллюстрируется на понижении субъективной интонации поэта в адрес русского государства. «Сибирский цикл» стихов дает такие модели эпитетной конструкции: «этот гяур», «этого гяура», «собака-гяур», «гяурская страна» и т.д. Сочетаний с «гяур» 10, к ним примыкают сочетания «враг по вере» (3), «сибирский край – да будь он могильной плитой!» (1). В этот наиболее активный фонд вступают такие же символизированные эпитеты в произведении, написанном по поводу событий, связанных с окончанием Кавказской войны и пленением Шамиля. Царизм в нем ассоциирован в сочетании указательного местоимения «этот», выступающего в роли символа-эпитета с определяемым словом «гяур» (6), три раза в этом произведении данное понятие получает формулу «враг по вере». Столь бурная эмоциональная насыщенность одного произведения в сравнительной связи с 11 стихотворениями «Сибирского цикла» исторически объяснима. По возвращении из ссылки поэт стал свидетелем поражения национально-освободительной борьбы народа против того же «врага по вере» или «гяура», в «гауптвахтах» которого он провел «три года», «дней, как иссини крошечные ночи».

В дальнейшем идет понижение интонации, поэт становится более «дипломатичным», сдержанным. В остальных произведениях, где в той или иной связи выступает отношение поэта с русскими, их восприятие воплощается в других семантических формулах: «Аресей» (Россия), «орус пача» («русский царь»), «ят эл» («чужая страна»), «узакъ эл» («далекая страна») и т.д.

1860–1880 гг. являются периодом интенсивного творческого развития Йырчы Казака. В это время он создает произведения «Не в чести теперь острые клинки» (1860), «На смерть Абдулмуслим-шамхала» (1860), панегирики «Умар-эфенди Османову» (1863–1864), «Замечательному хозяину Шихмурзе Аджаматову» (1865), «Шамилю» (1864), эпитафии «На смерть генерал-майора князя Хасая Уцмиева» и «Еще раз на смерть Хасая Уцмиева» (оба в 1867), «В день скандала не ликуют» (ок. 1868), «Письмо Магомед-эфенди Османову» (1873), «Венок песен» (1870-е), «Песня пахоты», «И мы поклялись...» и др.

Характеризуя идейно-тематическую концепцию, «выбор предмета познания» в этих произведениях, следует подчеркнуть, что в них в основном отражена действительность 60–70 гг. XIX в. Причем знаменательно то, что в этих произведениях отражается во многом изменившееся мировоззрение поэта, в поисках идеала обращающего свои взоры на поднимающуюся новую «поросль» – национально-патриотическую интеллигенцию: ученых, поэтов, общественных деятелей, деловых представителей рождающегося класса буржуазии, которые можно рассматривать как историософскую концепцию Й. Казака. Вместе с конкретиза-

цией, определенностью «предмета познания» происходят коренные изменения в построении произведений, подчиняясь или мобилизуясь созданию характера, культурно-исторических типов героев новой формации, вбирающих в свою структуру идею народного блага в широком смысле слова. В этом направлении формируется историософское мировоззрение поэта. Самыми существенными компонентами этой идеи являются защита интересов трудящихся масс (крестьянства в частности), человеколюбие (при этом это понятие в определенной степени расчленено – то есть угнетатель и угнетаемый достойны не одинаковой любви), просвещение народа и т.д.

Указанная особенность мировоззрения Й. Казака предполагает поиски в окружающей новой национально-исторической среде людей, личностей, индивидуальностей, являющихся реальными носителями существенных, с его точки зрения, особенностей национально-исторической жизни. Отсюда и создание «характеров», правда, во многом заданных, схематичных, «плакатных». Й. Казак, очевидно, осознанно выделяет, усиливает, развивает в идеализируемых им характерах именно эти стороны и отношения – разумное рачительное хозяйствование, гуманизм по отношению к трудящимся массам, высший интеллект, честность, справедливость и т.д.

В этом смысле такие произведения Й. Казака, как «У.-Э. Османову», «Письмо М.-Э. Османову», «Шихмурзе Аджаматову», «Еще раз на смерть Хасая Уцмиева», могут быть рассмотрены как произведения, в которых нашли воплощение общественные характеры, идейно-осознанные и оцененные поэтом. К ним по своей теме, проблематике и пафосу типологически примыкают и стихотворения М. Османова «Абдулкадыру Мантикову» (1872), «Адилсультану Капланову» (1873), «Арсакай-Яндархану» (1873), «О себе» (1862).

Таким образом, как важнейший теоретический (методологический) и общественно-практический аспект отмечается идейно-эстетическая ориентация Й. Казака и М. Османова в начале 60-х гг. на принципы народности: они пытаются разобраться в вопросах о назначении человека в обществе и месте творческой личности в нем, об ответственности человека перед обществом, народом.

Обращение к таким героям важно для поэтов, прежде всего, для изложения своего отношения к современной морали. В жизни и в идеале их герои противостояли тем нормам, которые одерживали верх в обществе.

Идея нравственного самосовершенствования как часть просветительского учения «естественной нравственности» казалась Казаку и Османову спасительной возможностью, с помощью которой может быть осуществлено преодоление всех общественных зол и противоречий. В данном случае чувство сострадания, склонность к добру, благотворительность проповедуются писателями как идейная мотивировка всеобщего благоденствия и благополучия.

Таким образом, раскрепощенное чувство служит как нравственному совершенствованию отдельной личности, так и ослаблению социального зла. Просветительский тезис о стремлении к счастью как основному импульсу всей человеческой деятельности приобретает идейно-эмоциональную окраску и оценку, счастье становится невозможным при наличии чужого страдания.

Список литературы

1. Алиев С. М. Вопросы творческой биографии Йырчы Казака / С. М. Алиев // Йырчы Казак – классик дагестанской литературы. – Махачкала, 1982. – С. 32.
2. Османов М. Кумыкско-ногайская хрестоматия / М. Османов. – СПб., 1883. – С. 165.
3. Храпченко М. Б. Художественный метод и творческая индивидуальность писателя / М. Б. Храпченко. – М. : Наука, 1964. – С. 6–7.

МЕТАТЕКСТ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

С.Т. Аппазова

Дается краткий обзор основных концепций метатекста в лингвистике и литературоведении, определяется статус данного явления в контексте современных исследований. Выделяются описательно-разъясняющая, комментирующая и автоисследовательская функции метатекста.

The short review of the basic concepts of the metatext in linguistics and literary criticism is given, the status of the given phenomenon in a context of modern researches is defined. Are allocated descriptively-explaining, making comments and autoresearch function of the metatext.

Ключевые слова: текст, метатекст, метаязык, претекст, вторичный текст.

Key words: text, metatext, metalanguage, secondary text.

В последние десятилетия метатекст является объектом пристального внимания исследователей многих гуманитарных наук. Понятие «метатекст» используется в теории литературы, герменевтике, текстологии, семиотике искусства, библиографии, историографии, теории перевода, подвергается анализу в структурной лингвистике, психолингвистике, лингвистической поэтике.

В Словаре иностранных слов указаны следующие значения, закрепленные в научном языке за приставкой мета-: «1) следование за чем-либо, переход к чему-либо другому, перемену состояния, превращение; например: метагенез, метафраза; 2) в современной логической терминологии используется для обозначения таких систем, которые служат, в свою очередь, для исследования или описания других систем, например: метатеория, метаязык» [18, с. 305].

В лингвистике рассмотрению метатекста посвящено большое количество научных изысканий. В работах современных лингвистов (А. Вежбицкая [4], И.Т. Вепрева [5], М.В. Ляпон [11], А.Н. Ростова [15], Н.П. Перфильева [13] и др.) метатекст понимается как совокупность метатекстовых элементов, выполняющих преимущественно структурирующую и коммуникативную функции в тексте.

Метатекстовая функция как одна из базисных функций успешной речевой коммуникации была выделена Р.О. Якобсоном [24]. В одной из своих работ он писал: «Метаязык как часть языка вообще тоже является структурным образованием, не имеющим аналогов в других языковых системах» [25, с. 116].

Подробное изучение метатекста и выявление его структурных образований принадлежит А. Вежбицкой. Она выделяет несколько групп метатекстовых средств:

1) выражения, в которых эксплицитно упоминается сам акт речи (*кстати говоря, по правде говоря, иными словами*);

2) выражения, с помощью которых говорящий отмежевывается от произносимых слов, например: *как будто, якобы*;

3) выражения, с помощью которых говорящий указывает на дистанцию по отношению к отдельным элементам (*он довольно худой, он довольно высокий*);

4) выражения, указывающие на логический субъект высказывания (*что касается, если речь идет о...*);

5) выражения, которые «указывают направление хода мысли» (*между прочим, во-первых*).

Данные группы А. Вежбицкая определяет как метатекстовые нити, которые «могут выполнять самые различные функции. Они проясняют семантический узор основного текста, соединяют его различные элементы, усиливают, скрепляют» [4, с. 407]. Таким образом, под метатекстом понимаются все языковые единицы, которые связаны с корректировкой и интерпретацией речевого поступка, с отражением стратегии автора при построении высказывания. Метатекст выступает как строевой компонент текста и как высказывание о текущей речи в этой же речевой ситуации.

Опираясь на теорию Вежбицкой, В.А. Шаймиев [23, с. 80–92] исследует метатекст двух типов: «интраметатекст» и «сепаративный метатекст». Под интраметатекстом понимаются вводные слова и вводные предложения, вставные конструкции, предикативные части сложного предложения и целые предложения. Сепаративный метатекст – это композиционно дистанцированные от основного текста образования (введение или комментариев, примечания в форме сносок, аннотация). У сепаративного метатекста особые композиционные формы и своя стилистическая функция: он нацелен прежде всего на адекватное восприятие основного текста адресатом. Таким образом, метатекст в данном случае – это нечто, что выходит за рамки текста и описывает его.

Т. Андриющенко понимает метатекст как совокупность «специфических языковых средств, отражающих разные приемы переработки информации» [1, с. 130]. Она определяет функцию метатекста как функцию высказывания о процессах речевой деятельности, процессах порождения и восприятия.

Согласно А.Н. Ростовской, метатекст является формой метаязыкового сознания, обладающей различными структурно-композиционными особенностями: это могут быть «вводные слова и конструкции, характеризующие особенности функционирования слова (степень архаики – новизны, частотность, стилевая приуроченность), проясняющие его значение», или «самостоятельное высказывание-суждение, структурно равное предложению либо составляющее сложное синтаксическое целое» [15, с. 59–60].

Метатекст в понимании В.А. Лукина – «это такая часть текста, которая обладает свойствами связности и цельности, референтом которого является обрамляющий текст» [10, с. 101]. Подобное понимание метатекста близко и В.З. Демьянкову. Так же, как и Лукин, он отмечает структурирующую функцию метатекста: «метатекст организует текст, иногда не позволяет ему "рассыпаться", появляется в местах текстового напряжения...» [7, с. 58–67].

Н. Турунен рассматривает проблематику метатекста на примере учебных пособий по развитию русской речи. Под метатекстом исследователь понимает «вербальные и паравербальные средства, с помощью которых автор структурирует учебные тексты» [20, с. 312]. Вновь указывается на организующую функцию метатекста, который должен ориентировать читателя «как в содержательной, так и в композиционной структуре, облегчая тем самым восприятие текста» [20, с. 317].

Говоря об интерпретации понятия «метатекст» в лингвистической литературе, следует отметить «узкий» и «широкий» подходы в толковании данного термина. *Метатекст* в его «узком» понимании представляет собой «словесную экспликацию мотивировки выбора слова говорящим и развернутое в высказывании суждение и языке» [15, с. 55]. В современной лингвистике подобный подход представлен прежде всего в работах Б.Ю. Нормана [12], А.Н. Ростовской [15], И.Т. Вепревой [5], М.В. Ляпон [11].

«Широкий» подход к *метатексту* отражен в исследованиях В.А. Шаймиева [23], И.К. Рябцевой [17], Ю.М. Бокаревой [3]: разграничивается метатекст как целостное речевое произведение (предисловие, письма и т.д.) и метатекстовые элементы (несамостоятельные компоненты текста).

В литературоведении теория метатекста развивалась в рамках структурно-семиотического направления. Для семиотики метатекст является метаязыком-кодом-средством, служащим целям хранения, дешифровки и передачи информации. Семиотический подход в понимании метатекста реализуется в концепции Ю.М. Лотмана. По его мнению, метатекст существует везде, где есть адресант, адресат, связывающий их канал и семиотическое пространство. Метатексты актуализируют в сознании адресата определенный текст, поскольку текст – это всегда процесс, протекающий между двумя сознаниями адресанта и адресата. Ю.М. Лотман акцентировал внимание на том, что текст в функциональном плане не только «генератор новых идей, но и конденсатор культурной памяти», поскольку обладает способностью сохранять память о предшествующих контекстах: «Если бы текст оставался в сознании воспринимающего только самим собой, то прошлое представлялось бы нам мозаикой несвязных отрывков» [8, с. 137].

Лотман указывает на раннее возникновение в литературе элементов метатекстуальности, «выявляющих рефлексивную составляющую художественного творчества». Стремление к метатекстуальности, по Лотману, является имманентным свойством текста. В работе «Роман в стихах Пушкина "Евгений Онегин" из трех типов «чужой речи» ученый выделяет «автоповествование об авторском повествовании» и называет его «метаструктурным пластом», который «решительно меняет функцию авторского повествования». Он пишет: «Метатекстовый пласт – пласт, в котором объектом изображения становится само литературное изображение» [9, с. 78].

П.Х. Тороп (тартуская школа Лотмана) рассматривает метатекст как «интерсемиотическое изучение отдельных специфических языков искусства» и предлагает считать любой акт соотнесения текстовых элементов метакоммуникацией. В ходе этого процесса создаются метаэлементы, то есть первичный текст выступает в качестве прототекста, на основе которого создан новый текст. По его словам, «...текст, представленный какой-то своей частью в другом тексте, становится тем самым описывающим текстом, то есть метатекстом» [19, с. 39].

Близок к концепции Лотмана в своей интерпретации метатекстов и А. Попович. Он строит теорию метатекстов в тесной связи с термином «метакоммуникация»: «Каждая реализованная коммуникация открывает дальнейший коммуникативный ряд (метакоммуникация)», и текст с этой точки зрения вторичен, поскольку «включает в себя весь предыдущий путь развития искусства в соответствующей модификации», является «реакцией на предыдущий текст», то есть метатекстом [14, с. 47]. А. Попович называет метатекстом как текст в тексте, так и текст о тексте.

Филологический анализ художественного текста нередко интерпретируют как текст о тексте, или как «метатекст, текстом-объектом которого является тот или иной художественный текст» [10, с. 172]. Следовательно, *метатекст* интерпретируется как вторичный текст.

Т.В. Цивьян использует термин «метапоэтический», определяемый как «поэма в поэме» и «поэма о поэме», произведение, рассказывающее о своем собственном происхождении». По мнению исследовательницы, «к автоте-

таописанию относятся и примечания автора, письма, стихотворения, обращения к Поэме, стихотворения о Поэме» [22, с. 611].

Иное употребление *метатекста* в зарубежном литературоведении. По мнению К. Мамгрена, писатели-постмодернисты расширяют художественное пространство произведения за счет «мета-текста». Под метатекстом в данном случае понимаются все дополнительные значения, которые добавляются читателем к денотативному значению слов в тексте и формируются традиционно сложившимися представлениями о роли и значении литературных условностей и о том, какими они должны быть (например, сюжет, персонаж, жанровые разновидности романа и т.д.).

Ж. Женетт в своей книге «Палимпсесты: Литература во второй степени» [26] предложил 5-членную классификацию разных типов взаимодействия текстов. Ее основой является бахтинская идея взаимодействия «своего» и «чужого» слова:

- 1) интертекстуальность как «соприсутствие» в одном тексте двух или более текстов (цитата, аллюзия, плагиат и т.д.);
- 2) паратекстуальность как отношение текста к своему заглавию, после словию, эпиграфу и т.д.;
- 3) метатекстуальность как комментирующая и часто критическая ссылка на свой предтекст;
- 4) гипертекстуальность как осмеяние и пародирование одним текстом другого;
- 5) архитектурность как жанровая связь текстов.

Н.А. Фатеева к метатекстовым описаниям относит статьи о поэтах М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой. Переписку поэтов исследовательница интерпретирует как «промежуточное звено между метаописаниями и автометаописаниями» [21, с. 32]. Она выделяет имплицитную (цитата, аллюзия, заглавие, эпиграф) и эксплицитную (открытую) метатекстуальность, или «текст в тексте о тексте» (пересказ, вариация, дописывание чужого текста и интертекстуальная игра с претекстами). Здесь метатекстуальность рассматривается в контексте интертекстуальности, и в качестве претекста для автора могут выступать самые различные тексты, а *метатекст* не обязательно представляет собой текст.

Интересную классификацию метатекста предлагает Т.Л. Рыбальченко. В первом значении под метатекстом понимается некий канон, «инвариантная семиотическая система, господствующая или принятая за авторитетный способ мышления о мире» (по Ж.-Ф. Лиотару и М. Фуко). В другом случае метатекстом может быть названа экранизация, иллюстрация, стилизация, то есть «воспроизведение текста на другом языке» с указанием на источник (в отличие от плагиата и подражания). И в третьем случае «метатекстом может быть названа сложная текстовая структура, в которой основной текст включает тексты, описывающие, комментирующие его. В таком понимании «метатекст» есть разновидность структуры «текст в тексте» с иерархической связью текстов, созданных по разным правилам» [16, с. 223].

Таким образом, в отечественном и зарубежном литературоведении под метатекстом понимается прежде всего текст, а не его элементы (фрагменты, какие-либо синтаксические конструкции), текст вторичный по отношению к основному созданному. Основная его задача заключается в описании первичного текста. По мысли Ю.М. Лотмана, художественный текст по своей природе каким-либо образом закодирован, однако код (или коды) читателю не-

известен – его еще предстоит реконструировать, опираясь на данный текст. Данную функцию и выполняет *метатекст*, который представляет собой событие рассказывания, направленное вовне, к реципиенту. В то же время метатекст не является простым описанием, напротив, он построен как диалог с читателем. Следовательно, можно отметить коммуникативную функцию метатекста.

Подводя итог сказанному, необходимо выделить признаки, характеризующие метатекст:

- 1) это текст о тексте;
- 2) повествование в метатексте ведется от лица рассказчика;
- 3) композиционная дистанцированность от основного текста (введение или предисловие, комментарий, примечания);
- 4) выполняет описательно-разъясняющую, комментирующую, автоисследовательскую функции;
- 5) рефлексивная природа метатекста позволяет говорить о способах создания текста;
- 6) метатекст вторичен: может появиться только на базе претекста;
- 7) благодаря метатексту читатель как бы участвует в процессе создания произведения.

Заключая, подчеркнем, что в нашем исследовании метатекст рассматривается как самостоятельный текст, как автономный и эксплицитный компонент повествовательного произведения, выполняющий определенные художественные функции.

Список литературы

1. Андрющенко Т. Я. Метатекст и его роль в интерпретации текста / Т. Я. Андрющенко // Проблемы речевого общения. – М., 1981. – С. 127–150.
2. Бахтин М. М. Проблема текста / М. М. Бахтин // Собрание сочинений : в 5 т. – М., 1996. – Т. 5: Работы 1940 – начала 1960-х гг. – С. 306–326.
3. Бокарева Ю. М. Коммуникативно-синтаксические средства адресации в прозе Н.В. Гоголя и место в них метатекстовых элементов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. М. Бокарева. – СПб., 1999. – 22 с.
4. Вежицкая А. Метатекст в тексте / А. Вежицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 402–431.
5. Вепрева И. Т. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflektens? / И. Т. Вепрева // Гуманитарные науки. – 2002. – Вып. 5, № 24. – С. 28–36.
6. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – 379 с.
7. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58–67.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 448 с.
9. Лотман Ю. М. Роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс: Вводные лекции в изучение текста / Ю. М. Лотман. – Тарту, 1975. – 109 с.
10. Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. – М., 1999. – 560 с.
11. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – М., 1986. – 700 с.
12. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. – 228 с.
13. Перфильева А. Н. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Н. Перфильева. – Новосибирск, 2006. – 285 с.

14. Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М., 1980. – 199 с.
15. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири) / А. Н. Ростова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. – 194 с.
16. Рыбальченко Т. Л. Роман Ю. Буйды «Ермо»: метатекстовая структура как форма саморефлексии автора / Т. Л. Рыбальченко // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. – Томск, 2004. – Вып. 6: Формы саморефлексии литературы XX века: метатексты и метатекстовые структуры. – С. 201–235.
17. Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 82–92.
18. Словарь иностранных слов. – М., 1988. – 606 с.
19. Тороп П. Х. Проблема интекста / П. Х. Тороп // Труды по знаковым системам: ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1981. – Вып. XIV: Текст в тексте. – С. 33–45.
20. Турунен Н. Метатекст как глобальная система и вопросы конструирования текста в пособиях по развитию речи / Н. Турунен // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1999. – С. 310–319.
21. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Известия РАН. – 1998. – Т. 57, № 5. – С. 32.
22. Цивьян Т. В. О метапоэтическом в «Поэме без героя» / Т. В. Цивьян // Лотмановский сборник. – М., 1995. – С. 611.
23. Шаймиев В. А. Композиционно-синтаксические аспекты функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) / В. А. Шаймиев // Русский текст: российско-американский журнал по русской филологии. – 1996. – № 4. – С. 80–92.
24. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.
25. Якобсон Р. О. Речевая коммуникация / Р. О. Якобсон // Избранные работы. – М., 1985. – С. 116.
26. Genette G. Palimpsestes. La Litterature au second degree / G. Genette. – Paris : Le Seuil, 1987. – 467 p.

АНТРОПОНИМЫ В РОМАНАХ М. ГУСЕЙНА

Гараева Д. Гусейн гызы

В статье рассмотрены пути зарождения, создания антропонимов в романах М. Гусейна “Səhər” («Утро»), “Daşqın” («Наводнение»), “Abşeron” («Апшерон»), “Tərլan” («Тарлан»), “Yeraltı çaylar dənizə axır” («Подземные реки текут в море»), “Qara daşlar” («Черные камни»). Исследованы лексико-семантические свойства этих антропонимов. Приведены примеры тому, как обобщенные слова превращаются в собственные личные имена.

In the article the arising ways of antroponyms used in M. Huseyn’s “City”, “Flow”, “Absheron”, “Terlan”, “Underground rivers flow into the sea”, “Black stones” and the same personal names are investigated. At the same time the lexic-semantic characteristics of these antroponyms attract to the investigation. Here were analyses on the choosen samples from M. Huseyn’s novels concerning overturn of the names with different meaning to the personal names.

Ключевые слова: Мехти Гусейн, роман, антропонимы, ономастика, собственные, личные имена, денотат, сигнификат, образ, лингвистика.

Key words: Mehti Huseyn, novel, antroponym, onomastic uniuqul, general word, image, denotant, certificate, component, linguistics.

Проанализировав собственные имена в романах М. Гусейна, мы сделали вывод о том, что существует тесная связь между антропонимами и обобщенными словами. Лингвистические наблюдения, характеристические признаки выбранных нами образцов дают возможность сказать, что обобщенные слова стоят на основе собственных имен.

Обобщенные слова играли роль источника в формировании собственных имен. Этимологически различающиеся собственные имена раньше были обобщенными словами, затем эти обобщенные существительные использовались как собственные имена (антропонимы – собственные существительные). Возможно, собственные имена в романах М. Гусейна зародились от обобщенных слов.

Можно говорить о некоторых формах образования собственных имен.

1. Обобщенное простое слово, обособляясь, превращается в собственное имя.
2. Обобщенное слово, упрощаясь, употребляется как собственное имя.
3. Сложное обобщенное слово употребляется как собственное имя.
4. Структура предложения, лексически формируясь, превращается в собственное имя.

В романах М. Гусейна встречаются образцы превращения обобщенных слов с разными значениями в собственные имена. Превращенные обобщенные слова обособляются, когда употребляются как собственные имена, поэтому в отличие от обобщенных слов они пишутся с большой буквы. Например: *qüdrət* (могучий) – *Qüdrət* (Гудрат), *aslan* (лев) – *Aslan* (Аслан), *kamal* (образованность) – *Kamal* (Камал), *nərgiz* (нарцисс) – *Nərgiz* (Наргиз), *lalə* (мак) – *Lalə* (Лале), *tərլan* (орел) – *Tərլan* (Тарлан), *şahin* (ястреб) – *Şahin* (Шахин), *paşa* (титул) – *Paşa* (Паша), *püstə* (фисташка) – *Püstə* (Пюста), *telli* (волосатый) – *Telli* (Телли), *səməndər* (птица) – *Səməndər* (Самендер), *mehriban* (милый) – *Mehriban* (Мехрибан), *zəfər* (победа) – *Zəfər* (Зафер), *seуran* (джейран) – *Seуran* (Джейран).

Употребления обобщенных слов как собственных имен имеет древние корни: словообразуемое окончание (суффикс) образует собственное имя: *Mahirə* – *mahir* + *ə* (Махира). Корень антропонима *Mahirə* (Махира) слово *Mahir* (Махир), а «ə» – словообразуемое окончание. *Bayramlı* (Байрамлы) [2, S. 307], *Novruzov* (Новрузов) [3, S. 340], *Kamilova* (Камилова) [4, S. 104], *Aslanov* (Асланов) [4, S. 110], *Mollayev* (Моллайев) [4, S. 73]. В этих антропонимах с помощью словообразуемых окончаний *-li*, *-ov*, *-ova*, *-yev* образуется антропонимические единицы. Слово с словоизменяемым окончанием по смыслу употребляется на месте собственных имен: *Xanlar* (Ханлар) [2, S. 70; 5, S. 6], *Nizamilər* (Низамиляр), *Fizulilər* (Физулиляр), *Nəsimilər* (Нясимиляр), *Vaqiflər* (Вагифляр), *Mirzə Fətəlilər* (Мирза Фяталиляр) [3, S. 131]. В антропониме *Xanlar* (Ханлар) обобщенное слово *xan* (хан) отдельно не употребляется как собственное имя, но, хотя *xan* – это обобщенное слово, оно означает человеческое понятие. Из-за того что это обобщенное слово означает личность, после принятия окончания *-lar* образовалось собственное имя *Xanlar* (Ханлар), а в остальных образцах – с помощью окончаний *-lar*, *-lər* образуется значение множества, а также какая-либо общественная группа, иногда не только значение количества, но и качество, признак. То есть собственные имена *Nizamilər*, *Fizulilər* означают бессмертных поэтов *Nizami* (Низами), *Fizuli* (Физули). Не остались без внимания антропонимы, образуемые с помощью сочетания двух слов. *Fərmanbəу* (Фарманбек) [3, S. 83], *Koroğlu* (Короклы) [3,

S. 130], Gülsənəm (Гюлсанам) [4, S. 16], Püstəxanım (Пюстаханум) [5, S. 33], Gülnabat (Гюльнабат) – собственное имя состоит из двух слов: gül и abat. Первое слово – фитоним, то есть имя растения (цветок), вторая часть («сənəm») означает женщину. Püstəxanım – антропоним, образованный от слов püstə и xanım. Abasqulu [2, S. 287]. В азербайджанском языке в прошлом было немало имен, состоящих из двух слов. И сейчас существуют такие имена, например: Hüseyinqulu, Tanrıqulu, Gülnisa, Gülsənəm, Vədīrnisə, Fatmanisə, Məmmədsadiq и т.д. Но мы употребляем в устной речи не двойную, а одинарную форму: Hüseyin (Гусейн), Qulu (Кулу), Nisə (Ниса), Məmməd (Мамед), Sadiq (Садык) и т.д.

Abasqulu (Абаскулу) – тоже многокомпонентный антропоним. Произошел он из двух имен: Abbas и Qulu. Имя Abbas (Аббас) перешло из арабского языка. Хотя это имя перешло во время арабской оккупации вместе с исламской религией, в буквальном смысле оно не имеет религиозной особенности. В современном азербайджанском языке оно произносится и пишется не как Abas, а как Abbas. Собственное имя Abbas (Аббас) означает «темный», «хмурый».

Собственное имя использовалось еще до рождения исламской религии. Носителем этого имени был дядя Мухаммеда. Это имя употребляется и в форме Əlabbas (Алиаббас). Говорится о двух причинах этого. В настоящем антропоним, о котором мы говорим, – это əl-Abbas. Здесь «əl» – артикль определенности, не меняет смысл имени. Əlabbas (Алаббас) происходит от соединения имен Əli и Abbas. Еще один вариант соединения – это Abbasəli (Аббасали). У имама Али был сын по имени Abbas: ожесточенно убит и руки были отрублены у Хазрета Аббаса (Həzrət Abbas). В древних книгах имя Abbas был правильно прописано, но ошибочно прочтено. Это произошло из-за того, что на арабском языке в начале слова согласный айн (ayn) был прочитан как на персидском – «əyn».

Какой вариант правильный? С исторической точки зрения, первый вариант [7, S. 6]. Но по внутренним правилам азербайджанского языка имя Abas упрощенно превратился в Abbas, Мухаммед (Məhəmməd) – в Магомед (Məhəmməd), а Магомед – в Мамеда (Məmməd).

Aydın (Айдын) значит «ясный», «светло», «понятно». В основе стоит слово «ay» («луна»): ночью, когда темно, выходит луна, повсюду становится светло.

Имя Aydın широко распространено в Турции, но в Азербайджане его впервые ввел в литературу Джафар Джаббарлы. Знаменитый писатель уделял большое внимание героям, образам своих произведений. Он всегда старался, чтобы имена его героев сочетались с характерами, правильно понимались читателями.

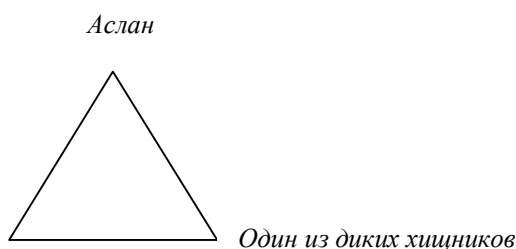
В книге А. Мамедовой “Bülbül” («Соловей») написано, что певец, носящий это имя, родился в ясную ночь. По этой причине мать назвала его Aydınlıq (Айдынлыг – светло, ясно). Потом отец, поменяв имя, назвал сына Муртузом, через некоторое время имя Муртуз было заменено именем Bülbül (Бюль-бюль – соловей). Подразумевается, что до имени Aydın (Айдын) было имя Aydınlıq (Айдынлыг).

Aslanov (Асланов) [2, S. 205; 4, S. 110]. В основе указанной фамилии стоит собственное имя Aslan (Аслан). На основе этого антропонима сформировалась поговорка: “Aslanın erkəyi, dişisi olmaz”. Но Aslan (Аслан) – мужское имя. В переносном смысле этим именем называют еще и царя зверей – льва, он знаменит своей силой. Эти же качества в первую очередь относятся к мужчинам. Хотя лев (Aslan – Аслан) живет в теплых странах, в пустынях,

слова его знакома всем народам мира. Известно, что его изображение украшает гербы некоторых стран как символ силы, державы, непобедимости. Поэтому зародились имена на арабском языке – Əsəd (Асад), Heydər (Гайдар), Zeuqəm (Зейгам), на персидском – Şirzad (Ширзад), Şiruyə (Шируя), на французском – Leo (Лео), на немецком Leon (Леон), на итальянском Leonardo (Леонардо), на русском Lev (Лев), на греческом Leoniti (Леонити). Все они связаны с существительными и прилагательными, означающими льва. Во времена Низами это имя существовало в форме Arslan (Арслан). Арслан написал известную поэму «Семь красавец». В романе «Мечь и перо» М.С. Ордубади создал образ Кызыла Арслана. Известны имена и в форме Алп Арслан (Alp Arslan), Кара Арслан (Qara Arslan). Раньше эти имена существовали как титул, а потом – просто как имя Aslan (Аслан) [7, S. 30].

По нашему мнению, идея автора не так правдоподобна. Arslan (Арслан) и раньше было собственным именем. Собственное имя Arslan (Арслан) как ономастическая единица отличается от обобщенного имени, хотя имеет одинаковый с ним фонетический состав. Важны три признака: звуковой комплекс, смысловая сторона и источник смысла. Звуковой комплекс – это фонетический состав, он образуется по фонетическим законам данного языка. Вторым признаком для существования имени Aslan (Аслан) как собственного – это содержание, которое рождается в нашем разуме. Смысл слова называется сигнификатом. Третий признак – источник смысла – предмет, денотат или же реферат. Как и в обобщенных словах, в слове aslan (аслан) денотат и сигнификат напрямую связаны. Аслан – фонетическое слово, Аслан – денотат и вид хищника; аслан – сигнификат.

Традиционный смысловой треугольник:

Если возьмем фонетический состав как собственное имя, будут видны все углы треугольника, но денотат и сигнификат выражает не лингвистическую, не семантическую связь «аслан – зверь», а общественно-конститутивную связь «человек – деловое имя».

Такая ситуация сопоставляет обобщенные и собственные имена по денотативно-сигнификативному принципу. На примере собственного имени Аслан становится ясным, что собственные имена занимают важное место в словарном составе. В связи с этим невозможно изучать собственные имена методами лингвистического раздела, изучающего обобщенные слова. Лексикология нуждается в разделе, изучающем собственные имена, и в языкознании был создан такой раздел. Обобщенными словами занимается лексикология, а собственными именами – ономалогия. Некоторые языковеды употребляют вместо ономалогии термин «ономастика». Ономастика, или множество собственных имен, изучается в ономалогии.

«Антропоним – раздел ономастики, изучающий человеческие имена. Имя, фамилия, отчество – это составные части человеческих имен. Их можно выражать такими терминами, как персоним, анхистоним, патроним» [1, S. 178–179].

Здесь термины употреблены неправильно. Антропоним – это не раздел, а множество антропонимов – собственных личных имен. Ономастика – множество собственных имен, ее нельзя называть наукой, это нелогично.

Ваугам [5, S. 8] (Байрам – «праздник»). Обычно мальчиков, рожденных накануне весны, называют именами Novguz (Новруз) или Ваугам (Байрам). Эта традиция существует и сегодня. Родители, назвав своего ребенка именем Ваугам (Байрам), желали, чтобы вся жизнь этих детей прошла в праздниках.

Потом в быт народа от арабов вошел религиозный праздник Qurban baugamı (Курбан байрамы). В последующем эта история сказалась в имени Qurban (Курбан). Baugamlı [4, S. 26]: в основе этой фамилии лежит имя Ваугам (Байрам). При помощи суффикса -lı образовались фамилии Baugamlı (Байрамлы), Вәүім (Бейим). Некоторые собственные личные имена считаются носителями нашей древней этики, стиля быта, традиций.

У древних предков называть имена уважаемых и любимых людей было запрещено. Обращаясь к уважаемым людям, имена не произносили, входили с ними в речевой контакт косвенно. Сегодня обращаясь к учителям, обычно имена не называют, просто говорят: “müəllim” (учитель). Раньше называли «мирзой» (мирза – mirzə).

С древних времен, особенно до ислама, женщинам всегда оказывали внимание. Если женщина, сняв свою косынку, бросала между вражьиими силами, войны, бои останавливались. Мужчины считали своим долгом склонять голову перед женщиной, не называли имен, их восклицали своим байим (bəu – бек), ханом (хап – хан). Обращения bəuim (бейим – мой бек), хапim (мой хан) превратились в собственные личные имена. Только «Хапim» (Ханум) осталось формой обращения, а Вәүім (Бейим) – только собственное личное имя. “Вәүім” (Бейим) как форма обращения не существует. Иногда называют такими именами, как Вәүімхапim (Бейимханум), так как эти имена по смыслу очень близки. Лучше девочек называть просто именем Вәүім (Бейим).

Vədəl [5, S. 242] (Бадал) – это собственное личное имя перешло из арабского языка, дословном переводе означает «замена». В нашем языке есть имя Əvəz (Аваз), Vədəl (Бадал) – мужское имя. Рожденного малыша отец считает себе заменой, продолжателем рода. Отец, показав своего выросшего сына друзьям и товарищам, похвально говорил: “Vədəlim hazırdır qulluğunuzda” («Мой Бадал (то есть моя замена) готов к вашим услугам») [7, S. 43].

Еще одна интересная традиция. Если в семье после смерти маленького сына снова родился мальчик, то его называли именем Vədəl (Бадал – замена умершему ребенку).

У арабов было такое правило: если в семье состояние здоровья ребенка ухудшалось, то из дерева или из глины лепили чучело и ставили его на землю. Называли это чучело «Vədəl» (замена заболевшему ребенку), и этим указывали на смерть, чтобы не уводила жизнь ребенка.

Elxan (Эльхан) [4, S. 90]. Говорят, что имя подарил нашему народу Джафар Джаббарлы. Только после просмотра пьесы “Od gəlini” («Невеста огня») и игры актера Аббас Мирзы имя Elxan (Эльхан) широко распространилось [7, S. 72]. Издавна у тюркских народов этим именем назывались правители. Еще в середине VI в. это имя было принято Восточным ханом Битын ханом. В XIII в. в Азербайджане правило государство Эльханилар. Основателем этого

государства был монгольский хан Хюлаки, который принял титул эльхан. Указывается, что Эльханиляр в Азербайджане создали сильную державу, но этот титул не превратился в имя и не вдохновил никого своей славой.

Народный полководец и герой Эльхан, образ которого создал Джафар Джаббарлы, стал любимым в народе, имя его широко распространилось, сегодня многим новорожденным дают это имя. До пьесы «Невеста огня» литературный образ Эльхана был в драме Гусейн Джавида “İblis” («Сатана»). Несмотря на то что у образа положительный характер, он разработан в эпизодическом плане, поэтому он не так долго остался в памяти как одноименный герой Дж. Джаббарлы. Отсюда и вывод, что до пьесы Дж. Джаббарлы «Невеста огня» имя Эльхан было уже знакомо. Поэтому идея о том, что это имя нашему народу подарил Дж. Джаббарлы, неправильная [7, S. 72–73].

Rəhimbəy (Рагимбек) [5, S. 27]. Rəhim (Рагим) – мужское имя. В переводе с арабского означает “Rəhm edən” («помилующий»). Имя Rəhim (Рагим) в первую очередь на нашем языке привлекает внимание как псевдоним. Сначала появилось имя Əbdülgrəhim (Абдулрагим), что значило «раб божий». В последующем родители с желанием уравнивать своих детей с Богом превратили имя Абдуррагим в Рагим. В имени Рагимбек бек (титул) стал составной неотделимой частью имени.

Rəhilə (Рахила) [6, S. 860] – это древнееврейское женское имя. На древнееврейском языке звучит как Рахиль. Рахила – азербайджанский вариант этого имени. Известный русский ученый и писатель Лев Успенский в книге «Ты и твоё имя» перевел это имя как «овен, ягненок». Параллельно он дает примеры, упоминает имена римлян (Агнесса), у евреев (Лия). Первое из них означает «ягненок», а второе – «буренка». Успенский рассказывает о цене домашних животных для переселявшихся народов, из-за этого имена Рахиль, Агнесса, Лия были равны имени Маргарита, что значило «жемчуг». Нужно согласиться с этими теоретическим данным. Мусульмане и христиане всегда считали ягненка символом мира, доброты, обилия, христианские художники в религиозных произведениях всегда изображали ягненка. Как древнееврейское имя это не Рахиль, а Раиль (Ra-il). «Ил» – здесь означает «божественный», как в именах Израиль, Рафаиль, Афраиль. любимую жену главного бога у евреев звали Раилем. Буквальное значение этого имени – «Бог солнца», переносный смысл – «любимица бога, любимая Всевышнего».

Имя Rəhilə (Рахила) образовалось не от имени Rəhil (Рахиль), а от имени Rail (Раиль). В азербайджанском языке часто употребляется как Рахила (Rəhilə), Рахила (Rahilə) намного ближе к первому варианту.

Список литературы

1. Axundov A. Ümumi dilçilik / A. Axundov. – Bakı, 2006. – 280 s.
2. Гусейн М. IV cild, Abşeron / М. Гусейн. – Bakı : Azərnəşr, 1949. – 346 s.
3. Гусейн М. Əsərləri, 10 cildə, 3-cü cild, Daşqın-Tərən / М. Гусейн. – Bakı : Azərnəşr, 1968. – 154 s.
4. Гусейн М. Ə. V cild, Qara daşlar / М. Ə. Гусейн. – Bakı : Azərnəşr, 1959. – 415 s.
5. Гусейн М. VI cild, Səhər / М. Гусейн. – Bakı : Gənclik, 1989. – 616 s.
6. Гусейн М. Yeraltı çaylar dənizə axır / М. Гусейн. – Bakı : Avrasiya Press, 2005. – 319 s.
7. Mirzoyev O. Adlarımız / O. Mirzoyev. – AŞ Qanun, 2007. – 261 s.

**ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА
В ПРОЗЕ В. ШАЛАМОВА**

Л.В. Жаравина

Выявляется своеобразие художественного метода Варлама Шаламова в процессе создания прозы нового типа, который получил поддержку в постклассической эстетике и философии XX в. Рассматриваются взаимоотношение понятий «мимезис», «теория отражения», «феноменология», «экзистенциализм» и основа обозначаемых ими художественно-эстетических структур.

The article is devoted to the peculiarity of the fiction method of Varlam Shalamov in the process of a new type of prose creation which was supported with post-classical aesthetics and philosophy in the 20th century. The authoress examines interrelations of such concepts “as mimesis”, “theory of reflection”, “phenomenology”, “existentialism” and a basis of artistic and aesthetical structures which they denote.

Ключевые слова: художественный метод, мимезис, теория отражения, феноменология, экзистенциализм, художественная структура.

Key words: artistic method, mimesis, theory of reflection, phenomenology, existentialism, artistic and aesthetical structure.

Одним из проявлений творческой уникальности Варлама Шаламова является редкая для авторов столь высокого уровня склонность к теоретическому осмыслению собственной художественной практики. «Я думаю, – читаем в его записных книжках, – что Пастернака поражала во мне (более всего) способность обсуждать эстетические каноны и поэтические идеи после 17 лет лагерей» [10, т. 5, с. 290]. Судя по переписке, дневниковым записям, эссеистике, автор был в равной степени озабочен как проблемами метафизического порядка («преодоление зла, торжество добра» [10, т. 5, с. 148]), так и вполне конкретными частными вопросами мастерства: «художественным освоением документальной маски» [10, т. 5, с. 341], принципами организации повествования, словесной структурой текста, способами достижения композиционной цельности, интонационного единства и т.п. «Нет писателя, который проходил бы мимо формы [нрзб] произведения» [10, т. 5, с. 305]. Но решение этих и подобных вопросов так или иначе упирается в проблему художественного метода, которая, конечно же, стояла перед Шаламовым, но была им, как и во многих других случаях, преднамеренно, а скорее непреднамеренно осложнена и даже «запутана».

Исследователи, погружаясь в художественный мир «Колымских рассказов», часто говорят о противоречиях и интеллектуальных «ловушках», которые расставляет автор неискушенному читателю, «путая» имена, интерпретируя противоположным образом поступки одного и того же персонажа, «злоупотребляя» повторами и т.п. Аналогичная ситуация складывается и с теоретическими постулатами автора. Подчеркивая документальную достоверность описанного: «Я доверяю протокольной записи, сам по профессии фактограф, фактолов...» [10, т. 2, с. 283], он оскорблялся отношением к себе как к «историку лагерей» [10, т. 5, с. 299]: «Я летописец собственной души. Не более» [10, т. 6, с. 495]. Совершенно справедливо утверждая, что «современная новая проза может быть создана только людьми, знающими свой материал в совершенстве...» [10, т. 5, с. 150], Шаламов одновременно выдвигает парадоксальный на первый взгляд тезис о необходимости «в каком-то смысле» быть «инострани-

цем» в том мире, о котором пишешь [10, т. 4, с. 439] и т.п. Исходя из того, что эстетика «новой» прозы формировалась постепенно, некоторые исследователи прощают писателю и недоговоренности, и излишнюю безапелляционность, и многочисленные алогизмы. Однако ни в каком снисхождении автор «Колымских рассказов» не нуждался и не нуждается, поскольку своей задачей (и художественной, и теоретической) он всегда считал преодоление двузначной логики («да» или «нет»), поиски «многосторонних, многозначных ответов» [10, т. 6, с. 490] даже на самые элементарные вопросы, которые на проверку оказывались не столь уж элементарными. Именно поэтому чтение «Колымских рассказов» – чтение «стимулирующее», предполагающее высокую степень эмоционально-интеллектуальной деятельности читателя и, разумеется, не менее высокий уровень исследовательского мастерства.

Но вернемся к проблеме художественного метода, которая для Шаламова, как и для любого автора, связана с обозначением своего места в отечественной культуре. В развитии русской прозы автор «Колымских рассказов» выделял две «исторические» линии, первая из которых открывается «пушкинскими исканиями» [10, т. 6, с. 123], а вторая идет от Льва Толстого. Декларативно не приемля последней, Шаламов ощущал глубинное органическое родство именно «с Пушкинскими заветами, с пушкинскими исканиями» [10, т. 5, с. 158]. Пушкин представлялся ему «человеком, который напряженно искал последние годы жизни прозаическую форму – новую», но «умер, так и не став русским прозаиком» [10, т. 6, с. 175]. Оценка весьма субъективная; но заметим: создание «новой прозы» было главной задачей самого Шаламова, и не по аналогии ли со своей писательской судьбой, которую никак не назовешь благополучной, сформировался подобный вывод?

Что же касается его непростого отношения к «морализаторству» Л. Толстого, как и к Некрасову, Чернышевскому, революционно-демократическому направлению в целом, то здесь также были своя логика, свой резон, в которых меньше следует видеть трагическое «недопонимание». Исключение, разумеется, делалось для Тургенева, Достоевского, Чехова и других классиков, что, тем не менее, не препятствует рассматривать спор автора «колымской» прозы с художественной традицией XIX в. и в плане характерного для конца второго тысячелетия идейно-художественного полифонизма, и в аспекте действия «обратной связи», актуализирующей культуру прошлого с высоты нового исторического знания.

Важен еще один момент: многие аспекты эстетической системы Шаламова сформировались в процессе активного внедрения в литературную жизнь наполненной бурными событиями пореволюционной Москвы. «Я ведь вырос в двадцатые годы», – подчеркивал писатель [10, т. 5, с. 84]. Поэтому невозможно не учитывать связей Шаламова с деятелями русского авангарда, прежде всего, с ОПОЯЗом («Я учил когда-то ОПОЯЗовские статьи наизусть» [10, т. 6, с. 539], пропагандировавшим внедрение в словесное искусство принципов стилистического минимализма, монтажной композиции и других «приемов», взятых из кинематографической практики.

Этот интерес к теории искусства после освобождения еще более обострился и вылился в специальные статьи, эссеистические обобщения, отдельные тонкие суждения в записных книжках, дневниках, письмах. Разумеется, в силу трагических обстоятельств оторванный от современной ему гуманитарной науки Шаламов не отрицал, что «плохо знаком, почти незнаком с литературной терминологией» и зачастую «сам для себя» придумывает определения

[10, т. 6, с. 24]. Тем не менее, его литературоведческая и философская начитанность несомненна. В круг чтения 1950–1960-х гг. вошли работы по теории стиха Л.И. Тимофеева, В.В. Кожина, А.А. Квятковского и др. Материал, иллюстрирующий принцип звуковой организации поэтической речи, писатель предполагал опубликовать в тартуских выпусках по семиотике, высоко ценя работы Ю.М. Лотмана [см.: 10, т. 6, с. 557].

Неоднозначным было и отношение Шаламова к фольклору. Отмечая «пустячное значение фольклора для творчества большого поэта», он, тем не менее, считал устойчивые фольклорные формы (пословицы, поговорки, мифы) «закодированной информацией высокой плотности, вечными моделями отношения человека и мира, человека к человеку» [10, т. 6, с. 74]. Что же касается мифологии, то Шаламову были хорошо известны работы М.М. Бахтина о «карнавальном» начале в культуре Средневековья и Возрождения, Ю.М. Лотмана и Е.М. Мелетинского, посвященные реализации архетипов в художественном тексте [см.: 10, т. 5, с. 295, 297; т. 6, с. 594]. Его тезис «...жизнь до сих пор хранит ситуации сказок, эпоса, легенд, мифологии, религий, памятников искусства» [10, т. 5, с. 155] перекликается с современным научным определением мифа как «древнейшим способом концентрирования окружающей действительности и человеческой сущности» [6, с. 419]. Был он знаком и с трудами П.А. Флоренского, переиздание которых началось в России с середины 1970-х гг.

В итоге моделирование действительности и структурирование фрагментов бытия посредством многослойной архитектоники разновременных и разнопорядковых начал явилось одним из важнейших составляющих новаторства писателя, определившего его художественный мир. Видя одну из основных задач литературы в том, чтобы восстановить утраченную «связь времен», Шаламов вспомнил популярный в 1920-е гг. термин «палимпсест».

Именно так он назвал свои рассказы [10, т. 2, с. 222], стремясь «связать концы» безжалостно разрушенной «преемственности» [10, т. 6, с. 412]. За этим определением стояло многое: мысль о цикличности истории: «...любой расстрел тридцать седьмого года может быть повторен» [10, т. 5, с. 351]; универсализм лагерных порядков: на Колыме у мертвецов выламывали золотые зубы, но так было «испокон века» [10, т. 5, с. 109]. Главное – сквозь лагерную реальность в форме многочисленных литературных реминисценций просвечивало инобытие мировой культуры, которая углубляла повествование, несло дополнительную информацию, присутствуя в «Колымских рассказах» как текст в тексте. «Перемещенные в иной хронотоп, иное историческое и эстетическое измерение, они являлись своеобразным духовно-интеллектуальным катализатором» [4, с. 84–89].

В свете сказанного становятся понятной та видимая, а на самом деле глубоко обоснованная «несогласованность», которая характеризует шаламовские высказывания о собственном художественном методе.

«Для того, чтобы зазвучало свое – сколько надо перечитать, переработать, пережить чужого – начиная с классиков и кончая современными поэтами или наоборот, начиная от современных поэтов и кончая классиками» [10, т. 5, с. 91] – данное утверждение в ракурсе теории палимпсеста можно считать творческим кредо Шаламова. Одновременно он подчеркивал, что «обладал таким запасом новизны, что не боялся никаких повторений... мне просто не было нужды пользоваться чьей-то чужой схемой, чужими сравнениями,

чужим сюжетом, чужой идеей, если я мог предъявить и предъявлял собственный литературный паспорт» [10, т. 6, с. 486–487]. Отсюда вытекала синтетическая формула: «Я наследник, но не продолжатель традиций реализма» [10, т. 5, с. 323].

Сказанным, на наш взгляд, определяется возможность анализа шаламовской прозы в свете охарактеризованного Р. Бартом феномена «белого» («нулевого») письма. С одной стороны – декларативное отторжение от традиции, с другой – объективная невозможность реализовать вне ее личные намерения. «Вторичная память слова» проявляется в контексте колымской проблематики, пронизывая новый материал «остаточными магнитными токами» [1, с. 330–334].

Все это так. Но почему же, будучи «наследником» классических традиций, Шаламов отказывался быть их «продолжателем»?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны учесть несколько факторов.

Во-первых, тот государственно-политический статус, который приобрела в искусствоведении советского времени теория отражения, на основе которой сформировалась концепция реалистического метода. В своих исходных посылах она явилась высшей формой художественного мимезиса и обладала значительным эстетическим и эвристическим потенциалом. Более того, основные постулаты, восходящие к диалектике Гегеля (восхождение от абстрактного к конкретному, единство логического и исторического, совпадение противоположностей, доходящее до их тождества), не утратили своего теоретико-методологического значения по сей день.

Однако теория отражения как порождение эпохи классической рациональности осознавалась и как часть общей теории познания, что предполагало осмысление художественного процесса в первую очередь как процесса *познавательного*, направленного на постижение *объекта*. Но именно такой подход к искусству «по учебнику» более всего и раздражал Шаламова. Не отрицая, что в его «безвыходных» рассказах присутствует «познавательное значение» [10, т. 6, с. 215], он при этом подчеркивал: «Познавательная часть – дело десятое...» [10, т. 6, с. 493]. Неспособность же критиков обнаружить то, что скрыто в глубине лагерной темы, вызывала в нем, как отмечалось, резкий протест. Исходя из той же логики, миметический принцип искусства Шаламов вовсе не считал единственно истинным, ссылаясь при этом на музыку, которая «ведь ничего не изображает, ничего не рисует», но только «предельно обнажает восприятие» [10, т. 6, с. 215]. А о самом себе сказал с еще большей жесткостью: «Отражать жизнь? Я ничего отражать не хочу...» [10, т. 6, с. 538].

Тем не менее, даже учитывая резкость и откровенность приведенных высказываний, было бы нелепо не учитывать в «колымской» прозе миметической основы, как и опоры Шаламова на классический реализм XIX в., который при всем разнообразии и оригинальности индивидуальных решений был все же искусством миметического типа.

Шаламов вовсе не отрицал, что достоверность «Колымских рассказов» – это «достоверность документа» [10, т. 6, с. 486], ориентированного на факт, который, опять же по утверждению автора, не существует «без его изложения, без формы его фиксации» [10, т. 6, с. 489]. А фактов, иллюстрирующих общий тезис о лагере как школе всеобщего растреления, было сколько угодно. Так, кусок селедки стал «картой в игре с голодом», и нехватка в десять граммов могла привести к «кровавой драме» [10, т. 1, с. 113; рассказ «Хлеб»]; с некоторой брезгливостью и в то же время пониманием воспроизводится полное драматизма лагерное существование бывшего киносценариста Плато-

нова, вынужденного за из-за лишней порции «супчика» развлекать уголовников пересказом произведений Гюго, Дюма, Мопассана (рассказ «Заклинатель змей»). Впрочем, судьба других Иванов Ивановичей (общее наименование всех интеллигентов) могла быть еще более трагичной: потомок народовольцев Шелгунов, разделявший мнение о возможности бескорыстного просвещения «друзей народа», стал косвенным убийцей горячо любимой жены (рассказ «Боль»). «Обыденность смертей» [10, т. 1, с. 86], «расчесанная в кровь сухая кожа и горящие голодным блеском глаза» трупа [10, т. 1, с. 398], нетленные в вечной мерзлоте «тысячи скелетоподобных мертвецов», «покинувших» свои каменные могилы [10, т. 1, с. 398], не абсурд и фантазмагория, а страшная колымская реальность.

Закономерно возникают вопросы: почему же в таком случае Шаламов не мог удовлетвориться традиционной теорией отражения, и что можно было противопоставить ей в целях корректировки? В поисках ответа, видимо, следует обратиться к постулатам неклассической рациональности.

И вот почему. «У каждого арестанта есть судьба, – пишет Шаламов, – которая переплетается со сражениями каких-то высших сил. Человек-арестант или арестант-человек, сам того не зная, становится орудием какого-то чужого ему сражения и гибнет, зная за что, но не зная почему. Или знает почему, но не знает за что» [10, т. 2, с. 326]. По этой логике, *за что* и *почему* легко меняются местами так же, как «человек-арестант» и «арестант-человек». Хлеб, курево, теплое место в бараке в равной степени могут стать как причиной гибели (*почему?*), так и целью (*за что?*). Поэтому и непостижима метафизическая основа виновности. Двадцатилетний лагерный опыт человека, побывавшего не просто «на дне» жизни, но «гораздо дальше» дна, давал писателю право утверждать: «Девятнадцатый век боялся заглядывать в те провалы, бездны, пустоты, которые все открылись двадцатому столетию» [10, т. 4, с. 99].

Действительно, ход мировой истории поколебал основы христианского гуманизма, подвергнув основательной ревизии не только принцип ценностной доминанты, но и идею персонализма. «Можно поручиться – человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке», – заявлял, в частности, М. Фуко [7, с. 404]. Думается, что Шаламов, лишенный возможности что-либо знать о новейших тенденциях западноевропейской философии, чутко уловил основную линию: перерождение антропоцентризма европейской (включая и отечественную) культуры в свою противоположность, следствием чего явились печи Освенцима и лагеря Колымы как наиболее жестокие и наглядные формы проявления тотальной дегуманизации. Именно поэтому духовно-освободительный смысл шаламовского творчества далеко выходит за рамки политического противостояния системе и имеет, как отмечалось, высшее метафизическое измерение, требующее соответствующей точки отсчета, в частности, обращения к феноменологическому дискурсу.

Разумеется, понятие *феноменология* знает в своем развитии различные интерпретации. Г.В.Ф. Гегель рассматривал ее как всеобщую теорию развития, совпадающую по содержанию с познанием объекта [2, с. 21]. В дальнейшем, как известно, тождество объектно-субъектных отношений подверглось основательной редукции, что мы и будем прежде всего иметь в виду, говоря о феноменологическом аспекте художественного метода Шаламова. Крайне принципиальным для нас является следующее суждение М. Хайдеггера, связанное с выдвинутым им определением феномена: «Сущее может <...> казать

себя из себя самого разным образом, смотря по способу подхода к нему. Существует даже возможность, что сущее кажет себя как то, что оно в самом деле *не* есть. Показывая себя таким образом, сущее "выглядит так, словно...". Такое казание себя мы называем *кажимостью*» [8, с. 28–29].

Иначе говоря, речь идет об интенциональном акте, то есть способности сознания конструировать объект, переводящий материально-предметный план художественной изобразительности в феномен *кажимости*, обладающий специфическим набором субъектно-объектных параметров.

Русская философская мысль еще в середине XIX в. поняла необходимость разделения категорий *действительность* и *реальность* [3, с. 8–23]. *Действительность* Колымы – это забой, пайка, мороз, кровь из цинготных зубов, способность ограничиваться двумя десятками простейших слов, из которых половина – ругательства, и т.п. *Реальность* же просвечивается инозначениями, духом. Как ни странно, но многие колымчане жили по принципу: «Не веришь – прими за сказку» [10, т. 2, с. 292]. «Сказка» в данном случае есть модель интенционального бытия как сращение факта и его субъективной интерпретации, порожденное экстремальными условиями выживания. Это не редуцированная объективность и не объективированная субъективность, но объективность, порожденная, а не отраженная сознанием.

Приведем пример. В уже упомянутом рассказе «Заклинатель змей» Шаламов от лица повествователя подчеркивает, что любил своего героя за то, что тот «не терял интереса к той жизни за синими морями, за высокими горами <...> в существование которой мы уже почти не верили или, вернее, верили так, как школьники верят в существование какой-нибудь Америки» [10, т. 1, с. 118]. А ведь речь идет об образованнейшем человеке, вынужденном прислуживать уголовникам. Получается, что волей-неволей лагерник возвращается к детским переживаниям, природа которых глубоко иррациональна.

Если эмпирическому объяснению вполне поддаются сны заключенных («пролетающие мимо нас, как болиды или ангелы, буханки ржаного хлеба» [10, т. 1, с. 85]), то ситуация, воспроизведенная в рассказе «Перчатка», герой которого утверждает, что, обернувшись в вытертое, ветхое одеяло можно увидеть «римские звезды» [10, т. 2, с. 297–298], с точки зрения здравого смысла представляется нелепицей. Однако, абсурдная с позиций мимезиса, она имеет глубокое феноменологическое обоснование. Конечно, «римские звезды» на небе Дальнего Севера – это не звезды над Римом, но интенциональный образ, сформировавшийся как итог «встречи» настоящего с воспоминаниями о детском увлечении Древним Римом (рассказ «Сентенция»). По законам теории отражения подобный художественный образ при полном отсутствии реального предмета-референта возможен лишь в сфере абсолютного вымысла, безудержной фантазии. В феноменологической же эстетике, напротив, бытие редуцируется в своих онтологических основах. «На мир я гляжу своими глазами» [10, т. 6, с. 219], – подчеркивал писатель, отстаивая приоритет личного (единичного) опыта над общим.

Но и сказанного недостаточно: феноменология, конечно, вносит принципиальную коррекцию в миметические конструкции и, тем не менее, не исчерпывает проблемы художественного метода Шаламова. «Зачеловечность» существования актуализирует, помимо прочего, различные модели измененных состояний сознания, характеристика которых предполагает углубление и в вопросы экзистенциального порядка. «Есть мир и подземный ад, откуда люди иногда возвращаются, не исчезают навсегда. Зачем они возвращаются? Серд-

це этих людей наполнено вечной тревогой, вечным ужасом темного мира, отнюдь не загробного», – читаем в рассказе «Боль» [10, т. 2, с. 166].

Принципиально важным нам представляется тезис литовского философа А. Мацейны о том, что «забота, рожденная страданием, уже не является повседневной. Она экзистенциальна» [5, с. 77]. Причем экзистенция боли глубоко личностна, этот «нередуцируемый» смысл всегда присутствует в шаламовских текстах, объясняя ту органическую неприязнь, которую испытывал писатель к любым попыткам морализаторства и учительства, особенно со стороны литераторов: «Учить людей – это оскорбление» [10, т. 5, с. 302]. Экзистенциальный вопрос – всегда вопрос судьбы индивидуума. И даже обезличивание в толпе, об опасности которого предупреждал автор «Колымских рассказов», не означает гибели личного начала. «Наше время – время одиночек», – записывает он в дневнике [10, т. 5, с. 301]. «Мышление экзистенциального мыслителя – это зов его бытия, рана его сердца, с которой связана его судьба», – согласен философ [5, с. 34].

В таком контексте становится понятным и горький возглас автора, рисующего постлагерную Колыму: «Были ли мы?». Уничтожены многие документы прошлого, личные дела, истории болезней: спилены караульные вышки, исчезли с поверхности земли бараки, смотана и куда-то увезена ржавая проволока. «На развалинах Серпантинки процвел иванчай – цветок пожара, забвения, враг архивов и человеческой памяти» [10, т. 2, с. 283]. Да, это так. И все же читателю непонятно: как после 17 лет Колымы можно сомневаться в реальности прошлого? По логике экзистенциализма, можно и нужно, ибо разрушенные лагерные поселения не элементарная попытка уничтожения исторических фактов, а торжество хайдеггеровского «Ничто», искажающего «предмет вопроса до его противоположности». Это полное отрицание «всей совокупности сущего, оно – абсолютно не-сущее» [9, с. 26]. А человеком (по определению) в любой ситуации движет страх небытия, страх лично исчезнуть, *не быть*. Именно поэтому, как бы ни тяготило воспоминание о пережитом страдании, как бы активно новая реальность («Ничто») ни маскировалась под такое же новое бытие, человек желает заявить о своем «Я» не только настоящим, но и прошлым. Он защищает экзистенцию прошлого, по сути не покидая его топоса. Данность отрицает – сознание и память утверждают. Только благодаря такой духовной самоконцентрации становится возможным прорыв из повседневности. «И верю – был я в будущем» [10, т. 5, с. 342] – так сказать о себе мог только тот, чей несломленный дух выходил за пределы сущего в метафизические высоты.

Поэтому «странный» вопрос Шаламова в равной степени гносеологичен и онтологичен. Понятно, что проблема «Были ли мы?» не адекватна элементарному вопросу: «Жили ли мы в такое-то время в таком-то месте?», на который, не задумываясь, ответит любой здравомыслящий человек. Но экзистенциальная суть шаламовской позиции заключена в том, что он своим творчеством и всей своей судьбой, своей личностью обращается не только к самому себе и своим современникам. В качестве бессмертного прецедента в первую очередь, конечно же, вспоминается Книга Иова: «Но где премудрость обретается? И где место разума? Не знает человек цены ее, и она не обретается на земле живых. Бездна говорит: "не во мне она"; и море говорит: "не у меня"» [гл. 28, ст. 12–14]. Обезличенный мир не дает ответа. Бессильна, как показал колымский опыт и культура. Где же выход? А. Мацейна, на которого мы неоднократно ссылались, именно в процессе анализа великой Книги Иова пока-

зал, что все пограничные ситуации (а это понятие экзистенциалистское) так или иначе предполагают обращение к Высшему началу, независимо от степени его осознанности человеком [5, с. 276–302].

Разумеется, здесь необходима оговорка. Экзистенциализм, более занятый проблемой посюстороннего существования, не отрицает сверхличной и внеисторической трансценденции, но предлагает различные, в том числе и крайние решения вопроса, подчас мало интересующаясь проявлениями Абсолюта как Высшей благодати в земной действительности. Разные мнения на этот счет были и у Шаламова. Однако говорить об атеизме писателя так же некорректно, как и безапелляционно вписывать его в традиции православной догматики. «Мы не знаем, что стоит за Богом, за верой, но за безверием мы ясно видим – каждый в мире – что стоит» [10, т. 6, с. 491]. Миссия автора «Колымских рассказов», на наш взгляд, заключалась в том, чтобы «познать Бога не в том, что Он есть, а в том, что не есть и не может быть Им». Такая позиция называется в богословии апофатической. Она, конечно, не заменяет катафатики, но и не противоречит ей, подобно тому, как мрак горы Синайской и свет Фавора равноценны в едином процессе Богопознания [4, с. 19]. Мы далеки от того, чтобы упрощать и подгонять под современные схемы трагический путь писателя, тем не менее, считаем, что экзистенциализм Шаламова вполне правомерно назвать теистическим экзистенциализмом.

Таким образом, эстетическая природа «Колымских рассказов» уникальна своей способностью синтезировать разнотипные художественные решения – и в плане осмысления классического опыта и в аспекте новейшего времени. Поистине: Шаламов – «новатор завтрашнего завтра» [10, т. 5, с. 348].

Список литературы

1. Барт Р. Нулевая степень письма / Р. Барт // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект – Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – С. 327–371.
2. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. / Г. В. Ф. Гегель ; пер. Г. Г. Шпета. – М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1959. – Т. IV: Система наук. – 440 с.
3. Гусев С. С. «Реальность» в русской философии / С. С. Гусев // Философия реализма. Из истории русской мысли. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1997. – С. 8–23.
4. Жаравина Л. В. «У времени на дне»: Эстетика и поэтика прозы Варлама Шаламова : монография / Л. В. Жаравина. – 2-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА : Наука : 2012. – 232 с.
5. Мацейна А. Драма Иова / А. Мацейна ; пер. с литов. – СПб. : Алетей, 2000. – 316 с.
6. Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / Е. М. Мелетинский. – М. : РГГУ, 1998. – 575 с.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 405 с.
8. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина. – СПб. : Наука, 2006. – 452 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина. – СПб. : Наука, 2007. – 621 с.
10. Шаламов В. Т. Собрание сочинений : в 6 т. / В. Т. Шаламов. – М. : TERRA – Книжный клуб, 2004–2005. – Т. 1. – 672 с.; т. 2. – 512 с.; т. 3. – 512 с.; т. 4. – 640 с.; т. 5. – 384 с.; т. 6. – 608 с.

**К.К. ПАВЛОВА – ПЕРЕВОДЧИК СТИХОТВОРЕНИЯ А.А. ФЕТА
«Я ВДАЛЬ ИДУ МОЕЙ ДОРОГОЙ...»¹**

Д.Н. Жаткин, О.В. Родикова

В статье осуществлен сопоставительный анализ стихотворения А.А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...» и его первого перевода на немецкий язык, выполненного в 1845 г. К.К. Павловой. Отмечается, что в немецком переводе сохранена образная система подлинника, представлены значимые для А.А. Фета образы жизненного пути, гостеприимного дома, сердечной печали. Авторами выявлены отличия в восприятии А.А. Фетом и К.К. Павловой отдельных нюансов художественного описания, вызванные индивидуально-авторскими особенностями.

The article gives comparative analysis of A.A. Fet's poem "I am going afar by my way..." and its first translation into German made by K.K. Pavlova in 1845. It points out that the German translation preserves the original character system, presents the meaningful for A.A. Fet images of life ways, a hospitable house, heart grief. The authors find out the differences in A.A. Fet's and K.K. Pavlova's perception of distinct nuances of literary description caused by their individual peculiarities.

Ключевые слова: А.А. Фет, русско-немецкие литературные связи, поэзия, художественный перевод, компаративистика, межкультурная коммуникация, художественная деталь.

Key words: A.A. Fet, Russian and German literary connections, poetry, literary translation, comparativistics, intercultural communication, literary detail.

В 1845 г. К.К. Павлова обратилась к интерпретации только что написанного стихотворения А.А. Фета «Я вдаль иду моей дорогой...» – "Ich ziehe fort auf meinen Wegen...", причем это обращение было обусловлено обстоятельствами личного характера, прежде всего, знакомством и дружескими отношениями с поэтом. В осуществлении перевода Павловой помог молодой немецкий литератор Вильгельм Вольфсон, в тот год побывавший в Петербурге и Москве для установления и развития дружеских отношений с русскими литераторами и журналистами и активно печатавший на страницах «Отечественных записок» библиографические обзоры новинок немецкой и французской литературы [см.: 5, с. 32].

Известно, что Фет в студенческие годы часто общался с Павловой. Став в возрасте двадцати лет автором первого поэтического сборника «Лирический пантеон» (1840), Фет, прежде вовсе не печатавшийся, обрел определенную известность как лирик, обратившийся к теме «холодного разочарования» (кстати, не свойственной его поэзии последующего времени), начал участвовать в творческой жизни Москвы, посещая литературные салоны, в том числе и салон Павловой, советами которой он особенно дорожил: «Я всегда старал-

¹ Статья подготовлена по проекту НК-583(3)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению "Филологические науки и искусствоведение"», выполняемому в рамках мероприятия 1.2.1 «Проведение научных исследований группами под руководством докторов наук» мероприятия 1.2 «Проведение научных исследований группами под руководством докторов наук и кандидатов наук» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы» (госконтракт ПЗ79 от 07.05.2010).

ся прийти к Каролине Карловне Павловой пока в кабинете не появлялось сторонних гостей. Тогда по просьбе моей она мне читала свое последнее стихотворение, и я с наслаждением выслушивал ее одобрение моему» [3, с. 695]. Критические замечания и пожелания хозяйки салона на Сретенском бульваре были для молодого поэта своеобразной литературной школой, причем одобрительное восприятие многих завершенных, доработанных произведений неизменно приводило к их публикации.

Создание стихотворения «Я вдаль иду моей дорогой...» в апреле 1845 г. (опубликовано в № 5 «Отечественных записок» за тот же год) связано с новым этапом жизни Фета – пребыванием в Новой Праге, посаде Александрийского уезда Херсонской губернии, где тянулись тусклые годы военной службы, необходимой поэту для возврата утраченного «господского» положения. «Военная служба была в то время наиболее легким путем в дворянство. И вот молодой поэт, песни которого уже пелись в самых дальних углах России, поступает унтером в захудалый полк – кирасирский орденский, размещенный по глухим углам Херсонской губернии, годами живет без книг и журналов, без всяких литературных советников, всегда так необходимых Фету, вне круга людей, способных поддерживать в нем литературные интересы и дарования» [1, с. VII].

Несмотря на все затруднения, связанные с жизнью в херсонской глуши, отдаленностью от литературного мира, стихотворение, созданное Фетом, характеризуется поэтической силой, заключающейся в гармонии формы и содержания. Из уст лирического героя звучит благодарность людям, добродушно принявшим его под своим кровом, давшим возможность вновь испытать сильные чувства, волнение, внутреннюю дрожь, ощутить новый жар в груди («<...> новой силой, новым жаром / Опять затрепетала грудь» [6, с. 427]). Внутренний трепет лирического героя Фета представлен у Павловой как наполненность новыми чувствами, эмоциями, раскрытыми, однако, в несколько сглаженной тональности: “Wo meine Brust in neuen Flammen, / In neuer Kräfte Regung schwol” [7, S. 66] [Где моя грудь в новом огне, / С новой силой наполнилась чувством]. Если автор обращает внимание на то, что эмоциональный подъем у лирического героя был неоднократным (для этого используется лексема «опять»), то переводчица опускает этот нюанс описания, тем самым частично изменяя смысловой подтекст стихов.

В стихотворении Фета использованы словосочетания *путь мой, моей дорогой* («Я вдаль иду моей дорогой / <...> / Ведет ли путь мой горной цепью» [6, с. 427]), которые в общем контексте описания имеют значение передвижения куда-либо, поездки, путешествия; в переводе Павловой вместо «дороги», воспринимаемой в более традиционном значении («полоса земли, служащая для езды и ходьбы» [4, т. 1, с. 432]), появляется несколько более высокий образ «тропы» как «пути, протоптанного людьми или животными» [4, т. 3, с. 415]: “Ich ziehe fort auf meinen Wegen, / <...> / Mag ich auf steilen Pfaden schreiten” [7, S. 65–66] [Я иду прочь по моему пути, / <...> / Если бы я мог по отвесной тропе шагать].

В оригинальном тексте упоминается о тепле, жаре, становящихся носителями чувственной радости, побуждающих к приливу поэтических сил, дарящих наслаждение и в итоге приводящих поэта к блаженному слиянию с помещицкой усадебной жизнью, в которой не только зрение и слух, но и обоняние и осязание несут человеку постижение мира, бурную радость, переходящую в поэтический экстаз: «Спасибо ж тем, под чьим приютом / Мне было

радостней, теплей, / <...> / Где новой силой, новым жаром / Опять затрепетала грудь» [6, с. 427]. Представляя Фета певцом усадебных наслаждений, нельзя, однако, забывать, что его поэзия в целом все-таки не бытовая, она, по наблюдению Б.Я. Бухштаба, «не настолько связана с определенным бытом, чтобы эти связи играли в ней заметную роль» [2, с. 53].

Если в тексте подлинника Фетом использована лексема «приют», то в немецкой интерпретации Павловой употреблены словосочетания «каждое место», «каждый приветливый круг»: “Dank jedem Ort aus Herzensgrunde, / Und jedem trauten Kreise Dank” [7, S. 66] [Спасибо каждому месту от всего сердца, / И каждому приветливому кругу спасибо]; следовательно, слова благодарности в тексте перевода относятся ко всем местам, где автор жил и которые видел, проезжая, и ко всем приветливым людям, которыми он был когда-то окружен. Как видим, переводчицей не совсем точно интерпретированы автобиографические факты, ставшие содержательной основой фетовских стихов. На фоне жизни среди общей невзрачной массы провинциальных офицеров и помещиков для поэта обрелась особую ценность общение в нескольких помещичьих домах Херсонской губернии, где ценили его творчество, принимали на должном уровне, давая возможность окунуться в атмосферу культурных интересов. Фет благодарит именно тех людей, у которых он гостил, радостно проводил время из «урны жизненной» своей, благодарит за предоставленное ему душевное пристанище, прибежище, за приют, в котором душа могла на какое-то время укрыться от жизненных невзгод. Наиболее близкие Фету в новопражский период поэт А.Ф. Бржеский и его жена А.Л. Бржеская остались в круге фетовского общения на долгие годы; А.Л. Бржеской посвящен ряд стихотворений Фета («Я вам пророчил поклоненье...» (1847), «Далекий друг, пойми мои рыдания...» (1879), «Нет, лучше голосом ласкательно обычным...» (1879), «Опять весна! опять дрожат листы...» (1879), «Хоть строчкой, бедная подруга...» (1881)).

В немецкой интерпретации посредством увеличения временного интервала испития жизни из чаши подчеркнута размеренность усадебного мира, не соответствовавшая внутренним устремлениям переводчицы, видевшей в усадебном мире прежде всего праздность, приверженность помещичьим утехам: “Wo ich minutenschnell die Stunde / Aus meines Lebens Urne trank” [7, S. 66] [Где я быстрые минуты часами / Из моей урны жизни пил]; вместе с тем удачно сохранен использованный Фетом («Где время пил я по минутам / Из урны жизненной моей» [6, с. 427]) образ урны как сосуда, вазы, вмещающей в себя содержимое человеческой жизни.

Тенденция к эстетизации описания усилена у Фета использованием условно-поэтических эпитетов («сердечною», «доброй», «перелетной», «вольной», «близких»), соотносимых с явлениями действительности, а также наделенных нарочитой красотой сравнений (сердечная печаль – «добрая проводница», «перелетная, вольная птица», «бродячая»), отчасти сохраненных и в немецком переводе: «Она-то доброй проводницей / Со мною об руку идет / И перелетной, вольной птицей / Мне песни новые поет. / <...> / Везде, бродячая, вольна» [6, с. 427] – “Es führt mich liebend hin und wieder, / Geht Hand in Hand mit mir dahin, / Und singt mir neue, freie Lieder, / Den Vögeln gleich, die wandernd ziehn. / <...> / Irrt frei wie dieses dort und hier” [7, S. 66] [Ведет меня, любя, время от времени, / Идет рука об руку со мной / И поет мне новые, свободные песни, / Словно птицы, которые летят странствуя. / <...> / Блуждает свободная, как тот, тут и там]. У Павловой можно видеть оригинальное сравнение сердечной печали с

неопределенным вольным субъектом, в полной мере характеризующее свободу сердечных тревог и печалей («свободная, как тот»).

При осмыслении стихотворения русского поэта Павловой введены метафорические словосочетания *сердечная тревога – сердца неукротимый дождь, сердечная печаль – сердца непобедимая боль*, что привело к лексико-семантическим изменениям. Если в оригинальном тексте сообщается о чувстве грусти и скорби, душевной горечи, живущей в сердце героя, то в немецкой интерпретации Павловой используется лексема *das Weh* («боль»), акцентирующая ощущение физического и нравственного страдания. Нравственное мучение, испытываемое фетовским героем, предстает у переводчицы непобедимой сердечной мукой, не излечивающейся ни путешествиями по родным просторам, ни посещением усадебных поместий гостеприимных знакомых.

В немецком переводе Павловой присутствует большое количество лексем (в особенности существительных), образованных словосложением (*die Wolkennähe* («близь облаков»), *das Machtgebote* («властный приказ»), *der Gastfreunds* («дружественно-гостеприимный»), *der Herzengrunde* («все сердце»), *minutenschnell* («быстрые минуты»), *der Spielmann* («музыкант») и др.), что отчетливо свидетельствует о продуктивности в языке перевода словосложения как способа образования новых слов.

Используя отсутствующую в подлиннике Фета лексему *schreiten* («шагать») (“*Mag ich auf steilen Pfaden schreiten, / <...> / Durchmessen öde Steppenweiten*” [7, S. 66] [Я могу по отвесной тропе шагать, / <...> / Измерять пустынные степные дали], Павлова подчеркивает особенности передвижения лирического героя, останавливаясь на самом «медленном» из возможных вариантов, что, очевидно, соотносится с образом человеческой жизни, испиваемой часами (а не минутами, как у Фета). Мотив времени, выраженный как скрыто, так и явно, в итоге становится доминирующим в семантическом аспекте немецкой интерпретации (“*Es führt mich liebend hin und wieder*” [7, S. 66] [Ведет меня, любя, время от времени]), что не соответствует фетовскому замыслу.

При помощи эпитета *öder* («пустынный») Павлова отмечает как пустоту мира, в котором нет людей, живых существ, так и безлюдность мест, по которым вела лирического героя сердечная печаль: “*Durchmessen öde Steppenweiten, / <...> / Auf öder Heide singt’s mit mir*” [7, S. 66] [Измеряя пустынные дали шагами, / <...> / В пустынный бор со мною петь]; всего этого нет в русском оригинале: «Иль в дальний край широкой степью, / <...> / Как на степи, со мной она» [6, с. 427]. У Павловой герой подчеркнуто сторонится людей, бежит от гостеприимных друзей в пустынные места, замыкается на тревогах своего сердца: “*Es folgt des Herzens Machtgebote, / Irrt frei wie dieses dort und hier – / An Gastfreunds Tisch, bei Salz und Brote, / Auf öder Heide singt’s mit mir!*” [7, S. 66] [Следуя властному приказу сердца, / Блуждает свободная, как тот, тут и там – / От дружественно-гостеприимного стола, с солью и хлебом, / В пустынный бор со мною петь!]. Акцентированная Павловой тема власти чувств над человеком прослеживается и в подлиннике Фета («Покорна сердца своеволью, / Везде, бродячая, вольна» [6, с. 427]), где преобладание чувств над разумом оказывается первопричиной путешествий лирического героя, преодолевающего трудности, встречающиеся на пути, указанном сердцем.

Заменяя характеризующий печаль героя эпитет «бродячая» на «frei» («свободная»), переводчица смещает акценты в описании, говоря не об отсутствии постоянного пристанища для чувства героя и для него самого, вынужденного передвигаться с места на место, странствовать, а о независимости чув-

ства, располагающего собою по собственному усмотрению и не знающего, не терпящего каких-либо преград. Замыкаясь в собственном эмоциональном мире, герой в интерпретации Павловой идет в пустынные места, чтобы более познать себя, раскрыть причину своей печали, которая, не зная ограничений, полностью захватывает его. При этом использованная Павловой в первом стихе перевода лексема “fort” («прочь») (“Ich ziehe fort auf meinen Wegen” [7, S. 65] [Я иду прочь по моему пути]) предполагает движение в сторону от места; тем самым подтверждается мысль о том, что сердечная печаль у переводчицы не «бродячая», а «путешествующая», причем есть место, становящееся точкой отсчета для странствия, своего рода постоянное местонахождение, временно оставленное героем-путешественником. Характерно, что в последней строфе у Павловой появляется образ странствия, традиционно трактуемого как «поездка или передвижение пешком куда-либо далеко за пределы постоянного местожительства» [4, т. 4, с. 281–282]: “Ihr Wandern schien nicht mühevoll!” [7, S. 66] [Их странствие казалось не трудным!].

Задача переводчицы была усложнена использованием в оригинальном тексте слов с устаревшим значением, традиционно-поэтических лексем, таких, как «кров» (устар.) – «крыша» [4, т. 2, с. 141], «гусяр», «риза» (трад.-поэт.) – «одежда, одеяние» [4, т. 3, с. 717]: «Иль под гостеприимный кров, – / <...> / Где музе-страннице с гусяром / <...> / Под ризой близких облаков» [6, с. 427]. Не найдя лексико-семантического соответствия этим словам, переводчица вынуждена была ввести лексемы “Haus” («дом»), “Spielmann” («музыкант»), что привело к незначительным изменениям смыслового плана: “Dem gastlich-off nen Hause nah`n; / <...> / Wo Mus` und Spielmann, treu beisammen, / <...> / In Wolkennähe, berghinan” [7, S. 66] [К гостеприимному дому приближаясь; / <...> / Где муза и музыкант верно вместе, / <...> / Вблизи облаков, вверх по горам].

Особенностью интерпретации Павловой стало расширение глагольного ряда, придавшее художественной интерпретации динамичность: *ziehe* («иду»), *führt* («ведет»), *geht* («идет»), *singt* («поет»), *mag* («может»), *schreiten* («шагать»), *irrt* («блуждает»), *singen* («петь»), *trank* («пил»), *schwol* («наполнилась»); усилению динамичности способствовало и использование переводчицей значительного количества деепричастий: *liebend* («любя»), *wandernd* («странствуя»), *nah`n* («приближаясь»), *folgt* («следует»).

Несмотря на ряд закономерных содержательных расхождений с подлинником Фета, нельзя не признать, что переводчицей сохранена внутренняя атмосфера оригинального текста, точно переданы его формальные особенности, что в целом обусловлено взглядами Павловой на «точность» в переводе как «точность» в передаче мысли, формы, стихотворного размера подлинника, равномерное приближение к «энергии настроения» оригинала, гармоничное слияние идеи и формы при воссоздании «чужого» текста.

Список литературы

1. Бухштаб Б. Я. А. А. Фет / Б. Я. Бухштаб // Фет А. А. Полное собрание стихотворений. – Л. : Советский писатель, 1937. – С. V–XXV.
2. Бухштаб Б. Я. А.А. Фет / Б. Я. Бухштаб // Фет А. А. Полное собрание стихотворений. – Л. : Советский писатель, 1959. – С. 5–78.
3. Решетилова И. Княгиня русского стиха / И. Решетилова // Чистые пруды. – М. : Московский рабочий, 1989. – С. 674–713.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1–4.

5. Файнштейн М. Ш. «Меня вы называли поэтом...»: Жизнь и литературное творчество К.К. Павловой в ретроспективе времени / М. Ш. Файнштейн. – Fichtenwalde : Göpfert, 2002. – 179 с.

6. Фет А. А. Полное собрание стихотворений / А. А. Фет. – Л. : Советский писатель, 1959.

7. Pavlova K. Das deutsche Werk : In 3 Bd. / K. Pavlova ; Hrsg. von Frank Göpfert. – Rosenweg : Göpfert, 1994. – Bd. 1. – 218 S.

ТРАДИЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО РЕАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ (пургаментарные образы)

Е.Е. Завьялова

В статье прослеживается связь между пургаментарными образами, которые описаны в романе Ж. Жанена «Мертвый осел и гильотинированная женщина», в повести О. де Бальзака «Гобсек» и в произведениях Н.В. Гоголя. Обосновывается мысль о том, что интерес к «бесконечно малому» является следствием установки на «дегенеративное», «научное» воспроизведение действительности. Показывается, как в художественной картине мира прославленных писателей сознательно экстрагируются «мусорность» и «грязность». Делается вывод о несомненном воздействии на русско-го писателя эстетики французского реализма.

In the article connection is traced between purgamentar characters which are described in a novel of J. Janin “The Dead Donkey and the Guillotined Woman”, in the story of H. de Balzac “Gobsek” and in works of N.V. Gogol. An idea is grounded about that interest in “infinitely small” is investigation of setting on the “degenerative”, “scientific” reproducing of reality. Shown, as “garbageness” and “dirtytness” is consciously extracted in the artistic picture of the world of the glorified writers. Drawn conclusion about the undoubted affecting the Russian writer of aesthetics of the French realism.

Ключевые слова: пургаментарные образы, категория нечистоты, французский реализм, влияние, типологические соответствия.

Key words: purgamentar characters, category of impurity, French realism, influence, typology accordances.

Существует большое количество работ, посвященных теме воздействия западноевропейской традиции на творчество Н.В. Гоголя. Еще в начале XX в. Г.И. Чудаковым составлен список художественных произведений, которые доподлинно были известны писателю, и перечень тех текстов, которые могли быть им прочитаны [21]. Обстоятельно проанализированы связи писателя с немецкой преромантической и романтической литературой (Ф. фон Шиллер, В.Г. Вакенродер, Л. Тик, Э.Т.А. Гофман) [16; 17; 23]; менее детально – с английской (прежде всего, с произведениями Д.Г. Байрона и Ч.Р. Метьюрина) [9].

О близости поэтики гоголевских сочинений к французской прозе говорилось главным образом тогда, когда речь велась о магистральной реалистической линии в литературном процессе Европы [8; 9; 15; 19]. В большей степени исследователей интересовали типологические соответствия, основанные на сходстве мировоззренческих позиций, изображаемых явлений жизни, ху-

дожественных приемов и лишний раз доказывавшие самостоятельность русской – советской, «СНГ-шной», украинской – литературы¹.

Между тем, именно во Франции реалистическая эстетика впервые получила выраженное оформление, факт ее воздействия на российскую культуру неоспорим. Очевидна необходимость более глубокого анализа влияния французской «школы» на произведения русской классики. В этой статье мы хотели бы обратить внимание на сходство мотивов нечистоты в творчестве Николая Васильевича Гоголя и в тех произведениях Жюль Жанена (Jules Janin) и Оноре де Бальзака (Honoré de Balzac), которые были больше всего известны читающей публике 1830-х гг.

Образы грязи, скверны, сора, праха, пыли и прочего то играют заметную роль в создании авторской картины мира, то оттесняются на второй план – в соответствии с индивидуальным стилем и общими литературными тенденциями. Культура барокко «различает» большое количество деталей, поскольку ей изначально свойственно «напряженно-мистическое переживание мира вещей» [7, с. 669]. Романтизм вводит низкую сферу в высокую традицию. «Фактически, – пишет Г.П. Козубовская, – мусор и грязь теряют здесь свою "мусорность" и "грязность"» [14, с. 215]. Физиологии совмещают романтические описания «местного колорита», «травестийный» статус нищего [22] с реалистическими подробностями. «Мусорность» и «грязность» сознательно экстрагируются.

Необычайно популярным в Европе становится изданный в 1829 г. роман Ж. Жанена «Мертвый осел и гильотинированная женщина» (“L’Ane mort et la femme guillotinée”). Как пишет С.Р. Брахман, после 1831 г. упоминания об этом произведении «не сходят со страниц русских журналов» [4, с. 329], хотя далеко не все издания оценивают сочинение положительно.

В 1833 г. возникает замысел коллективного сочинения, в котором участвовали бы А.С. Пушкин, В.Ф. Одоевский и Н.В. Гоголь. В сборнике с названием «Тройчатка, или Альманах в три этажа» планируется собрать сцены из жизни петербургского трехэтажного дома. Книга должна была строиться по тому же принципу, что и «Исповедь» (“La confession”) Жюль Жанена, в которой описаны истории жильцов парижского пятиэтажного здания. По словам В.В. Виноградова, Пушкин, ссылаясь на занятость, отказывается, и замысел остается неосуществленным [5, с. 78].

Эстетический принцип, провозглашенный французским писателем в «предупреждении» к роману, вдохновляет многих русских художников. Ж. Жанен пишет: «...Теперь, когда вам запрещено быть слишком дальнзорким и в то же время запрещено пользоваться телескопом, вам остается лупа (loupe); вооружившись ею, вы сделаетесь приверженцем бесконечно малого, вы станете поэтом или, что то же самое, анатомом деталей (anatomiste un chromes); сузившись, ваши владения по-прежнему пребудут обширными. А как же иначе? Когда-то вы двигались от целого к подробностям, от фасада к карнизам, от общего к частностям; ныне ваш путь изменился. Величественная руина виднеется на вершине этой горы; если вы хотите рассмотреть ее хорошенько, начните с изучения этого обломка (commencent dès une étude ces débris) – этот камень отвалился от сводчатого оконца, освещавшего старую замковую часовню; часовня примыкает к башенкам, башенки – к оружейной палате... вот вам и целый мир, воссозданный по одному обломку; вам остает-

¹ Одним из немногих исключений является недавно опубликованная работа А.В. Исаченко «Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма» [12].

ся лишь некоторое время карабкаться таким образом от песчинки к скале, чтобы добраться до того человека в узорах и фестончиках, над которым потешался Дебрео» [10, с. 14].

Сравним этот принцип с характеристиками, которыми наделяли в разное время Н.В. Гоголя. А.С. Пушкин отмечает гоголевское умение «крупно» изобразить всю ту «мелочь, которая ускользает от глаз» [6, т. VIII, с. 292]. О том, что жизнь в прозе Н.В. Гоголя «разанатомирована до мелочей, и мелочам этим придано общее значение», пишет В.Г. Белинский [2, с. 341]. А. Белый в «проведении сквозь мелочи» усматривает особенность гоголевского сюжета, утверждая, что только глаз-микроскоп может позволить «видеть зловонными ямами поры кожи» [3, с. 79].

А.П. Чудаков выделяет особый, гоголевский, тип видения предмета – «мелочно-живописно-пластический» [20, с. 270]. В.В. Кожин доказывает, что игнорирование «мельчайших частиц гоголевского повествования», зачастую кажущихся «несущественными, не имеющим *необходимого* значения», «неотвратимо ведет к обмелению смысла» [13, с. 9]. О «неповторимой, невероятной гиперболизированной зоркости» писателя упоминает С.П. Залыгин [11, с. 200].

Можно привести еще десятки подобных цитат. Пристальное внимание к подробностям жизни – особенность таланта Н.В. Гоголя, но и следствие его сознательной ориентации на «дагерротипные» стандарты.

Приверженность «бесконечно малому» можно назвать одной из категориальных особенностей реалистической эстетики, нацеленной на «научное» воспроизведение действительности. Отсюда – обилие казалось бы незначительных частных, обыденных деталей; подчеркнем: заурядных, неприглядных подробностей. «Вот как все извращается благодаря этому ражу *правдивости!* – рассуждает повествователь в романе Ж. Жанена. – Правда, которую упорно ищут те, кто стряпает поэтические произведения, – вещь страшная, я сравниваю ее с огромным зеркалом (*avec une glace immense*), предназначенным для Обсерватории. Ты приближаешься к нему беззаботно, не подозревая ничего дурного, и уже хочешь мило улыбнуться самому себе, но вдруг в испуге отшатываешься, увидев красные глаза, изборожденную морщинами кожу, зубы, покрытые камнем, потрескавшиеся губы; и, однако, весь этот ужас старости (*effroi une vieillesse*) – лишь твое собственное изображение, красивое и белое лицо молодого человека» [10, с. 50].

От мелочи – к системе, от пристального взгляда на вещь – к постижению закономерности, от познания – к разочарованию и страху. Герой Ж. Жанена признается: «Мое ужасное продвижение в область правдивого было слишком быстро; вскоре я стал видеть только безобразную природу (*nature hideuse*). Беспощадный мой анализ (*ma analyse féroce*) проникал везде и всюду, дерзко срывая старательно сшитые одежды, развязывая все шнурки, обнажая далеко запрятанные увечья, и я злорадно убеждался в том, что в области прекрасного имеется великое множество исключений» [10, с. 51].

Н.В. Гоголь в письме к С.П. Шевыреву замечает: «я... снимаю плеву со всякой дряни» [6, т. XII, с. 117]. Очень показателен случай из детства, который писатель вспоминает в статье «Несколько слов о Пушкине»: «Я всегда чувствовал в себе маленькую страсть к живописи. Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянув на картину, покачал головою и сказал: "Хороший живопи-

сец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие. Хорошо растущее, а не сухое". В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после из него извлек мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпе» [6, т. VIII, с. 50–51].

Явный интерес Н.В. Гоголя к творческим принципам Ж. Жанена, близость воззрений ведет к сходству описаний. Приведем несколько примеров, касающихся пургаментарной сферы. Очень популярен у обоих писателей образ дорожной грязи, содержащий в подтексте указание на затерянность либо порочность («...на обочине, в куче вечной грязи...» [10, с. 159], «...на грязной обочине...» [10, с. 160], «в уличной грязи» [10, с. 172] – «дорога с ее... слякотью, грязью» [6, т. VI, с. 132], «грязный и узкий переулок» [6, т. VI, с. 228], «переулок, весь стремившийся вниз и запруженный грязью» [6, т. VI, с. 225]). Неоднократно и Ж. Жанен, и Н.В. Гоголь упоминают в своих произведениях «запыленную» дорогу [6, т. VI, с. 62, 221; 6, т. VII, с. 18, 180; 10, с. 8, 82]. Схождения можно объяснить типологической общностью. Как и описания комнаты, в которой покоятся пыльные фолианты. «Человек погребает себя в пространстве шесть футов на шесть, да и это ничтожное пространство сокращает, загромождая его картинами, пыльными книгами (*livres poussièreux*), статуями под античность...» [10, с. 68–69], – рассуждает Ж. Жанен. Н.В. Гоголь в поэме «Ганц Кюхельгартен» изображает комнату юного поэта: «В стороне / Лежит, в густой пыли, том давний, / Платон и Шиллер своенравный, / Петрарка, Тик, Аристофан / Да позабытый Винкельман...» [6, т. I, с. 223].

Есть и несомненные примеры переключек. Окно приемной венерологической лечебницы (жаненовского «ложа скорби») выходит на помойку [10, с. 156]; окно комнаты портного Петровича (в черновом варианте повести «Шинель») – «в какую-то конюшню» [6, т. III, с. 453], перед окном Коробочки «свинья с семейством» «разгребает кучу сора» [6, т. VI, с. 48]. В «Мертвом осле...» показывается ров, заполненный «зеленой тиной и жидкой грязью (*limon vert et boue fluide*)» [10, с. 15]; в исторической статье Н.В. Гоголя «Взгляд на составление Малороссии» тоже упоминаются «тина и грязь» [6, т. VII, с. 57]. В жаненовском романе изображается маленький мальчик, раздавленный каретою графини с улицы Эльдер, вышитая блуза которого «измарана грязью и кровью (*boue et sang*)» [10, с. 65]; сказывается эстетика неистового романтизма. В повести «Тарас Бульба», стиль которой также связывается с названным направлением, главный герой представляет, как «избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ее [полячки] чудные груди и плечи <...>; разнес бы по частям он ее прекрасное тело» [6, т. II, с. 101].

«Бальзак идет дальше Жанена», – указывает М.Б. Ямпольский. – «Опыт Рафаэля в лавке связан с постепенным исключением зрения вообще, погружением во тьму и касанием, снимающим всякую дистанцию между наблюдателем и предметом. Вулканическая мозаика в лавке действительна в той мере, в какой Рафаэль касается ее рукой» [22, с. 39]. Это замечание известного историка культуры на удивление точно соотносится с рассуждением В.Н. Топорова по поводу принципа воронки, лежащего в основе демонстрации «вещного» ряда Плюшкина. Автор статьи «Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина)» обращает внимание на то, что Н.В. Гоголем изображаются сначала крупные вещи, а потом крошечные предметы. В результате образуется некая «воронка» [18, с. 105].

Имя самого прославленного французского реалиста XIX в., наряду с именами Ж. Жанена и А. Дюма, значилось в списке намеченных русским пи-

сателем к рецензированию произведений [6, т. VIII, с. 197]. Его повесть о ростовщике, вошедшая в состав «Сцен частной жизни» (“Scenes de la vie prive” (1830)), была известна Н.В. Гоголю во время создания «Петербургских повестей».

Сходство в портретах, художественных деталях, психологических характеристиках людей, чьи личности разрушены под влиянием денег, несомненно. Литературоведы не раз обращали внимание на то, что оба героя как бы лишены пола, что страшная куча бесполезных предметов в доме русского помещика и проросшая пшеница в его амбарах напоминают кладовые Живо-глота (гниющие паштеты (“se trouvaient des pâtés pourtris”) [1, с. 95] и «гниющее сено» [6, т. VI, с. 119]; «пухляя плесень» (“des poissons qui avaient de la barbe”) на припасах [1, с. 65] и «заплесневевшая жидкость» в чернильнице Плюшкина [6, т. VI, с. 127]).

Нам хотелось бы обратить внимание на другие параллели. Наблюдая на дворе графа де Ресто за толпой челяди, чистящей фраки, наводящей глянец на сапоги и моющей роскошные экипажи, Гобсек рассуждает: «Вот что гонит ко мне знатных господ. Вот что заставляет их пристойным образом красть миллионы, продавать свою родину! Чтобы не запачкать лакированных сапожек, расхаживая пешком, важный барин и всякий, кто силится подражать ему, готовы с головой окунуться в грязь (Voilà ce qui les pousse à voler décevement des millions, à trahir leur patrie. Pour ne pas se crotter en allant à pied, le grand seigneur, ou celui qui le singe, prend une bonne fois un bain de boue!)» [1, с. 22]. Это высказывание можно считать ключом к пониманию образа Павла Ивановича Чичикова, чья неустанная битва за чистоту своего тела и одежды контрастирует с полным пренебрежением к очищению души. Когда охотник за мертвыми душами приезжает к Тентетникову, его воротнички и манишка «белей и чище снегов», «несмотря на то что... он с дороги, ни пушинки не село к нему на фрак, – хоть приглашай сей же час его на именинный обед» [6, т. VII, с. 28]. Надлежащим образом выглядит и временное пристанище Чичикова. Стоит ему поселиться у Тентетникова, как все принимает «вид чистоты и опрятности необыкновенной. Нигде ни бумажки, ни перышка, ни соринки» [6, т. VII, с. 29]. И даже угождая престарелому повывичку, Павел Иванович не меняет привычек: сдувает и сметает со стола своего начальника песок и табак, чистит ему спину, «если тот запачкал ее мелом у стены» [6, т. VI, с. 230].

Холостяцкая пирушка у Максима де Трая приводит к тому, что на столе царит «разгром, как на бранном поле после побоища; повсюду осколки разбитых бокалов, скомканные салфетки; на блюдах искромсанные кушанья, на которые противно смотреть (champ de bataille après le combat: partout des verres brisés, des serviettes foulées, chiffonnées; des mets entamés)» [1, с. 34–35]. В столовой Ноздрева после вчерашнего обеда и ужина «на полу... хлебные крохи, а табачная зола... видна даже на скатерти» [6, т. VII, с. 83].

Умиравший Гобсек стоит на коленях у камина, перед большой кучей золы [1, с. 63]. После смерти ростовщика Дервиль рассказывает: «...Я невольно посмотрел на кучу золы в камине, увидев, что к ней устремлены его застывшие глаза. Величина этой кучи поразила меня. Я взял каминные щипцы и, сунув их в золу, наткнулся на что-то твердое, – там лежала груда золота и серебра (Je pris les pincettes, et quand je les y plongeai, je frappai sur un amas d’or et d’argent, composé)» [1, с. 64]. Зола показывается крупным планом, потому что в камине спрятаны сокровища. Но это и символ – бессмысленно прожитой жизни, бренности меркантильных устремлений, духовной смерти.

Самым популярным гоголевским персонажем, который ассоциируется с пеплом, является Манилов. Аккуратно расставленные на подоконнике горки золы из трубки символизируют пустые мечтания героя. Прах – знак мимолетности существования, смертности, а потому «красивые рядки» [6, т. VI, с. 32] золы весьма показательны в доме «безжизненного» человека [6, т. VI, с. 24].

Равнодушие Тентетникова и патологическая сосредоточенность Плюшкина по своим внешним проявлениям во многом напоминают причуды смертельно больного графа де Ресто. Муж Анастасии запрещает прибирать в его комнате. «Крайняя его апатия запечатлелась на всем: <...> пыль и паутина покрывали даже самые хрупкие, изящные безделушки (Cette extrême apathie s'était empreinte autour de lui... La poussière, les toiles d'araignées couvraient les objets les plus délicats)» [1, с. 55]. Жизненный уклад помещика Андрея Ивановича определяют «...лежанье и бездействие. В доме завелись гадость и беспорядок. Половая щетка оставалась по целому дню посреди комнаты вместе с сором» [6, т. VII, с. 25]. У графа всюду разбросано белье («du linge épars») [1, с. 55] – у русского дворянина «панталоны заходили даже в гостиную. На щеголеватом столе перед диваном лежали засаленные подтяжки, точно какое угощение гостю» [6, т. VII, с. 25].

В комнате де Ресто мебель стоит «в беспорядке (les meubles de sa chambre restaient en désordre)» [1, с. 55]. Зайдя к Плюшкину, Чичиков «поражен представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромодили всю мебель» [6, т. VI, с. 114]. В произведении О. де Бальзака «и камин, и письменный стол, и стулья были загромождены предметами ухода за больным, где всюду виднелись грязные пузырьки, с лекарствами или пустые <...>, разбитые тарелки (la cheminée, le secrétaire et les chaises étaient encombrés des objets que nécessite une maladie: des fioles vides ou pleines, presque toutes sales..., des assiettes brisées)» [1, с. 55–56]. После смерти хозяина дома, вследствие устроенного Анестези обыска, пол «густо устлала обрывки разодранных писем, шкатулки были сломаны, портфели разрезаны (était couvert de débris, quelques meubles et plusieurs portefeuilles avaient été brisés, tout portait l'empreinte)» [1, с. 59]. В «Мертвых душах» столы, бюро, «шкап» также заставлены ненужными вещами, их осколками и обломками.

И даже пожелтевший лимон, с которым сравнивается находящийся при смерти Гобсек («il a jauni comme un citron») [1, с. 63], встречаем в описании плюшкинских «сокровищ»: «лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха» [6, т. VI, с. 115].

На наш взгляд, влияние произведений Ж. Жанена и О. де Бальзака на гоголевскую поэтику очевидно. И если ряд соответствий можно объяснить сходством рисуемых жизненных явлений и общностью эстетических пристрастий, то некоторые детали явно позаимствованы Н.В. Гоголем – подсознательно или – в некоторых случаях – намеренно. Пургаментарный дискурс необходим для реалистической эстетики: грязь жизни, которую зачастую упорно не замечали литературные предшественники, теперь выставляется напоказ, демонстрируется крупным планом. При этом описание неприглядных подробностей у прославленных художников не превращается в самоцель – актуализируется мифологическая, фольклорная, философская, культурная символика маргинальных образов.

Список литературы

1. Бальзак О. Гобсек / О. де Бальзак. – М. : Эксмо-Пресс, 2005. – 608 с. – (Зарубежная классика).

2. Белинский В. Г. Собрание сочинений : в 3 т. / В. Г. Белинский ; под ред. Ф. М. Головенченко. – М. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1948. – Т. 2: Статьи и рецензии. 1841–1845. – 931 с.
3. Белый А. Мастерство Гоголя: исследование / А. Белый. – М. – Л. : Гос. изд-во худ. лит-ры, 1934. – 320 с.
4. Брахман С. Р. Судьба первого романа Жюль Жанена в России / С. Р. Брахман // Жанен Ж. Мертвый осел и гильотинированная женщина. – М. : Ладомир : Наука, 1996. – С. 317–344.
5. Виноградов В. В. Романтический натурализм (Жюль Жанен и Гоголь) / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: избранные труды. – М. : Наука, 1976. – С. 76–100.
6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь ; АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
7. Гончаров С. А. Гоголевский текст и «духовное око» / С. А. Гончаров // Гоголь в русской критике : антология / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Фортуна ЭЛ, 2008. – С. 663–679.
8. Гроссман Л. П. Бальзак и Россия / Л. П. Гроссман // Литературное наследство. – М. : Наука, 1937. – Т. 31–32.
9. Елистратова А. А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа / А. А. Елистратова. – М. : Наука, 1972. – 902 с.
10. Жанен Ж. Мертвый осел и гильотинированная женщина / Ж. Жанен ; пер. с фр., примеч. С. Н. Брахман ; РАН. – М. : Ладомир : Наука, 1996. – 368 с. – (Литературные памятники.)
11. Залыгин С. П. Читая Гоголя: размышления и заметки / С. П. Залыгин // Москва. – 1976. – № 11. – С. 199–208.
12. Исаченко А. В. Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма / А. В. Исаченко. – Bratislava : Univerzita Komenského, 2003. – 209 с.
13. Кожин В. В. Вместо предисловия / В. В. Кожин // Н.В. Гоголь: история и современность: к 175-летию со дня рождения / сост. В. В. Кожин, Е. И. Осетров, П. Г. Паламарчук. – М. : Советская Россия, 1985. – С. 3–14.
14. Козубовская Г. П. «Осколки» и «пепел» в поэзии русского романтизма / Г. П. Козубовская // Утопия чистоты и горы мусора : мат-лы симпозиума славистов. – Варшава : Секция Культуры Института Славистики ПАН (Pracownia Kultury IS PAN), 1999. – Вып. 4. – С. 213–235.
15. Купреянова Е. Н. Национальное своеобразие русской литературы: очерки и характеристики / Е. Н. Купреянова, Г. П. Макогоненко. – Л. : Наука, 1976. – 415 с.
16. Сахаров В. И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики. Очерки / В. И. Сахаров. – М. : ИМЛИ РАН, 2002. – 216 с.
17. Степанов Н. Л. К истории русского романтизма : сб. ст. / Н. Л. Степанов. – М. : Наука, 1973. – 551 с.
18. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс : Культура, 1995. – 624 с.
19. Чичерин А. В. Соответствия в истории разных литератур / А. В. Чичерин // Вопросы литературы. – 1965. – № 10. – С. 171–179.
20. Чудаков А. П. Вещь в мире Гоголя / А. П. Чудаков // Н.В. Гоголь: история и современность: к 175-летию со дня рождения / сост. В. В. Кожин, Е. И. Осетров, П. Г. Паламарчук. – М. : Советская Россия, 1985. – С. 259–280.
21. Чудаков Г. И. Отношение творчества Гоголя к западноевропейским литературам / Г. И. Чудаков // Университетские известия. – Киев, 1908. – № 8. – С. 83–88.
22. Ямпольский М. Б. Наблюдатель: очерки истории видения / М. Б. Ямпольский. – М. : Ad Marginen, 2000. – 288 с.
23. Stender-Petersen A. Gogol und deutsche Romantik / A. Stender-Petersen // Euphorion. – Leipzig, 1922. – Bd. XXIV, H. 3. – S. 628–653.

**«ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ» А. КУСИКОВА – ПОЭМА
О ТВОРЧЕСКОМ КРИЗИСЕ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ**

Г.Г. Исаев

В статье анализируется поэма поэта-имажиниста А. Кусикова «Песочные часы» (1921), входящая в книгу «Аль-Баррак». Основными темами произведения являются самопознание, духовный кризис и его преодоление, психология первоначальных этапов творчества, обретение себя в условиях послереволюционного времени. Лирический герой, преодолевая пессимизм и увлечение алкоголем, ищет выход из психологического и творческого тупика.

In article the poem of poet-imagist A. Kusikov “The Sand-glass” (1921), entering into the book “Al-Barrak” is analyzed. The basic themes of product are – self-knowledge, spiritual crisis and its overcoming, psychology of initial stages of creativity, finding of in conditions postrevolution time. The lyrical hero, overcoming pessimism and hobby for alcohol, searches for an exit from psychological and creative deadlock.

Ключевые слова: имажинизм, А. Кусиков, лирическая поэма, творчество, кризис, психологизм, самоанализ, поэт, духовная неопределенность, одиночество.

Key words: an imagism, A. Kusikov, lyrical poem, creativity, crisis, psychologism, introspection, the poet, spiritual uncertainty, loneliness.

Поэма «Песочные часы» входит в книгу А. Кусикова «Аль-Баррак», включающую девять произведений. Сборник вышел несколькими изданиями в начале 1920-х гг. и отразил идейно-художественные искания поэта этих лет: А. Кусиков состоял в группе имажинистов, разделяя многие ее программные установки, выпустил свыше десяти книг стихов. Имажинисты ориентировались на авангардистские принципы создания художественного текста. Они призывали отказаться от традиционных форм стиха, писать согласно внутреннему чувству ритма, который диктуется данным моментом. Этим объясняется повышенное внимание имажинистов к верлибру, проблеме «автоматизма письма». Ведущим принципом поэзии провозглашался примат «образа как такового». Основой является слово-метафора с одним определенным значением, созданным на принципе неожиданного сопоставления далеких представлений, случайного созвучия слов и т.д. В связи с этим происходит ломка грамматики, звучит призыв к аграмматичности: «смысл слова заложен не только в корне слова, но и в грамматической форме». Члены «ордена имажинистов» апеллировали к сверхреальности, под которой подразумевались неисследованная область человеческого подсознания, мир грез, снов, ассоциаций, воспоминаний, фантазмагорий, галлюцинаций, экстатических откровений. Систему образов поэмы А. Кусикова образуют в соответствии с этим первичные эмоции – нежность, тоска, страх, жалость, а также идеологемы, ставшие частью подсознания.

В мировоззренческом плане поэма отразила разочарование и пессимизм поэта в связи с введением политики военного коммунизма, а затем – НЭПа, которые представляются ему отступлением от идеалов революции. Она в эти годы, по А. Кусикову, «растерянно стихает», превращается в «откатную волну», он же ждал от нее совсем иного – необычных коллизий, возвышенной героики, «буйства», «хмеля», «взбудоражения» чувств. Неслиянность этапов революции порождает в его сознании смятение и тревогу, но он живет ощущением, что «Весь мир летит. – Еще сопит самум» [4, с. 57].

В том же духе, как известно, воспринимали неожиданный «зигзаг революции» многие современники поэта («Лирическое отступление» Н. Асеева, «Сорокоуст» С. Есенина, «Вор» Л. Леонова, «Курга-баба» В. Лидина, «Про это» В. Маяковского, «Разочарование» А. Мариенгофа и др.), в творчестве которых на первый план выходят критика новых форм общественного устройства, мотивы усталости, неприспособленности к новым условиям жизни, развивается тема фрустрации вытолкнутого из строя и растерявшегося человека. Существование кажется призрачным, случайным. Действительность, пассивно созерцаемая писателем, несмотря на большую предметность, конкретность видимой оболочки – действительность неустойчивая, разрушающаяся. Она теряет свою конкретность, осязаемость. Поэма А. Кусикова приобретает в связи с этим пессимистический, мрачный, нервный характер. Ведущими темами становятся самопознание, психология первоначальных этапов творчества, обретение себя в условиях послереволюционного времени, осознание корней и необходимости интеграции в советское общество.

Уже в начале поэмы обозначается центральная тема – «И вечная затея, / Писать стихи, когда минувшим веет». Л. Толстой отмечал, что «страсть к изображению того, что есть, происходит оттого, что художник надеется, ясно увидав, закрепив то, что есть, понять смысл того, что есть» [8, с. 230]. Теоретики искусства указывают, что «любая картина, написанная художником с натуры, отображает не столько натуру, непосредственно видимую художником во время работы над картиной, сколько комплекс представлений, объект-гипотез, накопленный художником в предыдущем опыте. И дело здесь не в том, что всякий акт непосредственного контакта с натурой имеет субъективную окраску, а в том, что натура, прежде чем воплотиться в произведении, проходит через сознание, то есть в идеальном виде входит в предмет отображения. В любом художественном образе воплощается то, что прошло через сознание творца, что пережито, прочувствовано им. И в этом – «секрет» самовыражения художника, ведущая роль его фантазии» [12, с. 172].

А. Кусиков в поэме изображает то, что происходило с его сознанием в начале 1920-х гг., в качестве «натуры» выступал он сам. В основу изображения кризиса берутся, следовательно, личные переживания – подлинные «человеческие документы». Жгучее желание писать стихи переплеталось с ощущением творческого бессилия. Создавая образ лирического героя, в структуре которого преобладает инвариант «поэт», раскрывая его терзания, наделяя его духовной биографией, возрастом, родом занятий и прочими «анкетными данными», А. Кусиков делал его своими «глазами и ушами». Через них «пропускается» весь материал, используемый в качестве фабульной основы произведения, выражаются собственные идеалы и переживания. Вместе с тем он искал созвучия материала жизни героя идейным веяниям современности.

Мотивированность психологии, поведения, поступков героя определяется доминантой его внутреннего мира, отражающей крах романтических представлений о революции. Он перестал понимать себя и современность, утратил способность писать стихи. Как поэт он остро переживает свою потерянность во времени и пространстве, свою дезориентированность в изменившейся реальности, становится лишним человеком новой формации, выразителем духовной неопределенности:

Что жизнь моя? – (Не думать бы об этом):
Два встречных ветра, пыльный столб – и нет.
Подумаешь, и хочется кричать зажатым ртом,
Зажмуриться и мчаться на коне...
Но это только миги. – А потом
Устанешь, и как прежде без ответа [4, с. 52].

Отсюда – дистимия, пониженная жизнеспособность, понимание своей трагической обреченности как интеллигента, оттесняемого на обочину жизни неожиданным развитием событий. Глубокий внутренний разлад, вытекающий из противоречия между личной и общественной жизнью, между идеями, которые он защищал, и устремлениями нового времени, определяет внутреннее состояние героя. Он ярко демонстрирует собой угасание человеческой личности, сужение, опустошение психики. Отрешившийся от действительности, отказавшийся от всякой деятельности, одинокий, погруженный в созерцание и переживания, он уходит от людей, запирается в своей уединенной квартире, нередко впадает в состояние прострации:

Ну, вот и завтра, и как вчера, я пьян,
И, как вчера, плывут кругами стены,
Мой стол плывет, чернильница моя,
И безоглядный и беспокойный я –
Мы все плывем в круженьи волн и пены [4, с. 54].

Герой считает себя жертвой долга, обреченной жить, работать, умирать ради неясного будущего. Раздвоенность души героя выражается в стремлении к творчеству и одновременно в неверии в себя, в тяге к другим и любви к уединению, являющимся «тоской и смертью». Одиночество обуславливается положением человека, отпавшего от основного направления развития революционного процесса в России. Но противопоставление одинокого миру дается так, что одинокий окончательно не уступает напору внутренних и внешних темных начал, он с ними борется и в конце концов побеждает.

Лирический герой по своему духу – неоромантик. В нем все отличительные черты неоромантизма: культ личности, чувств и настроений и противопоставление обществу, отход от подлинной жизни в мир грез, психологических изломов, болезненное переживание современности, городской жизни, своего творческого кризиса.

Центр внимания переносится на рефлекссию, впечатлительность лирического героя, а также на его способность бездейственно созерцать окружающее. Имеет место поворот к углубленному психологизму, который является отражением и распада личности, и поисков героем своей индивидуальности. Он стремится разорвать стесняющие его рамки обыденности, стать хозяином своей жизни, властвовать над судьбой, а не быть игрушкой в ее руках. Высказываются нужные и чрезвычайно современные мысли о стремлении идти вперед от уже достигнутого, о беспокойстве, которое должно будить душу, не давая ей погрязнуть в мещанском самодовольстве. Возникает философия непосредственной жизни, которая изумительна и оправдана сама по себе, формируется образ человека, отрицающего неприглядность НЭПа, протестующего, пытающегося найти выход в самой реальности. Преобладает изображение переживаний и впечатлений, которые именно своей мелочностью и случайностью как-то влияют на судьбу героя и приводят к сдвигам в его сознании. Это особенно заметно в финальных строках, где речь идет о пробуждении в нем творческого начала:

Смотрю в окно. И мысль моя слетела
С поэмы. Будто я совсем другой [4, с. 64].

Для поэмы характерно вместе с тем внимание к телесной, физиологической стороне жизни лирического героя («Ну, вот и завтра, и как вчера, я пьян,

/ И, как вчера, плывут кругами стены...»), к стихии чувств. Художественное описание в общих чертах сходно с историей болезни, отдельные стадии которой переданы самим лирическим героем. Его болезнь – и объект изображения, и моделирующий язык. Мотивация телесности на сюжетном уровне и ее семантическая нагрузка в системе произведения обусловлены целью – раскрыть трагизм положения поэта в условиях послереволюционной России. Внимание А. Кусикова к телесному аспекту, как и во всем искусстве XX в., «получает смысл попытки восстановить равновесие между биологическим и идеологическим в человеке, вернуть его полноту, санкционировать естественные начала, уравнять в правах интимное и общественное, биологическое и культурное и т.д.» [10, с. 206].

Герой вслушивается в собственное тело, в его биологические процессы: «Ах, бейся, бейся пламенный висок...», «...я сегодня пьян», «...я пьян всегда», «...неторопливая, ленивая походка», «...в ногах свинец и тяжелеет ноша», «...так стынет хмель», «...под кожей дрожь», «Ну, вот и завтра, и как вчера, я пьян», «и безоглядный и беспокойный я», «в затылке мукой высверлился глаз», «как уложить в морщины боль свою», «навзрыдный шепот мой», «лишь память сукровице мне сквозь ночь несет...», «и ничего не вижу», «не слышу ничего». Вслушивание в свое тело в литературе XX в., как показал Ежи Фарино, имеет смысл противостояния «канонической», традиционной культуре [10, с. 208].

Это сказывается и на понимании поэзии: «...в XIX веке поэзия мыслится в поэтических текстах как озарение, нисходящее свыше вдохновение, тогда как в XX веке чаще всего она понимается как нечто извлекаемое из глубин, из недр материального мира» [10, с. 209]. Подобное понимание вдохновения мы наблюдаем и в «Песочных часах». Ради его возникновения кровеносная система интенсифицируется не только самовнушением и памятью, но, прежде всего, алкоголем. Мир артикулируется у А. Кусикова в терминах телесной, физиологической сущности «я»: «В ногах свинец и тяжелеет ноша...», «Под кожей дрожь...», «Рванулся звон, и тишь рванулась...», «Но стынет хмель...», «И на губах моих / Гармошкой горечь сухо растянулась...», «Уже рассвет в окне моем закислился...», «...досада не хрустит на пальцах...», «Я двадцать лет на дно твое ронял / Зрачков моих кремневые камения», «Не буду, нет, / Трясти повторы облегченной рысью», «Залей чернилами следы моей дороги», «Как уложить в морщины боль мою?», «Две ночи протекли, / И третья ночь течет чернильной кровью».

Ежи Фарино подчеркивает, что «промежуточное положение "я" между внешним миром (включая и телесность "я") и текстом дает две противоположные картины мира. Одна из них – в виде поглощения мира в себя, выпитывания поступающей из мира информации и структурирования ее на сенсорных уровнях. Вторая – в виде выводимого наружу высказывания; тогда мир уподобляется потоку, вычленяемому из недр "я"» [10, с. 210–211]. В свете этого тезиса художественный мир поэмы «Песочные часы» можно интерпретировать как создаваемый на основе синтеза обеих картин мира при доминировании второй.

Поступающая извне и изнутри информация структурируется на уровнях сенсорики:

1) отчаяние от невозможности реализовать себя («...как в небо взвять руками?»);

- 2) ощущение пульсации крови и внутреннего жара («Ах, бейся, бейся пламенный висок...»);
- 3) тоска от ощущения медленно текущего времени («Ползет мой день...»; «Часы текут...»);
- 4) нежность по отношению себя («Писать стихи, когда минувшим веет...»);
- 5) растерянность от утраты способности различать: алкоголь и кровь («Мне все равно, пусть это кровь, пусть водка»); свои противоречивые эмоции («Теперь я многое могу не различать...»);
- 6) приступы внезапного веселья («Но иногда горчайшим смехом вдруг / Я тороплюсь упиться сгоряча»), отчаяния («Подумаешь, и хочется кричать зажатым ртом...»);
- 7) усталость и, как следствие, творческое бессилье («Уже устал. И увядает стих»);
- 8) наделение явлений природы своим психологическим состоянием («Уже рассвет в окне моем закислился...»);
- 9) страх перед творческим бессилием («Это страх, / Это бред, / Это дрогнули вербы»); перед смертью («Я знаю, что мне жить совсем немного...»);
- 10) головная боль («В затылке мукой высверлился глаз...»);
- 11) привязанность к алкоголю («Янтарный сок – моя любовь и страсть...»);
- 12) жалость по отношению к себе в связи со своим конформизмом («Смирился я, скипела месть и злоба...»);
- 13) уподобление процесса творчества игре со смертью («И третья ночь течет чернильной кровью...»);
- 14) утрата способности видеть и чувствовать реальность («Порой взглянусь – и ничего не вижу, / Прислушаюсь – не слышу ничего...»);
- 15) постоянная тревога («И сердце хохлится над холодком тревог...»);
- 16) мазохизм («Есть в муках сладость...»).

Заостренная субъективность определяет жанровое своеобразие поэмы А. Кусикова. Отдельные впечатления, настроения и переживания нанизываются друг на друга. Поэма построена на сложном душевном конфликте героя. Он скептик, постоянно разрываемый противоречиями между осуждением жизни и полной неуверенностью в себе, своих целях, своей воле.

В поэме почти нет никаких событий. Главное – не в их изображении, а в том, как они отражаются в душе лирического героя-поэта. Действие совершается в его психике и только отсюда проецируется во внешний мир. Имеет место совмещение в одном лице рассказчика и главного действующего лица. Это показ персонажа изнутри, но со смещением в плане содержания в сторону рефлекторного, эмоционально-оценочного самопознания себя и фрагментарного показа мира. Субъект речи в поэме не только выражает свое отношение к нему, но и частично изображает его в определенных пространственно-временных координатах.

Лирический герой углублен в свое сознание, поглощен собственными отношениями с поэтическим творчеством, бытием, временем. Он во власти идеи об извечном одиночестве поэта и человека перед лицом обезличенной и равнодушной Вселенной, о всевласти смерти. На первом плане – смятенное сознание и «экзистенция» лирического героя, его мучительный поиск вдохновения, путь сквозь алкогольную зависимость, физические и душевные муки к свету. Мир поэмы соткан из описания инстинктов, грёз, сновидений,

галлюцинаций, раздвоения личности. Он субъективен, зыбок. В нем человеческие ощущения почти полностью подменяют и деформируют реальность.

В качестве эпиграфа к поэме А. Кусиков предпослал фрагмент стихотворения А.С. Пушкина 1828 г. «Воспоминание», в котором лирический герой ночами оказывается во власти мучительных воспоминаний («В бездействии ночном живей горит во мне / Змеи сердечной угрызенья...»). Последнее четверостишие вносит завершающие штрихи в его психологический портрет:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю [5, с. 57].

Ситуация стихотворения А.С. Пушкина – ночь, воспоминания героя, которые его, видимо, не только не украшают, но вызывают в нем отвращение, трепет, проклятия, жалобы, слезы и вместе с тем нежелание отречься от своей прежней жизни – почти полностью перенесена в поэму А. Кусикова. Однако, и лирический герой, и обстоятельства пронизаны реалиями 1920–1921 гг., поскольку А. Кусиков, опираясь на претекст, ставил задачу передать дух своей эпохи. Поэтому он расширяет ситуацию стихотворения А.С. Пушкина, создает своеобразную психологическую новеллу о душевном и творческом кризисе лирического героя и его преодолении. Цель А. Кусикова была не том, чтобы отвергнуть послереволюционную действительность, а в том, чтобы показать, как в бедной и скудной жизни, неподвижной и застывшей, возникает томление духа и появляются смутные надежды на возможность иного существования. Можно утверждать, что ситуация «Воспоминания» в поэме А. Кусикова подчеркнута трансформирована и приближена к злобе дня.

Ведущие концепты и набор ключевых слов структурируются повторяемостью лексики (тождественный, синонимичный, тематический повторы). По частотности употребления на первом месте находится местоимение «я» (22) для обозначения субъекта повествования – лирического героя, 9 раз встречается лексема «воспоминание», 8 – «стихи», 7 – «часы», «янтарный сок» (вино), «хмель» – 5, «пьян», «смех», «плывет» – 4, «думать», «ночь», «неверный», «ползет» – 3, «усталость», «рассвет» – 2, «слезы» – 1.

Создавая образ поэта, А. Кусиков акцентировал внимание на том, что поэтам по самой их природе свойственны интенсивные представления и сильные чувства. В «Песочных часах» спонтанно воспроизведены важнейшие психофизиологические особенности протекания творческого процесса, который раскрывается как деятельность сверхсознания. По современным представлениям, оно – «неосознаваемое рекомбинирование ранее накопленного опыта, которое направляется и побуждается доминирующей потребностью в поиске ее удовлетворения. Неосознанность первоначальных этапов творчества направлена на защиту рождающихся замыслов от консерватизма сознания.

Согласно П.В. Симонову [7, с. 25], деятельность сверхсознания определяется тремя составляющими: а) ранее накопленным опытом; б) задачей, которую перед сверхсознанием ставит сознание, натолкнувшееся на проблемную ситуацию; в) доминирующей потребностью» [1, с. 10].

Рекомбинирование прошлого опыта осуществляется в «Песочных часах» путем апеллирования к воспоминаниям. Рефреном, с использованием диафоры, сквозь поэму проходит: «Воспоминание, опять воспоминание...». В третьей части лирический герой сам себя два раза вопрошает: «Что память?».

Диссоциация действует на ряд состояний сознания героя, делит их на части, дробит, разлагает и посредством этой приготовительной работы делает их способными к новым комбинациям на основе ассоциации.

Воспоминания героя не отличаются определенностью. По мере того как исходная форма изменяется, на ее месте появляется другая, наполовину действительная, наполовину вымышленная. Образы прошлого, которые кажутся герою полными и точными, подвергаются изменениям и искажениям. Воспоминания набегают друг на друга, порождают в душе новые волны эмоций. Состояние вдохновения, как постепенно выясняется, вызывается не столько событиями объективной реальности настоящего (их, как уже указывалось, почти нет), сколько воспоминаниями о них – феноменом, который психологи называют воспроизведенными представлениями:

И не поймешь, не разберешься сразу,
И не уловишь выплыва кругов;
Как будто тот же, но всегда другой
За кругом круг [4, с. 58].

Самое яркое представление поэта-героя, которое стремится к своему творческому осуществлению, связано с революцией, с теми жертвами, которые были принесены на ее алтарь. Погибли близкие поэту люди:

Я вожу затейную игру –
Дуть на узлы, чтоб тишину не сглазить.

О, пять узлов, о, пять октябрьских лет,
Не развязать вас, не разрубить я силюсь...
А предо мной на письменном столе
Два всадника разнородной России.

И как смолчать, как в небо взвить руками,
Как уложить в морщины боль свою?
Один сошел с ума, другой убит в бою –
Два красных Ордена остались мне на память [4, с. 59].

Поэт не может смириться с равнодушием сегодняшнего дня:

Вчера порыв, сегодня равнодушие,
Да, все смирится и утихает все... [4, с. 63]

В психологическом плане благодаря понижению работы сознания героем временами овладевает дипсомания, тяга к алкоголю, под воздействием которого он впадает в экстатическое состояние, в нем начинает господствовать «интенсивная фантазия, всецело пленяющая сознание» [13, с. 279]. Поэма становится гимном одинокой, замкнувшейся в себе личности, живущей в своем мире тоски и жажды творчества. Лейтмотивами становятся диссонансы страдания и боли:

Теперь я многое могу не различать.
Я часто слезы рассыпаю смехом
Себе на боль, а другу на потеху [4, с. 53].

Окружающая жизнь представляется ему сплошным отступлением от идеалов революции:

Вчера порыв, сегодня равнодушие.
Да, все смиряется и утихает все.
Смывая даль, верблюжья поступь глуше,
И глуше шаг раззыбленный трясет [4, с. 63].

Революция идентифицируется с дьявольским городом, она разрушает то, что дорого лирическому герою. Он ищет выхода и пытается уйти в мир грез о невозвратном, невозможном, неосуществившемся. От противоречивости настоящего взоры его обращаются к идеализированному прошлому, от уныния и бездеятельности – к бодрости духа жителей села. Он хочет хотя бы в памяти сохранить остатки прошлой, как ему кажется, гармоничной крестьянской жизни. Стремительной динамике послереволюционной современности А. Куликов противопоставляет идеал недвижимого, замкнутого существования:

Нет больше сил, хочу скорей домой,
В улыбку Чеча и под морщины няни.

Ведь лишний день – преградных стен броня.
Ах, лейся, мутная Кубань, ах, лейся ленью:
Я двадцать лет на дно твое ронял
Зрачков моих кремневые каменья.
Я двадцать лет... [4, с. 57]

В момент душевного кризиса, внутреннего смятения герой, который служит поэзии и живет творчеством, жаждет воплотить свои противоречия в художественную форму и тем самым их уравновесить. Но «увядает стих». Мотив творческого бессилия, совпавшего с идеологическим и душевным сдвигом, становится в поэме сквозным:

Уже устал. И увядает стих.
Быть может, завтра допишу его, быть может, брошу...
О, сколько их забытых, недописанных...
Так стынет хмель, так увядает стих... [4, с. 53].

И пылкая надежда и немая –
Дымок синеющий потухшего костра [4, с. 60].

Взвинченное состояние героя способствует тому, что бред проникает в реальность, реальность становится бредом. Это его своеобразный способ оттолкнуться от ненавистной действительности. Раздвоенность сознания распространяется на весь мир, теряются реальные очертания и представления. Все раскалывается надвое, уходит почва из-под ног, мир становится шатким:

Чего я жду? Потек на каждом слове.
Какой рассвет мне окна застеклит?

Текут часы. Две ночи протекли,
И третья ночь течет чернильной кровью.

Порой вгляжусь – и ничего не вижу,
Прислушаюсь – не слышу ничего.
Лишь тишина на стенах тени лижет,
И сердце хохлится над холодком тревог [4, с. 63].

Герой не столько совершает что-либо, сколько переживает общественно-конфликтную ситуацию и напряженно размышляет. В его сознании двоятся представления о революции, в которой он обнаруживает ложь:

Есть в правде ложь, святая и лучистая.
Есть в муках сладость,
А в утрате что же?

Калитка с ангелом обещанного Сада?
О ложь.
Святая ложь.

Есть правда в лжи, я эту правду выстрадал,
Я эту правду должен приберечь [4, с. 63–64].

В той же тональности трактуется и дружба с С. Есениным, А. Мариенгофом и В. Шершеневичем:

Что мне Сережа, Толя и Вадим
(Любовь друзей – сокрытая измена)! [4, с. 55]

Акцентируется внимание на творчестве как исступлении, за которое надо платить кровью, здоровьем (образ «чернильной крови»), его тяжести, иррациональности, непредсказуемой зависимости от многих факторов, невозможности его четко спланировать:

Уже устал. И увядает стих.
Быть может, завтра допишу его, быть может, брошу...
О, сколько их забытых, недописанных...

В ногах свинец и тяжелеет ноша
Под кожей дрожь – и увядает стих.
Рванулся звон, и тишь рванулась,
Рванулся я, рванулся стих...

Но стынет хмель. И на губах моих
Гармошкой горечь сухо растянулась.

Уже рассвет в окне моем закислился,
Уже я нем для уличного гула.

Так стынет хмель, так увядает стих,
Быть может, завтра допишу его, быть может, брошу [4, с. 53].

Поэт в состоянии постоянного возбуждения. Он ведет уединенный, почти отшельнический образ жизни, пренебрегает самоценностью реального мира. Его он воспроизводит в полутонах, отзвуках, отражениях, видит в дымке, как бы потерявшим свою вещественность, устойчивость очертаний:

Порой вгляжусь – и ничего не вижу,
Прислушаюсь – не слышу ничего.
Лишь тишина на стенах тени лижет,
И сердце хохлится над холодком тревог [4, с. 63].

Гипертрофированный субъективизм проявляется в восприятии вещного окружения. Воспроизводится не вещь в ее объективном бытии или в ее зна-

чении для практических потребностей, а вещь в субъективном восприятии и эмоциональном самораскрытии. Субъективизм лирического героя превращает все окружающее в проекцию его внутреннего мира. В его психике господствует бессознательное, иррациональное, он живет больше эмоциями, чем мыслями и волнениями. В изображении своего психического мира он все строит на оттенках, тонких переливах чувств, мыслей, желаний. Моделируется сумеречное состояние психики, переходное состояние между бодрствующим сознанием и сном или алкогольным забытием:

Ну, вот и завтра, и как вчера, я пьян,
И, как вчера, плывут кругами стены,
Мой стол плывет, чернильница моя,
И безоглядный и беспокойный я –
Мы все плывем в круженьи волн и пены [4, с. 57].

Больше всего героя тревожит отсутствие вдохновения, которое, как известно, связано с бессознательным. Оно является безличным и произвольным, действует подобно инстинкту, когда и как ему захочется. Его можно призывать, но нельзя завоевать. Ни рассуждение, ни воля не могут заменить его для оригинального творчества. Потребность во вдохновении побуждает героя обратиться к алкоголю с целью вызвать особое физиологическое состояние, усилить мозговое кровообращение, чтобы поддержать бессознательную деятельность. Признания в этом в большом количестве рассыпаны по поэме:

Не потому, что я сегодня пьян.
Я пьян всегда! – А разве я пьянею?
.....
Часы текут – янтарный тает сок:
Неторопливая, ленивая походка.
Ах, бейся, бейся пламенный висок,
Мне все равно, пусть это кровь, пусть водка [4, с. 52].

Будучи явно оценочной категорией, пьянство героя носит и положительный оттенок: это свидетельство наличия в герое предрасположенности к изменению, творчеству. В восточной поэзии, с которой А. Кусиков был хорошо знаком, пьющий для поэта – символ освободившегося человека.

Как предшественник крутого поворота во взглядах, мироощущении и творчестве в поэме выступает драматическое сомнение, которым «пропитан» каждый образ поэмы и особенно образ лирического героя. Сомнение – состояние неустойчивого равновесия, в котором противоречивые представления сменяют друг друга, не приобретая господства в уме и не приходя к соглашению:

Что жизнь моя? (Не думать бы об этом):
Два встречных ветра, пыльный столб – и нет.
Подумаешь, и хочется кричать зажатым ртом,
Зажмуриться и мчаться на коне...
Но это только миги. – А потом
Устанешь, и как прежде, без ответа [4, с. 53].

Интеллектуальная нерешительность героя имеет своим аффективным спутником беспокойство, неприятное состояние, являющееся результатом неудовлетворенного желания или стремления, не достигшего своей цели –

создать поэтическое произведение. Сомнение поэта становится болезненным, принимает хроническую форму и вызывает сильное потрясение, надолго оставляющее след. Оно является предшественником крутого поворота во взглядах и исчезает вместе с ним. Но какова бы ни была почва, на которой работает ум поэта, психический процесс остается одним и тем же: это безграничное и непрерывное допрашивание себя, сопровождающееся тревогой, чувством сжатия в голове, двигательными ненормальностями, невозможностью остановиться на чем-то свою мысль и т.д.

Это состояние оборачивается потерей почти всякого чувства действительности, всякого понятия о ней, побеждает скептицизм. Он прилагается не только к идеям, отвлеченным концепциям, воспоминаниям и рассуждениям, но и к восприятиям и поступкам, что приводит героя к дезорганизации и своеобразному мистицизму, к замене логических методов мышления другими, источник которых лежит в воображении. Скепсис распространяется и на осознание своего творчества:

Быть может, все это не надо никому,
Быть может, все стихи мои
Случайностью написаны? [4, с. 57–58].

Но осознание своей избранности как поэта, вера в свой талант заставляют отвергнуть это предположение:

Но нет,
Конечно, нет:
Это страх,
Это бред,
Это... дрогнули вербы.

Не мог же стоязкий я таить
То, что вынашивалось молча двадцать лет [4, с. 58].

Существенная роль в обрисовке лирического героя, следовательно, принадлежит двум тематическим комплексам – духовный и творческий кризис, поиски выхода из него, хаос борьбы со своими противоречивыми стремлениями, с «нравственной болезнью» – пессимизмом. Методом интроспекции фиксируются наблюдения за собой, за своими мыслями и ощущениями.

Характерные черты лирического героя – сильное чувство жизни, всепоглощающая жажда творчества, постоянная готовность противостоять трудностям, но в то же время отсутствие свободного почина, организующей воли, полагания каких-либо целей. Для него примечательно пассивное отдавание себя потоку случайностей, влекущих его от активного участия в преобразовании жизни к погружению в свою больную душу. Основным мотивом поэмы является трагическое переживание современности, попытки понять ее и себя. В основе психологических метаний лирического героя – неосознанное творчество «экзистенции» как сугубо человеческой, отдельной от внешнего мира вещей. Любая картина мира – это лишь отражение скрытых, «зашифрованных» стремлений его личности.

Смысл исторического бытия открывается лирическому герою в «пограничный» момент жизни, во время болезни – погружения в алкогольный дурман. Он осознает, насколько до этого его жизнь была «чужой», не принадлежащей ему самому. В этот момент происходит «крушение шифра» – лирический герой по-

кидает систему собственного повседневного мировосприятия, происходит «озарение экзистенции» и открывается путь к творчеству, иной жизни.

Его представление о своем кризисном состоянии стремится стать объективным, то есть перейти из внутреннего мира во внешний, и это может быть достигнуто для поэта только путем создания произведения, избавляющего его от назойливого образа. Он начинает сочинять художественный текст, что знаменует начало преодоления переживаемого, его объективирование. Ингерентные мучения и страдания начинают превращаться в образ, стихотворение. Создавая новую художественную реальность, не совпадающую полностью с объективной реальностью, герой разделяется со своим «Я». Творческий процесс в поэме не завершается созданием произведения, обозначено лишь рождение вдохновения и начало работы над текстом:

Я строки новые впервые и несмело
Пытаюсь вывести нетвердой рукой [4, с. 64].

Поэт не совсем уверен, что он теперь «другой», но то, что его рука «выводит» «строки новые», акцентирует внимание на изменениях в его сознании, настроении и творческой ориентации. Процесс создания сочинений, ранее прерванный и невозможный в силу всеобъемлющего кризиса, возобновился, что означало и начало душевного выздоровления.

Психологическому состоянию лирического героя соответствует художественный хронотоп. Пространство и время получают замкнутый вид – комната героя и три ночи.

Ограниченность пространства выражается при помощи делимитаторов типа стен, потолка. Комната заполнена несколькими предметами:

И, как вчера, плывут кругами стены,
Мой стол плывет, чернильница моя,
И безоглядный и беспокойный я... [4, с. 54]

Размыкает пространство комнаты лишь окно:

Уже рассвет в окне моем закислился,
Уже я нем для уличного шума [4, с. 53].

Но в окне герой ничего не видит и через него ничего не слышит:

Порой вгляжусь – и ничего не вижу,
Прислушаюсь – не слышу ничего [4, с. 54].

Замкнутость во времени обозначается естественным ходом суток и изображением трех ночей.

Концепт «время» становится одним из доминирующих. Возникающие коннотации направлены на воссоздание неумолимости его движения:

Идут... идут...
За днями дни идут...
....
Кто крикнет – стой?

Течение времени уподобляется каравану белых верблюдов:

Идут горбатые, идут безгорбые,
Верблюды белые идут... идут...
И только след, безмолвием надорванный,
Покорно стелется на новую беду [4, с. 63].

Из разнообразной мифологической семантики концепта верблюд на первый план выдвинута символика смирения и покорности, выносливости и настойчивости [11, с. 851]. Эпитет белый имеет в качестве внутреннего психологического содержания значение разрешения проблем и новое начало [2, с. 33]. В концепции поэмы верблюд с его неспешностью и «раззыбленным шагом» противопоставлен коню – символу скорости, божественной силы, помогающей тем, кто стремится к истине. Неслучайно лирический герой, не приемлющий современности, мечтает «зажмуриться и мчаться на коне» [4, с. 52].

Время обозначается как обычными лексическими средствами, так и рядом символических образов. Самый большой временной промежуток в поэме – век («всезнайский век»). Частотно употребление лексемы «год» («двадцать лет», «пять октябрьских лет», в метафорической форме – «пять узлов») и лексем, обозначающих два времени года («весна», «осень»), но преобладают знаки времени суток («день», «в те дни», «две ночи», «третья ночь», «сегодня», «вчера», «завтра», «рассвет»). Встречаются наречия, служащие показателями временных отношений, связанных с действием («всегда», «иногда», «потом»). Наконец есть многочисленные лексемы, ассоциативно связанные с обозначением хода времени («минувшее», «миги», «воспоминание»).

В заглавии – номинация прибора для определения времени – песочные часы, образ, несущий значение краткости и отмеренности определенного временного промежутка. Образ-символ обозначает бренность человеческого существования, цикличность, вечное возвращение, смертность. Это атрибут Отца-Времени и иногда Смерти [9, с. 275]. В определении «песочные» содержится намек на неустойчивость, дискретность [3, с. 327]. Часы, таким образом, – эмблема вечности времени, но одновременно и знак его быстротечности, печальный символ кратковременности человеческой жизни. Они вносят в нее нужную размеренность и упорядоченность, но вместе с тем постоянно напоминают о неумолимом ходе времени, о безвозвратности уходящих в прошлое мгновений, и, как следствие этого, – о медленном, но неотвратимом приближении смерти [2, с. 508]. Песочные часы разделяют символизм двух треугольников, один из которых перевернут, что означает циклы созидания и разрушения [11, с. 671]. Это подчеркивает значимость категории времени для героя: для длительных раздумий современность времени не дает, необходимо определиться здесь и сейчас.

Многозначным символическим подтекстом обладают концепты «ночь» и «рассвет». В поэме в связи с необходимостью воссоздания особого психологического состояния лирического героя отразилась, прежде всего, многоплановая символика ночи. С одной стороны, ночь – время иллюзий, опасности, затемнения разума, смешения понятий и красок. Она высвобождает в герое первобытный страх перед неизвестностью, которое таит в себе будущее. С другой стороны, ночные бдения – символ победы духа над потребностями тела. Это сознательный вызов своему второму «Я», победа над темными сторонами души.

Ночь – период напряженной работы подсознания, которое вершит строгий суд над деяниями дня, поисков ответов на духовные вопросы. Это также полет воображения, когда подсознание вырывается из-под контроля сознания. Наконец, это рождение нового мировоззрения, воскрешение личности [11, с. 638–639].

Рассвет знаменует победу света над тьмой, дня над ночью, рождение нового дня, новой жизни, это символ трудолюбия и целеустремленности [11, с. 638].

Произведение распадается на описание трех ночей, связанных историей героя-поэта. Композиция строится по принципу наложения на цепь событий настоящего времени цепи воспоминаний, возвращающих не просто к прошлому, а к разным отрезкам в жизни лирического героя, находящегося в потоке внутренних монологов, воспоминаний, лирических отступлений. В целом композиция подчинена движению чувств героя: первая ночь – описание отчаяния и погружение в алкогольный дурман, вторая – беспокойство, сомнение в востребованности своего творчества и его преодоление, третья – тревога, смирение перед временем, начало внутреннего перерождения, обретение возможности творить. Подзаголовок «Поэма трех ночей» акцентирует внимание на числе три, одном из самых положительных чисел-эмблем в символике и мифологии. Оно среди многих других имеет символическое значение «обновление, рост, движение вперед», преодолевает двойственность, знаменует выход из противостояния, что коррелирует с итоговым смыслом произведения. В течение трех ночей лирический герой живет интенсивной внутренней жизнью, всеми силами души стремясь преодолеть творческий кризис. Четко вырисовывается цепочка: субъект – Я, объект воздействия – смятенное сознание лирического героя, способ воздействия – самоанализ, цель воздействия – преодоление кризиса, психологического тупика, причина – неприятие общественных преобразований.

В финале происходит размыкание пространства. Если раньше в окне герой ничего не видел и через него ничего не слышал, то теперь он смотрит в окно, и внешний мир дает о себе знать звуками жизни:

Уже рассвет с надворья
Запел в пробуд моторным петухом.
Трамвай-сапун железный шов свой порет,
С извозчиками сонный дворник спорит,
И кто-то прокоптылся верхом [4, с. 64].

«Разомкнутость в одном направлении создает, – пишет Е. Фарино, – формы реального пути в пространстве и жизненного пути во времени» [10, с. 365].

Таким образом, в поэме А. Кусикова воссозданы некоторые этапы процесса художественного творчества. Акцент сделан на изображении того, что будет воспроизведено в будущем произведении. Это то, что называется художественным видением, «которое в полной мере еще не является мышлением в образах, оно лишь цепь представлений, размышлений» [12, с. 170]. На уровне художественного видения «возникают, фиксируются образы-представления, но не художественные образы. Вместе с тем его не следует понимать лишь как "механическое" созерцание. Под широким понятием "художественное видение" разумеется и созерцание, пронизанное художественным удивлением перед необычным в обыкновенном, и осмысление социальной значимости фактов и событий, и возникновение размышлений, волнений, еще не оформленных в некоторую целостность» [12, с. 170].

Художественное видение рождает в поэте ощущение, точно в нем что-то постепенно растет. Это «что-то» – обретение им высшей доминанты творчества – вдохновения, которое в поэме художественно осмысливается как следствие бессознательной работы, как кризис, острое состояние. Оно обозначает конец бессознательного и одновременно начало сознательного выработки концепции произведения. Вдохновение порождает состояние высшего возбуждения, озарения, когда осознанное и бессознательное, рациональное и эмоцио-

нальное сливаются воедино и служат побудительным импульсом к творчеству. Смутно формируется замысел будущего произведения как первичной организации накопленного жизненного материала через выявление центральной художественной идеи, проблемы [12, с. 170–171]. Замысел создает ядро, проформу, на базе которой развивается творчество, реализуется замысел, что уже на третьем этапе творчества должно стать текстом произведения.

Список литературы

1. Альтман Я. А. Психо-физиологический анализ поэтического вдохновения / Я. А. Альтман. – СПб. : ЧП Чирков, 2002.
2. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов / О. В. Вовк. – М. : Вече, 2006.
3. Кирло Х. Словарь символов / Х. Кирло. – М. : Центрполиграф, 2007.
4. Кусиков Александр. Аль-Баррак. Октябрьские поэмы / А. Кусиков. – 2-е изд., доп. – Берлин – М. : Накануне, 1923.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л. : Наука, 1977. – Т. 3.
6. Рибо Т. Болезни личности. Опыт исследования творческого воображения. Психология чувств / Т. Рибо. – Минск : Харвест, 2002.
7. Симонов П. В. Созидующий мозг / П. В. Симонов. – М., 1993.
8. Толстой Л. Н. О литературе / Л. Н. Толстой. – М., 1955.
9. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 1999.
10. Фарино Ежи. Введение в литературоведение : учеб. пос. / Ежи Фарино. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004.
11. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – М. : АСТ, 2006.
12. Эстетика : учеб. пос. для вузов / под ред. А. А. Радугина. – М. : Центр, 2000.
13. Юнг К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – М., 1996.

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ» Г. ГАЗДАНОВА – «РОМАН О ХУДОЖНИКЕ» В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Е.В. Кузнецова

Жанровая разновидность «романа о художнике» в XX в. представлена очень разнообразно. В творчестве Газданова освоение этого жанра происходит в русле основной для него тенденции формирования феноменологического нарратива, что, разумеется, выводит на первый план проблемы психологии творчества. «Феноменологический метод» (Л. Колобаева) позволяет подойти к проблеме творца и творчества с внутренней, психологической точки зрения, рассмотреть глубинные процессы, происходящие в душе и сознании писателя.

The genre variety of “the novel about the artist” is presented very diversely in the 20th century. In Gazdanov's work, the development of this genre occurs in a basic vein for its tendency of phenomenological narrative formation, that, certainly, deduces a problem of psychology of work on the foreground. “The phenomenological method” (L. Kolbaeva) allows to approach a problem of the creator and work from the internal, psychological point of view, to consider the deep processes occurring in a soul and consciousness of the writer.

Ключевые слова: роман, жанр, нарратив, феноменологическое повествование.

Key words: romance, genre, narrative, phenomenological narration.

Среди девяти романов Газданова в отдельную группу можно выделить романы о писателе, о творческой личности: роман «История одного путешествия» (написан в конце 1920-х, описывает «портрет художника в юности») и последний законченный роман писателя «Эвелина и ее друзья» (содержит метаповествовательный элемент, являясь в определенном смысле романом о том, как пишется роман).

«История одного путешествия» разрабатывает важную для писателя тему развития и становления творческого «я», заявленную еще в рассказах. Е. Прокураина полагает, что в романе заложена «возможность двойного прочтения. В одном случае он предстает образцом текста, построенного по традиционной модели моносубъектной наррации с открытым финалом. В другом – сложной конструкцией, построенной по принципу вторичной рефлексии – как роман героя, где референтным полем является не собственно реальность, а ее образ, отраженный в творческом сознании героя-протагониста» [4, с. 12]. Газданов подчиняет свое повествование импрессионистскому принципу: отраженный в восприятии главного героя мир приобретает в «Истории одного путешествия» особый колорит. Если у В. Набокова и у самого Газданова в «Вечере у Клэр» в основе организации композиционно-повествовательной структуры – экскурсы в прошлое, насыщенное яркими образами, подчас доминирующими в сознании героя над образами и впечатлениями его настоящего, то в «Истории одного путешествия» память не оказывается столь важной категорией. В большей степени автора интересует «здесь-и-сейчас» его героя.

Феноменологическое повествование сосредоточено на изображении отраженного героем мира. Не знание о мире, а его понимание, рождающееся в бесконечном «потоке жизни» и потому находящееся в стадии перманентного становления, образует содержательное ядро феноменологического повествования. Отказ от навязывания читателю социальных, философских, религиозных идей, сосредоточенность на поиске истины, а не на ее утверждении воплощаются в нарративе такого типа в особом построении текста. Его доминирующие структурные компоненты направлены на раскрытие «спонтанно-смысловой жизни сознания» [5, с. 500]. В романе «История одного путешествия» повествование реализуется как многоуровневая схема наррации, которая позволяет выявить и описать то, что в феноменологии было названо «чистым сознанием».

Первый уровень наррации затрагивает сенсорные ощущения героя, его реакцию на внешние, физические раздражители – свет, цвет, звук, температуру и проч. Роман начинается с описания этих ощущений героя: «Было почти темно, скользко и мокро; сквозь дождь уходили неверные очертания зданий, ветер бросал брызги в лицо; шум порта с криками турок и гудками катеров, влажно раздававшимися сквозь густеющую темноту, стал стихать и удаляться» [1, с. 165]. Все происходящее дано в перспективе героя, которому «неверными» издали кажутся очертания зданий и «влажными» (видимо, из-за тумана) представляются гудки катеров (пример синэстетического восприятия). Выбранный повествовательный ракурс позволяет представить внешний материальный мир в отраженном виде, указать на неразложимость предметного пространства и воспринимающего его сознания. «Его поразили запах жареного мяса, <...> крутые и высокие улицы Галаты и еще особенная константинопольская шарманка с необычайным количеством булькающих переливов мелодии, точно кто-то в такт музыке лил воду из большой бутылки» [1, с. 175]. Субъективность сравнения подчеркивается его необычностью. Картина мира индивидуализируется, поскольку представляет собой «поле непосредствен-

ной смысловой сопряженности сознания и предмета» [5, с. 501]. В ней выделяются аспекты, которые зависят от особенностей сенсорных реакций героя. Это подтверждается, к примеру, той ролью, которую приобретает в романе звуковой аспект: слуховые ощущения героя всегда обострены, звукам, в особенности музыкальным, придается несравненное значение, о котором будет написано ниже. Фрагменты текста, обращенные к изображению комплекса ощущений героя, представляют *сенсорно-перцептивный уровень наррации*.

Эмоции и чувства даны в самооценке героя, и обращение к ним формирует второй уровень – *эмоционально-рефлексивный*: «Всякий раз, когда ему приходилось уезжать, когда он оказывался либо в поезде, либо на пароходе и начинал ощущать свое полное и глубокое одиночество, – но это было не грустное, а скорее спокойное и немного презрительное чувство, – он думал, что вот теперь, именно теперь, когда он отделен, в сущности, от всего мира и не должен в эти минуты ни лгать, ни притворяться перед собой или перед другими... он яснее всего представлял себе, все причины и побуждения, руководившие его жизнью, так же, как подлинный смысл тех или иных отношений с людьми» [1, с. 165–166]. Традиции Л. Толстого, глубоко изучившего «диалектику души», представляют одну из граней газдановского психологизма, в котором автор ориентируется на анализ душевных состояний героя, открыто называя и прослеживая движение того или иного чувства. Эмоционально-рефлексивный уровень открывает перед читателем тот пласт внутреннего мира, который осознан и понят самим героем, привыкшим наблюдать за собой и прислушиваться к себе. «Володя прочел эти строки, и им сразу овладело давно знакомое двойное чувство: первое – это холодок внутри и осознание смертельной непоправимой потери, второе – точно кто-то, насмешливо сочувствующий ему, ей и себе говорил: это следовало предвидеть: судьба всех иллюзий всегда одинакова» [1, с. 239].

Способность героя смотреть на себя со стороны, быть наблюдателем собственных чувств, эмоций и состояний в литературе была описана неоднократно, генетически она связана с рефлексией Онегина, Печорина, героев Ф. Достоевского и Л. Толстого. Вместе с тем творчестве Газданова она особенная, ибо субъект рефлексии – человек, одаренный литературным талантом и хорошо знакомый с литературой. Нередко его эмоции и чувства обладают некой вторичностью, кажутся отголоском уже описанных ранее душевных состояний. В частности, пассаж, следующий за процитированным, можно интерпретировать как аллюзию к элегическим интонациям пушкинских стихотворений «На холмах Грузии» и «Я вас любил». «Светлая печаль» и «легкая грусть», рожденные сюжетной ситуацией безответной любви, становятся литературным кодом настроения героя после получения им прощального письма от Аглаи Николаевны. «Володя положил письмо в ящик стола и задумался... Он не знал, о чем он думал: когда через полчаса того, что он называл душевным молчанием, он вернулся к обсуждению этих вещей, он с удивлением заметил, что мысль об Аглае Николаевне потеряла свою болезненность. И только печаль, постоянная печаль стала сильнее и прозрачнее... он вышел из своей комнаты, точно оставив там *тающее облако грусти...*» (курсив наш – Е. К.) [1, с. 239].

Сходство ощущений сближает Володю с героем набоковской «Машеньки». Осознанно или нет, Газданов повторяет психологический рисунок, созданный В. Набоковым. В финале «Истории одного путешествия» герой принимает решение об отъезде: «...Володя явно почувствовал – в одну необъяснимую секунду, – что этот период его жизни кончен, кончено еще одно пу-

тешестве. И глубоким вечером, на обратном пути, он смотрел уже невольно чужими глазами на улицы и дома Парижа, точно это были не настоящие каменные здания, а нечто зыбкое и исчезающее в темноте, нечто, уже сейчас, сию минуту, безвозвратно уходящее в воспоминание» [1, с. 270]. Ощущение перехода от одного жизненного этапа к другому характерно для Ганина: «Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу – и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда <...> он до конца исчерпал свое воспоминание, до конца насытился им, и образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминанием» [3, с. 111–112]. Мотивы расставания с прошлым, призрачности окружающего («Все казалось не так поставленным, непрочным перевернутым, как в зеркале» [3, с. 112]) подчеркивают идентичность чувств героев. Возможно, Газданов, знакомый с «Машенькой», написанной и опубликованной на пять лет раньше «Истории...», намеренно наделил своего героя «литературными переживаниями».

Таким образом, не только углубленность в себя, перманентная рефлексия, но и объект рефлексивных переживаний – разнообразные эмоциональные состояния героя – имеют интертекстуальный характер, что коррелирует с жанровой спецификой «романа о художнике» и способностью героя-писателя усваивать литературные модели психологического поведения и следовать им. Реминисцентный фон способствует созданию особого семантического ореола, окружающего главного героя, образ которого структурируется, в том числе пересечением интертекстуальных проекций.

«Заимствованные эмоции» создают эффект узнавания текста. Так, например, ощущение героем жизни как сна отсылает читателя к целому ряду предшествующих произведений. В беседе с Александром Александровичем Володя говорит: «...мне кажется всегда – точно сон и медленно летишь во сне: одно идет за другим – а вокруг растет трава или бурьян. Я задумался, кажется, впервые в поле – и вот с тех пор все точно снюсь себе – и ничего не знаю» [1, с. 233]. Романтическо-символистский пратекст этого высказывания вполне очевиден: это произведения любимого Газдановым Э. По, Э.Т. Гофмана, Л. Тика, М. Лермонтова, А. Ремизова, Ф. Сологуба и других авторов, варьирующих тему жизни-сна.

Пограничное между бодрствованием и сном состояние неоднократно воспроизводится в романе, наряду с медитативной сосредоточенностью, погружением в глубины памяти, бредом, изображение которых формирует третий уровень наррации феноменологической прозы – *субъективно-иррациональный*. Именно он становится своеобразным маркером феноменологического типа прозы, созданной Газдановым, придавая ей неповторимость.

Чаще всего это состояния, не поддающиеся контролю со стороны сознания, кроме специально оговоренных случаев: «с давнего времени у него образовалась привычка исправлять воспоминания и пытаться воссоздать не то, что происходило, а то, что должно было произойти» [1, с. 177]. В других случаях описываются бессознательные, не зависящие от воли и сознания героя импульсы, возникновение которых влечет за собой череду образов, имеющих мифопоэтическую природу и символику.

Зачастую переход от второго эмоционально-рефлексивного уровня к третьему, субъективно-иррациональному мотивируется изменением состояния сознания героя: переходом ко сну или дреме, болезнью, вызывающей

бред. Своеобразным медиатором между сознательным и бессознательным, физическим и метафизическим мирами является музыка.

Мелодия, звук, шум обозначают переход от сенсорного уровня психической жизни героя к более глубокому – подсознательному: «Володя стал засыпать, и все плыло, шума и переливаясь обрывками музыки...» [1, с. 197]. Музыка смещает физические координаты пространства, придавая ему явно фантастические свойства: «...и был совершенно и беззвучно пьян, хотя и не пил ничего; и находился в таком состоянии, когда странно меняются предметы, – из большого барабана растет высокая пальма, вместо рояля течет река...» [1, с. 175]. «Музыкальные путешествия» героя – это его погружение в себя, уход в мир, созданный фантазией, памятью, потоком бессознательных неупорядоченных чувств.

Музыка в романе есть некая стихия, сходная с природной, как правило, с водной, о чем говорят сравнения и метафоры: «за нее печально говорила музыка – она лилась, как последний, стихающий дождь, она уходила, как река и не оставляла никакой надежды» [1, с. 238]; «они вышли из кафе, звуковой туман стелился за ними» [1, с. 238].

Связь между музыкой и природой органична, звуки природы сами способны порождать мелодию. Утонченная художественно-поэтическая натура Володи позволяет ему уловить музыку дождя, передаваемую с помощью повторяющихся фонетических комплексов, придающих прозаическому тексту поэтическую музыкальность: «...он тихонько шумит и капает, он течет в тысяче различных направлений; потом с наступлением мутного европейского вечера, затянутого туманным и сумрачным небом, он темно сверкает в свете фонарей; и в стихающем к ночи движении городов – людей, автомобилей – он звучит особенно грустно и неповторимо, все с той же непередаваемой влажной печалью. В такие вечера города грустны, внутренняя музыка жизни безмолвна, каждый фонарь похож на маяк внезапно возникшего и беспрельдно черно-синего моря с каменным тяжелым дном; и издалека в нем движутся, расплываясь сквозь туман и дождь, чудовищные, мутные фигуры прохожих, и ночью, уже в глубокие часы медленно-медленно приближающегося утра, начинает казаться, что тысячи лет тяжело и влажно проплывают мимо окна и что никогда не кончится – как никогда не прекращалась – эта бесконечная ночь, пронизанная миллиардами сверкающих и холодных капель» [1, с. 244].

Звуковая организация этого пассажа сопоставима с музыкальным отрывком, в котором на смену одним аккордам приходят другие, меняющие настроение и характер музыки. Переход от повтора звуковых комплексов, содержащих ассонансный звук «у» к фонетическому сочетанию «ка» в финале отрывка подобно чередованию низких нот с высокими в музыкальном произведении. Мелодичностью опоэтизированы глубокая грусть и печаль. Феноменологическая эстетика «исходит из положения о единстве субъекта и объекта в искусстве» [2, с. 134], у Газданова этот синкретизм воплощен образом «влажной печали», соединяющей в себе влажность дождя и настроение смотрящего на него человека. Звукопись здесь не становится звукоподражанием, а наполняется символикой ассоциаций, посему картина весеннего дождя – это картина настроения героя, утонченный способ передачи его впечатлений, в которых «внутренняя музыка жизни» сливается с окружающим миром, рождая то, что в романе будет названо «лирическим потоком» [1, с. 279].

Образование субъективно-иррационального уровня наррации тесным образом связано с принципами символично-мифологического психологизма – «это психологизм условный, «скрытый» и синтетический, в отличие от психологизма аналитического, каузального, «объясняющего», логически прозрачного, который преобладал в классической литературе прошлого» [2, с. 11].

В «Истории одного путешествия» над анализом и оценкой психологии героя преобладает «синтетическая» форма (Л. Колобаева), которая позволяет наблюдения, переживания, впечатления от восприятия того или иного явления и его рефлексии передать в их неразрывной взаимосвязи с помощью звуковой инструментальной прозы и специфики образного ряда. Образ – главный смыслообразующий элемент феноменологического повествования, с его помощью писатель «оперирует специфической, «синтетической» формой, условно обозначающей суть человеческой психики, подспудное ее единство. Она дается в образе как бы готовой, беспричинной, но разом и целостно» [2, с. 13].

В приведенном отрывке, который можно считать своеобразной увертюрой к последующим эпизодам, возникает сравнение вечернего города во время дождя с морем: «...каждый фонарь похож на маяк, внезапно возникшего и беспредельного черно-синего моря с каменным тяжелым дном» [1, с. 245]. Образ города, оказавшегося на дне, имеет мифопоэтические корни, вызывая ассоциации с мифом о затонувшей Атлантиде, который вводит в отрывок эсхатологические мотивы, изнутри, подспудно драматизирующие повествование и обнаруживающие особенности мировосприятия героя.

Обращение к иррациональной стороне жизни человека приводит Газданова к отказу от традиционного психологизма и поиску новых форм выражения глубинных психологических процессов, что значительно модернизирует повествовательную структуру, выводя на первый план в ней принцип ассоциативного чередования образов. В основе целого ряда фрагментов, находящихся на третьем уровне наррации, – изображение эйдетических¹ образов, сменяющих друг друга без какой-либо логической и причинно-следственной связи. Их может порождать «поток памяти», сон, галлюцинация. Анализ этих образов – отдельная, очень значимая проблема газдановедения, вызывающая необходимость рассмотреть его произведения в свете мифопоэтики.

Мы обратимся к одному из многочисленных образов-символов, представленных в романе «История одного путешествия». Именно он, на наш взгляд, имеет ключевое значение для произведения. Это образ темной воды, который появляется сначала в воспоминаниях, а затем в бреду Володи. Углубляясь в «археологические» слои своей памяти, Володя обращается к детским, самым ранним своим воспоминаниям: «И Володя вспомнил большую, все черную и зеленую внутри бочку, стоявшую в глубине двора, под водосточной трубой. После долгих дней сухого зноя вода в бочке начинала чуть-чуть пахнуть сырым и знакомым запахом болота, темная ее глубина потихоньку оживала... В черную воду бочки Володя опускал короткую, сухую палочку...» [1, с. 190]. Воду герой видит и во сне: «...Володе послышался тихий шум неторопливого прибоя – в летнюю ночь – и запах водорослей; длинные, зеленые, они прибывались к берегу и лениво полоскались в наступающей воде, и, когда волны откатывались назад, легкий ветер доносил до Володи их увядающий запах» [1, с. 198]. В обоих случаях описана вода не свежая и чистая, а темная, цветущая, с запахом затхлости. В бреду водные

¹ Эйдетические образы отличаются от обычных тем, что человек как бы продолжает воспринимать предмет в его отсутствие.

образы модифицируются: «...Володя замечал, что это уже не дорога, а синий поток... Володя увидел картину: ...старый дуб... береза, под ними зеленый берег тихого залива... Черные волны внезапно показавшегося моря шумели и разбивались где-то вблизи... Все было пусто и жутко вокруг; лишь шумела вода невиданной, непроницаемой черноты».

По мысли К.Г. Юнга, вода являет собой образ бессознательного: «Путь души... ведет к водам, к этому темному *зеркалу*, лежащему в основании души. *Вода* – жизненный символ пребывающей во тьме души» [6, с. 108]. Архетип воды и водного пространства многозначен, включает в себя различные, порой даже антиномичные значения. Так, вода может выступать в мифе в качестве первоначала, исходного состояния всего сущего, эквивалента первобытного хаоса, но она же метафора смерти, опасности, исчезновения, иногда – забвения. Газданов опирается на исходные значения и обогащает их. Для Володи вода, тем более темная, – образ, символизирующий тайники его собственной души.

Именно к их познанию и пониманию устремлено феноменологическое повествование Газданова. Оно показывает читателю самые загадочные стороны человеческой природы с помощью символично-мифологического психологизма, который «являет нам переживания персонажа в образах и картинах его **«видений»**, подобных по структуре мифу или сну, предлагая тем самым читателю выбрать возможный путь из лабиринта загадок, отыскать вероятный ответ на них» (выделено автором – Е. К.) [2, с. 11].

Поиск идентичности героя приводит автора к последовательному раскрытию различных слоев его психики, каждому из которых соответствуют определенные уровни наррации, тесно переплетающиеся в тексте романа, но дифференцируемые в ходе анализа. Первый из них – сенсорный – представляет рецепцию героем внешнего материально-физического мира в широком спектре его проявлений. Следующий – рефлексивно-эмоциональный – представляет осознаваемые им чувства, среди которых много искусственных, литературных, больше знакомых Володе по книгам, чем прожитых и испытанных, и поэтому, скорее, скрывающих его идентичность, чем приближающих к ней. Наблюдения за процессами бессознательного уровня психики создают наиболее значимый в этом романе иррациональный уровень наррации, определяющий своеобразие феноменологической прозы Газданова. Формальными признаками субъективно-иррационального уровня наррации становятся, как мы уже отмечали, обращения к неконтролируемому сознанию героя психологическим явлениям – снам, галлюцинациям, видениям, воображаемым картинам прошлого и будущего. Их описания маркированы в стилевом отношении, ибо продолжают развитие орнаментального стиля, апробированного в ранних рассказах Газданова.

Применение принципов поэтизации прозаического текста (лейтмотивности, музыкальности языка, суггестивности – способности к внушению путем апелляции к дологическому, интуитивному началу) способствует тому, что субъективно-иррациональный уровень становится той специфической чертой феноменологической модели повествования, которая позволяет приблизиться к «чистому сознанию» и показать «неразрывность и в то же время несводимость, нередуцируемость сознания, человеческого бытия, личности и предметного мира» [5, с. 500]. «История одного путешествия» – роман о молодом писателе, о становлении писательской индивидуальности, о том, «из какого сора рождаются стихи» и о единстве различных ощущений, чувств, движений бессознательного, всего того, что неразрывно связано с творчеством: «Он

проснулся в пять часов утра... сел писать – об Италии и всем, что ему казалось самым прекрасным в огромном мире разнообразных вещей, и что было, в сущности, лишь продолжением, – вечерней музыкой Артура, телом Жермен, словом "напролет" – все тем же неудержимым движением... позже, читая описания Италии, он видел все, что им предшествовало, – где музыка, и Жермен, и мечты сливались в одно соединение» [1, с. 280].

К роману о художнике Газданов обращался еще не раз, делая своих героев писателями и журналистами, что давало возможность показать особенности их творческого мышления и сознания. Развитие жанра «романа о художнике» в прозе Газданова коррелирует с типом феноменологического повествования, отправной точкой формирования которого служит «феноменологический метод» изобразительности, описанный в работах Л. Колобаевой, и принципы феноменологической эстетики, сложившиеся в русской и западноевропейской философии XX в.

Феноменологический тип повествования направлен на воссоздание синтеза внешнего и внутреннего пластов жизни, единство которых претворяется в психологических механизмах сознательной и бессознательной сфер человеческой психики. Обращаясь к их художественному изображению, автор создает модель повествования, в котором можно выделить *сенсорно-перцептивный, эмоционально-рефлективный и субъективно-иррациональный уровни*. Их тесное переплетение в тексте создает многомерную, стереоскопическую картину внутренней жизни личности. От описания физических ощущений и рефлексий героя автор переходит к изображению образов его подсознания, имеющих архетипическую основу, за которой угадываются самые глубокие переживания героя. Именно они позволяют приблизиться к его идентичности, найти за внешним поведением, основой которого часто служат те или иные литературные модели, уникальность его личности. Специфическим свойством романа о художнике становится обращение к сфере его эстетических переживаний. В них отражается поиск личностно значимых смыслов, слияние с ними и нахождение через них собственной «самости».

Список литературы

1. Газданов Г. Собрание сочинений : в 5 т. / Г. Газданов. – М. : Эллис Лак, 2009. – Т. 1.
2. Колобаева Л. «Никакой психологии», или фантастика психологии? (о перспективах психологизма в русской литературе нашего века) / Л. Колобаева // Вопросы литературы. – 1999. – № 2. – С. 3–20.
3. Набоков В. Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков. – М. : Правда, 1990. – Т. 1.
4. Проскурина Е. Н. Романы Гайто Газданова: динамика художественной формы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Н. Проскурина. – Новосибирск, 2010.
5. Руднев В. Словарь культуры XX века / В. Руднев. – М. : Аграф, 2003.
6. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М., 1998.

**ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО
РУБЕЖА XIX–XX вв.**

С.А. Мусаева

Статья посвящена анализу проблемы человека в творчестве Л.Н. Толстого рубежа веков. Одна из основных особенностей концепции человека у Толстого 1890-х гг. является то, что он испытывает своего героя, ставя его в экстремальные ситуации. Его герои путем самоусовершенствования приходят к поставленной цели, к религии. Это нашло отражение в его последнем романе «Воскресение». Другая точка зрения показано в последнем произведении, в «Хаджи-Мурате». Хотя Толстой в последние годы призывал к смирению, в «Хаджи-Мурате» он показал не смирившегося, а бунтующего человека.

This article is dedicated to the analysis of personality in L.N. Tolstoy's creative work in the coincidence of 2 centuries. The main distinguishing feature of a person in Tolstoy's creative work of 1890s is that he tests his hero, putting him into different kinds of extreme situations, and his hero finally comes to the certain decision after self understanding. This is reflected in his novel "Voscreseniye" ("the Rebirth"), in which Tolstoy showed the Christian understanding of a man. But another tendentious point can also be observed in his latest novels, for instance, 'Hadji Murad' shows the natural understanding of a man. Though Tolstoy called people to find in harmony with life to live and forgive during their life and it's reflected in his latest works, but he described struggling men this period of his creativity.

Ключевые слова: человек, концепция, смирение, религия.

Key words: person, conception, submission, religion.

В творчестве Толстого проблема человека всегда была непосредственным объектом его художественного исследования. На рубеже XIX–XX вв. она приобретает особое значение. На каждом историческом этапе менялась концепция человека, и каждая эпоха имела свое представление о личности, что в итоге определяло характер литературы того или иного периода.

По мнению Толстого, человек с рождения чист и добр. Изменения в нем происходят только под влиянием окружающей среды. На естественную сущность человека отрицательное влияние оказывают, прежде всего, искусственные формы морали и этики. Толстой по этому поводу пишет: «Нет таких условий, к которым человек не мог бы привыкнуть, в особенности, если он видит, что все окружающие его живут так же» [5, т. 19, с. 294]. Только живя в одиночестве, человек может освободиться от влияния среды. Но это невозможно. И в творчестве Толстого человек изображается в системе бытовых, общественных, нравственно-этических и прочих отношений. Писатель обычно показывает человека среди родственников, среди близких ему людей, сущность которых уже искажена обществом. Толстой в дневнике отмечает: «Когда человек один, ему легко быть хорошим. Только сойдись с другим – и он становится дурен. И чем больше людей сходятся вместе, тем труднее им удержаться от дурного, от этого-то так важна, нужна любовь. Только с нею, не делаясь хуже, могут сходитья люди» [6, т. 22, с. 3].

Человеческая сущность показана Толстым в самых разных аспектах. Писатель «схватывает» его поведение не просто в определенные моменты жизни, но на протяжении всего его жизненного пути с его мельчайшими изменениями, крутыми изломами. Герои Толстого стремятся к новой жизни. Писа-

тель, как правило, не показывает уже сложившийся характер, а рисует процесс духовного роста человека, его нравственного обновления.

Для подтверждения высказанного выше достаточно указать хотя бы на центральную идею романа «Воскресение». Здесь героиня, подводя итоги пройденного ею жизненного пути, воспроизводимого в сюжете, не только постигает меру господствующей несправедливости и «обиженности» «простого народа», но и обретает необходимое и благодетельное, по Толстому, отношение ко всякому злу. «Воскресение» человека у Толстого 80–90-х гг. включает в себя как безусловное отрицание основ существующего общества, так и усвоение морали всепрощения. Именно ко «всепрощению» приходят, «воскресая», и Катюша, и Нехлюдов, но каждый своим путем.

В.Р. Щербина пишет: «Духовно близкий к Толстому герой не выходит на дорогу прямой революционной борьбы. Но он воплощает в своих исканиях широкую всечеловеческую идею поисков единения с народом, единения, дающего жизненную основу для слияния идеала и реального действия. Нельзя не видеть в настойчивых исканиях пути к народу героев Толстого ряда черт духовной истории самого автора» [7, с. 65].

Толстой выбирает некоторых, совсем не идеальных героев из дворянской среды. Персонажи Толстого совершали в своей жизни много ошибок. Особенно в последних своих произведениях Л.Н. Толстой показывает человека, много перестрадавшего и вступившего в борьбу с самим собой. В итоге герой выходит из этой борьбы победителем. «Люди из дворянской среды в художественном освещении Толстого становились положительными в той мере, в какой он выражал общую тенденцию эпохи или хотя бы отдельные, но ведущие признаки своего времени» [1, с. 12].

Большинство современных исследователей, разрабатывающих проблему человека в творчестве Л.Н. Толстого на рубеже веков, согласны с тем, что писатель сумел воссоздать неповторимый психологический портрет личности. Причем это не имманентная характеристика человека. В произведениях писателя представлен такой оригинальный концептуальный подход, который в известном смысле слова может считаться путеводителем для других художников-реалистов. Крупнейшим творческим достижением писателя является раскрытие процесса духовного роста человека.

Следует сказать, что развитие личности находилось в центре внимания многих замечательных мастеров реалистического направления, сумевших прийти к художественным обобщениям, рисуя многообразный духовный облик людей разных эпох, отражавший их мысли, чувства и дела. Преобладающей чертой реалистической литературы XIX в., особенно его первой половины, было изображение законченных, жизненно и художественно убедительных характеров. Подлинное развитие личности заключалось в формировании и самоопределении характера, в постепенном выявлении его типичных свойств.

Такого рода законченные характеры занимают значительное место в произведениях Л.Н. Толстого. Однако в зависимости от исторического периода писатель по-разному показывал человека. В разработке концепции человека в последний период своей жизни он идет значительно дальше, расширяя и углубляя поставленную им художественную задачу. Скажем, в молодости он считал, что описать человека собственно нельзя, но можно описать, как он подействовал на окружающих: «Говорить про человека: оригинальный, добрый, умный, глупый, последовательный и т.д. – слова, которые не

дают никакого понятия о человеке, а имеют претензию обрисовать человека, тогда как часто только сбивают с толку» [5, т. 46, с. 67].

Это созвучно тому, что он выразил в романе «Воскресение»: «Одно из самых обычных и распространенных суеверий, – то, что каждый человек имеет одни свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т.д.» [5, т. 32, с. 194].

В зрелые годы писатель начинает размышлять на этот счет несколько иначе. Это вполне естественно, потому что с годами изменяются его взгляды на жизнь и человека. В конце XIX в. писателя особенно привлекают люди, не останавливающиеся в своем развитии, в своем движении вперед, пережившие духовный перелом, те, кто нарушает логику незыблемо сформировавшихся характеров.

Однако в действительности человек обычно обладает разными качествами: «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь, все между тем одним и самим собою» [5, т. 32, с. 194].

В этих суждениях высказана очень важная часть творческого кредо Толстого. Писатель убежден в том, что натуре человека присуща способность к духовным переменам. Отрицая принципиальную и всеобщую замкнутость характеров, он подчеркивал, что, духовно изменяясь, человек часто оказывается непохожим на себя прежнего и одновременно сохраняет свою цельность.

Но этим вовсе не ограничиваются исходные принципы изображения Толстым психологии человека. Они включают в себя, как уже было отмечено в связи с духовным возрождением Катюши Масловой, раскрытие путей преобразования человека, его нравственного обновления. И тут, в свою очередь, выявляются весьма важные различия между автором «Воскресения» и его предшественниками. Так, реалисты эпохи Просвещения были сторонниками того взгляда, что в мире господствуют идеи, разум. Это и определило их интерес к теме перевоспитания людей, далеких от добродетелей, погрязших в пороке. Основное средство их исправления художники-просветители видели в следовании разумному примеру, в освоении верных идей. Этот рационалистический подход в немалой степени ограничивал художественные возможности раскрытия эволюции характеров.

Общечеловеческое значение духовного раскрепощения и морального возрождения личности, по Толстому, заключается в принципиально ином взгляде на эту проблему. И дело не только в том, что она рассматривается под другим углом зрения, а, скорее всего, в глубине и мудрости предупреждения, адресованного потомкам. Забвение нравственных заповедей видится Толстому как результат радикальной изувеченности человеческих взаимоотношений.

Концепция человека у Толстого 90-х гг. отличается от концепции предыдущих его произведений. Он испытывает своего героя, ставя его в экстремальные ситуации. Его герой путем самосовершенствования приходит к поставленной цели, и эта цель есть религия. Верно отмечает Н.Г. Набиев, что «человек в творчестве Толстого 60–80-х гг. через поиски и заблуждения приходит к вере мужика, то есть к тем готовым жизненным принципам, которые выработаны долгим историческим опытом народа. Человек Толстого 90-х годов, который также занят поиском самого себя, своего назначения, через долгие поиски и страдание приходит к тем принципам, которые выработаны всем христианством. Теперь чело-

век Толстого не живет философией русского мужика, не кончает свое восхождение приобщением к нему, а прямо обращается к Христу» [4, с. 229].

Вышесказанное нашло особенно яркое отражение в последнем романе Толстого «Воскресение», в котором писатель опрощает светского человека, заставляет его измениться и жить по законам Христа. По мнению Толстого, Нехлюдов принадлежит к числу тех людей, которые заключают в себе разные человеческие свойства – хорошие и плохие. Но герой не знает реальных средств устранения плохих свойств. «Все то страшное зло, которое он видел и узнал за это время... торжествовало, царствовало, и не виделось никакой возможности не только победить его, но даже понять, как победить его» [5, т. 13, с. 452]. Возможность эту открывает Нехлюдову Евангелие. В.И. Бурсов отмечает, что «человек Толстого преимущественно строит себя, совершенствуется, как человек» [2, с. 315]. Герои «Войны и мира», «Анны Карениной» учатся жить у народа и в своем духовном развитии поднимаются до уровня Платона Каратаева и Платона Фоканыча, то есть до уровня народа. Герой «Воскресения» учится жить у Христа и в качестве идеала выбирает именно его.

По мнению многих критиков и исследователей, в творчестве Толстого параллельно шли две линии: с одной стороны, христианская, с другой – языческая. Д.С. Мережковский отмечает, что «религиозное сознание Л.Н. Толстого, скорее, буддийское, чем христианское, и что в художественном творчестве он «великий язычник», в самом глубоком религиозном смысле этого слова. Но религиозное язычество есть не что иное, как непросветленное, неосознанное христианство, не пройденный путь к Христу, откровение Отца, которое предшествует откровению Сына, Ветхий Завет, как чаяние Нового; религиозное язычество на своих предельно высших точках есть "христианство до Христа"» [3, с. 138].

Если Толстой в «Воскресении» показал христианское осмысление человека, то в «Хаджи-Мурате» намечается другая тенденция. Здесь отражено природное, естественное осмысление человека. Существует противоречие между идеями христианского всепрощения, которыми пронизано религиозное учение Толстого, и образным раскрытием жизни в его художественных произведениях.

Хотя Толстой в последние годы призывал к смирению, в повести «Хаджи-Мурат», которая написана в 1896–1904 гг., он показал не смиренного, а бунтующего, борющегося человека. Видимо, из-за того, что это противоречило его религиозному учению, он не опубликовал повесть при жизни. В повести главный герой Хаджи-Мурат сравнивается с репеем, которого в этих местах называли татарником. Никак не удается сорвать этот репей, который так крепко держится на почве и борется за жизнь.

Так и Хаджи-Мурат долго боролся, не сдавался. Удивительная сила жизни отличает Хаджи-Мурата от других людей. Он всегда готов к действию, к борьбе. Обстоятельства сталкивают его с деспотизмом Шамиля, его стремлением к полноте власти, а также с политикой Николая I, политикой завоевания Кавказа. Он противостоит обоим. Л. Толстой изображает своего героя с большой любовью. Хотя поведение Хаджи-Мурата весьма далеко от идеала непротivления злу насилием, который утверждал Толстой, он не осуждает его, а восхищается им. Толстой не только Хаджи-Мурата, но и всех горцев рисует с любовью.

В конце повести он выразил свою ненависть к захватчикам, когда казак показывает отрубленную голову Хаджи-Мурата. Толстой пишет: «Бутлер вышел на крыльцо. Марья Дмитриевна сидела на второй ступеньке. Она оглянулась на Бутлера и тотчас же сердито отвернулась.

– Что вы, Марья Дмитриевна? – спросил Бутлер.

– Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право, – сказала она, вставая.

– То же со всеми может быть, – сказал Бутлер, не зная, что говорить.

– На то война.

– Война! – вскрикнула Марья Дмитриевна.
– Какая война? Живорезы, вот и все. Мертвое тело земле предать надо, а они зубоскалят» [6, т. 14, с. 128].

В начале XX в., в канун важных исторических потрясений и социальных изменений Л. Толстой принципиально пересматривает свои религиозные и этические взгляды. Д.С. Мережковский был прав, когда говорил, что Толстой, считающий себя правоверным христианином, в сущности оставался в своем творчестве язычником, как и его Ерошка.

В «Хаджи-Мурате» Толстой-язычник берет вверх над Толстым-христианином. Своим художественно оформленным путем Толстой в данном произведении находит другую методологическую базу. Он как бы возвращается к тому, с чего начал – к культу естественности, природности. Природа и Бог всегда присутствовали в творчестве Толстого как антитезы. То одно, то другое брало вверх в его мирозерцании. В «Хаджи-Мурате» Толстой как бы снова вернулся к своей заветной идее – о примате естественного, природного начала в человеке.

Список литературы

1. Андреева Е. П. Толстой – художник в последний период деятельности / Е. П. Андреева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 270 с.
2. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы / Б. И. Бурсов. – М. – Л. : Советский писатель, 1964. – 395 с.
3. Мережковский Д. С. В тихом омуте: статьи и исследование разных лет / Д. С. Мережковский. – М. : Советский писатель, 1991. – 496 с.
4. Набиев Н. Г. Человек в мире Л. Н. Толстого / Н. Г. Набиев. – М. : Диалог МГУ, 1999. – 278 с.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1828–1958.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1978–1985.
7. Щербина В. Р. Принадлежит человечеству / В. Р. Щербина // Л.Н. Толстой и современность : сб. ст. и мат-лов. – М., 1929. – С. 42–77.

ОБРАЗ МАЗЕПЫ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ XIX в.

Е.В. Никульшина

В статье прослеживается эволюция образа Мазепы в исторической беллетристике XIX в. Дается сравнительно-сопоставительный анализ образов предателя-гетмана, созданных в произведениях Е.В. Аладына, Р.М. Зотова, Ф.В. Булгарина, Д.Л. Мордовцева. Доказывается, что интерпретация исторических событий и личностей генетически связана с понятиями «ценность» и «оценка» и зависит от историософских взглядов автора.

The author of the article observes the evolution of Mazepa's image in the XIXth century historical fiction. Contrastive-comparative analysis of images of hetman, who was a traitor, was made on the basis of novels by E.V. Aladyn, R.M. Zotov, F.V. Bulgarin, D.L. Mordovtsev. It is proved that the interpretation of historical events and personalities is genetically concerned with such notions as "value" and "estimation" and it depends on author's conception of historiosophy.

Ключевые слова: историческая беллетристика, интертекстуальность, петровский миф, Мазепа.

Key words: historical fiction, intertextuality, petrine myth, Mazepa.

Характеристика тематической направленности, круга проблем, к которым обращались авторы исторических произведений XIX в., убеждает в том, они не были бесстрастными регистраторами исторических событий, следуя только их фиксации в строго хронологическом порядке. В центре внимания подавляющего большинства исторических романистов оказывались именно такие эпохи, которые в максимальной степени способствовали постановке политически злободневных вопросов. Прежде всего, это события петровского времени, времени преобразований. «Репертуар» идеологических мотивов произведений на данную тему сравнительно небогат, но отражает основные черты петровского «мифа». Пётр – мудрый правитель, строитель нации и ее объединитель; благодаря его неумолимой энергии новое победило старину во всех ее облициях. Главное же – торжествует закон, ограничивая как своекорыстные сановников, так и чрезмерную исторически неоправданную «милость к падшим».

В свете сказанного объяснима политическая и художественная репрезентативность темы борьбы русского и украинского народов за национальную независимость, в связи с чем особую популярность в жанре исторического романа приобрел конфликт *гетман Мазепа – царь Пётр I*. Тем не менее, до сих пор отсутствуют серьезные литературоведческие работы, посвященные украинскому деятелю в русской исторической романистике, чей образ весьма неординарен и неоднозначен.

В литературе XIX в. распространились в основном две доминирующие интерпретации его позиции. На Западе Мазепа предстал преимущественно героем-бунтарем, стремившимся разорвать цепи рабства в экзотической «стране казаков», политический же смысл такого бунтарства, тем более вопрос о его целесообразности, отходили на второй план. В России, напротив, в центре внимания писателей оказывалась и подвергалась осуждению «антинародная» политика гетмана – причем как с официальной, так и с оппозиционной точек зрения. Примерами могут служить историческая повесть Е.В. Аладына «Кочубей» (1827), а также романы Ф.В. Булгарина «Мазепа» (1833–1834), Р. Зотова «Таинственный монах» (1836), Д. Мордовцева «Царь и гетман» (1880).

Сюжетная основа повести Е.В. Аладына такова: Гетман влюбляется в Марию, но понимает, что может вести ее под венец лишь как крестный отец. Узнав, что Кочубей решил выдать дочь за Чуйкевича, он похищает девушку. Оскорбленный отец доносит Петру о политических замыслах Мазепы. Так в действие вовлекается русский царь, вследствие чего обостряется вторая сюжетная линия, политическая. Петр не верит доносу, более того – выдает доносчиков тому же гетману; Мария, пытаясь спасти отца, устраивает побег, от которого Кочубей отказывается («Нет, друг мой, нет, не предлагай мне побега – суд царя наложил на меня оковы, приговорил к смерти – знаю, что невинно, но я не хочу быть виновным, нарушив его священную волю!» [1, с. 56]). Все мольбы Марии, обращенные к Мазепе, также оказываются напрасны: Искра и Кочубей казнены, а героиня «кончила жизнь в монастыре» [1, с. 61]. Так частные отношения дочери – отца – возлюбленного, с изображения которых начинается повесть, органично вписаны в политический фон событий и предполагают надличностную оценку произошедшего.

Характеризуя Мазепу, Е.В. Аладын ориентируется на известный исторический труд И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (1788–1789). И в нем Иван Мазепа именуется не иначе, как «измен-

ник» [5, с. 24, 31, 33, 34, 36 и др.], «злодей» [5, с. 56, 300 и др.], «подражатель Иуды» [5, с. 166] и даже «новый Иуда, бывший 21 год в верности, а ставший при гробе изменником и предателем своего народа» [5, с. 32]. Более того, исторический образ у Аладьи́на явно выходит за эмпирические рамки и олицетворяет тип злодея в целом. По словам автора, это «жестокий, корыстолюбивый утеснитель казаков», «алчный грабитель» [1, с. 38], который летит «к своей жертве, как голодный тигр на добычу» [1, с. 43]. Однако историк, а вслед за ним и писатель показывают, что Мазепе не чужды сомнения и страхи. И.И. Голиков отмечает: гетман «терзаем угрызениями совести и поминутным страхом быть пойманным и представленным разгневанному своему государю» [5, с. 84]. У Е.В. Аладьи́на же эти страхи визуально конкретизируются: «Часто от холодного сна будит меня холодная рука какого-то остова, я вскакиваю, всматриваюсь и с трепетом узнаю в нем покойного гетмана – порванные цепи висят на руках и ногах его... и привидение могильным голосом вопрошает меня: "Где мои дети?"» [1, с. 42]. Писатель изображает, как «изредка пробуждалось в нем [Мазепе – Е. Н.] чувство раскаяния, чувство веры – но адские семена Заленского, как бурный град, побивали семена небесной благодати» [1, с. 43]. У И.И. Голикова на этот счет сказано так: «...притворство, с каким он должен был скрывать приверженность свою к Римской религии, стало ему несносно, хотя однако ж и облегчал он последнее теснейшим сообщением своим с польским иезуитом, из которых с одним, по прозванию Заленским, посещавшим его часто в Батурине, имел и крайнюю дружбу...» [5, с. 303–304]. Если историк отмечает «врожденные дарования» Мазепы [5, с. 303–304], то писатель подтверждает, что гетман является наследником определенной культурно-исторической традиции: его персонаж демонстрирует прекрасное знание Библии и древнегреческой мифологии: «я не бежал, как непорочный сын Иакова, от супруги нового Пентефрия, я пал к ее ногам»; «пожалуй, они прикуют еще Мазепу, как Прометея, к утесу и пошлют воронов клевать мое сердце» [1, с. 41].

Кроме того, в повести Е.В. Аладьи́на отражена и романтическая легенда о Мазепе, начало которой положил Вольтер («Истории шведского короля Карла XII», 1731) и которую поддержал Байрон («Мазепа», 1818). В ней гетман предстает одиноким героем, преодолевшим на пути к свободе невыносимые муки. В разговоре с Заленским Мазепа говорит: «...я, кажется, и не злодей! А если ты считаешь меня злодеем, то люди тому виною!» [1, с. 41]. Гетман рассказывает иезуиту, как в цвете пылкой юности полюбил шестнадцатилетнюю Терезу, жену седого угрюмого вельможи, и как в одну «роковую ночь» в темной беседке сада тот застал возлюбленных вместе. Муж приказал привязать его к дикой лошади и отпустил на волю, но лошадь, выросшая в Украине, вернула в родные места полумертвого от усталости и голода любовника. Какие-то крестьяне помогли ему, Мазепа надолго остался с ними, принимая участие в набегах на татар. «В хижине малоросса, на мягкой постели воскрес я от смерти, пришел в себя, хотел, но не мог молиться Творцу за спасение жизни; первая мысль моя была: зачем я пережил сына степи? И какой-то тайный голос твердил душе моей: *для мщенья!* <...> С тех пор в сердце моем появилась ненависть к человечеству, адская ненависть к сильнейшим меня!» [1, с. 41].

Можно считать, что образ гетмана в анализируемой повести соединил западноевропейскую и русскую интерпретации, но в иной пропорции: хотя мотивы страдания и мести являются объединяющими, предательство Петра, за-

конного государя для русского писателя стало определяющим и не поддающимся оправданию. Любовная фабула «Кочубея» Е.В. Аладына перекочевала в пушкинскую «Полтаву» (автор позаимствовал даже переименование исторической и «прозаической» Матрены в Марию), а пушкинскую поэму мы считаем этапной в осмыслении оппозиции Петр – Мазепа. Можно утверждать, что пушкинский гений знаменовал процесс девиации образа украинского гетмана в русской литературе, вытеснив черты западноевропейского архетипа.

Тем не менее, были и другие решения проблемы, часто противоположные или вносящие значительные изменения в угоду политической конъюнктуры. Так, Ф.В. Булгарин демонстративно игнорирует пушкинскую позицию, однако сохраняет при этом многие коллизии и мотивы, перенося их на других персонажей, а Д.Л. Мордовцев откровенно противостоит пушкинской трактовке, что не менее интересно.

В романе «Таинственный монах Р.М. Зотов упоминает о Мазепе лишь в нескольких эпизодах, но обращение к этому произведению в аспекте нашей темы необходимо. Во-первых, здесь (как, впрочем, и у Ф.В. Булгарина) сюжетобразующим становится мотив мести. Оба автора следуют одной стратегии и в построении сюжета: идеальный герой (Петр) сражается со злодеем (У Зотова – бывший гетман Дорошенко, у Булгарина – Мазепа), который при помощи различных средств, в том числе предательства, мешает законному наследнику вступить во владение. Тем не менее, если проблема мести в обоих произведениях разрешается однотипно, то интерпретации поведения Мазепы совершенно различны.

Нетрудно догадаться, что в романе Р.М. Зотова замыслу мести Дорошенко не суждено осуществиться. Человек понимает, что не вправе распоряжаться жизнью другого, того, кто это делает, ожидает жестокое наказание, Бог сам всех рассудит, отомстит виновным и оправдает невинных. Так Р. Зотов постепенно активизирует духовную сторону сердечной жизни Дорошенко и показывает, как от «холодного» ума и коварного сердца он приходит к сердцу воскресшему, доказывая, что глубокие эмоциональные переживания способны изменить личность. В итоге гетман убеждается, что объект мести – «злодей» – таковым не оказывается. Герой понимает это, пройдя длинный путь, полный горечи и утрат, познав высокомерие шведов и предательство. «Поздно открыл я глаза и поздно теперь вижу, что безумствовал... и что для счастья бедной моей родины нужен именно такой царь, как ты», – признает Дорошенко, осмыслив масштаб личности Петра. Исторически перспективное уяснение персонажем хода истории призвано свидетельствовать об успехе и эффективности государственной политики царя. Таким образом, роль блудного сына в «Таинственном монахе» достается гетману Дорошенко, Мазепа отнесен на периферию повествования, писатель всячески умаляет его роль в истории, утверждая, что тот по «слабости» души, влекомый только личными выгодами, согласился на уговоры давнего приятеля. Как законопослушный верноподданный и искренний приверженец самодержавия вообще и дома Романовых в частности, Р. Зотов не может допустить ни прощения, ни забвения государственного преступника. «...Мазепа двадцать лет был непрерывно им [Петром] благодетельствован, и его предательство гнусно, постыдно! В успехе и неудаче имя его равно заслужит *вечное* проклятие!», – восклицает один из героев романа [6, с. 289].

Ф. Булгарин решает совсем иные художественные задачи. Его «Мазепа» был ответом на политический заказ, сделанный после подавления очередного

польского мятежа 1830–1831 гг. Уже в предисловии к роману писатель дистанцировался и от Пушкина, и от Байрона указанием, что он, Булгарин, поставил целью раскрыть именно «политический характер» своего героя. Он оказался на другом полюсе российского общественно-политического спектра и сотворил принципиально иной образ Мазепы. Писатель традиционно изображает Мазепу как властолюбца и изменника, но при этом пытается «реабилитировать» своего героя в глазах читателей: мотивирует предательство Мазепы страхом ликвидации автономии Малороссии, при этом всячески подчеркивает, что уровень просвещения и культуры в Польше того времени гораздо выше, чем в Украине и тем более в России. Изображая Мазепу как готического злодея, писатель не отказывает своему герою в покаянии и прощении. Подоспевший вовремя монах исповедует умирающего и читает над ним отходную молитву. Перед смертью Мазепа произносит слова «Родина моя!.. Сын мой... Иду к тебе!..» [2, с. 634]. Ф. Булгарин утверждает, что вопреки человеческому мнению, грехи раскаявшегося грешника не могут превзойти меру благодати Господней, и Мазепа как блудный сын возвращается в свою единственную Отчизну. Это, конечно, было отступление от российской официальной точки зрения. Ср. у И.И. Голикова: «...он примет от своей руки яд, и преступническую душу свою из временного переселит в вечное мучение» [5, с. 84].

Д. Мордовцев, щедро поддерживая романную интригу документами, предлагает свой вариант, полностью разрушает традиционный миф о Мазепе, радикально пересмотрев все исходные мотивы. Как и в повести Аладьина, у Мордовцева Мазепа не просто мелкий интриган, уничтожающий Дорошенко и Кочубея ради получения гетманской булавы, а потом предающий Петра ради воображаемой «династии». Как справедливо отметил А.Ю. Сорочан [9, с. 164], гетман, подобно Петру, является наследником определенной культурной традиции. Мазепа в романе предстает не столько абсолютным злодеем, сколько искусителем, обреченным на конечное поражение. Да, он добивается любви Кочубеевны, но и ему любовь не принесет счастья. Писатель изображает, как Мазепа временно перерождается благодаря своей любви к Мотреньке: «...Мазепа чувствовал глубоко, что он сам переродился с этой привязанностью, – в нем проснулась неведомая для него сила – доброта... Ему в первый раз стало жаль погубленных им жертв – Самойловича, Палия и легиона других, забытых им. В сердце его в первый раз шевельнулась холодная змея – совесть, стыд за прошлое, чувство брезгливости своих собственных мерзких дел, которые до этой роковой минуты не казались ему гадкими» [7, с. 469]. Гетман бережно и осторожно относится к полудетскому, неуправляемому чувству физически рано созревшего ребенка, стараясь предотвратить неосторожные шаги избалованной девочки. Убежавшую к нему Мотрю он возвращает родителям. Полемизируя с А. Пушкиным, Д. Мордовцев отмечает, что Мотря все же пережила гибель отца, догнала Мазепу, бежавшего со шведами, и уехала с ним в туретчину, приняв его последний вздох. В отличие от Ф. Булгарина, автор романа не изображает раскаяния гетмана, он практически не появляется на страницах романа после предательства Петра, так как в трактовке Д. Мордовцева даже особого осуждения не достоин – Украина «отрелась от него», а помнить будет именно Палея, да еще безвинную Мотрю Кочубеевну [7, с. 201, 242, 244]. «Конфликт Петр – Мазепа решен в пользу русского царя не потому, что Петр – создатель, а Мазепа – политический авантюрист и Иуда, а потому, что Петр, хоть и деспот, самодур, пьянчуга, но

все же свой, российский царь, а эlegantный, политичный, хорошо воспитанный Мазепа – чужой, "ляхетский выродок"» [9, с. 164].

Таким образом, обращение писателя к исторической проблематике во все времена требует активной нравственной позиции. Независимо от своей воли автор вынужден принимать участие в процессе формирования на основе изучения прошлого ценностей своего времени. Функционируя в определенной культурной среде, историческая романистика предполагает четко выявленный модус восприятия, зависящий от авторской аксиологической установки. Тем не менее, поднимая проблемы вины/прощения и памяти/забвения в истории, писатель все-таки должен исходить из парадигмы «вечных» истин. В этом заключается один из способов существования исторического знания: постоянная переоценка старого с позиций нового, согласие и конфликт характеров, личностных пристрастий, политических взглядов.

Список литературы

1. Аладын Е. В. Кочубей / Е. В. Аладын // Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века. – М., 1989. – С. 34–61.
2. Булгарин Ф. В. Сочинения / Ф. В. Булгарин. – М., 1990. – 704 с.
3. Вацуро В. Э. Готический роман в России / В. Э. Вацуро. – М., 2002. – 542 с.
4. Дементьева Н. Г. Мифологема Мазепы в западноевропейской литературе : дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Дементьева. – СПб., 2003. – 212 с.
5. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. / И. И. Голиков. – М., 1838. – Т. 4. – 640 с.
6. Зотов Р. М. Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I / Р. М. Зотов // Собрание сочинений : в 5 т. – М., 1996. – Т. 1. – С. 13–311.
7. Мордовцев Д. Л. Царь и гетман: Романы / Д. Л. Мордовцев – М., 1994. – 572 с.
8. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 29 т. / С. М. Соловьев. – М., 1865. – Т. 15. – 428 с.
9. Сорочан А. Ю. «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX века. Д. Л. Мордовцев / А. Ю. Сорочан. – Тверь, 2007. – 224 с.

ГЕРЦЕНОВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

И.Ж. Сарсенова

В статье на материале романа «Кто виноват?» и повести «Доктор Крупов» рассматривается представление А.И. Герцена о личности с позиций христианской аксиологии. Большое внимание уделяется мотивам гордости, темам христианской любви и страдания. Делается вывод о том, что на формирование мировоззрения писателя большое влияние оказала религиозная первооснова.

In this article on the material of the novel "Who is to blame?" and story "Dr. Krupov" we described A.I. Herzen's presentation about personality from the standpoint of Christian axiology. Much attention is paid to motives of pride, matters of Christian love and suffering. It is concluded that religious basis had an important influence on the formation of the writer's worldview.

Ключевые слова: личность, аксиология, вечные ценности, бездуховное существование, смысл жизни, горний и дольний мир, высший идеал.

Key words: personality, axiology, eternal values, earth-fed existence, the meaning of life, world "gorniy" and "dolnii", the highest ideal.

В общественном сознании сегодня все большее распространение получает мысль о том, что любая национальная культура в своих истоках религиозна и ее уникальность во многом обусловлена влиянием религии, являющейся основой мировоззрения, нравственности, системы ценностей и всего уклада жизни народа. Для русской культуры такую первооснову составляет христианство. Но современная история русской литературы в значительной степени основывается на наследии советского литературоведения с его атеистической идеологией. Такой подход не дает возможности адекватного научного прочтения литературного наследия. В частности, ограниченно-односторонней представлена личность А.И. Герцена во многих исследованиях советского времени по истории русской литературы XIX в. Мы постараемся рассмотреть литературное творчество мыслителя как составной элемент единой аксиологической картины, основой которой является христианское представление о человеческой личности.

На материале романа «Кто виноват?» и повести «Доктор Крупов» рассмотрим этико-философские взгляды писателя на личность, коррелирующие с христианскими воззрениями.

Религиозность – одна из главных черт, присущих герценовским героям. Например, чтобы показать религиозность родителей Дмитрия Круциферского из романа «Кто виноват?», писатель использует сюжет из Евангелия: «...Маргарита Карловна сюрпризом мужу, ко дню Иакова, брата господня, ночью обила старый диван и креслы ситцем <...>; на диване Авраам три раза изгонял Агарь с Измаилом на пол, а Сарра грозилась...» [2, с. 27].

В своих произведениях для более точной характеристики людей или оценки ситуации А.И. Герцен и его персонажи проводят параллель с библейскими героями. Так, убежавшего от Негровой Дмитрия писатель именует Иосифом («Глафира Львовна, не понимая хорошенько бегства своего Иосифа...» [2, с. 51]), по имени персонажа библейской легенды, преследуемого любовью жены своего хозяина. В восприятии Владимира все жители города NN сливаются в одно «фантастическое лицо», которое получает имя библейского героя: «Бельтов увидел, что ему не совладать с этим Голиафом» [2, с. 112]. Марья Степановна называет доктора Крупова «Иудой искаротским» [2, с. 139], а Семен Иванович уподобляет себя другому евангельскому персонажу: «Я... проповедовал, как Иоанн в пустыне; никто меня не слушал» [2, с. 191]. Учитель NN-ской гимназии, оценивая ситуацию любовного треугольника «чета Круциферских – Бельтов», сравнивает Круциферского с первым жителем рая: «Это старый шток... и если Адам не носил рок, то это от того, что он бил одна мушина в Эден» [2, с. 184].

В рамках анализа концепции личности у А.И. Герцена с позиций христианских традиций целесообразно рассмотреть следующие аспекты, получившие наиболее полное воплощение в художественной системе произведений писателя: мотивы гордости, христианской любви, страдания.

В первой половине XIX в. художественная литература призвана была передать усложнившуюся психологию человека и изменившийся характер его взаимоотношений с окружающим миром. Становление отечественной прозы было неразрывно связано с утверждением национального самобытного взгляда на изменившуюся действительность. Значительную роль в этом сыграла система этических принципов, базирующаяся на христианских ценностях. Поэтому идейным центром многих произведений русской литературы становится проблема гордости.

Кроме «адамова наследства», человек носит на себе еще и «каинovu печать». В христианском сознании гордость – главный смертный грех, поэтому целью всей земной жизни человека должно быть стремление к избавлению от нее. Основными проявлениями гордости являются, прежде всего, тщеславие, самолюбие и честолюбие, толкающие на поиск путей к возвышению над другими, а также зависть и жажда мести.

В повести «Доктор Крупов» показана гордыня простых людей. Сенька осуждает «богопротивное людей обращение с глупорожденным» Левкой. Рассказчик с прискорбием подчеркивает, что, «унижая его», «добрые люди» растут «в своих собственных глазах». Даже отец Сеньки, «от природы вовсе не злой человек», обращается с Левкой не иначе, «как унижая его и возвышая себя» [2, с. 282]. Окружающие люди «считают себя вправе презирать, гнать это существо, тихое, доброе, никому никогда не сделавшее вреда» [2, с. 283].

В романе «Кто виноват?» широкое освещение получает тема гордости состоятельных людей. Супруги Негровы тщеславны. Свое жизненное кредо Алексей Абрамович формулирует так: «Люблю наказывать, люблю и жаловать». Рожденная крестьянкой, Люба для отца – неодушевленный предмет: «Что она такое, чтоб обижаться?». Генерал часто повторяет, что Любонька «всю жизнь обязана Бога молить за его жену» и «без нее она была бы не барышней, а горничной» [2, с. 40]. «Пречувствительная» Глафира Львовна очень грубо обращается с крестьянскими детьми и надменно говорит: «С ними нельзя обходиться по-человечески» [2, с. 45]. Негрова, узнав о серьезных чувствах Дмитрия к Любе, называет ее «хамово поколение», напоминая супругу, что «от такого рождения всегда бывают такие плоды» [2 с. 53]. Повествователь обращает внимание на «гордую и величественную мину» генеральши, именно «мину», а не лицо [2, с. 59]. Чета Негровых воплощает в себе психологический тип, в основе которого лежит гипертрофированное самолюбие как проявление непомерной гордыни. Необходимо подчеркнуть, что Негровы не единственные материально обеспеченные персонажи романа, которые отличаются гордыней. В ценностях, исповедуемых указанными персонажами, полностью отсутствует высшее измерение, согласно которому главная оценка всего происходящего должна производиться «с точки зрения вечности» [2, с. 41]. Как видим, в рассматриваемых произведениях отражается жизнь мира, в котором правит гордыня.

Гордость, согласно христианской антропологии, есть явное проявление глубокого искажения человеческой природы, наступившего вследствие первородного греха. Глубокое и тонкое проникновение во внутренний мир героев позволяет писателю выявить двойственность человеческой природы, совмещающей в себе светлое и темное начала. В какие-то моменты жизни и положительные персонажи подвержены этому пороку. Любовь Александровна замечает проявление гордыни у Владимира в момент, когда он добивается от нее словесного признания в глубоком чувстве к нему: «этот гордый человек» хочет от нее «слова», «торжества» [2, с. 164]. И Дмитрий поддается влиянию этого порока, когда догадывается, что Люба полюбила Бельтова: «...Вдруг в его душе, мягкой и нежной, открылась страшная возможность злобы, ненависти, зависти и потребность отомстить» [2, с. 178]. Но все же в мировосприятии Дмитрия писатель воплощает оппозицию «гордость – смирение», так как мимолетная черная мысль покидает его. Ветхозаветное стремление к мести сменяется в его душе новозаветным состоянием прощения, «безумный

ревнивец, карающий муж» решается самоотверженно молчать: «Пусть она будет счастлива» [2, с. 178].

Таким образом, в прозе А.И. Герцена тема гордости занимает чрезвычайно важное место, реализуясь в самых разных вариантах.

Основополагающим понятием в христианской иерархии нравственных ценностей является любовь, поскольку, по евангельским представлениям, именно ею сотворен мир. На протяжении длительной истории человечества в его сознании многократно менялись представления об идеальной человеческой личности. Вечным образцом совершенства, высшим идеалом в христианской картине мира является Спаситель. Он перевернул представление об истине, оставил людям заповеди любви, милосердия и сострадания. Явление Иисуса Христа в мир дало возможность каждому человеку обрести самый важный смысл земной жизни – духовный, который заключается в «домостроительстве» собственной души. Проблема идеала в русской литературе первой половины XIX в. является одной из центральных и связана с художественным воплощением христианских ценностных установок.

Яркий образ человека, заключающего в своей душе христианский идеал, мы встречаем в повести «Доктор Крупов». С самого раннего детства жизнь рассказчика проходит рядом с юродивым сыном пономаря Левкой, близкое общение с которым заставляет Сеньку задуматься о ее смысле, об истинных и ложных ценностях, о дольном и горнем мирах. Пономарев сын – ребенок необыкновенный: шести лет он «плавает, как рыба», залезает на самые большие деревья, чувствует себя в лесу «как дома»... [2, с. 279]. Как вспоминает рассказчик, вид Левки до обучения грамоте выражает «детскую кротость и детскую беззаботность» [2, с. 280]. Левка спасает жизнь щенку, которого пытается утопить крестьянский мальчик [2, с. 280].

«Безграничная преданность» [2, с. 281], «нечеловеческая привязанность» [2, с. 285] пономарева сына очень трогают Сеньку. По какому-то внутреннему чувству родства Сенька «ужасно привязывается к товарищу» [2, с. 279], за что слышит оскорбления отца: «Не один, видно, пономарь посещен Богом» [2, с. 285].

Сюжетная организация повести имеет в своей основе ситуацию прозрения. Случайно встретив в лесу спящего Левку, рассказчик поражается, как «кротко» [2, с. 282] спит друг, какой «мир душевный» выражают его черты [2, с. 283]. Новые мысли неожиданно возникают у Сеньки: жизнь других людей, в том числе здешнего помещика, проходящая «в большей пустоте», чем сына пономаря, – «пошлый обряд, тупое одно и то же, ни к чему не ведущее». А Левка «вживается в природу, <...> понимает ее красоты по-своему» [2, с. 284]. Таким образом, Сенька приходит к выводу о бессмысленности существования подавляющего большинства людей.

Отношение «косого Левки» [2, с. 279] к людям, животным, природе, по-детски чистое и совершенно бескорыстное, напоминает о той истинной любви, гимн которой был сложен первым богословом Церкви апостолом Павлом: «Любовь <...> все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13: 4–7). «Прикасаясь к зримой природной красоте, растворяясь в ней, герой обращается к мысли о ее сотворенности, дарованности. Размышления о сущем и сверхсущем ведут, в конечном итоге, к познанию Творца» [3, с. 114].

В романе «Кто виноват?» ясными и незамутненными христианскими установками определяется мировосприятие и образ жизни женева Жозефа – «с

строгим благочестием в лице» [2, с. 83], с «девственным взглядом» на мир [2, с. 84], с «бесконечной нежностью» [2, с. 90]. Он проповедует своему воспитаннику идеи Христа: «Одна любовь к ближнему <...> должна быть целью. Если любовь иссякнет в душе твоей, ты ничего не сделаешь <...>; только любовь созидаст прочное и живое, а гордость бесплодна, потому что ей ничего не нужно вне себя...» [2, с. 92]. Камердинер Григорий с умилением говорит о Жозефе: «Перед деревенским мальчишкой, который поклонится, приказывает Владимиру Петровичу картузик снять; такой же-де образ и подобие божие есть» [2, с. 143].

Некоторая психологическая «элементарность» внутреннего мира женева является своеобразным следствием того детского начала, которое составляет в нем ядро личности: «Холодный мечтатель неисправим: он останется на веки веков ребенком» [2, с. 84]. А «простота» его напоминает о той самой истине, которой обладают дети и о которой сказано в Евангелии, что Бог «утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11: 25). Следовательно, в жизни Жозефа реализуется идея христианской любви.

Таким образом, рассмотренные герои исповедуют человеколюбие как главный принцип своей жизни, что согласуется с христианским учением.

Для русской классики одним из ведущих является мотив страдания, который традиционно входит в область философии художественного творчества и ярко проявляется в его практике на всем протяжении тысячелетнего пути русского литературного процесса. Любому герою произведений русской литературы, живущему или пребывающему, хочет он того или не хочет, в атмосфере национальной жизни, страдание все равно свойственно. В «Записках одного молодого человека» говорится: «...Кто человечески страдал с каждым страданьем, <...> тот совершил кое-что» [2, с. 200]. Общий христианский взгляд на мир и человека в прозе А.И. Герцена преломляется, в частности, и через мотив страдания. Такая направленность в рамках христианских воззрений приводит к обретению смысла и цели жизни человека: «...многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14: 22).

Страдает Левка из повести «Доктор Крупов». «С точки зрения вечности» [2, с. 41], он ребенок «необыкновенный», но с позиций мира дольного он «чрезвычайно непонятлив, рассеян, даже туп» [2, с. 279]. Поэтому в семье им «гнушаются», он подвергается «безжалостному обращению» [2, с. 280] со стороны отца, который не кормит его «дня по два», сечет так, что «недели две рубцы видны» [2, с. 279]. В результате взгляд Левки выражает «дикость запуганного зверя» [2, с. 280].

Судьба Левки напоминает агиографию: он «весь в лохмотьях», «пропадает целые дни, приходит домой греться или укрываться от непогоды, иногда бормочет про себя разные неясные слова» [2, с. 280]. Он гоним толпой: крестьянские мальчишки «пускают камень» в него, мужики «делают ему всякого рода обиды и оскорбления» [2, с. 281]. Взрослые мужики помнят старую истину о том, что «юродивый – божий человек» [2, с. 281], но из их уст это звучит кощунственно. Лишь немногие понимают, любят и сочувствуют Левке: один только друг обходится «с ним ласково» и одни собаки – «почеловечески», да сельские женщины подают ему «лепешки, квасу и браги» и говорят «иногда приветливое слово» [2, с. 281].

В романе «Кто виноват?» человеческая природа наиболее полно раскрывается в страдании участников «любовного треугольника». Рушится счастье семьи Круциферских. «Безвыходное горе» разъедает [2, с. 187] Дмитрия, когда он понимает, что жена питает глубокие чувства к Бельтову. Люба видит,

как «глубокое страдание выражается на сонном лице» [2, с. 174] супруга, что «он очень страдает» и «его грусть принимает вид безвыходного отчаяния» [2, с. 175]. Даже Бельтов замечает «немое безвыходное отчаяние» Круциферского [2, с. 191]. В итоге Дмитрий, «задавленный горем, *молится богу* и пьет» [2, с. 196] (курсив А.И. Герцена).

«Какая-то пропасть раскрывается под ногами» Любви Александровны [2, с. 173]. Она болезненно воспринимает сплетни: «Зачем люди... придают какой-то иной характер нашей симпатии, портят ее?» [2, с. 174]. Люба обвиняет себя в страданиях мужа: «А мне-то видеть его страдания и знать, что причиною всего я!» [2, с. 175]. Ситуацию усугубляет осознание Круциферской своей невинности: «Моя совесть чиста» [2, с. 173]. Ее внутреннюю чистоту символизирует белая одежда: «белое платье» [2, с. 44, 49, 54] и «белый бурнус» [2, с. 160, 192]. Символика белого цвета неслучайна, так как он олицетворяет «чистоту, целомудрие, свет, <...> невинность, правду» [4, с. 16]. Судьба Любви Александровны драматична, и в конце романа она предстает «потухающею, ненадежною» [2, с. 196].

Итак, именно страдание, считает писатель, определяет содержание земного существования героев, поскольку «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Петр 2: 21). Если люди – «Христова облика суть», значит, страдание – чувство, характеризующее истинную личность.

В русской литературе первой половины XIX в. развитие психологического анализа способствовало глубокому проникновению во внутренний мир героев, в изображении которого явственно прослеживаются принципы христианской антропологии. Общей основой мировосприятия русских писателей рассматриваемой эпохи является четкое проявление единой аксиологической системы, в основе которой лежит представление о высшем нравственном законе. «Значительная часть религиозных размышлений таит в себе внутренний конфликт, потому что доказывание истинности положений подразумевает неуверенность, временную потерю связи с Создателем. Воссоздается восхождение личности из плотски-душевной сферы к духовности» [3, с. 111].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Концепция личности в прозе А.И. Герцена в основных чертах определяется традиционными ценностями христианства, которые составляют доминанту художественного мышления. В художественном мире писателя герои рассматриваются через этическую призму. Четко обозначена полярность горнего и дольного миров, выражающих противоположность двух аксиологических систем.

Наиболее полное воплощение в художественной картине мира писателя получили следующие аспекты христианской концепции мира: гордость, христианская любовь, страдание.

Тема гордости занимает чрезвычайно важное место в прозе А.И. Герцена, реализуясь в различных вариантах. Негативную авторскую оценку получают действующие лица, которые в полной мере исповедуют принципы гордыни и вседозволенности. Причем греховны не только богатые персонажи – супруги Негровы, но и простые люди, в частности, односельчане юродивого Левки. В характерах некоторых положительных персонажей при определенных обстоятельствах обнаруживаются низкие черты, как у Бельтова или Круциферского. Тем самым писатель подтверждает представления о двойственности челове-

ской природы, совмещающей светлое и темное начала. Но главным критерием для писателя все-таки является наличие в душе героев четкой этической границы.

Смысл жизни как создание себя и мира – это критерий христианской культуры, с которой, на наш взгляд, тесно связаны идеи философии А.И. Герцена. В свете важнейших положений христианского учения о человеческом бессмертии писатель много размышляет на эту тему и приходит к выводу, что жизнь значительного числа его героев бессмысленна.

Представления А.И. Герцена об идеальной христианской личности воплощены в образах Левки и Жозефа. В судьбах этих героев, которые оцениваются взглядом из Вечности, провозглашается истинный смысл жизни человека – духовный.

Многогранное художественное творчество А.И. Герцена развивается на фоне христианских традиций русской литературы первой половины XIX в. Ценность рассуждений А.И. Герцена о проблемах духовной свободы, любви, смысле жизни важна, но в отрыве от христианских идей неполноценна.

Таким образом, в произведениях А.И. Герцена личность всегда находится в системе незыблемых нравственных ценностей, которые являются для писателя неизменным эталоном и имеют в своей основе христианскую аксиологию. Поэтому в герценоведении наиболее обоснованной, на наш взгляд, является позиция, учитывающая христианское понимание личности и ее предназначение. «Религиозность» писателя проявляется опосредованно, то есть в том, что он смотрит на жизненные события, характеры и стремления людей в контексте христианских традиций. В целом же для А.И. Герцена характерно идеалистическое воплощение мировоззренческих принципов.

Список литературы

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издание Московской Патриархии, 1983. – 1372 с.
2. Герцен А. И. Сочинения : в 4 т. / А. И. Герцен. – М. : Правда, 1988. – Т. 4. – 464 с.
3. Завьялова Е. Е. Жанровые модификации в русской лирике 1880–1890-х годов / Е. Е. Завьялова. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2006. – 350 с.
4. Романова Н. Н. Знаки прошлого и настоящего: Краткий словарь / Н. Н. Романова. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 280 с.

ПОЭМА КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Л.В. Спесивцева

В статье исследуется актуальная на современном этапе проблема жанра поэмы, рассматриваются дефиниции жанра, прослеживаются этапы его трансформации, определяется степень изученности в литературоведческой науке.

In this paper the actual problem at the present stage of the genre of the poem, consider a definition of the genre, traced the stages of its transformation, the degree of knowledge in literary scholarship.

Ключевые слова: поэма, жанр, типология, трансформация, направление.
Key words: poem, genre, typology, transformation, direction.

Своеобразие исторической дефиниции «жанр» обусловлено авторским восприятием человеческой личности в ее неразрывной связи с окружающим реальным миром и той эпохой, в которую он живет. Литература, как и другие

виды искусства, развивается в соответствии с историческим временем в определенных, строго обусловленных формах, являющихся всегда формами выражения поэтического сознания, эволюция и смена которых – важнейшие показатели развития словесного творчества, трансформации его различных жанров. Объективные исторические процессы естественно влияют на закономерности в развитии жанра и отражаются в нем. Создавая свое творение, каждый художник слова так или иначе испытывает влияние той обстановки, с которой он сосуществует. Это находит отражение в поступках героя и в его характере, всегда историческом, отражающем среду и эпоху, и существование его вне жанра, вне творческого метода художника объективно невозможно. Поэтому любой жанр так же обусловлен, как и личность художника во всем многообразии ее проявлений.

Одной из актуальнейших проблем современного литературоведения остается проблема определения жанровых признаков поэмы, двойственный характер родовой принадлежности которой затрудняет изучение ее разновидностей. Соединение в поэме эпического и лирического начал всегда происходило с доминантой эпического. Трансформация поэмого жанра представляет собой перекодирование эпических элементов структуры в лирические элементы, и наоборот. В определенных условиях, как правило, в переломные моменты исторического развития эпохи, происходит сближение литературных родов, что влечет за собой взаимопроникновение различных элементов эпоса, лирики и драмы. Так, привнесение в поэму элементов драматургии, формирование поэмы драматической, происходило в условиях сближения литературных родов, когда содержание драматических жанров (особенности сюжета, конфликта, характеров) пересекалось с содержанием жанров лиро-эпических, в том числе поэмы.

Способность синтезировать различные родовые свойства, обращенность к проблемам современной действительности свидетельствуют о сближении поэмы XIX в. с романом и повестью и в то же время демонстрируют главное ее отличие. Несмотря на взаимопроникновение в собственно эпическое начало лирического и драматического, роман достаточно сложно вывести за границы эпического рода, тогда как поэма находит себе место и в одном, и в другом литературном роду.

В русской поэзии конца XIX – начала XX в., как и в русской литературе начала XIX в., формируется новая жанровая парадигма, новый тип жанрового мышления, которые обуславливают подвижность жанровой структуры, способность синтезировать различные свойства других жанров, что и породило множество определений и разнообразие толкований термина «поэма». В процессе развития жанра усложняется его интерпретация.

Однако дефиниции жанра поэмы основываются на различных принципах.

Принцип сюжетной организации лежит в основе толкования термина «поэма» таких литературоведов, как Л.И. Тимофеев, Ф.М. Головенченко, В.И. Сорокин. «Поэма представляет собой по существу стихотворную повесть, реже – стихотворный рассказ, и в ней в основе лежит сюжет, данный в то же время в единстве с лирическим раскрытием материала поэмы» [15, с. 382]. Узость и неполнота данного определения очевидна, так как Л.И. Тимофеев не учитывает иные разновидности поэмы (лирико-монологическую, драматическую и др.). Отождествление поэмы только лишь со стихотворной повестью обедняет содержание термина. Позже в «Словаре литературоведческих терминов» ученый расширяет толкование термина: «Поэма – большая

форма лиро-эпического жанра, стихотворное произведение с сюжетно-повествовательной организацией, повесть или роман в стихах» [12, с. 286]. Однако отнесение к поэме повести или романа в стихах не является общепризнанным [5, с. 12].

Многие литературоведы в определении поэмы берут за основу лишь соотношение родовых признаков. А. Квятковский определяет поэму как «большое многочастное стихотворное произведение эпического или лирического характера» [7, с. 221]. Авторы монографии «Теория литературы в связи с проблемами эстетики» Н. Гуляев, А. Богданов, Л. Юдкевич называют поэму «лиро-эпическим произведением большого объема» [4, с. 325].

Третья группа ученых базируется в определении жанра поэмы только на стихотворной форме. А.Н. Соколов считает, что «поэмой называют или всякое повествовательное произведение в стихах, или определенный вид стихотворного повествования» [13, с. 11]. Г.Н. Пospelов называет поэмой «всякое большое стихотворно-повествовательное литературное произведение, в отличие от подобных же произведений в устном, песенном народном творчестве» [11, с. 162].

В «Краткой литературной энциклопедии» поэма определяется как «большое многочастное стихотворное произведение, принадлежащее отдельному автору» [9, с. 933].

М.Н. Зубков относит к поэмам «такие стихотворные произведения, в которых имеются драматические ситуации, конфликт, композиция которых связана с развитием сюжета, с раскрытием человеческих судеб, характеров» [6, с. 4].

Ни одно из приведенных определений не лишено оснований, каждое можно проиллюстрировать многочисленными примерами, однако ни одно из толкований не отражает адекватно суть термина. Границы жанровых признаков поэмы достаточно размыты и раздвинуты настолько широко, что практически невозможно отличить поэму от лирического стихотворного цикла, сказа, повести, романа или драмы в стихах.

Исследователи жанра поэмы пытаются в дефиниции уравнивать по значимости лирический и эпический элементы, не умаляя роли ни того, ни другого, что приводит к некой терминологической двусмысленности. В.П. Киканс утверждает, что «...будучи в первооснове (в структуре) эпической, поэма в целом, как жанр, является лирической» [8, с. 66].

Попытка вывести поэму за границы известных трех литературных родов определили ей место обособленного рода – лиро-эпического (Г.Н. Пospelов, Л.И. Тимофеев, Н.А. Гуляев, А.Н. Богданов). Эпический масштаб поэмы, эпический способ изображения совмещается практически всегда с лирическими отступлениями, лирической оценкой, и тогда речь должна идти не о новых родовых свойствах, а о сочетании эпоса и лирики.

Отсутствие определенных характерных свойств, отделяющих лиро-эпический род от эпического и лирического, свидетельствует о таком межродовом взаимодействии, результаты которого реализуются конкретным жанром (поэмой) или его формами (эпическая поэма, лирическая поэма). В поле подобных взаимодействий лирики и драмы оказываются драматическая поэма и лирическая драма. Учитывая межродовую природу поэмы и динамику ее жанровых трансформаций, можно сказать, что проблема определения признаков жанра разрешима при условии его исторического изучения (Е.В. Титова). Одним из способов решения проблемы является выявление типологических черт жанра на определенном историческом этапе его развития (на-

пример, поэма классическая, романтическая, реалистическая и т.д.) с учетом смещения жанровых признаков и родовой доминанты в рамках единой жанровой системы.

Строгая жанровая иерархия эпохи классицизма не препятствовала развитию комической поэмы, поэмы «наизнанку», которую А.Н. Соколов предложил считать отдельным жанром, а не разновидностью поэмы, подчеркивая, что «соотношение между героической и комической поэмой во многом аналогично соотношению между трагедией и комедией» [13, с. 12].

Особыми структурными признаками обладает и дидактическая поэма, в которой эпическое начало скрыто или заменено рассуждением о предмете. В связи с этим А.Н. Соколов говорит об условности термина «поэма» в данном случае и не относит ее к эпическому роду [13, с. 23].

Ю. Стенник отмечает, что в эпоху классицизма местоположение жанра определялось не родовой принадлежностью, а степенью «приближения к некой идеальной норме прекрасного» [14, с. 191]: чем ближе жанр к этой норме, тем он выше, и наоборот. Поэтому в одной жанровой группе оказываются не трагедия, комедия, драма, а трагедия, героическая поэма, ода. Отсюда и направленность жанровых движений – взаимодействие жанров одного ряда. Фундаментом для формирования эпической поэмы классицизма стало количественное и качественное развитие лирических (ода, песня, эпистола) и драматических (трагедия) жанров. Именно поэтому доминирующее эпическое начало взаимодействует с такими признаками, как единство действия, драматический пафос повествования, диалогизованность, лирические отступления (например, «Петр Великий» М. Ломоносова, «Россияда» М. Хераскова).

Все вышесказанное свидетельствует о подвижности жанровой системы классицизма, о внутренних жанровых взаимодействиях, отличающихся, однако, строгостью, «законностью» этих взаимопроникновений.

В период сентиментализма поэма уступает место такой жанровой форме, как стихотворная или прозаическая повесть, в которой в отличие от поэмы допускалось изображение частной жизни, частных переживаний и которая характеризовалась композиционным лаконизмом. В начале XIX в. исторические по содержанию эпические поэмы А.Ф. Воейкова, С. Глинки отличались от, например, «Россияды» М. Хераскова малой формой, небольшим объемом, что свидетельствовало о таком жанровом «приобретении», как композиционный лаконизм. И хотя жанр сентиментальной поэмы не сложился в русской литературе, новое качество – композиционный лаконизм – наряду с подобными изменениями других жанров подготовило почву для перестройки жанровой системы в период романтизма.

Регулирующим принципом отношений между жанрами в эпоху романтизма выступает не содержательная, а стилевая норма, что делает жанровую систему более подвижной. Так, идея двоемирия воплощается практически вне зависимости от темы, социального статуса героя, особенностей сюжетостроения. Общность стилеобразующих элементов способствует проникновению в литературу в качестве источников фольклорных жанров. Теоретические представления о конкретном жанре и жанровой практике подвергаются значительным изменениям: драма как вершинное произведение русского романтизма уступает место поэме, которая заняла высшую ступень в творчестве русских романтиков. В самом понимании поэмы также проявились черты традиции и новаторства. С одной стороны, поэма продолжает мыслиться как высокий жанр, с другой стороны, трансформация жанрового канона приводит

к отказу от поэмы-эпопеи, к ослаблению эпического и к усилению его синтеза с лирическим и драматическим началами. Это явление дало основание В.Г. Белинскому определить романтическую (лирическую) поэму как «эпопею нашего времени, эпопею смешанную, проникнутую насквозь и лиризмом, и драматизмом и нередко занимающую у них и формы. В ней событие не заслоняет человека, хотя само по себе может иметь свой интерес» [2, с. 256].

Подвижность, изменчивость жанровой структуры поэмы проявляются в ее открытости к быстрому усвоению новых элементов и в том, как легко она уступает дорогу близким эпическим жанрам.

В реализме XIX в. функционирование и модификация жанра поэмы также непосредственно связаны с литературным направлением, местом жанра в общей жанровой иерархии, влиянием доминирующего жанра на периферийный жанр. Поэма и оттесняется прозой, и испытывает ее влияние, идя на «компромисс» с прозаическими жанрами, усваивая публицистическую и сатирическую их направленность, социальную тематику и проблематику. Особым жанром в эпоху реализма поэму делало единство героического или философского содержания и динамической структуры. Несмотря на то что основные позиции в литературе реализма занимают прозаические жанры (роман, повесть, рассказ, очерк), поэма «не исчезает из русской литературы. Эпическую поэзию огромного значения в период господства прозаических повествовательных жанров создает Н.А. Некрасов. Но не случайно поэзия второй половины XIX в. развивается преимущественно в форме лирики. Повествовательные жанры поэзии как-то теряются среди обилия жанров прозаического повествования. Особенно заметно это в отношении поэмы в собственном смысле слова» [13, с. 14–15].

Рассмотрение модификации жанра поэмы в русской литературе XVIII–XIX вв. свидетельствует о том, что история его развития представляет собой процесс трансформации устойчивых и неустойчивых жанровых особенностей, исчезновение одних и появление других, связанных с особенностями исторической эпохи и тем литературным направлением, в русле которого происходит жанровая перестройка. При этом нужно учитывать, что единого принципа, по которому осуществляются эти изменения, нет: по отношению к конкретной жанровой системе этот принцип также конкретен.

С точки зрения типологии исследования поэма, как и любой другой жанр, представляет собой единый комплекс, организующий композицию, сюжет, тему, стиль и эстетическое отношение к действительности, которое можно назвать ее жанровым ядром. Поэма всегда предстает как некая художественная модель, выявляющая идеальные моменты действительности. «Поэма – явление эстетически прекрасное. Высоко художественная поэма – всегда некое откровение для читателя. Она способна его покорить, очаровать своей прелестью, вызвать ощущение окрыленности, приподнятости, праздничности» [5, с. 15]. Закономерен в этой связи тот факт, что активным развитием поэмы сопровождалась периоды, когда соответствие между литературным методом, направлением и жанровым ядром поэмы было наибольшим.

Плодотворным и самым успешным в настоящий момент является исследование поэмы с точки зрения литературного направления и метода. Представление о жанре поэмы значительно обогатилось благодаря научным трудам таких исследователей, как Ю.В. Манн, Е.А. Маймин, А.Н. Соколов, В.В. Жирмунский, И.Г. Неупокоева (поэма классицизма и романтизма), М.Н. Зубков (реалистическая поэма 40–60-х гг. XIX в.), Л.К. Долгополов (по-

эма конца XIX – начала XX в.), В.В. Базанов, А.Т. Васильковский, А.С. Карпов, М.М. Числов, А.Г. Жаков, П.М. Попов, А.М. Микешин, Г.Г. Глинин (поэма XX в.), которые наметили пути исследования поэмы, однако не все избежали подмены жанрового анализа описанием литературного метода и приема. Данные с точки зрения литературного направления характеристики поэмы оказываются недостаточными. На это указывал М.М. Бахтин, полагавший, что словами «романтическая поэма» еще не все сказано, поскольку «ведущими героями литературного процесса являются прежде всего жанры, а направления и школы – героями только второго и третьего порядка» [1, с. 396].

Проблему создает и смешение принципов типологического исследования при выявлении разновидностей поэмы отдельного исторического литературного периода. Это смешение приводит к описанию различных сторон жанровой специфики. При анализе разных типов поэмы (поэма-повесть, историческая поэма, революционно-героическая поэма, реалистическая народная поэма) учитываются параллельно «тяготение» поэмы к прозаическому жанру, характер содержания и темы, пафос поэмы, особенности литературного направления.

А.Т. Васильковский, избегая смешения типологических принципов, в своей классификации выделил две пересекающиеся линии: по «специфике конкретного содержания и одновременно по своеобразию той жанровой формы, в которой оно рождается и проявляется» [3, с. 47]. Однако характеристика содержания на уровне межродового и межжанрового взаимодействия (выделение таких типов поэмы, как повествовательная, лирическая и контаминативная) представлена значительно уже, чем своеобразие жанровой формы, которое рассматривается достаточно широко: и на уровне стиля, и на уровне психологизма, и на уровне художественной обобщенности.

Некоторые исследователи (в частности, П.М. Попов в статье «Вопросы типологии современной советской поэмы») отмечают, что в изучении структуры современной поэмы основным критерием типологического анализа жанра является установление ее композиционной доминанты. Так как «расцвет» жанра поэмы находится «в теснейшей зависимости от степени активности общественных процессов», необходимо, по мнению П.М. Попова, учитывать такую важную составляющую, как концепция личности, которая определяет социологическое содержание поэмы. Обращаясь к поэме XIX в., исследователь ставит концепцию личности в прямую зависимость от литературного метода. Таким образом, трансформация жанра поэмы всецело подчиняется движению от одного направления (романтизма) к другому (реализму), что не соответствует типологии жанра.

В середине 1960-х гг. дискуссия о перспективах развития жанра [10] привела к тому, что исследователи выявили только один тип поэмы (лирическая или эпическая), в результате чего проблема типологического анализа оказалась вне поля зрения ученых. Основным содержанием поэмы должны были стать события эпохального исторического значения: «Закон поэмы <...> это рассказ о столкновении характеров, обусловленных исторической, социальной и политической атмосферой века. Коренное нарушение этого закона есть уход от поэмы» [10]. Таким образом, абсолютизировалась только содержательно-тематическая основа поэмы.

Избежать смешения типологических принципов возможно лишь при исследовании поэмы с точки зрения ее межродовых и межжанровых взаимодействий. Важно определить, что способствует сохранению одних жанровых

признаков и трансформации других, как отражаются в разновидности поэмы межжанровые взаимодействия. При этом необходимо учитывать исторически конкретную жанровую ситуацию, без которой невозможно выявить тенденции внутрижанрового изменения поэмы и объяснить, почему одни ее признаки в данный исторический период становятся жанрообразующими, другие оказываются на периферии, легко подвергаясь смещению, функциональному варьированию.

На разных этапах литературного процесса происходит смещение относительной устойчивости жанровой системы, которая характеризуется активной подвижностью и перестройкой, что проявляется и в межжанровом «тяготении» (романтическая поэма и романтическая драма в стихах), и во взаимодействии жанров, возникновении жанровых форм (элегическое послание, поэма-сказка, роман в письмах и т.д.). В рамках любой исторически сложившейся жанровой системы поэма, признаки которой реализуются в конкретном художественном произведении, проявляет себя и как «форма видения и осмысления определенных сторон мира» [1, с. 505], и как «форма движения литературного процесса» [14, с. 188].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М., 1986.
2. Белинский В. Г. Избранные эстетические работы : в 2 т. / В. Г. Белинский. – М. : Искусство, 1986. – Т. 1.
3. Васильковский А. Т. Жанровые разновидности русской советской поэмы 1917–1941: Опыт типологической характеристики / А. Т. Васильковский. – Киев, 1979.
4. Гуляев Н. Теория литературы в связи с проблемами эстетики / Н. Гуляев, А. Богданов, Л. Юдкевич. – М., 1970.
5. Жаков А. Г. Современная советская поэма / А. Г. Жаков. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1981.
6. Зубков М. Н. Русская поэма середины XIX в. / М. Н. Зубков. – М., 1967.
7. Квятковский А. Поэтический словарь / А. Квятковский. – М., 1966.
8. Киканс В. П. Современная советская поэма / В. П. Киканс. – Рига, 1982.
9. Краткая литературная энциклопедия. – М., 1968. – Т. 5.
10. Литературная газета. – 1965. – Июль, август, сентябрь.
11. Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы / Г. Н. Поспелов. – М., 1972.
12. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974.
13. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы конца XVIII – первой половины XIX века / А. Н. Соколов. – М., 1955.
14. Стенник Ю. В. Системы жанров в историко-литературном процессе / Ю. В. Стенник // Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения. – Л., 1974.
15. Тимофеев Л. Основы теории литературы / Л. Тимофеев. – М., 1971.

**КОНЦЕПЦИЯ «ПЛАСТИЧЕСКОГО ТЕАТРА»
КАК КОМПЛЕКС СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ УСЛОВНОСТИ В ПЬЕСАХ Т. УИЛЬЯМСА**

Н.А. Трубникова

В статье рассматривается концепция «пластического театра» как система способов выражения художественной условности в пьесах Теннесси Уильямса. Автор анализирует смысловое и композиционное значение в пьесах драматурга таких внесценических элементов, как экран, музыка, свет, мимика, жесты, пластика.

The article is devoted to the analysis of the “plastic theatre” conception as a system of means expressing artistic convention in Tennessee Williams’s plays. The author investigates the notional and compositional meaning of such out-of-stage elements as the screen, music, light, mimicry, gestures, plastique.

Ключевые слова: «пластический театр», экран, музыка, танец, освещение, мимика, пластика, пантомима, жесты, интонация.

Key words: “plastic theatre”, screen, music, dance, light, mimicry, plastique, pantomime, gestures, intonation.

Среди работ, посвященных изучению «пластического театра» Т. Уильямса в рамках обозначенной проблемы функционирования комплекса способов художественной условности, наибольший интерес представляют исследования Р. Крамера [6], М. Туровской [4, с. 24–32], Д.С. Лапенкова [2, с. 8–12] и А.А. Прониной [3, с. 19–20].

В статье ““The Sculptural Drama”: Tennessee Williams’s Plastic Theatre” («“Скульптурная драма”: пластический театр Теннесси Уильямса» (пер. с англ.) Р. Крамер проводит параллель между пластичностью пьес Уильямса и идеей художника Ганса Гофманна о пластическом пространстве в живописи: пространство не инертно, но живо, незанятое пространство произведения также имеет функциональное значение. По мнению Крамера, предпосылкой к возникновению пластического театра Уильямса также стали идеи, проповедуемые преподавателями университета штата Айова, где обучался драматург.

Исследование М. Туровской «В сторону Теннесси Уильямса» содержит продуктивные для анализа идеи об историчности театра Т. Уильямса, «отпадении» театра от традиционной системы ценностей, реализации драматургом новых истин в «антикварных формах», откровенности и жестокости пьес автора.

Д.С. Лапенков в работе «Драматургия Теннесси Уильямса 30–80-х гг.: Вопросы поэтики» выражает идею о том, что «пластический театр» Уильямса стал связующим элементом между американскими театральными традициями и классическими традициями, отраженными в пьесах А.П. Чехова, Б. Шоу и Б. Брехта. По мнению исследователя, произведениям Чехова, и Уильямса свойственно некое сочетание юмора и сострадания к героям. Уильямс также широко развил прием эпизода-воспоминания, используемого некогда Брехтом в его произведениях.

В работе «Поэтический театр Теннесси Уильямса» А.А. Пронина, анализируя роль экрана в пьесах Уильямса, упоминает, что данное средство призвано материализовать намеки, заключенные в тексте. Исследователь уделяет внимание взаимосвязи идеи «пластического театра» и теории Стефана Малларме, согласно которой в театральном действии слово, свет и музыка долж-

ны сочетаться в единое целое, выделяя образ в качестве основной единицы спектакля.

Т. Уильямс использует концепцию пластического театра, изложенную в предисловии к пьесе “The Glass Menagerie” («Стеклянный зверинец»), в качестве особого комплекса способов выражения художественной условности. Изначально заявлена свобода предлагаемого видения от принятых методов. Помещенный на сцену экран выделяет ключевые моменты пьесы, облегчая понимание идеи и проблематики произведения. Особую роль в пьесах Уильямса играют музыка и освещение. Различные музыкальные темы отражают внутреннее состояние героев и их чувства. Свет в пьесах выполняет функцию выделения наиболее значимых моментов и деталей, что также помогает зрителю в восприятии произведения. При этом значительную роль играют мимика, жесты, движения и пластика актеров, способные придать пьесам большую чувственность и эмоциональность.

Целью своего нового подхода Т. Уильямс определяет изображение «правды» путем трансформации внешнего облика вещей, что позволяет лишь «уловить существенные черты реальности», а не копировать действительность фотографически. По мнению драматурга, поэтическое воображение дает возможность переосмыслить «исчерпанные средства внешнего правдоподобия» и «обрести жизненность» театру как части нашей культуры [5, с. 118]. “The play of future would be a series of short cumulative scenes. Actors would perform on one simple set” (Пьесы будущего должны быть серией коротких общих сцен. Актеры будут играть в простых декорациях. – Allean Hale. Two Masters, One Play // The Notebook of Trigorin. Sewanee, Tennessee, 1997. PX.)

Для усиления яркости и глубины проникновения предлагается условная техника: “Amanda and Laura are seated at a drop-leaf table. Eating is indicated by gestures without food or utensils” (За раздвижным столом Аманда и Лаура. Они едят, это можно понять по жестам, хотя на столе нет ни пищи, ни посуды – Т. Williams. The Glass Menagerie), “Tom deliberately lays his imaginary fork down and his chair back from the table” (Том медленно кладет воображаемую вилку и отодвигается от стола – Т. Williams. The Glass Menagerie). Все это придает действию легкость и изящество, которые Теннесси Уильямс выделял в качестве основных эстетических критериев сценического воплощения своих произведений.

В подобной замене «застывших форм искусства некими живыми и угрожающими формами, благодаря которым смысл древней церемониальной магии может обрести новую реальность в сфере театра» [1, с. 39] видел возрождение западного театра французский режиссер и теоретик театра Антонен Арто. В своей монографии «Театр и его двойник» он подчеркивал, что «мир голоден, и культура мир не волнует» [1, с. 5]. Таким образом, целью нового театра Арто видел вычленение того, что «называется культурой, – те идеи, чья живая сила может быть приравнена к силе голода» [1, с. 37]. Арто с негодованием обрушивается на западный театр, который, по его мнению, рассматривает театр лишь в одном аспекте – как театр диалогический, в противовес восточному, «сумевшему сохранить в неприкосновенности саму идею театра» [1, с. 37]. В «пластическом театре» Т. Уильямса воплощена идея французского исследователя, утверждавшего, что сцену как конкретное физическое место, требующее заполнения, можно заставить говорить собственным конкретным языком. Средствами выражения данного языка являются пластика, музыка, танец, пантомима, мимика, жестикуляция, интонации, архитектура, освещение и сценическое оформление.

Цель нового подхода как способа выражения художественной условности состоит в возрождении собственно театрального в театре, для чего, по мнению обоих драматургов, необходима отвлеченность от реального, заслоняющего на сцене чувственное и эмоциональное.

В то же время Т. Уильямс прибегает к пластике не с целью отобразить в сценическом действе абстрактные идеи, как Арто, а с целью приблизить театр к зрителю. Тогда возможно увидеть на сцене эмоции персонажа, его мотивационную сферу через внелитературные формы, такие, как жест, поза, интонация, эффект воздействия которых усиливают музыка и освещение. Таким образом, Т. Уильямс стремится к упрощению зрительского восприятия, давая зрителю возможность охватить сценическое действие целиком, увидеть внутреннее, что является стержнем пьесы.

По мнению драматурга, реалистическая драма мертва. Свои пьесы Т. Уильямс определял как драмы психологического действия, адаптированные к восприятию современной публики, чтобы быть жизненными.

Комплекс способов выражения художественной условности в пьесах имеет цель передать театральную концепцию драматурга. Так, например, Т. Уильямс предлагает принципиально новый подход к построению сценического действия. В его концепции «пластического театра» внелитературные эффекты обретают первостепенное значение. Драматург помещает на сцену экран, на «который с помощью волшебного фонаря проецируются изображения и надписи». Экран призван акцентировать внимание на важных моментах пьесы, кроме того, он предлагает возможность быстрее «уловить» состояние героя, дает краткие и меткие характеристики персонажам.

Когда в начале пьесы “The Glass Menagerie” зритель еще не видит актеров и из-за портьер слышен голос Аманды, на экране появляется надпись “ou sont les neiges” («О, где снега» (фр.)) из «Баллады о дамах былых времен» Франсуа Вийона. Аманда, таким образом, изначально характеризуется как «дама былого времени», живущая воспоминаниями молодости, что просматривается на протяжении действия пьесы. Эта же надпись появляется на экране, когда Аманда рассказывает Тому о своих былых поклонниках. Экран заменяет декорации, их смену. Например, когда Лаура рассказывает матери о том, что она вместо занятий в колледже, где ее стошнило, гуляла в зимнем парке, на экране появляется изображение зимнего парка, зимний пейзаж.

При помощи экрана до зрителя доносятся внутреннее состояние героев, их мысли, которые еще не могут быть высказаны вслух, но это именно то, что их угнетает. Отсутствие экрана может быть возмещено мастерством и талантом актеров.

В театральной системе драматурга значительную роль приобретают движение и мимика персонажей. Именно пластика актеров способна передать мотивы, эмоции, характер и даже мысли героев. Драматург использует развернутые ремарки, в которые помещает указания на движение и мимику актеров.

Например, в пьесе “The Rose Tattoo” Т. Уильямс раскрывает психологическое состояние Серафины, предчувствующей смерть супруга в развернутых ремарках.

“With a gasp she turns and runs out the back door. In a few moments we see her staggering about outside near the palm tree. She comes down in front of the house, and stares blindly off into the distance” (Задыхаясь, она поворачивается и выбегает через заднюю дверь. Через мгновение мы видим, как она идет, по-

шатываясь, около пальмы. Перед домом она успокаивается и смотрит вдаль, словно слепая).

“Assunta comes out and approaches Serafina with her arms extended. Serafina slumps to her knees, whispering hoarsely...” (Ассанта выходит и приближается к Серафине, протягивая к ней руки. Серафина внезапно падает на колени, шепчет хриплым голосом...).

“Serafina is standing in a frozen attitude with her hand clutching her throat and her eyes staring fearfully toward the sound of voices” (Серафина стоит в замороженной позе, обхватывая рукой горло, она боязливо вглядывается в сторону, откуда звучат голоса).

Движения и мимика Серафины, описанные в последней ремарке, выражают ужас героини, осознающей горе, которое ее постигло. Т. Уильямс показывает читателю / зрителю, что горе Серафины настолько сильно, что способно парализовать, несмотря на то что на протяжении всей пьесы она показана как сильная, энергичная женщина. Драматург подчеркивает, что Серафине стало тяжело дышать. Физические изменения в организме Серафины, вызванные вестью о гибели супруга, свидетельствуют о глубине ее чувства и силе эмоционального потрясения. Таким образом, драматург демонстрирует, насколько испугана и шокирована героиня, не мыслящая свое существование без мужа.

В пьесе “Orpheus Descending” развернутые ремарки также содержат описание жестов и выражения лиц героев.

“She doesn’t take it at once, stares at him questioningly, and then slowly takes the jacket in her hands and examines it, running her fingers over the snakeskin” (Она не сразу берет ее (куртку), вопросительно смотрит на него, а затем медленно берет куртку и осматривает ее, проводя пальцами по змеиной коже).

“...throws back her head in sudden friendly laughter as he grins at her with the simple candour of a child” (...запрокидывает голову, внезапно и дружелюбно смеясь, когда он широко улыбается ей с искренностью ребенка).

“Then she throws back her head and laughs as lightly and gaily as a young girl. Then she turns and wonderingly picks up and runs her hands tenderly over his guitar as the curtain falls” (Затем она запрокидывает голову и смеется легко и весело, словно молодая девушка. Затем она поворачивается и удивленно берет гитару и нежно касается ее руками, когда опускается занавес).

В последней приведенной ремарке содержится описание мимики и движений Леди после ее знакомства с Вэлом. Автор замечает, что она смеется. В современной психологии принято считать, что смех способствует эмоциональному расслаблению. Таким образом, автор демонстрирует, насколько просто и комфортно было Леди с молодым человеком. Она становится веселее и беззаботнее, а сравнение с молодой девушкой напоминает читателю о том времени, когда Леди была счастлива. Таким образом, Т. Уильямс посредством описания движений и мимики Леди показывает ее эмоции и чувства к Вэлу.

Мимика и движения персонажей пьесы “Cat on a Hot Tin Roof” описаны Т. Уильямсом также в развернутых ремарках. Например, они характеризуют сложные взаимоотношения супругов Маргарет и Брика.

“Margaret, back at the dressing table, still doesn’t see Brick. He is watching her with a look that is not quite definable. Amused? Shocked? Contemptuous? Part of those and Part of something else” (Маргарет, сидя за туалетным столиком спиной к Брику и не видя его. Он смотрит на нее, но его взгляд не совсем понятен. Весел? Шокирован? Высокомерен? Частично это и частично что-то еще).

“She stares at him with her fist pressed to her mouth, then bursts into shrill, almost hysterical laughter. He remains grave for a moment, then grins and puts the chair down” (Она долго смотрит на него, прижав кулак ко рту, затем раздражается пронзительным, почти истеричным смехом. Он все еще серьезен, но недолго, затем, широко улыбаясь, опускает стул).

“Turns Brick with a sudden, gay, charming smile which fades as she notices that he is not looking at her but into fading gold space with a troubled expression” (Поворачивает к Брику с неожиданной, веселой, прелестной улыбкой, которая угасает, как только она замечает, что он смотрит не на нее, а вглядывается с озабоченным видом в угасающее золотое пространство).

В последней ремарке автор акцентирует внимание читателя на холодности и безразличии Брика. Драматург демонстрирует, что Мэгги пытается наладить отношения с мужем, она открыта к общению с ним. Однако мимика героини меняется, когда она осознает тщетность своих попыток. Доброжелательность героини, ее приветливость и желание понравиться мужу сменяются грустью и глубоким разочарованием. Отчужденность Брика чувствуется даже во взгляде; герой озабочен вовсе не взаимоотношениями с Мэгги, а чем-то далеким и призрачным.

Однако во многих пьесах Т. Уильямса есть средства выражения авторской позиции. Этими своеобразными «экранами» выступают ремарки автора, акценты и паузы в речи персонажей.

Т. Уильямс отмечал эмоциональное воздействие экрана и возможность его использования в любой постановке. Важнейшей функцией экрана как внелитературного средства драматург видел композиционную. Пьеса, ее сюжет подчас ускользают от зрителя, в этом случае экран служит связующим звеном, которое соединяет отдельные эпизоды в единое целое.

Вспыхивающие на экране надписи, как правило, сопровождаются *музыкой*. Музыка – еще одно внелитературное средство, которое Т. Уильямс определяет как неотъемлемую часть своей концепции «пластического театра». Назначение музыки в пьесе – эмоциональное выделение соответствующих эпизодов. По замыслу драматурга, мелодия должна быть нехитрой и негромкой: «Такую мелодию услышишь в цирке, но не на арене, не при торжественном марше артистов, а в отдалении и когда думаешь о чем-то другом». Музыкальная тема должна быть лиричной и подходить ко всем эпизодам. Она является своеобразной частью или мыслью ведущего персонажа «в данном эпизоде», но в то же время универсальна по отношению ко всем остальным действующим лицам.

Музыка широко используется Т. Уильямсом в пьесе “Orpheus Descending”. Она призвана отражать настроения персонажей, их эмоциональное состояние. Чуть слышная музыка, начинающая звучать во время разговора Вэла о птицах без лапок, обращает внимание читателя/зрителя на желание Леди быть свободной, подобно этим птицам, которые всегда в полете. Автор не дает дополнительных характеристик звучащей музыке, но ее употребление в данном контексте указывает на сентиментальное настроение героини. Музыкальная тема любви и счастья в пьесе – игра мандолины. Когда Леди вспоминает об отце, музыка передает ностальгию персонажа по тому времени, когда она была счастлива. Игра мандолины также рассматривается как музыка любви Леди. Она звучит во время ее объяснения с Дэвидом Катриром.

“Mandolin, barely audible, "Dicitincello Vuoi”” (Едва слышится мандолина, “Dicitincello Vuoi” (итальянская песня – прим. автора)).

Контраст между содержанием речи героини (“Lady. I wanted death after that...” (Леди. Я хотела смерти после этого) и легкомысленностью мелодии акцентирует одиночество и непонятость Леди, ее горечь.

Романтической музыкальной «темой Вэла» в пьесе “Orpheus Descending” является гитара. Она звучит во время диалога Вэла и Кэрол, иллюстрируя чувственность отношения Кэрол к герою. Игра гитары слышна и во время разговора Леди и Вэла, эта мелодия передает романтизм в их отношениях.

В пьесе “The Rose Tattoo” музыка воспроизводит национальный колорит. “As the curtain rises we hear a Sicilian folk-singer with a guitar” (Как только поднимается занавес, мы слышим, как сицилийский певец народных песен играет на гитаре).

Автор намеренно, посредством привлечения в пьесу сицилийских народных мелодий привлекает внимание читателя к тому, чем героиня Серафина особо гордится: ее муж, которого она боготворит, – сицилийский барон. В контексте пьесы использование данной мелодии также содержит некую иронию (“...in Sicily everybody’s a baron that owns a piece of the land and a separate house for the goats!” (...в Сицилии каждый, у кого есть кусок земли и отдельный дом с козами, называется бароном).

В пьесе “The Rose Tattoo” музыка также выполняет композиционную функцию: “At each major division of the play this song is resumed and it is completed at the final curtain” (При каждой важной части пьесы эта песня возобновляется и она исполняется под финальный занавес).

Таким образом, Т. Уильямс прибегает к музыке как внелитературному средству для выделения логических частей пьесы, что облегчает ее восприятие читателем / зрителем. Музыкальная тема любви в данной пьесе так же, как и в пьесе “Orpheus Descending”, передается игрой мандолины. Например, она звучит, когда Серафина с горечью говорит о том, что она вдова и не может любить:

“Serafina. But for a widow it ain’t the time of roses. The sound of music is heard, of a mandolin playing” (Серафина. Но не время роз для вдовы. Слышится, как играет мандолина).

При этом музыка подчеркивает настроение героини, ее печаль и скрытое желание любить и быть любимой. В конце пьесы музыка привлечена Т. Уильямсом, чтобы отобразить торжество жизни и чувственное возрождение Серафины. В пьесе “Cat on a Hot Tin Roof” Т. Уильямс использует классическую музыку в качестве внелитературного средства, с помощью которого семья героев противопоставляется благополучной американской семье, где царят взаимопонимание и любовь.

“The room is suddenly blasted by the climax of a Wagnerian opera or a Beethoven symphony” (Комната внезапно взрывается кульминацией Вагнеровской оперой или симфонией Бетховена).

Громкие звуки классической музыки, которые слышатся в доме, показывают фальшь во взаимоотношениях в этой семье. Громкая джазовая музыка, которая используется автором в моменты спора Маргарет и Мэй, отображает поддельное веселье и дружелюбие в семье. Мелодия, которую периодически напевает Брик, демонстрирует его изолированность, нежелание принимать в свой внутренний мир ни Маргарет, ни других членов семьи. Это также способствует раскрытию проблематики пьесы.

Музыка и экран используются в сочетании с *освещением*. Драматург изначально говорит об условности освещения. Свет падает не обязательно на

персонажей, например, участвующих в диалоге, как в традиционном театре, но на того героя или тот предмет, который является наиболее значимым для данной сцены, выделение которого составляет подтекст, основную мысль эпизода.

Освещение в пьесе основано на принципе удержания внимания зрителей на композиционно и сюжетно важном элементе. Свет изменяется применительно к разным героям.

Свет в пьесе “The Rose Tattoo” выделяет ключевые моменты пьесы, акцентирует внимание читателя / зрителя на наиболее значимых персонажах и предметах. Например, перед тем, как Серафина узнает о смерти мужа, свет внутри дома становится ярче. Таким образом, внимание зрителей привлекается к ее внутренним переживаниям и предчувствиям. Свет выделяет фигуру Серафины, которая в момент ссоры с клиентками отстраняется, повторяя слова дочери. Читатель / зритель при этом должен обратить внимание на ход мыслей героини, на то, что ее сейчас занимает. Так читатель вникает во внутренний мир персонажа. В замечаниях к постановке Т. Уильямс пишет: “The first lighting is extremely romantic” (Первое освещение чрезвычайно романтично). Так освещение задает тон постановке пьесы, раскрывая ее тематику.

В пьесе “Orpheus Descending” освещение преимущественно выполняет композиционную функцию, подчеркивая деление пьесы на сцены и акты. Однако интенсивность освещения меняется в зависимости от действия. Например, свет чуть гаснет, когда Ви рассказывает о загадочной истории из своего детства. Тусклое освещение позволяет зрителю легче представить рассказ героини, отделяя его от реального действия, представленного на сцене.

В пьесе “Cat on a Hot Tin Roof” цвет освещения меняется в зависимости от действия пьесы. При этом цвет становится символичным. Например, монолог Большого Папы о его капитале. Зеленый свет символизирует власть денег. Когда Маргарет пытается возродить близкие отношения с Бриком, свет исходит только от светильника с надписью с розовым абажуром, при этом розовое освещение символизирует романтику и интимность данной сцены.

Все внелитературные средства (экран, музыка, свет) в драматургии Т. Уильямса используются как в комбинации, так и отдельно. При совместном использовании они осуществляют единую функцию эмоционального выделения момента и воздействия на зрителя.

Таким образом, в пьесах Т. Уильямса такие внесценические элементы, как экран, музыка, свет, мимика, жесты, пластика, впервые объединяются в целостную концепцию способов выражения художественной условности, названную им «пластический театр». Экран, при помощи которого возникают надписи-связки или надписи-подсказки, выделяет наиболее значимые в смысловом или композиционном плане моменты пьесы. Примечательно, что в драмах 50-х гг. Т. Уильямс отходит от использования экрана, все более усложняя действие для актеров, перенося функции экрана на пластику, жесты и мимику актеров. Объединение вышеназванных внелитературных элементов в концепцию вызвано объективными причинами, среди которых непонимание театром нужд зрителя, сравнительно невысокий эстетический потенциал зрителя и, таким образом, падение популярности драматического искусства в Америке того периода.

Список литературы

1. Арто А. Театр и его двойник / А. Арто. – М., 1993. – С. 139.
2. Лапенков Д. С. Драматургия Теннесси Уильямса 30–80-х гг.: Вопросы поэтики : дис. ... канд. филол. наук / Д. С. Лапенков. – Н. Новгород, 2003. – С. 234.

3. Пронина А. А. Поэтический театр Теннесси Уильямса : автореф. дис. ... канд. иск. наук / А. А. Пронина. – М., 2004. – С. 190.
4. Туровская М. В сторону Теннесси Уильямса / М. Туровская // Театр. – 1985. – № 8.
5. Уильямс Т. Стекланный зверинец / Т. Уильямс // Пьесы. – М., 1999. – С. 118.
6. Kramer R. “The Sculptural Drama”: Tennessee Williams’s Plastic Theatre / R. Kramer. – Режим доступа: <http://www.tennesseewilliamsstudies.org/archives/2002/3kramer.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. ВАРЛАМОВА

Т.А. Фёдорова

Статья посвящена исследованию художественного синтеза в творчестве Алексея Варламова. Рассматривается влияние традиций «деревенской прозы» на поэтику прозы писателя.

The article is devoted to the problem of Alexei Varlamov’s creative work synthesis research. The influence of “country prose” is observed.

Ключевые слова: синтез, «деревенская проза», мотив.
Key words: synthesis, “country prose”, motive.

Научный литературоведческий мир XXI в. по-прежнему изучает, анализирует, по-новому осмысливает и интерпретирует эстетику художественного творчества XX столетия. Расцвет культурно-философской мысли «деревенской прозы» и широта эстетического диапазона до сих пор представляют огромный интерес для исследователей русской словесности (работы В. Кожина, Л. Лейдермана, М. Эпштейна, А. Большаковой и др.).

Особого внимания заслуживает проблема художественного синтеза, функциональные аспекты которого были обусловлены расширением границ искусства, возникавшего как необходимость поиска альтернативных решений не только для реализации собственной рефлексии в литературной ситуации начала века, но и для идеи умножения культурного пространства. «Художественный синтез, к которому всегда тяготеет подлинное творчество, охватывает все его виды и формы. Изучение этого безгранично сложного явления представляет собой одну из самых трудных и фундаментальных проблем современного искусствознания. Без обращения к ней уже невозможно судить о закономерностях развития художественного творчества, эстетической природе тех или иных, возникающих в процессе взаимодействия, жанровых и стилевых образований, их продуктивности и художественной ценности» [6, с. 5].

Писателей-«деревенщиков» объединяли внимание к духовным проблемам, вера в созидательную роль нравственных традиций, в силу человеческой общности. В 1980-х – начале 1990-х гг. В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин работали в выбранном направлении, выходя из границ узкой тематики к глобальным проблемам бытия, экологическим и историко-психологическим вопросам. А. Варламов стал достойным продолжателем традиции «деревенщиков». Критик П. Басинский, отзываясь о рассказе А. Варламова «Галаша», сказал: «Рас-

сказ... буквально меня потряс. Я ничего подобного после В. Белова, В. Астафьева, В. Шукшина в области "деревенской прозы" не читал» [2, с. 7].

А. Варламов не отрицал возможности взаимодействия и взаимовлияния такого рода синтетических новообразований. Он искренне признается в творческой симпатии к авторам «деревенской прозы»: «Мне близки некоторые прозаики, которым сегодня за шестьдесят, мне очень близки те, кого уже, к сожалению, нет в живых, – Юрий Казаков, Василий Шукшин, Константин Воробьев...» [5]. Главное для А. Варламова – показать глубину внутреннего мира и человеческую незаурядность. Его герои умеют философствовать о проблемах бытия, что свидетельствует об уникальности каждой человеческой судьбы.

Творчество писателя пронизано идеями возрождения деревенского человека, не принимающего ритм цивилизации, проникнуто горячим стремлением переоценить многие сложившиеся связи между людьми, утвердить истинно человеческие отношения. Повести «Дом в деревне», «Падчеварь» относятся к избранной автором разновидности автобиографической повести, которая позволяет реализовать свойственное поэтике писателя стремление к изображению деревенских судеб на фоне мотива путешествия автобиографического героя.

В этих произведениях за пронизывающей ностальгической тоской легко обнаруживается мифологема потерянного рая. Эта тоска А. Варламова связана с разрушением прежнего уклада крестьянской жизни, с утратой традиционных духовно-нравственных ценностей. В подтексте каждого его произведения о судьбе русской деревни угадывается особая боль, такая, которая обычно не возникает от внешних причин, но рождается в глубинах личности, основанная на личном опыте писателя. В рамках направления «деревенской прозы» произведения А. Варламова включают тексты, в которых описание сельской жизни становится не столько ведущей темой, сколько своего рода эстетическим поводом, позволяющим раскрыть глубинные пласты философского содержания. Среди многообразия сюжетных схем доминирующими являются изображение двух типов культуры – деревенской и городской, столкновения двух пространств – открытого и закрытого. Писатель очень остро чувствует нарушение равновесия между городом и деревней. Уловить главное в состоянии мира, те скрытые, порой незаметные движения, которые формируют духовный, нравственный облик современного сельского жителя – героя открытого пространства – становится основной задачей исследуемого нами писателя. Драматическая злободневность «деревенских произведений» А. Варламова определяется необходимостью сохранить от забвения уходящий в прошлое вековой уклад деревенской жизни. Стремление познать истоки нравственной культуры своего народа стало одной из причин внимания А. Варламова к психологии и судьбе русского крестьянства, особенностям его быта. Объективность и достоверность изображения благодаря автобиографическим фактам, исследование жизненного процесса в его непосредственном протекании, анализ определенной социальной среды и ее типичных представителей составляют своеобразие рассказов и повестей автора о деревне.

Сюжеты о северной деревне отсылают нас к традиции «странствующего» типа, в котором символически значимым представляется мотив путешествия. Мотив перемещения в пространстве порожден биографическими фактами: с детских лет А. Варламов много путешествовал, поэтому путешествие становится художественной доминантой произведений. «Странствующий» тип сюжета характерен для «деревенских» произведений писателя. Мотив путешествия героя в поисках «земли обетованной» вводит в повествование

сказочный план изображения. В сюжете волшебной сказки путь героя является важнейшим элементом организации пространства. Заимствование сказочной завязки, на наш взгляд, дает возможность автору символически реализовать мотив пути, понимаемый в духе народной традиции как путь нравственных и духовных исканий.

Данный тип сюжета приобретает в творчестве А. Варламова индивидуально-авторские черты, он обязательно связан с хронотопом северной деревни и поиском «деревенской Атлантиды». Северному пейзажу свойственен элемент сказочной фантастичности, актуализирующий хронотопическую формулу «туда, не знаю куда»: «Как часто я в Падчевары в прежние годы ни ездил, а случалось, бывал я там по четыре-пять раз в году, перемещение из городской квартиры в деревню было делом не только физически хлопотным, но порою и рискованным. Между этими мирами лежала очевидная граница, которую поезд в неведомый мне миг пересекал тряской ночью, так что я ложился спать в одном измерении, а просыпался в другом и никогда не был уверен, что вернусь обратно. Там, где будило меня наутро беспокойство, была всегда иная погода, люди, слова, даже самый воздух был резче, ко всему нужно было подготовиться, себя собрать и переиначить...» [4, с. 84].

Взаимодействие «деревенской прозы» с системой фольклора стоит в числе универсальных особенностей, что обязательно присутствует в «деревенских» повестях А. Варламова. Законы сказочного бытия направлены на поэтизацию действительности, воспроизведение идеальной модели мира. Сказка способна соединить распад времени и вывести человека из действительности в идеальный мир. Как способ выражения авторской мифологии она сочетает элементы художественного вымысла с правдивостью очерка, что наиболее полно соответствует видению писателя.

А. Варламов вступает в диалог с деревенской прозой, окликая прямо и косвенно В. Астафьева, В. Шукшина, В. Распутина, а особенно В. Белова. Этот диалог составляет основное содержание повести «Дом в деревне», а отблеск мощной изобразительности деревенщиков, их поэтического языка – ее художественный объем. Но весьма символично, что, бесстрашно углубляясь в северные леса и доходя почти до Коргозера, где, как рассказывают, В. Белов записывал плотницкую речь, герой-повествователь так и не дерзнул туда войти: «Таинственное очарование было в моем представлении о Коргозере, и это очарование я боялся растерять. Да и земля там была уже не моя, а Василь Иванычева» [3, с. 22].

Есть, например, в «Доме в деревне» своя Царь-рыба – четырехкилограммовая щука, которую повествователь с трудом, уже ни на что не надеясь, все-таки вытащил, поймал: «Однажды в конце мая Вожега подарила мне четырехкилограммовую щуку. О том, что такие большие экземпляры тут водятся, я и не подозревал и в первый момент испытал нечто вроде гордости за униженную реку. Громадная рыбина схватила блесну ниже бывшей мельничной плотины. Она металась из стороны в сторону и несколько раз делала свечки... Метровая темно-зеленая до черноты щука смотрела маленькими хищными глазами» [3, с. 25–26].

Следование традициям писателей-«деревенщиков» заключалось в том, что большой долей варламовского материала было описание деревенской жизни. Ярким примером такой приверженности писателя может служить повесть «Дом в деревне». В ней А. Варламов актуализировал понятие «русский национальный характер». Здесь образовался типологический ряд народных

характеров, основными чертами которых являются трудолюбие, отзывчивость, самопожертвование, терпеливость, верность нравственным традициям предков, органическая связь с миром природы, любовь к земле и родине. В повести перемешались разные речевые стили, так как каждый персонаж наделен своей ярко выраженной манерой говорить. За каждым из голосов героев стоит свой кругозор, свое понимание мира. Очень четко прослеживается бытовое пространство русской северной деревни и социально-историческое время конца XX в.

Мотив путешествия автобиографического героя в поисках «земли обетованной» определяет особенности художественного пространства. Реалии северной земли сочетаются с элементами мифологического пространства (земли, не обозначенные на карте, образы древних стариков и старух). Особенно ярко двойственность пространственно-временной организации топоса северной земли проявляется в пейзаже. Хронотоп деревни противопоставлен городскому существованию автобиографического героя.

«Несколько лет спустя после того, как я купил избу, в ней завелись мухи. Это были не те докучливые летние мухи, что питаются крошками еды и кусаются, но какие-то угрюмые, похожие на тараканов черные продолговатые создания. Они оживали среди зимы, когда изба протапливалась, и не летали, а ползали по стенам и окнам, убивая меня своим несчетным количеством.

Дед Вася сказал, что такие мухи заводятся от старых дров. Но старых дров в избе не было, и я с ужасом понял: это гниет сам дом... будь я Василием Беловым, то написал бы рассказ о деревенской избе, которая много лет стояла наперекор всем ветрам, морозам и дождям, но вот купил ее себе на потеху городской человек – она стала гнить, и в ней завелись мухи. Потому что ничего, кроме гнили, от горожанина, а тем более москвича, в русской деревне завестись не может...» [3, с. 27].

Герой повести, не имея деревенских корней, стремится войти в чужой мир, хорошо понимая, что дом несет на себе отпечаток другой личности и судьбы. От деда Василия герой узнает, что купленный им дом строил один человек – Анастасий Анастасьевич. Герой вступает с домом в своеобразную борьбу, пытаясь сделать его своим, однако понимает, что «домом эта не мной, не моим отцом, не дедом и не прадедом срубленная изба все равно никогда не станет» и «мне становилось так тревожно, что я уже жалел о своем приобретении и казался самому себе самозванцем, временщиком, не по праву вторгшимся в чужую землю и занявшим чужое владение» [3, с. 8]. Сама ситуация, позволяющая чужеземцу купить родовой дом, кажется противоестественной для деревенского уклада, является знаком разрушения традиций и устоев. Сигналом разрушения служит также нарушение пространственной целостности деревенского дома, в котором остался только «передок – просторная и светлая летняя изба-пятистенки, к которой должна примыкать зимовка... Но зимовку Тася давно уже продала на вывоз, и от нее остался только заросший крапивой фундамент» [3, с. 7].

В повести идеал народа, сформированный «деревенской прозой», постепенно меняется. Вместо сильных, здоровых, мудрых людей предстают противоположные образы: «Деревенские женщины, с морщинистыми, рано поблекшими лицами, одетые в сапоги, телогрейки или болоньевые куртки, стояли в очереди. Глядя на них, я думал о том, что это и есть мой народ – измученный, униженный, ограбленный, брошенный на произвол судьбы и государством, и церковью» [3, с. 18]. Автобиографический герой А. Варламова

с сожалением признается, что «как был для них чужим, так чужим и останусь... Мы стояли на разных берегах...» [3, с. 35].

К финалу повести ощущение «земли обетованной» и обретенной родины постепенно пропадает. Герой развеивает свои иллюзии по поводу деревенского рая.

Повесть стала знаковой, переломной в контексте эволюции художественного мира А. Варламова. Не случайно критик П. Басинский отметил: «На мой взгляд, эта повесть – лучшее и самое значительное, что до сих пор написал Варламов» [1, с. 11].

Список литературы

1. Басинский П. В. Новейшие беллетристы / П. В. Басинский // Литературная газета. – 1997. – № 22. – С. 11.
2. Басинский П. В. Новые деревенские. Эту тему закрывали, но не смогли закрыть / П. В. Басинский // Литературная газета. – 2001. – № 36. – С. 7.
3. Варламов А. Н. Дом в деревне: повесть сердца / А. Н. Варламов // Новый Мир. – 1997. – № 9. – С. 3–36.
4. Варламов А. Н. Падчевары : повествование в рассказах / А. Н. Варламов // Новый Мир. – 2002. – № 2. – С. 84–114.
5. Интервью с Алексеем Варламовым // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1998. – Кн. 213. – С. 240–246.
6. Переверзин В. М. Большая эпическая форма в русской литературе: пути жанрового изучения / В. М. Переверзин. – Новосибирск : Наука, 2007. – 174 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

А.Р. Ахмеева

Рассмотрена актуальность педагогического управления формированием исследовательской компетенции студентов колледжа с целью подготовки их к активным действиям в профессиональных, жизненных и других проблемных ситуациях.

This article describes the actuality pedagogic management of forming of students' college research competence in order to prepare them for active resolving of professional, vital and other problematic situations.

Ключевые слова: компетенция, исследовательские умения, студент.

Key words: competence, research skills, student.

Социально-экономические изменения в России привели к необходимости модернизации системы образования, которая напрямую связана с социально-экономическими процессами через подготовку производительных сил. От системы среднего профессионального образования (СПО) востребована подготовка компетентных специалистов среднего звена, способных эффективно функционировать в условиях возрастания динамизма протекания производственных процессов, существенного роста неопределенности окружающей среды, многократным увеличением информационного потока и т.д.

Однако выполнение социального заказа к подготовке специалистов с необходимыми личностными и профессиональными качествами невозможно без трансформации существующего предметно-знаниевого образования и перехода к компетентностному подходу в обучении, который рассматривается как одно из важных концептуальных положений обновления содержания образования.

Сущность педагогического управления исследовательскими компетенциями студентов заключается в создании условий, при которых студент становится субъектом процесса обучения, то есть формирование учебно-научной деятельности из случайного и побочного процесса превращается в специальную важнейшую задачу как преподавателя, так и самого студента. На рисунке 1 представлена структура педагогического управления формированием исследовательской компетенции.

Педагогические условия формирования исследовательской компетентности в процессе учебно-научной деятельности будут включать в себя систему педагогических целей, содержание, ведущие педагогические принципы научной организации учебного процесса, технологии осуществления формирующего этапа исследования.

Цель является центральным компонентом и представляет собой направленность образовательного процесса на формирование исследовательских компетенций студентов.

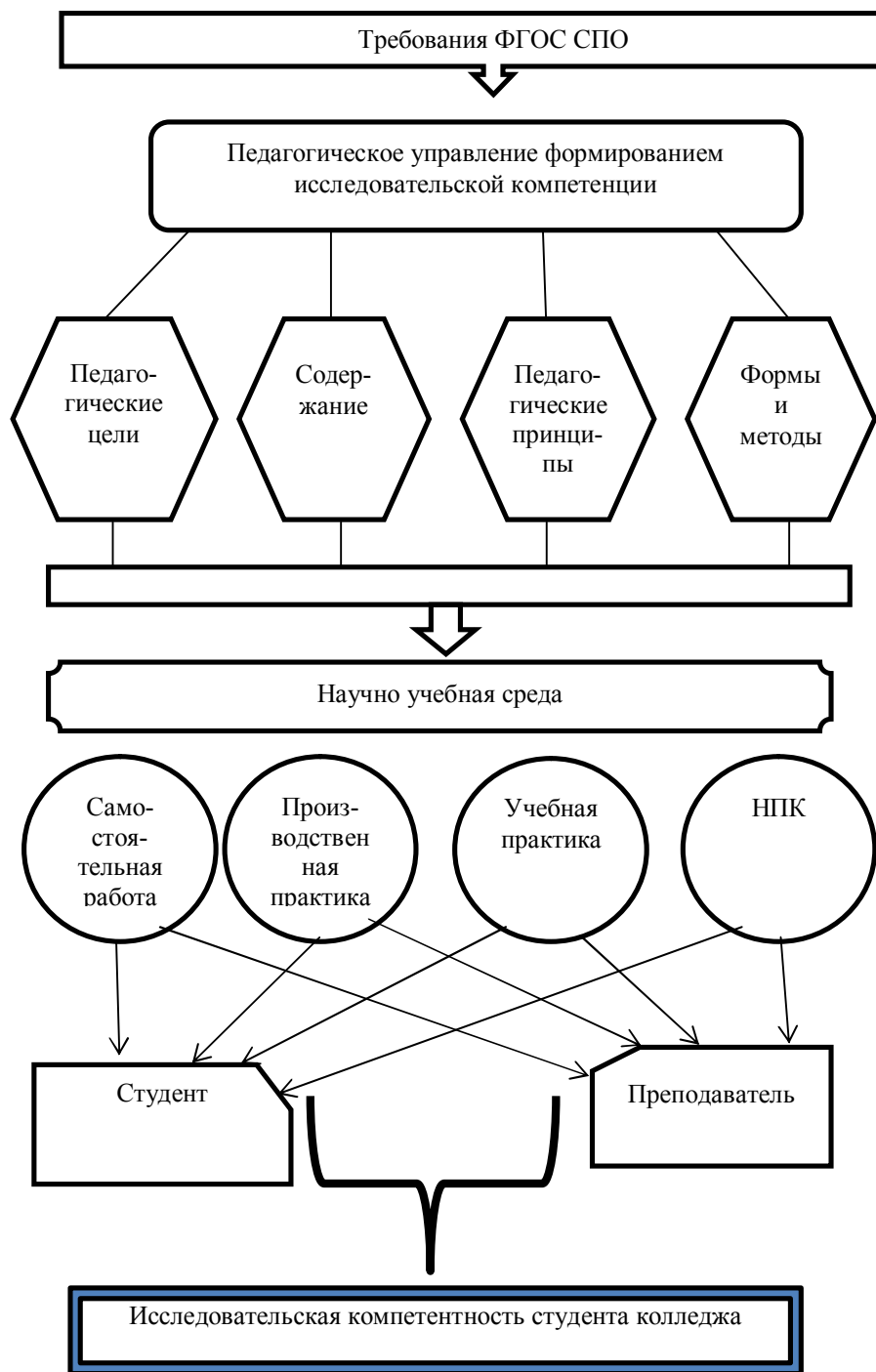

Рис. 1. Исследовательская компетентность студента колледжа

Содержание процесса формирования исследовательских компетенций обуславливает:

- ✓ направленность предметов на изучение проблемы исследовательской компетентности;
- ✓ активизацию научно-исследовательской работы студентов;

✓ включение студентов в активную научно-практическую деятельность. Система принципов формирования исследовательской компетенции является следующей:

- ✓ принципы единства знаний и умений, сознания и поведения в процессе формирования исследовательской компетентности;
- ✓ принципы преемственности, последовательности и систематичности;
- ✓ принцип наглядности;
- ✓ принцип совместной деятельности и общения;
- ✓ принцип ориентированности обучения на творческую активность личности.

Технологические условия формирования исследовательской компетентности в процессе учебно-научной деятельности предполагают использование:

- ✓ технологий на основе активизации и интенсификации деятельности обучающихся (игровые технологии [3, с. 147], технологии проблемного обучения);
- ✓ технологии на основе эффективности организации и управления процессом обучения (технологии уровневой дифференциации, индивидуализации обучения, перспективно-опережающего обучения, компьютерные (информационные));
- ✓ технологии развивающего обучения (технологии саморазвивающего обучения, личностно-ориентированного развивающего обучения);
- ✓ технологии научной организации учебной деятельности (особенности: 1) предметом научно организованной деятельности должны быть сложившиеся формы учебной деятельности (учебно-познавательная, учебно-художественная, учебно-спортивная, учебно-техническая) как в контексте обучения, так и вне его; 2) самостоятельная деятельность студентов (репродуктивная, реконструктивная, эвристическая, исследовательская) несет в себе одновременно функцию перевода информации в знания, умения, а также функцию управления этой деятельностью; 3) организация научно-исследовательской работы студентов (НИРС) как неразрывной составляющей триединого образовательного процесса: учебно-воспитательного, научного и практического).

Следующим этапом нашего исследования является построение модели педагогического управления формирования исследовательской компетентности в процессе обучения. Цели, которые мы поставили, разрабатывая модель педагогического управления формирования исследовательской компетентности в процессе обучения:

- ✓ создание предпосылок и реализация научного потенциала дисциплин, а также становление и развитие личности студента как субъекта учебно-научной деятельности;
- ✓ помощь и поддержка субъекта в развитии исследовательской компетентности.

Для достижения поставленных целей мы поставили следующие задачи:

- ✓ оказание помощи студенту в выстраивании индивидуальной траектории развития исследовательской компетентности;
- ✓ организация конструктивного взаимодействия с другими участниками образовательного процесса;
- ✓ осуществление мониторинга процесса педагогического управления исследовательской компетентности студентов, позволяющее учитывать и про-

гнозировать изменения, происходящие в результате реализации учебно-научной деятельности.

Разработанная нами модель имеет следующее графическое представление (см. рис. 2).

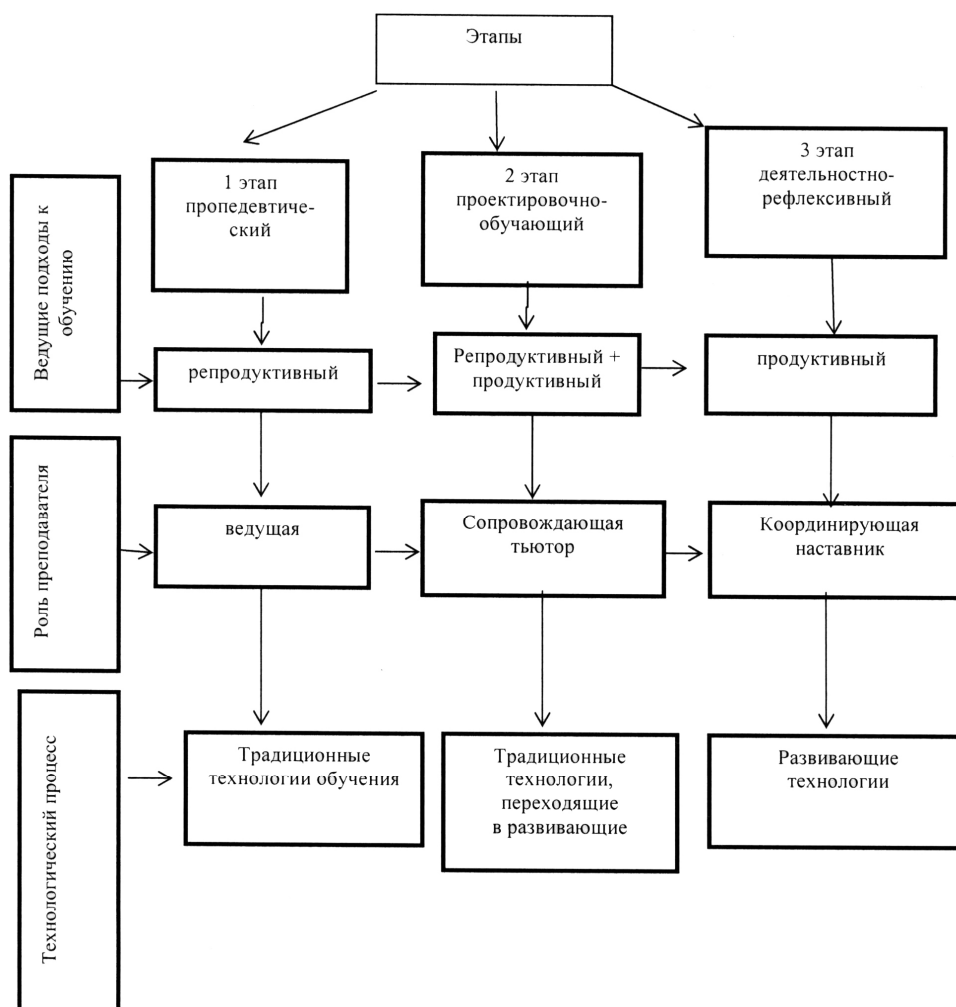

Рис. 2. Модель педагогического управления формированием исследовательской компетентности в процессе обучения

Первый этап (пропедевтический) – этап формирования исследовательской компетентности студентов. Он совпадает с первым годом обучения в учебном заведении. Роль преподавателя в процессе формирования исследовательской компетентности в процессе учебно-научной деятельности не может быть на этом этапе иной, нежели чем определяющей, задающей алгоритм деятельности обучаемых. Это, в свою очередь, определяет использование традиционных технологий обучения, в рамках которых педагог выступает субъектом учебного процесса, а студент – объектом, на который направлено воздействие со стороны педагога с целью формирования необходимых умений (планировать свою деятельность, организовывать ее, контролировать и пр.) и личностных качеств (самообразование, самоорганизация, саморазвитие, самоконтроль, самооценка), без которых процесс дальнейшего формиро-

вания организации учебно-научной деятельности невозможен. На этом этапе деятельность педагога состоит в разработке и сообщении образца, а деятельность обучаемого – в выполнении действий по образцу; ведущим подходом к обучению является репродуктивный.

Второй этап (проектировочно-обучающий), совпадающий со вторым и третьим годами обучения, связан с необходимостью перевода студентов на более высокий уровень самостоятельности по сравнению с предыдущим этапом. Роль преподавателя в процессе формирования учебно-научной деятельности становится сопровождающей, отслеживающей весь процесс. На этом этапе преподаватель является тьютором. Реализация задач, стоящих перед тьютором на втором этапе формирования исследовательской компетенции, будет сопровождаться формированием у студентов умений и навыков планирования и организации учебно-научной деятельности, а также изменениями, связанными с интеллектуальной, эмоциональной, волевой сферами:

- ✓ обретением контроля над своими действиями и поведением; выработкой таких качеств личности, как целеустремленность, самостоятельность, решительность и настойчивость в выполнении учебных действий (волевая сфера);

- ✓ развитием умений понимать собственные эмоциональные состояния и причины, их порождающие; закреплением способов управления своим эмоциональным состоянием (эмоциональная сфера);

- ✓ овладением навыками объективной оценки своей деятельности (интеллектуальная сфера);

- ✓ развитием способности оценивать свои возможности, осознавать себя индивидуальностью (экзистенциальная сфера).

В целом ведущим подходом к обучению на этом этапе формирования исследовательской компетентности является репродуктивный, переходящий в продуктивный.

Третий этап (деятельностно-рефлексивный), совпадающий с последним годом обучения, связан с переходом студентов на самый высокий уровень самостоятельности учебно-научной деятельности.

Преподаватель является наставником. Наставник – высококвалифицированный специалист или опытный работник, у которого другие работники могут получить совет или поддержку [4, с. 479].

Роль наставника в процессе формирования исследовательской компетентности становится координирующей. Это, в свою очередь, определяет использование инновационных технологий обучения, которые основываются исключительно на субъект-субъектных отношениях между преподавателем и студентами. На этом этапе формирования исследовательской компетентности деятельность наставника направлена на обеспечение творческого применения учащимися своих знаний, овладения последними научными методами познания, формирования опыта исследовательской деятельности обучаемых. Преподаватель-наставник осуществляет контроль за самостоятельным изучением студентом тем курса, выполнением заданий и тестов. В случае необходимости он корректирует темпы и глубину прохождения слушателем курса. Наставник взаимодействует со студентом на индивидуальной основе, по мере того как студент прорабатывает содержание курса по учебно-методическому руководству и другим материалам. Он играет важную роль в адаптации учебного плана таким образом, чтобы он отвечал индивидуальным потребностям студента.

На заключительном этапе у обучающихся происходит развитие таких общенаучных умений и навыков, как оценка и осмысление результатов своих действий. Происходят изменения, связанные с интеллектуальной, эмоциональной, волевой, экзистенциальной и предметно-практической сферами.

Ведущим подходом к обучению на этом этапе формирования исследовательской компетентности является продуктивный.

Подводя итог сказанному, отметим существенные на наш взгляд положения.

1. Педагогическое управление формированием исследовательской компетентности студентов в процессе учебно-научной деятельности заключается в создании условий, при которых студент становится субъектом процесса обучения, то есть формирование учебно-научной деятельности из случайного и побочного процесса превращается в специальную важнейшую задачу как преподавателя, так и студента. Оно направлено на целостное развитие индивидуальных и личностных качеств будущего специалиста, представляющих совокупность его интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной, волевой, экзистенциальной, предметно-практических сфер и сферы саморегуляции.

2. Педагогическое управление формированием исследовательской компетентности в процессе учебно-научной деятельности включают в себя систему педагогических целей, содержания, ведущих педагогических принципов научной организации учебного процесса, учебно-исследовательской мотивации студентов, технологий осуществления формирующего этапа исследования.

3. Модель педагогического управления формированием исследовательской компетентности включает в себя три этапа, связанных с временным промежутком обучения студентов в колледже: пропедевтический, проективно-обучающий, деятельностно-рефлексивный, каждый из которых характеризуется своим ведущим видом обучения, ролью преподавателя и спецификой технологического процесса.

Список литературы

1. Ведерникова Л. В. Подготовка педагога как творческого профессионала : учеб. пос. / Л. В. Ведерникова. – Ишим : Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. – 112 с.
2. Иванов Д. А. О ключевых компетенциях и компетентностном подходе в образовании / Д. А. Иванов // Школьные технологии. – 2007. – № 5. – С. 51–62.
3. Корникова А. И. Роль игровых технологий в формировании лидерских качеств студентов / А. И. Корникова // Вопросы гуманитарных наук. – М. : Спутник +, 2011. – С. 147–150.
4. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – 2-е изд., испр. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 479 с.
5. Рындина Ю. В. Формирование исследовательской компетентности студентов в рамках аудиторных занятий / Ю. В. Рындина // Молодой ученый. – 2011. – Т. 2, № 4. – С. 127–131.
6. Трещев А. М. Становление профессионально-субъектной позиции будущего учителя : дис. ... д-ра пед. наук / А. М. Трещев. – Калуга, 2001. – 541 с.
7. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Обновление российской школы : докл. IV Всерос. дистанцион. пед. конф. (26 августа – 10 сентября 2002 г.). – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/conf/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАЧЕСТВА УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Л.В. Баева

В современном вузе предъявляются высокие требования к качеству учебного процесса, соответствию международным стандартам. В статье рассматривается проблема сочетания особенностей творческой деятельности в сфере преподавания с организованной системой менеджмента качества, управления знаниями.

High quality of educational standard are presented in modern universities. In article is considered the problem of a combination of features of creative activity in sphere of teaching with organized system of quality management of knowledge.

Ключевые слова: менеджмент качества, учебный процесс, университет, управление знаниями.

Key words: management of quality, educational process, university, management of knowledge.

Что такое качество учебного процесса? Каждый руководитель мечтает, чтобы его предприятие (отдел, департамент и т.д.) работало эффективно, качественно, выпускало «продукцию», которой можно было бы гордиться. Эта проблема волнует не только производителей автомобилей, компьютеров, продуктов питания, но и тех, кто готовит специалистов, впоследствии способных создавать качественную продукцию. Первым звеном в цепи создания качественного производства в государственном масштабе выступает система образования. Подготовка специалистов в высших учебных заведениях всегда требовала высококвалифицированных кадров. Именно поэтому университет представляет собой синтез образования и науки, а его преподавательский коллектив в своем большинстве состоит из ученых. В России сложились давние традиции подготовки специалистов, получивших признание во всем мире, однако современные социальные, демографические, экономические процессы оказали существенное влияние на развитие вузовского образования и заставили по-новому взглянуть на вопрос подготовки качественного специалиста (пусть даже бакалавра).

Особенностью современной эпохи глобализационных изменений становится стандартизация различных процессов, внедрение общих принципов, нормативов, призванных обеспечить высокий уровень качества всеми участниками производственной системы. Для этого были созданы различные технологии, концепции, программы, главными из которых можно назвать «принципы Деминга», СМК, ISO, «Дао Тойота» и другие. Все они были призваны повысить эффективность процессов управления, с одной стороны, и производственного процесса, с другой.

Осуществляя руководство учебным процессом в университете (в масштабах факультета) мы постарались, применяя известный «принцип дополнительности», использовать сильные стороны различных методологий повышения качества, выработать механизм, позволяющий добиться существенного повышения успеваемости студентов, эффективности работы преподавателей, повышения корпоративной культуры в целом. Опытом применения принципов управления качеством образовательного процесса мы поделимся в этой работе.

Что является продукцией университета и кто – его клиентом? Если обратиться к документам Всероссийского информационно-справочного портала «Поддержка систем управления качеством», то на этот вопрос дается однозначный ответ: продукцией университета являются знания, полученные студентом в ходе обучения, знания, не задокументированные в виде конспектов лекций, а подтвержденные экзаменами, тестами, выпускными квалификационными работами, знания, апробированные студентом в научных лабораториях университета и на производственных практиках в условиях работы на предприятиях реального российского и мирового рынка¹.

Клиентами университета, в свою очередь, являются студент, общество в целом или конкретные предприятия, направившие студента на обучение, государство, финансирующее из бюджета процесс получения и управления знаниями.

Учитывая это, система менеджмента качества (СМК) знаний должна непрерывно и эффективно работать и развиваться, а ее неотъемлемой составляющей должен стать мониторинг знаний и умений студента, модуль непрерывного улучшения системы. Только по реальным результатам востребованности выпускника вуза на мировом рынке можно судить об эффективности функционирования системы менеджмента знаний².

Что понимают под управлением знаниями? Примером того, что представляет собой процесс управления знаниями, может служить практика организации учебного процесса в вузе. Не секрет, что обучение во многом носит характер межличностных отношений педагогов и студентов, и отношение к тем или иным дисциплинам прямо зависит от качества их преподавания, в которое входят и профессиональные навыки, и умение преподавателя общаться с аудиторией (и, конечно, личностные характеристики, которые индивидуальны по своей природе).

Уровень усвоения знаний студентами, увлеченность теми или иными дисциплинами вытекают из таких факторов, как:

- ✓ уважение к личности преподавателя (волевые, моральные, душевные качества);
- ✓ авторитет педагога как специалиста в науке (интеллектуальный уровень, широта эрудиции, известность в научных кругах и в СМИ);
- ✓ умение «владеть аудиторией» (ораторские, коммуникативные, языковые способности);
- ✓ владение педагогическими приемами (технологиями): умение правильно организовать учебную деятельность, объяснить сложные темы, сделать интересным любой материал, передать знания другим, создать условия для творчества студентов, найти подход к каждой личности и др.

Разумеется, не каждый преподаватель вуза обладает данными «параметрами», и значительная часть дисциплин преподается так, что по прошествии нескольких лет после окончания вуза выпускники не могут вспомнить ни имени преподавателя, ни сути предмета, на который было отведено немало часов в учебном плане.

Однако есть много талантливых, ярких личностей, ученых, являющихся лидерами как в науке, так и в сфере межличностных отношений, запоминающихся на всю оставшуюся жизнь, не только давших знания, но и оказав-

¹ Менеджмент качества образовательных услуг и менеджмент знаний в высшей школе. URL: <http://quality.edu.ru>.

² Там же.

ших влияние на мировоззрение и поведение своих учеников. Эти педагоги обладают способностью управления учебной деятельностью, знаниями, которые направляются, канализируются от донора к реципиентам, от источника информации к его приемнику. Можно ли на основе изучения их опыта создать систему успешного обучения для всех студентов (и по всем дисциплинам). Утопия? Педагоги-классики на протяжении многих лет пытались создать идеальные системы обучения (особенно ярко это проявилось в российской педагогике). Более ранние исторические примеры могут увести нас во времена античных философских школ (Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура и др.), где целью было отнюдь не прохождение итогового тестирования и получение диплома специалиста, а обретение мудрости, которая для греков представлялась как соединение знания с добродетелью. Качеством подобного обучения выступало то, что ученики поднимались выше своих учителей, создавали собственные системы знаний, традиции, школы, привлекали к философии все больше интеллектуалов, становились источниками высшей культуры, наставничества, мудрости в высшем смысле этого слова.

Итак, важнейшим в системе образовательной деятельности является педагог – личность, обладающая призванием и талантом быть источником знаний для других. Однако сегодняшний мир во многом изменил задачи педагогики (в том числе в вузе). Информационное общество перенасыщено источниками информации, знаний, разнообразных сведений, учитель в школе или профессор в вузе больше не имеет монополии на ту или иную известную только «посвященным» истину. Ученик и студент, обладая возможностью обращения к лучшим библиотекам мира (пусть виртуально), может самостоятельно освоить предмет и продвинуться дальше своего наставника. Это существенно *меняет задачи и функции образовательной деятельности*, в которой педагог оказывается в *новой роли*, а именно:

- ✓ вызвать интерес к своему предмету;
- ✓ вооружить студента (ученика) минимумом фундаментальных положений, чтобы системно воспринимать потоки информации в дальнейшем;
- ✓ научить наиболее эффективным методам теоретического и практического характера;
- ✓ создать условия для творческого процесса студента;
- ✓ научить студента получать знания самостоятельно;
- ✓ научить критически оценивать поступающую информацию и теоретически ее осмысливать;
- ✓ научить применять полученные знания на практике.

В этом смысле процесс обучения также носит характер «управления знаниями». Проведение преобразований в системе качества связано с менеджментом знаний или управлением знаниями, которое можно определить как создание и управление ценными знаниями (интеллектуальными активами).

К интеллектуальным активам необходимо отнести знания, обладающие определенным уровнем ценности для вуза. Интеллектуальные активы разделяются на два типа:

- ✓ явные интеллектуальные активы – знания, которые существуют на каком-либо носителе;
- ✓ скрытые интеллектуальные активы – незадокументированные знания, которые существуют в головах сотрудников университета.

Первой задачей для менеджмента в управлении интеллектуальными активами является определение интеллектуальных активов университета.

В целом в сфере изучения управления знаниями находятся следующие основные вопросы:

- ✓ определение и документирование ценных знаний (интеллектуальных активов) университета;
- ✓ разработка идеологии и методологии формирования процессов получения, накопления, передачи, закрепления и контроля уровня знаний;
- ✓ разработка, моделирование и оптимизация бизнес-процессов формирования, передачи, периодического и завершающего контроля знаний;
- ✓ распространение знаний среди сотрудников университета (непрерывное повышение квалификации) и передача знаний новым сотрудникам;
- ✓ распространение знаний среди студентов университета, поддержание необходимого уровня знаний у выпускников, сопровождение выпускников;
- ✓ концентрация знаний для решения инновационных задач;
- ✓ мониторинг знаний, принятие решений на основе результатов мониторинга;
- ✓ повышение уровня знаний университета и генерирование новых знаний;
- ✓ генерирование новых технологий передачи и закрепления новых знаний;
- ✓ документирование новых знаний и переход к новым технологиям менеджмента знаний¹.

Производственный и образовательный процесс: найди 5 отличий.

Итак, мы стремимся к стандартизации наиболее успешных результатов в обучении и пытаемся сделать их стандартом, нормой для каждого. Задача, по мнению большинства скептиков, практически невыполнимая. Почему? Прежде всего потому, что образование – это не создание бездушных вещей на конвейере, а процесс межличностного взаимодействия, который невозможно уложить в «прокрустово ложе» стандарта, не убив его. Разделяя во многом этот скептицизм, мы, тем не менее, попытались увидеть не только различия, но и общее в достижении высокого результата процесса. Для этого было важно достигнуть некоего философского обобщения, абстрагирования от частностей и выявить существенные признаки эффективного процесса создания высококачественного результата *вообще*.

Что значит «хорошо делать свое дело», создавать результат, которым по праву можно гордиться? Почему мы, пробуя прекрасное блюдо, восхищаемся поваром – не потому ли, что кто-то отлично делает свое дело? Но разве то, что повар работает с продуктами питания, – повод для принижения его труда относительно труда того, кто работает с людьми? Постоянное совершенствование, забота о том, чтобы качество сделанной работы было безупречным, нужно в любом деле, поскольку весь мир так или иначе связан невидимыми узами, и «все влияет на все». Разве мы не ждем от врача качества выполнения его работы, когда он врачует наше тело? Разве мы не заботимся о близких и их безопасности, выбирая наиболее высококачественный автомобиль? Разве мы не вправе ожидать, что нашего ребенка педагоги должны учить хорошо (незвирая на их личные таланты и способности), потому что это априори предполагает статус учебного заведения?

Конечно, если анализировать сущность процессов производства товара и обучения специалиста, мы найдем немало принципиальных моментов, и на них невозможно не обращать внимания, создавая СМК в вузе. Прежде всего, к ним можно отнести следующие:

¹ Менеджмент качества образовательных услуг и менеджмент знаний в высшей школе. URL: <http://quality.edu.ru>.

✓ производство товара – процесс субъект-объектный, а обучение – субъект-субъектный (то есть всегда «открытый», не поддающийся на 100 % программированию, предполагающий обоюдную активность и творчество, взаимовлияние и т.д.), он всегда носит личностный характер и неизбежно должен учитывать особенности каждого его участника;

✓ работа с человеком всегда предполагает большую ответственность, ибо «брак результата» здесь означает искаленную душу, судьбу, возможно, жизнь Другого;

✓ «вкладывание души» мастером в свое дело возможно и в предметной сфере (яркий пример тому – искусство), но в процессе обучения (или другой субъект-субъектной деятельности) последствия этой самоотдачи более значительные: они могут оказать влияние на мировосприятие, систему ценностей Другого, его поведение, карьеру, жизнь в целом. Если научить человека творчеству или привить навык самообучения, это может иметь и смысло-жизненный характер, дать основания для испытания счастья от жизни и гармонии с окружающими;

✓ процесс работы с людьми предполагает двустороннюю активность, усиливая каждой из сторон, поэтому если один из его участников (педагог, врач или юрист) будет давать рекомендации, а противоположная сторона их пассивно отвергнет, то положительного результата ни от учебы, ни от лечения или юридических действий не последует;

✓ в основе процесса обучения лежит забота о человеке (а не только о привитых ему компетенциях), который должен чувствовать удовлетворенность как процессом получения знаний, так и его результативностью. При современной ситуации на рынке образовательных услуг это требование имеет особое значение, поскольку человек как клиент может предпочесть иного преподавателя (или вуз) в силу его более высокого качества.

Однако явные различия не мешают стремиться к тому, чтобы учебный процесс соответствовал стандартам качества и обладал системой его совершенствования. Опыт работы в вузе, как и в других системах, связанных с уникальными личностями и интеллектуальным трудом, позволяет заключить, что в основе успешной работы лежит доверие к людям, объединенным общей культурой корпорации, желанием постоянного совершенствования.

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ ШКОЛЬНИКОВ В АСПЕКТЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Н.В. Волынкина

В статье делается попытка изучения качеств школьников в аспекте самоопределения как необходимости выбора своей жизненной позиции перед вступлением в самостоятельную жизнь. Рассматриваются такие аспекты самоопределения, как профессиональные интересы, волевые качества, коммуникативные и организаторские способности, жизненные ценности, социальный статус, самооценка.

The article covers on identity formation of schoolchildren and related necessity to make career choice before entering adult and independent life. The article dwells upon such aspects of self-determination as professional interests, will power, communication and organizational skills, values, social status and self-evaluation.

Ключевые слова: самоопределение, социальный статус, жизненные ценности, волевые черты характера, самооценка, педагогическая задача.

Key words: self-determination, social status, values, will, self-evaluation, pedagogical task.

Самоопределение (англ. *self-determination*) – процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни; основной механизм обретения и проявления человеком свободы.

Профессиональное самоопределение – это свободный выбор вида профессиональной деятельности, который должен происходить осознанно, с учетом своих внутренних возможностей и способностей, которые «накладываются» на определенную профессию. То есть речь идет о личностных качествах, от степени развития которых будет зависеть успешность / неуспешность профессиональной деятельности педагогической направленности. Самоопределение становится составной частью процессов, связанных с принятием человеком жизненно важных решений в поисках работы, выбора сферы деловой активности и т.д. Занимая определенную позицию, предвосхищая свое будущее, осознавая свои реальные достижения и недостатки, человек стремится к самосовершенствованию посредством собственной деятельности, общения с другими людьми. Он выступает как субъект собственного развития, определяющий свою жизненную программу.

В сфере образования, наряду с процессом передачи знаний, происходит и процесс передачи способов самоопределения, становясь той сферой, в которой создаются способы и образцы поведения. В этом смысле было бы интересно посмотреть, как развиты определенные личностные качества школьников, которые помогут им найти свое место в жизни, определиться не только с выбором профессии, но и в жизни в целом. Были выбраны учащиеся 9–11 классов (120 человек). Изучение проводилось методом анкетирования. Были выбраны следующие анкеты: «Анкета интересов», позволяющая определить общую направленность на профессии интересов школьников, «Анкета уровня развития волевых качеств», показывающая выраженность волевых черт характера, «Анкета уровня развития коммуникативных способностей», «Анкета отношения к нравственным нормам поведения», «Анкета изучения жизненных ценностей», «Анкета определения организаторских способностей», Методика выявления стержневых черт характера, «Анкета изучения желаемого социального статуса».

Все профессии можно разделить в зависимости от особенностей предмета труда на пять типов:

1) если главный, ведущий предмет труда – это растения, животные или микроорганизмы, то перед нами **тип П** («**Человек – природа**»);

2) если главный, ведущий предмет труда – технические системы, вещественные объекты, материалы, виды энергии, то перед нами **тип Т** («**Человек – техника**»);

3) если главный, ведущий предмет труда – люди, группы, коллективы, общности людей, то перед нами **тип Ч** («**Человек – человек**»);

4) если главный, ведущий предмет труда – условные знаки, цифры, коды, естественные или искусственные языки, то перед нами **тип З** («**Человек – знак**»);

5) если главный, ведущий предмет труда – художественные образы, условия их построения, то перед нами **тип Х** («**Человек – художественный образ**»).

Анкетирование детей показало, что они выбирали профессии **З** и **4** (медицина, биология, спорт, труд в сфере обслуживания, искусство, педагогика). «Анкета уровня развития волевых качеств» показала следующее (табл. 1).

Таблица 1

Выраженность волевых качеств (в %)

Уровень развития волевых качеств / класс	Очень высокий	Низкий	Волевые качества практически не развиты
9 класс	–	100	–
10 класс	30	70	–
11 класс	35	65	–

Видимо, это можно объяснить сегодняшней социальной ситуацией, когда и школа, и семья школьников, утратившая многие социальные функции, прежде всего, воспитательную, испытывают большие трудности.

В этом смысле показательны и результаты анкеты отношения к нравственным нормам поведения (табл. 2).

Таблица 2

Отношение к нравственным нормам поведения (в %)

Уровень развития отношения / класс	Активное, устойчивое положительное отношение	Активное, но недостаточно устойчивое (возможны компромиссы)	Отрицательное, неустойчивое
9 класс	–	100	–
10 класс	17	78	5
11 класс	15	80	5

Не менее интересны результаты выявления стержневых черт характера (табл. 3).

Таблица 3

Стержневые черты характера (в %)

Уровень развития стержневых черт характера / класс	Недооценка, повышенная самокритичность	Самооценка адекватна	Переоценка, отношение к себе некритично
9 класс	7	61	30
10 класс	15	62	23
11 класс	15	60	25

Если говорить о коммуникативных способностях, то здесь мы имеем следующее (табл. 4).

Таблица 4

Уровень развития коммуникативных способностей (в %)

Уровень развития коммуникативных способностей / класс	Высокий	Средний	Низкий
9 класс	29	46	25
10 класс	35	48	17
11 класс	36	44	20

Организаторские способности развиты следующим образом (табл. 5).

Таблица 5

Уровень развития организаторских способностей (в %)

Уровень развития организаторских способностей / класс	Высокий	Средний	Низкий
9 класс	25	38	37
10 класс	31	32	34
11 класс	39	31	30

Дети показали развитие деловых качеств (это и нужно педагогическим специальностям), показывая при этом высокий уровень развития моральных (14), интеллектуальных (10), эмоционально-волевых (6), психологических (11) качеств. Довести организаторские способности до высокого уровня детям поможет ориентация на педагогические профессии, в основе которых лежит, прежде всего, развитие организаторских способностей, без которых в современных условиях невозможно быть социально успешным, лидером.

Не совсем порадовал тест на выявление жизненных ценностей, где дети показывали жизненную ориентацию в основном на внешние ценности (досуг, материальные, признание со стороны окружающих, общественно-политические, внешняя привлекательность, интимное общение, статус), чем на внутренние (отношения со старшими, самостоятельность, творчество, наличие цели и смысла жизни, альтруистические, нравственные, саморазвитие).

Изучение желаемого социального статуса выявило следующее (табл. 6).

Таблица 6

Изучение желаемого социального статуса (в %)

Ожидание / класс	Самореализация	Заработок	Карьера	Альтруизм	Условия труда	Самостоятельность	Общение
9	10	65	67	5	34	17	13
10	11	68	71	–	42	11	37
11	34	83	67	24	31	42	43

Примечание: сумма данных не равна 100, так как учитывалось несколько предпочитаемых ожиданий, набравших самые высокие баллы. Безусловный выбор заработка и карьеры – это примета нашего непростого времени.

Как видим, в плане самоопределения школьников необходима большая кропотливая воспитательная работа, где педагогическая задача – перевод низкого уровня развития изучаемых качеств на более высокие уровни.

**ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА
СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

О.В. Гаврилова

В статье раскрывается одна из главных целей современной методической науки – развитие методологии и технологического комплекса педагогического управления инновационным развитием образовательного пространства на всех его уровнях. Изучение инновационного потенциала личности в сфере теории и методики профессионального образования, в частности, предполагает научную рефлексию всех этапов инновационной деятельности, а также осмысление разнообразных корреляций радикальных и постепенных изменений в системе производства и потребления ценностей разных сфер, в стратегии организации деятельности учреждений среднего специального образования как развивающих уже существующий потенциал личности студента, так и формирующих его на новом, направленном на формирование узкоспециальных профессиональных компетенций, востребованных современной экономикой.

The article discusses one of the main goals of the modern methodical science – the development of the methodology and technological complex of the pedagogical management of the innovative development of the area of education at all its levels. The study of the innovative potential of the personality in the field of theory and methodology of professional education, in particular, provides scientific reflection of all the stages of innovative activities, as well as the understanding of a variety of correlations and the radical and progressive changes in the system of production and consumption of values of different spheres, in the strategy of the organization of activity of institutions of secondary special education as developing the already existing potential of the student, and forming it at a new directed on the formation of highly specialized professional skills required by the economy.

Ключевые слова: методика, инновационный потенциал, развитие, образовательное пространство, личность студента.

Key words: the methodology, the innovative potential of development, educational space, the personality of the student.

Для современного этапа развития социума актуальны инновационные процессы, характеризующие и детерминирующие практически все сферы и уровни общественной активности и личностного пространства человека. Ин-

новатика, обладая мощным креативным потенциалом, охватывает теперь и духовное производство, образование в целом, обуславливая все более глубокое и всестороннее развитие моделей и технологий, способных активизировать новые смыслы, вырабатывать новые ценностные ориентации, тем самым изменяя традиционное миропонимание. Онтология и аксиология инновационных процессов – два наиболее важных аспекта, которые направляют вектор исследовательских поисков в этом проблемном поле. Начавшись с внедрения новаторских методов на разных уровнях экономики, производственно-технологической сферы, имея целью максимальное повышение эффективности и результативности материального производства, в дальнейшем инноватика как перспективное научное направление проецирует свои концепции на культурное, духовное изменение социума, что в целом закономерно: без личности, обладающей инновационным потенциалом, нет и инновационного производства ни в духовной, ни в материальной сферах.

При том, что проблема экономического инновационного потенциала постоянно рассматривается исследователями в масштабах города, отрасли, региона, страны, едва ли не большей актуальностью обладает изучение специфики формирования инновационного потенциала в сфере среднего и высшего образования. Процесс духовного развития социума всегда сложен и противоречив, однако современное общество обладает системой ценностей, целей, приоритетов, которые нередко входят в состояние противоречия по отношению друг с другом, что обуславливает актуальность изучения онтологического и прагматического статуса инновационного потенциала личности. Параметрирование характеристик инновационного потенциала личности может создать условия понимания законов оформления аксиологического содержания в современной экономике, культуре, обществе, а также выстроить образовательные модели, которые будут обеспечивать активизацию инновационного поведения обучающегося, тем самым осуществляя востребованные инновационные действия. Таким образом, одной из целей современной методической науки становится развитие методологии и технологического комплекса педагогического управления инновационным развитием образовательного пространства на всех его уровнях. Изучение инновационного потенциала личности в сфере теории и методики профессионального образования, в частности, предполагает научную рефлексию всех этапов инновационной деятельности (диагностика проблем, проектирование, реализация, анализ результатов), а также осмысление разнообразных корреляций радикальных и постепенных изменений в системе производства и потребления ценностей разных сфер, в стратегии организации деятельности учреждений среднего специального образования, как развивающих уже существующий потенциал личности студента, так и формирующих его на новом, направленном на формирование узкоспециальных профессиональных компетенций, востребованных современной экономикой. При заданном векторе исследования приобретает особое место социально-культурная инноватика, которая заявляет новое видение места и роли человека в обществе: возможность его воздействия на экономику через процесс развития социально-культурной сферы, в котором личность раскрывает себя как активный субъект, преобразующий социальную действительность. Кроме того, именно социально-культурная инноватика закономерно сопряжена в современной методологии с уточнением этнокультурного и поликультурного аспекта развития социума.

Педагогическая специфика инновационной деятельности в сфере высшего образования и детерминированное ею формирование инновационного потенциала студентов вузов коррелирует с особенностями организации воспитательного процесса в ситуациях творчества, активного и самодетерминированного освоения личностью культурных и профессиональных ценностей. Современная теория инноваций в педагогической сфере испытывает воздействие теорий инноваций, выстроенных в философско-культурологическом, социологическом, экономическом, организационно-правовом дискурсе.

Основные процессы, происходящие в современном российском образовании, определяют смену образовательно-культурной парадигмы, которая вызвана переходом российского общества к постиндустриальной стадии развития. Эти процессы способствуют все большей популярности иного культурно-исторического, а, следовательно, и профессионального типа мышления. Основной характеристикой такого мышления следует признать максимальное сокращение времени от возникновения инновационной идеи до ее реализации. Поэтому одной из актуальных задач современного российского образования становится формирование личности, обладающей инновационным типом мышления, что определяет проектирование и реализацию основной стратегии развития системы образования. Общеизвестно, что на систему общего образования возлагается обязанность формирования исходной базы инновационного потенциала, которую составляют общекультурные (социокультурные) качества личности – духовность, гражданственность и эрудиция, – поскольку все они пронизывают содержание образовательного процесса, составляют его атмосферу и должны постепенно становиться свойствами обучающихся, тогда как среднее специальное образование закладывает основы профессиональных компетенций. При этом педагогикой и методикой осознана проблема формирования и реализации инновационного потенциала студентов вузов как определяющее условие модернизации образования в целом.

Термин «инновационный потенциал» получил сегодня довольно широкое распространение. В самом общем виде под инновационным потенциалом понимается совокупность различных видов ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности. Однако при переходе на личностный уровень субъектного, в том числе педагогического, взаимодействия следует учитывать критерии инновационного типа конкретного индивидуума. Именно поэтому востребованы контаминация и конвергенция научных парадигм психологии, социологии, педагогики и методики, что позволяет выявить необходимые для разработки новых образовательных моделей аспекты: представления о «современной», «творческой», «инновационной» личности детерминируют возникновение синергетической модели, актуализирующейся при изучении специфики инновационного потенциала личности: модель современной личности параметрирует черты, востребованные прогностическими тенденциями развития общества, в то время как творчество представляет собой атрибуцию современной личности и инновации одновременно, а инновационность эксплицируется в особом сочетании специфических черт личности.

Переориентация современного общества на реструктурирование образовательного и культурного пространства, функционирование и плодотворный обмен знаниями, а не только экстенсивное развитие материального производства, необходима, прежде всего, потому, что одной из главных целей «нового общества» становится формирование и развитие «целостной личности», в котором сущность человека определяется в значительной степени (помимо

морально-этических качеств) совокупностью знаний, освоенных индивидуумом в жизни. Такая трансформация современного социума закономерно влияет на развитие и изменения качественного своеобразия инновационного типа личности. Как указывает А.Г. Инкелес, аналитическая *модель современной личности* представляет собой совокупность личностных характеристик, формирующихся в процессе модернизации общества под влиянием образования, средств массовой информации и т.д. Существенными чертами такой личности являются:

- 1) открытость экспериментам, инновациям, изменениям;
- 2) готовность к плюрализму мнений, признание существования разных точек зрения без опасения изменения собственного видения мира;
- 3) ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое;
- 4) уверенность и способность в преодолении создаваемых жизнью препятствий;
- 5) планирование будущих действий для достижения целей, как в общественной, так и в личной жизни;
- 6) вера в возможность регулирования и прогнозирования социальной жизни;
- 7) чувство справедливости, основанное на уверенности в зависимости вознаграждения от вклада и мастерства;
- 8) высокая ценность образования и обучения;
- 9) уважение достоинства других вне зависимости от статусной позиции [1, с. 72].

Современная личность в совокупности указанных характеристик стала уже классической моделью в гуманитарной парадигме. Интегральным качеством такой личности является не адаптация к динамизму современной жизни, включающая возможность *самоизменения*, а потенциал смыслопорождения, направленный как на изменение условий социальной жизни, так и на *самоизменение*. Эта типическая особенность современной личности определяет систему личностных черт, а также общие характеристики инновационного мышления, которое выступает как атрибутивный признак инновационного типа личности. Специфика инновационного мышления видится в способности к поливариантности решения в одних и тех же условиях, а также в возможности находить непротиворечивые решения в противоречивых ситуациях. Только контаминация и корреляция этих способностей с соответствующими личностными качествами обеспечивают сущность потенциала смыслопорождения, а интегративным качеством способности к творчеству становится компонент инновационности в самом широком смысле.

Современный социум выдвигает к парадигме качеств работника ряд требований: наряду с компетентностью, определенным набором профессиональных компетенций, заявленных в ГОС ВПО, общим профессионализмом и другими, значимыми становятся инициативность, готовность к инновационным изменениям. В качестве катализатора мобилизации указанных качеств выступают готовность и способность учиться. Данная стратегическая цель смены образовательной парадигмы определяет движущие силы развития образовательного пространства в целом. Если к этому прибавить в качестве косвенного подтверждения признаков инновационной личности те требования, которые предъявляются к профессионалу в любой экономической, социокультурной, образовательной сфере, то можно выявить тенденцию доминирования определенных типологических качеств, среди которых выделяют-

ся творчество, стратегическое планирование, системное развитие, рекурсивность мышления, нестандартность принимаемых решений и т.д.

Одним из важных аспектов, необходимых при моделировании формирования инновационного потенциала личности, является инновационное поведение. Поведение как целостный личностный процесс включает в себя общение и деятельность, в которых человек выступает как познающий и преобразующий себя и мир субъект и является отражением и проявлением его индивидуальности. Человек, ориентированный на инновационную, творческую деятельность, составляет объект исследования современной теории и методики профессионального образования. В рассмотрении основных особенностей субъекта, направленного на инновационную деятельность, в научных исследованиях нет единства. Так, А.И. Пригожин подчеркивает, что главная характеристика субъекта инноваций – это его деятельное самосознание, то есть понимание своей личной инициативы как субъективно возможной и общественно принимаемой основы собственного существования [4]. В концепции исследователя субъектность представляет собой единство целеполагания и целеосуществления в одном лице. Субъект есть деятель, способный к выбору типа деятельности, конкретной роли для себя среди других субъектов, к выработке собственных целей и средств для их достижения. Его отличает уверенность, то есть возможность и желание самому определять свою судьбу, образ жизни, стремление раздвигать рамки реальной независимости и компетентности. Одновременно субъект есть носитель и автор вклада в какую-либо совместную деятельность, партнер в межсубъектных отношениях.

Поведение и деятельность – два аспекта, характеризующие взаимодействие человека с миром, смысловой акцент в понимании поведения приходится не на приспособление человека к природным и социальным условиям существования, а на творческо-преобразовательное отношение человека к условиям его существования, к миру в целом. Поэтому субъект инновационной деятельности проявляет себя в инновационном поведении и в саморегуляции, обеспечивающих актуализацию психических возможностей, компенсацию недостатков, регуляцию индивидуальных состояний в связи с задачами и событиями деятельности. Совокупность указанных черт реализует активное включение субъекта в деятельность, которое требует от него расчета сил на весь период деятельности, в том числе и на период, связанный с непредвиденными трудностями. В связи с этим не любое поведение может способствовать инновационной деятельности. В современном социуме инновационный тип поведения предстает как инициативный тип индивидуального или коллективного поведения, связанный с систематическим освоением социальными субъектами новых способов деятельности в различных сферах общественной жизни либо созданием новых объектов материальной и духовной культур. Как функциональная система такое поведение обусловлено наличием инновационного потенциала личности или сообщества, включающего способность создавать, воспринимать, реализовывать новшества, своевременно избавляться от устаревшего, нецелесообразного опыта и творческие стремления личности или коллектива по преобразованию действительности. В условиях полноценного функционирования социально-экономических законов разделения труда и перемены труда, а также их «катализатора» – закона конкуренции – инновационное поведение становится естественным, массово востребованным, стратегическим типом поведения, который обеспечивает его носителям широкий спектр возможностей для легального развития

соответственно вложенным усилиям. Основными характеристиками инновационного поведения признаются следующие:

✓ *целенаправленность, умение предвосхищать результаты*: при реализации моделей инновационного поведения личность характеризуется весьма точным целеполаганием, что позволяет ей спроектировать собственные действия для наиболее динамичного движения к поставленным целям;

✓ *ориентированность на преодоление возникающих препятствий*, способность к рациональному анализу возникающих затруднений и представлению разумных затрат времени и сил на их преодоление;

✓ *гибкость, подразумевающая адекватную реакцию на быстро меняющуюся обстановку*, способность ориентирования в ситуациях новизны и энтропии, оперативного изменения моделей поведения, не приводящих к достижению результата;

✓ *сочетание спонтанности с возможностью произвольной регуляции*: при условии немедленного реагирования личность в состоянии их совершить, но может также управлять своими реакциями, что касается не только поведения, но и эмоционального реагирования. При реализации модели инновационного поведения такой человек не стремится к постоянному подавлению своих эмоций и чувств, позволяя себе открыто выражать их, но, если это необходимо, он способен контролировать их;

✓ *настойчивость, не переходящая в агрессивность*: человек прилагает усилия для достижения своих целей, но делает это по возможности не в ущерб интересам других людей;

✓ *направленность на достижение успеха, а не на избегание неудач*: при инновационном поведении личность концентрируется на позитивных результатах, а не на избегании возможных негативных последствий;

✓ *созидательность*: личность, реализующая модель инновационного поведения, не тратит силы на борьбу с кем или чем бы то ни было (будь то окружающие люди или собственные особенности психики), а создает то, что считает нужным. Как в бизнесе, так и в учебной, трудовой деятельности, в коммуникации побеждает не тот, кто тратит ресурсы на борьбу с конкурентами, а тот, кто делает свое дело более эффективно, чем они.

Обозначенные черты инновационного поведения позволяют характеризовать его как *социально ориентированное*, направленное на построение конструктивной коммуникации. Личность, проявляющая инновационное поведение, стремится к установлению гармоничных межличностных взаимоотношений с окружающими, основанных на доверии, взаимопонимании и сотрудничестве. Эта стратегия поведения сохраняется и в случае возникновения затруднений в реализации целей. Эмоционально-оценочное отношение к нововведениям в деятельности, уровень восприимчивости инноваций определяют вектор инновационной активности. Проявления инновационного поведения обладают определенной спецификой: отношения в процессе совместной деятельности и межличностного психического взаимодействия формируют социально-психологические, функциональные, организационные, экономические отношения. Личностно-избирательное отношение субъектов инноваций друг к другу, к содержанию инновации и порождаемым изменениям может проявиться в поведении в новаторских, активных действиях, суждениях, представлениях, настроениях, ожиданиях и представляет собой специфический сплав сознательного и бессознательного, рационального и эмоционального, систематизированного и бессистемного. Такое поведение активно влия-

ет на процесс становления нового, на реализацию инновационного потенциала каждой личности, включенной в любую сферу деятельности: коллективную или индивидуальную.

Итак, формирование инновационного потенциала как педагогическая проблема включает в себя понимание инновационного поведения как определяющей характеристики современной личности. Такая модель поведения осуществляется путем выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов. Чувствительность к проблемам, которая заключается в способности выходить за рамки заданных инструкций, самостоятельно обнаруживать и ставить задачи, организовывать собственную мыслительную деятельность, предполагает «выход за пределы» и является одной из характеристик инновационного потенциала личности [2; 3]. Так, уровень чувствительности к проблемам у студентов вузов, вовлеченных в инновационную деятельность, выше, чем у студентов, не имеющих опыта вовлечения в инновационную деятельность. Закономерен вывод о том, что чувствительность к проблемам может выступать в качестве одного из диагностических показателей инновационного потенциала личности. Важно при этом отметить, что для определенной части учащихся, имеющих разный опыт вхождения в инновационную деятельность, характерны различные формы «ухода» от противоречий в ходе мыслительной деятельности, своего рода «когнитивный эскапизм».

Отметим, что в ходе нашего исследования доказано отсутствие однозначной коррелятивной связи между чувствительностью к проблемам и такими характеристиками инновационного потенциала личности, как толерантность к неопределенности, стремление к изменениям и психологическая готовность к инновационной деятельности, а также между глубиной и скоростью формирования узкопрофессиональных компетенций. Возможно, данный факт свидетельствует об отсутствии однозначной зависимости между ресурсными и поведенческо-деятельностными составляющими инновационного потенциала личности.

Исходя из того, что общение – это одна из областей деятельности, которая обеспечивает развитие и самоактуализацию личности в обществе, мы считаем, что именно в коллективной деятельности, в процессе освоения молодыми людьми различных способов взаимодействия при решении практических задач и разрешении проблемных ситуаций возможно формирование у них новых представлений о себе как о субъектах деятельности, развитие оценочных отношений, формирующих самооценку и оценку друг друга, гибкости во взаимодействии с окружающими, способности к творческому подходу при решении практических задач. Все это является важным источником осознания личностью себя субъектом деятельности и реализации ею инновационного поведения.

Список литературы

1. Карпова Ю. А. Введение в социологию инноватики : учеб. пос. / Ю. А. Карпова. – СПб. : Питер, 2004. – 192 с.
2. Клочко В. Е. Психология инновационного поведения / В. Е. Клочко. – Томск : Томск. гос. ун-т, 2009. – 240 с.
3. Кочетовская Е. В. Системная детерминация чувствительности к проблемам как развивающегося свойства личности : дис. ... канд. психол. наук / Е. В. Кочетковская. – Барнаул, 1999. – 162 с.
4. Пригожин А. И. Нововведения: стимулы и препятствия / А. И. Пригожин. – М. : Политиздат, 1989. – 271 с.

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Е.Н. Гребенюк

В статье исследуются особенности синергетического подхода в сфере гуманитарного знания. Проблемы рассматриваются в контексте социально-философских изысканий организационных оснований нелинейного развития современного общества. Осуществляется теоретико-методологический анализ синергетических идей в сфере образования. Рассматриваются вопросы применения возможностей синергетики для анализа управленческих процессов в высшей школе, а именно в студенческом самоуправлении.

This article is devoted to the peculiarity of a synergetic approach in the sphere of humanitarian knowledges. The problems are investigated in the context of social-philosophical studies of organizational basis of the unliniar development of modern society. The author carries out a theoretical – methodological analysis of the synergetic ideas in the educational sphere. The problems of the employment of synergetic possibilities for analysis management's process of high school and exactly of student's self-government are considered.

Ключевые слова: синергетика, социальные и педагогические системы, гуманитарные системы, синергетический подход, студенческое самоуправление, диссипативная структура, самоорганизация.

Key words: synergetic, social and pedagogical systems, self-organization; humanitarian systems, synergetic approach, student's self-government, dissipative structure, self-organising.

Динамика развития общества в третьем тысячелетии, возрастание социальной и интеллектуальной роли личности требуют совершенствования управленческой системы высшей школы. К управлению, особенно к студенческому самоуправлению в вузе, в настоящее время проявляют интерес самые высокие властные структуры. В новых направлениях развития РФ в связи с модернизацией высшей школы необходимо изменить подход в деятельности студенческого самоуправления как полноценной структурной части вузовского менеджмента. Модель структуры студенческого самоуправления вуза должна строиться на современных методологических подходах научного знания. Одним из таких, на наш взгляд, является синергетический подход.

Как показывает анализ теоретических исследований в этом направлении, применение принципов синергетики в современной гуманитарной науке встречает определенные трудности. Методология синергетики была разработана в сфере естественнонаучного знания. Она оперирует специфическими понятиями, содержание которых определено для конкретной области знания. Для гуманитарной сферы необходимо интерпретировать содержание понятий синергетики, чтобы прийти к соглашению или зафиксировать несогласие по поводу того, что мы имеем в виду под используемыми терминами. Эта интерпретация не может быть однозначной, поэтому перенос понятий из естественнонаучной области в гуманитарную является серьезной проблемой для использования синергетики в гуманитарном знании. Этот процесс выявляет стремление синергетики к синтезу естественнонаучного и гуманитарного знания.

Модель развития, предлагаемая синергетикой, опирается на определенные параметры и критерии эволюции. Насколько они применимы к гуманитарному знанию, как их интерпретировать в понятия, выражающие измере-

мые и оцениваемые величины (поскольку необходимо определить критерии эффективности образования), предстоит еще выяснить.

Приверженцы синергетического подхода позволяют не только анализировать современный культурный процесс, но и прогнозировать его развитие. Отдельный вопрос связан с этическим аспектом данной проблемы, поскольку синергетический метод, используемый при анализе биологических, антропологических и социально-культурных систем, далеко не всегда применим к взаимоотношениям личности и общества.

Необходимо определить границы применения синергетической методологии к системе гуманитарного образования. Эвристический потенциал синергетической парадигмы огромен, но она, разумеется, не панацея от всех бед современного образования. Тем не менее, использование синергетики как методологической парадигмы поможет выявить новые аспекты процессов, происходящих в современном образовании.

Контекст синергетики дает возможность плодотворно взаимодействовать ученым разных специальностей на языке системного осмысления и поиска новых решений. Синергетический метод исследования как научный характеризуется неоднозначными оценками и неопределенностью, но при этом остается востребованным обществом.

В сложных и неоднозначных процессах развития современного общества все большее значение приобретает анализ самоорганизующихся систем. Поэтому в последнее время все большее внимание ученых разных направлений научного знания привлекает синергетический подход как научно-методологическое направление объяснения объективной реальности развития постиндустриального общества.

Синергетическое мировоззрение предполагает установление внутренних связей между естественными и гуманитарными науками, восточным и западным мировосприятием, новой наукой о сложном, нелинейности, хаосе и старой культурой, наукой и искусством, наукой и философией. Оно предполагает «познание мудрости мягкого управления» через советы и рекомендации, управления, фактически равного самоуправлению. Современная педагогическая наука все более активно применяет законы синергетики в исследовании закономерностей педагогических процессов.

Синергетика (от греч. *synergeia* – сотрудничество, содружество) – междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем.

В отечественной литературе, кроме перечисленных, употребляются и некоторые другие определения, например, «теория самоорганизации», но преимущественно принят термин «синергетика» (совместное кооперативное действие) как наиболее краткий и емкий. Споры о названии новой теории связаны с недостаточной ясностью ее предмета, с постоянным выходом предмета за первоначально очерчиваемые границы. Предмет новой науки находится в движении, и философия принимает участие в определении его сути, возможностей и границ, анализируя значение новых идей, постигая общекультурный смысл концептуальных понятий теории самоорганизации.

В основе познания синергетических идей лежит философия, которая способствует освоению научными дисциплинами синергетических концептов, развивает социально-философское приложение синергетических идей,

актуализирует и наполняет новым смыслом синергетические понятия, характеризующие социальное развитие.

С первых шагов становления нового направления его основатели задумывались о границах применимости собственных исследований, а также о возможности его применения к социально-философскому знанию, выходящему за область точных наук. И. Пригожин и Г. Николис отмечали такие трудности применения синергетики к анализу социальных процессов, как неопределенность переменных («качество жизни», например), необходимость учета «...довольно жестко заданного внешнего окружения, с которым рассматриваемая система обменивается веществом, энергией и информацией; наличие у человека "собственных проектов" и "собственных желаний"» [17, с. 13]. По этой причине различие между желательным и действительным поведением выступает как внешнее условие нового типа, определяющее контуры динамики, наряду с внешней средой. Таким образом, сложности применения синергетики к анализу социальных процессов связаны с *уникальной спецификой гуманитарных систем*, состоящей в том, что их эволюция определяется поведением действующих лиц во взаимодействии с условиями, накладываемыми внешней средой. Это подводит авторов к выводу о высокой степени непредсказуемости будущего, составляющей суть человеческих поступков [15; 16].

Другое направление представляет Герман Хакен, обративший внимание на возможность объяснения методами синергетики экологических, социологических и экономических проблем, анализировавший процесс формирования общественного мнения [18–20].

Базой для развития синергетики является и общая теория систем, автор которой Л. Бертоланфи считается одним из основателей синергетики. В теории систем исследователи выделяют три базовых понятия:

1) *динамическая система*, параметры и свойства которой меняются со временем под внешними или внутренними воздействиями, в том числе случайными; развитие системы – увеличение числа и сложности элементов системы или связей между ними (возрастание сложности системы);

2) *сложность системы* – понятие, связанное со структурой ее элементов (элементы системы сами могут быть системами, обладающими способностью к самоорганизации и в определенных случаях к «соразвитию» или «коэволюции»);

3) *бифуркация* – фундаментальная особенность поведения сложных систем, подверженных сильным воздействиям и напряжениям, момент выбора нового канала эволюции. При организации системы (как целого) образуются новые свойства, которые оказывают ответное воздействие на части (целое есть нечто большее, чем сумма его частей). В то же время части могут обладать качествами, подавляемыми при организации целого (целое меньше, чем сумма составляющих его частей) [2].

По мнению академика Н.Н. Моисеева, «все наблюдаемое нами, все, в чем мы сегодня участвуем – это лишь фрагменты единого синергетического процесса...» [12, с. 53].

Таким образом, можно утверждать, что новые открытия и теории, определяющие развитие науки в XX в., в той или иной степени подготовили формирование синергетики как научной картины мира постнеклассического периода и тем самым заложили основы ее парадигмального характера.

В этом осознании огромную роль сыграла синергетика, которая стирает непреодолимые грани между физическими и химическими процессами, с одной стороны, биологическими и социальными, с другой. Так, первые облада-

ют свойствами само-дотраивания, само-воспроизведения структур, направленности на получаемое целое, а вторые, «несмотря на свою многоэлементность, многомерность, иерархическую *организованность*, могут быть описаны немногочисленными параметрами» [13]. Размывая традиционное различие «точных» и «качественных» наук, синергетика осуществляет целостный взгляд на проблему, причем не *упрощением*, а *интеграцией* новейших достижений современного знания. Новая парадигма описывает различные стороны и стадии эволюционного процесса с инвариантными общими законами. Синергетика свидетельствует о выходе сознания человека на уровень понимания единства всего существующего, выхода на междисциплинарный уровень, но пространство для диалога гуманитарного и естественнонаучного знания пока еще находится в стадии формирования, становления.

В целом работы обществоведов и гуманитариев, основанные на использовании наработок в области синергетических законов развития и эволюции сложных систем, мы считаем возможным разделить на три класса. Это, прежде всего, работы философско-мировоззренческого плана, использующие идеи синергетики в их общем виде, акцентирующие внимание на познавательных возможностях, открываемых синергетикой, оперирующие понятиями «новое мировоззрение», «нелинейное мышление», «новая стратегия научного знания» и не прибегающие к интерпретации специфических синергетических понятий. К таким исследованиям можно отнести работы И. Пригожина, Е. Князевой, Я. Свирского и других.

Второй класс работ носит уже более точный и направленный характер. В них такие понятия синергетики, как «хаос», «бифуркация», «саморазвитие», «аттрактор», «диссипативные структуры» и др., наполняется авторами, соответствующим определенной гуманитарной дисциплине смыслом и служат основой новых концептуаций. Из этого возникают синергетика истории, социальная синергетика, экономическая синергетика, психосинергетика и т.д. В качестве примера можно привести работы российских ученых В. Васильковой, С. Курдюмова, Е. Князевой, А. Назаретяна, А. Венгерова и других. Авторы используют синергетические идеи как новое осмысление дисциплинарных проблем и как качественные интерпретационные модели соответствующих социальных явлений. Как пишет В. Аршинов, в этом случае концептуальный аппарат синергетики «является отправной точкой роста новых образов и представлений в науке» [1, с. 66].

Третий класс включает работы, требующие совместных усилий представителей естественных наук и гуманитариев. Такие работы активно используют математический аппарат, предлагают компьютерные модели исследуемых явлений. Их отличают конкретность и точные количественные показатели. В таком направлении работают О. Митина, С. Капица, С. Курдюмов, Г. Малинецкий, Е. Хмелько и другие.

Мы считаем, что интересом к проблеме содержания и саморазвития определенным образом организованных социальных систем и образовательных институций объясняется бурное развитие в последнее десятилетие психолого-педагогического направления исследования синергетических процессов: Н.М. Таланчука по вопросам системно-синергетического подхода к организации воспитательной практики суза, В.М. Яковлевой по исследованию условий и причин самоорганизации среднего специального образования, Л.Н. Ревягина по проблеме синергетической структуры непрерывного образования, В.П. Корсунова, рассматривающего социальные аспекты педагогики профес-

сионального образования, М.И. Рожкова по вопросам организации и воспитательных функций самоуправления в вузе, А.П. Уманского, рассматривающего содержание внутренних организационных механизмов синергетической деятельности педагогических и студенческих коллективов.

Такое понимание системных связей и взаимодействий полностью, на наш взгляд, не только вписывается в гуманистическую парадигму, определяющую сущностное наполнение современной российской педагогики, но и может быть отнесено к содержанию и технологии таких педагогических подходов, как субъект-субъектный, рефлексивно-деятельностный, личностно-ориентированный. Исследователи в области личностно-ориентированного обучения (В.В. Сериков, И.С. Якиманская, П.Г. Щедровицкий, Е.В. Бондаревская и другие) настойчиво пропагандируют мысль о необходимости взгляда на личность ученика как пристрастного субъекта учебной деятельности, которому необходимо помочь в самоорганизации учебного процесса. Обобщая мнения специалистов и исходя из темы нашего исследования, важно также назвать следующие направления реализации идей синергетики в образовании:

1) применение идей синергетики в содержании образования (В.Г. Буданов, В.А. Игнатова, Е.Н. Князева и др.);

2) синергетический подход в организации образовательного процесса (В.А. Игнатова, Т.М. Жидких, И.В. Меньшиков, С.П. Курдюмов, Н.М. Полетаева и др.);

3) реализация идей синергетики в моделировании и прогнозировании развития образовательных систем (В.Г. Виненко, В.А. Игнатова, В.А. Захаров и др.).

Синергетика предполагает принципиально новый подход к управлению образовательным учреждением: исходя не из анализа конкретной ситуации и непосредственных тенденций развития, а из понимания отдельных целей развития, то есть структур-аттракторов эволюции сложных систем. Нелинейное мышление способствует наиболее адекватному отражению действительности в сознании человека, позволяет строить разнообразные модели развития управленческих ситуаций с учетом их внутренних условий и внешних факторов, разрабатывать разные варианты их развития, прогнозировать результаты и выбрать наиболее эффективный путь действий.

Мы согласны с В.А. Игнатовой, которая подчеркивает, что «если в поле научного знания синергетика может стать единой обобщающей идеей, то в области перекрывания научного и ненаучного такими идеями были и остаются конвергенция, принципы аддитивности, дополнительности и обобщающие философские идеи» [7, с. 73].

В свете понимания этого проблема синергетического подхода в студенческом самоуправлении вуза видится нам в нескольких исследовательских ракурсах: во-первых, в научной специфике синергетического подхода в решении социальных и управленческих вопросах современного общества, во-вторых, в педагогической специфике студенческого самоуправления как составляющей целостного учебно-воспитательного процесса вуза. Мы считаем, что *студенческое самоуправление представляет собой целостную открытую социальную систему нелинейной природы, которая имманентно изменяет свои свойства исходя из потребностей социума, внешней и внутренней среды вуза, интересов студенчества; выполняет функции активизации социальной активности личности, раскрытия ее потенциала и профессиональной направленности.*

С точки зрения синергетики, которая выдвинула смелую и весьма плодотворную идею о самопроизвольном возникновении порядка из хаоса, случайность, нестабильность, неустойчивость рассматриваются как важные факторы развития. Одним из таких факторов является спонтанность студенческого социума в студенческом самоуправлении, это объективированное выражение «хаоса, случайности, нестабильности, неустойчивости», которые при особом виде управления, адаптивном, могут выступить средством развития личности студента, учебного и внеучебного взаимодействия между студентами, корпоративной культуры учебной группы, факультета, вуза, что в целом повышает уровень удовлетворенности жизнедеятельности студентов в университете.

Для характеристики синергетически организованной системы, какой, на наш взгляд, является студенческое самоуправление, важно рассмотрение не только ее внутренних структурно-качественных связей и значений, но и всего спектра ее связей с внешней средой (метауровень), во взаимодействии с которой система выявляет и реализует имманентные качества, ей присущие.

Любая целостная система находится в состоянии постоянного развития и самосовершенствования, причем каждый элемент системы, включающий в себя не менее двух субъектов взаимодействия, может быть рассмотрен и как самостоятельная целостность, и как самодостаточный компонент другого уровня системных связей и опосредований как более низкого, так и более высокого порядка. Особое внимание в синергетически осмысленном педагогическом подходе следует уделить выявлению общих и частных механизмов управления и информационного насыщения разноуровневыми составляющими процесса функционирования и развития объекта как целенаправленно организуемой и социально прогнозируемой системы.

Понимание этого требует применение такого подхода, который бы позволил учитывать все перечисленные свойства целостной, открытой и динамической системы – студенческого самоуправления. Таковым подходом является, на наш взгляд, синергетический, который и был положен нами в основу разработки концепции студенческого самоуправления в вузе как структурной части вузовского менеджмента.

Список литературы

1. Аршинов В. И. Как синергетика может содействовать становлению новой модели образования / В. И. Аршинов // Синергетика и образование. – М. : Гнозис, 1997. – С. 61–66.
2. Бертоланфи Л. Общая теория систем / Л. Бертоланфи. – М., 1968.
3. Богуславский М. В. Синергетика и педагогика / М. В. Богуславский // *Magister*. – 1995. – № 7.
4. Буданов В. Г. Синергетические стратегии в образовании. Философские проблемы образования / В. Г. Буданов. – М. : РАГС, 1996.
5. Василькова В. В. Самоорганизация в социальной жизни / В. В. Василькова // *Социально-политический журнал*. – 1993. – № 8. – С. 5.
6. Зорина Л. Я. Отражение идеи самоорганизации в содержании образования / Л. Я. Зорина // *Педагогика*. – 1996. – № 4.
7. Игнатова В. А. Формирование экологической культуры: теория и практика / В. А. Игнатова ; под ред. В. И. Загвизинского. – Тюмень : ТГУ, 1998.
8. Капица С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. – М., 1997.
9. Князева Е. Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса / Е. Н. Князева. – М. : Институт философии РАН, 1995. – 228 с.

10. Князева Е. Н. Синергетика как средство интеграции естественнонаучного и гуманитарного образования / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Высшее образование в России. – 1994. – № 4.
11. Князева Е. Н. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : УРСС, 2007.
12. Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития / Н. Н. Моисеев. – М., 1987.
13. Назаретян А. П. Модели самоорганизации в науках о человеке и обществе / А. П. Назаретян // Синергетика и образование. – М. : Гнозис, 1997. – С. 95–104.
14. Николис Г. Познание сложного / Г. Николис, И. Пригожин. – М. : Мир, 1990.
15. Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / Г. Николис, И. Пригожин. – М. : Мир, 1979. – 512 с.
16. Пригожин И. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс / пер. с англ. – М., 1994.
17. Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин. – М., 2001.
18. Таланчук Н. М. Системно-синергетическая концепция педагогики и учебно-познавательного процесса / Н. М. Таланчук. – Казань, 1993.
19. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен. – М. : Мир, 1991.
20. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М., 1985.
21. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Г. Хакен. – М. – Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2003. – 320 с.

**СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПОНЯТИЯ «ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ
НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
К ВЫБОРУ ПЕДАГОГИКО-ЭРГОНОМИЧЕСКИХ
УСЛОВИЙ ОБУЧЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ»**

Л.Н. Давыдова, Е.В. Рябова

В статье представлены основные подходы к пониманию педагогико-эргономических условий обучения младших школьников. На основе контент-анализа определена сущность понятия «готовность будущих педагогов начального образования к выбору педагогико-эргономических условий обучения младших школьников». Дается научное обоснование структуры готовности будущих педагогов к выбору педагогико-эргономических условий обучения младших школьников как единство взаимосвязанных компонентов: целевого, когнитивного, деятельностного и рефлексивного, а также выделены основные группы педагогико-эргономических условий обучения младших школьников.

The article presents the main approaches to understanding the pedagogical and ergonomic conditions of education primary school children. On the basis of content analysis to determine the nature of future teachers the concept of readiness for primary education, the choice of pedagogical and ergonomic conditions. We give a scientific justification for the structure ready for future teachers to the choice of pedagogical and ergonomic conditions of training primary school children as a unity of interrelated components: trust, cognitive, and reflective of the activity, and highlights the main group of pedagogical and ergonomic conditions of training younger students.

Ключевые слова: педагогическая эргономика, педагогико-эргономические условия обучения, готовность к выбору педагогико-эргономических условий, структурно-содержательная характеристика готовности студентов.

Key words: educational ergonomics, pedagogical and ergonomic conditions of training, willingness to choose pedagogical and ergonomic conditions, structural and content characteristics of readiness of students.

Одной из важнейших задач современной высшей школы является «подготовка конкурентоспособных специалистов широкого спектра» [4, с. 92], способных к осуществлению профессионально-педагогической деятельности, направленной на создание условий, способствующих успешному и качественному обучению учащихся.

Говоря о младшем школьном возрасте, необходимо отметить, что он является этапом существенных изменений в психическом, физиологическом развитии ребенка. Соответственно, полноценное проживание им этого возрастного этапа возможно при активной и определяющей роли родителей и педагогов. В данный период для развития младшего школьника важно создать условия, обеспечивающие реализацию его потенциальных возможностей с учетом индивидуальных особенностей. Полагаем, что для достижения этой цели в образовательном процессе современной школы педагогу необходимо использовать в своей профессиональной деятельности знания педагогической эргономики и эргономики в целом, что позволит качественно улучшить процесс обучения младших школьников.

Учитывая, что эргономика – это наука, изучающая человека и его функциональные способности в процессе деятельности с целью ее оптимизации, для нашего исследования важно, то, что «синтезируя достижения целого ряда наук о трудовой деятельности и технических дисциплинах, эргономика может способствовать установлению соответствующих межпредметных связей и лучшей организации самого процесса обучения» [6, с. 31]. Конкретизация предмета эргономических исследований привела к рассмотрению эргономики с разных научных позиций: космической, производственной, медицинской, экономической, педагогической эргономики. В результате ряд авторов (В.П. Зинченко, В.М. Мунипов, Т.С. Назарова, А.А. Ченцов, Е.С. Полат и др.) высказывают мысли о возможности перенесения эргономических принципов и рекомендаций с производственного процесса на процесс образовательный.

Согласно С.Г. Плукину, комплексные критерии оптимальности, которыми руководствуется производственная эргономика, могут быть применены в педагогической эргономике, поскольку они учитывают ее сущность, отражают степень эффективности системы (точность, надежность, производительность) и соответствие психофизиологии человека (безопасность для здоровья преподавателя и учащегося, уровень напряженности и усталости, эмоциональное воздействие на процесс деятельности преподавателя и учащегося). Иначе говоря, эргономические критерии учитывают взаимосвязанное влияние на преподавателя и учащегося психофизиологических, физиологических, антропометрических и гигиенических факторов, которые определяются соответствующими параметрами образовательной среды.

А.А. Ченцов справедливо отмечает, что, хотя эргономика исследует систему «человек – машина», многие ее выводы и рекомендации вполне могут быть полезны для совершенствования процесса обучения в школе. Также автор полагает, что использование рекомендаций этой науки при конструировании школьного оборудования, при оформлении наглядных пособий, созда-

нии необходимого комфорта в классе, несомненно, окажет положительное воздействие на процесс приобретения учащимися знаний, умений и навыков, улучшит качество образовательного процесса в целом.

Таким образом, эргономика совместно с педагогикой призвана содействовать совершенствованию процесса обучения. Это вытекает из основных задач педагогической эргономики как одного из направлений педагогики. Она изучает физиологические, психологические и трудовые возможности ученика с целью создания оптимальных условий его деятельности – условий, способствующих сохранению здоровья, эффективности его деятельности при определенных затратах биологических ресурсов, «энергии» нервной системы, времени и материально-технических средств. Такие условия, на наш взгляд, позволят обеспечить оптимальное развитие, обучение и воспитание подрастающего поколения.

Все это говорит о необходимости совершенствования существующих условий обучения в школе, в частности, начальной ступени образования.

Напомним, что в общем смысле понятие «условие» в словаре русского языка [12, с. 139] трактуется, с одной стороны, как обстоятельство, от которого зависит что-либо, с другой, как обстановка, в которой что-либо осуществляется. Российская социологическая энциклопедия определяет данный термин как среду, обстановку, в которой явления или процессы возникают, существуют и развиваются [9]. Педагогическая трактовка данной категории представлена в работах Л.С. Выготского [3], И.Я. Лернера [8], Ю.К. Бабанского [1], которые рассматривают педагогические условия как факторы, обстановку, результат, обеспечивающие успешное и эффективное обучение. В свою очередь, эргономические условия В.М. Муниповым, В.П. Зинченко [6], Е.С. Рапацевич [11] определяются как условия, способствующие всестороннему развитию личности и высокопроизводительности ее труда или деятельности (в частности, учебной деятельности). В итоге цель, с которой создаются педагогические условия, планируемый результат, особенности среды, в которой осуществляется процесс достижения цели, в свою очередь, определяют выбор адекватных педагогико-эргономических условий.

Однако в научной литературе сущность понятия «педагогико-эргономические условия» рассмотрена весьма мало. Так, Д.Р. Баетова в своем диссертационном исследовании рассматривает педагогико-эргономические условия как «обстоятельства, при которых <...> среда <...> способствует формированию профессиональных знаний, умений, личностно-профессиональных компетентностей, развитию профессиональной направленности личности с учетом комплекса антропометрических, физиологических, психологических особенностей человека...» [2, с. 64].

На основе вышеизложенного мы пришли к заключению, что под педагогико-эргономическими условиями можно понимать совокупность взаимосвязанных факторов, необходимых для организации целенаправленного образовательного процесса, который способствует эффективному обучению младшего школьника с учетом комплекса психолого-педагогических, физиологических и антропологических особенностей его развития.

Принимая во внимание распределение Л.Н. Давыдовой [5, с. 18] критериев качества образования по типологическим группам, мы в результате анализа педагогической и специальной литературы предприняли попытку выделить типологические группы педагогико-эргономических условий:

1) психолого-педагогические – опора на педагогические принципы обучения младших школьников с учетом эргономических требований (принцип научности, принцип единства сознания и деятельности, принцип доступности, принцип связи обучения с жизнью, принцип наглядности, принцип безопасности и комфортности, принцип надежности, принцип комплексности, принцип психофизиологической адаптации, принцип эстетичности); использование личностно-ориентированного подхода в процессе обучения младших школьников с учетом эргономических требований и правил; использование здоровьесберегающих технологий в обучении младших школьников (организационно-педагогические технологии, психолого-педагогические технологии, учебно-воспитательные технологии, социально адаптирующие и личностно-развивающие технологии, лечебно-оздоровительные технологии);

2) санитарно-гигиенические условия – физиологически и психологически обоснованное расписание занятий, создание эргономичной учебно-предметной среды (требования к освещенности, газовому и тепловому составу воздушной среды, влажности, температуре, давлению, запыленности, вентилируемости, токсичности, шуму (звуку) и т.д.);

3) антропологические – материально-технические (оснащение образовательных учреждений необходимым оборудованием: эргономичные ученические столы 1–2-местные, с комплектом стульев, учительский стол, классная и магнитная доски с набором приспособлений для крепления таблиц, плакатов и картинок, компьютерная и мультимедийная техника и т.д.; использование эргономичной мебели для рационального размещения и хранения материально-технического и учебно-методического оборудования: шкафы для хранения учебников, дидактических материалов, пособий и пр., подставки для книг, держатели для схем и таблиц, полки для компьютерной техники); технико-эстетические (оформление интерьеров с учетом основных требований эрго-дизайна: деление классной комнаты на зоны: учебную, игровую, информационную, отдыха; оптимальный выбор цветового оформления кабинета, способствующий успокоению, комфортному пребыванию в помещении и активизации детей в разные периоды обучения; рациональное оборудование рабочих мест: учет возрастных и индивидуальных особенностей младших школьников, оптимальное расположение рабочих зон, рабочей позы учащегося, учебной мебели, классной доски).

Таким образом, становится важным включение в профессиональную подготовку будущих педагогов начального образования овладение основными знаниями и умениями, способствующими адекватному выбору педагогико-эргономических условий и реализации их на практике, так как данные условия непосредственно влияют на эффективность и качество обучения младших школьников. В связи с этим считаем необходимым формировать у педагогов начального образования готовность к выбору педагогико-эргономических условий обучения младших школьников.

Проблема формирования готовности будущих педагогов к профессиональной деятельности находятся в центре внимания многих психолого-педагогических исследований. Анализ научной литературы по данной проблеме показал, что существуют различные подходы к пониманию и определению структурно-содержательной характеристики готовности будущих педагогов к профессиональной деятельности.

Сторонники одного подхода (С.Л. Рубинштейн, Е.П. Ильин, Г.М. Коджаспирова, К.М. Дурай-Новакова, А.И. Мищенко) определяют готовность

как определенное психическое состояние личности, способность, обеспечивающую быструю актуализацию, адаптацию и совершенствование в профессиональной деятельности.

Исследователи другого подхода рассматривают готовность как интегративное, значимое качество личности, включающее в себя совокупность взаимосвязанных структурных компонентов: мотивационный, содержательный и деятельностный (Б.Г. Ананьев, Б.Д. Ломов, К.К. Платонов, П.П. Горностай, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.В. Сериков). Более емко о готовности будущих учителей говорит В.А. Сластенин, который определяет ее как систему профессионально-личностных качеств, чей опыт, знания, умения, навыки, потребности, мотивы позволяют успешно включаться в профессиональную деятельность и осуществлять ее оптимальным образом.

Проведенный контент-анализ определений готовности будущих педагогов к профессиональной деятельности позволил выявить общее и отличия в трактовке указанной научной категории. Авторы подходов рассматривают готовность как определенное состояние, систему качеств и свойств, необходимых для успешной деятельности и саморазвития. Отличия, в свою очередь, состоят в том, что сторонники каждого из подходов рассматривают готовность в определенных направлениях: психологическом и личностном, что дает возможность более разносторонне изучить проблему готовности будущих педагогов начального образования к выбору педагогико-эргономических условий обучения младших школьников.

Попытаемся теоретически обосновать структуру готовности студентов к выбору педагогико-эргономических условий для обучения младших школьников.

В отечественной науке широкое признание получил подход к выявлению компонентов готовности к профессиональной деятельности, отраженный в работах И.А. Колесниковой, В.В. Серикова [7; 10]. Так, И.А. Колесникова выделяет следующие структурные компоненты готовности: личностно-гуманная ориентация; умение системно воспринимать педагогическую реальность и системно в ней действовать; свободная ориентация в предметной области; владение современными педагогическими технологиями; умение соотносить свою деятельность с тем, что наработано на уровне мировой педагогической культуры в целом, отечественной педагогики в способности продуктивно взаимодействовать с опытом коллег, инновационным опытом, в умении обобщить и передать свой опыт другим; креативность как способ бытия в профессии, желание и умение создавать новую педагогическую реальность на уровне ценностей (целей), содержания, форм и методов многообразных образовательных процессов и систем; рефлексия, то есть способность к способу мышления, предполагающему отстраненный взгляд на педагогическую реальность, историко-педагогический опыт, на собственную личность.

Интересен подход В.В. Серикова, который рассматривает готовность педагога в контексте реализации личностно-ориентированного подхода в педагогической деятельности. По словам автора, приоритетным объектом внутришкольного управления является учитель, его профессионализм, эффективность, уверенность в своих силах. Профессиональная готовность учителя к реализации модели личностно ориентированного образования предполагает овладение им такими операциями, как:

- 1) диагностика личностных свойств и функций учащихся;
- 2) постановка целей личностного развития учащихся на основе возрастных норм социализации личности, изучения индивидуально-личностного потенциала воспитанников;
- 3) проектирование новообразований в личностной сфере учащихся, характерных для данного этапа онтогенеза;
- 4) определение возможностей создания личностно-ориентированной педагогической ситуации средствами своей учебно-предметной деятельности (специфичными для естественнонаучных и гуманитарных дисциплин);
- 5) применение приемов контекстуализации, диалогизации и игротезации материала;
- 6) применение критериев для оценки развития учащихся, личностно-развивающих возможностей урока, собственной эффективности.

Вслед за вышеуказанными авторами считаем целесообразно структуру готовности будущих педагогов начального образования к выбору педагогико-эргономических условий обучения младших школьников представить как единство следующих взаимосвязанных компонентов:

- 1) целевой компонент отражает постановку целей и задач, направленных на осуществление выбора педагогико-эргономических условий для успешного обучения младших школьников;
- 2) когнитивный компонент представлен совокупностью теоретических и практических знаний в области педагогики, дидактики, педагогической эргономики, психологии, которыми должен руководствоваться педагог для определения педагогико-эргономических условий;
- 3) деятельностный компонент включает совокупность компетенций, позволяющих будущему педагогу определять и применять педагогико-эргономические условия обучения младших школьников в учебном процессе и решать поставленные задачи, что в совокупности способствует расширению опыта осуществления профессиональной деятельности;
- 4) рефлексивный компонент раскрывает возможность анализировать и оценивать ход и результаты собственной деятельности и способность к рефлексии в выборе педагогико-эргономических условий.

Таким образом, готовность будущих педагогов начального образования к выбору педагогико-эргономических условий обучения младших школьников – это сложное интегративное образование, которое проявляется в способности адекватно осуществлять выбор педагогико-эргономических условий и их реализацию в учебном процессе на основе целенаправленной профессионально-педагогической активности студентов.

На основе проведенного исследования мы пришли к выводу, что выполненная работа не претендует на исчерпывающую полноту разработки проблемы формирования готовности будущего педагога начального образования к выбору педагогико-эргономических условий обучения младших школьников. Так, актуальным представляется определение возможностей формирования готовности будущего педагога начального образования как основного компонента профессиональной компетентности.

Список литературы

1. Бабанский Ю. К. Оптимизация учебно-воспитательного процесса / Ю. К. Бабанский. – М. : Просвещение, 1982. – 192 с.

2. Баетова Д. Р. Построение информационно-предметной среды учебного кабинета вуза на основе эргономического подхода : дис. ... канд. пед. наук / Д. Р. Баетова. – Омск, 2007. – 198 с.
3. Выготский Л. С. Проблема обучения и умственного развития в школьном возрасте / Л. С. Выготский // Избранные психологические исследования. – М., 1956.
4. Давыдова Л. Н. О показателях качества образования / Л. Н. Давыдова // Высшее образование в России. – 2004. – № 11. – С. 92–96.
5. Давыдова Л. Н. Критерии качества образования на локальном подуровне субъектно-субъектных отношений / Л. Н. Давыдова // Интеграция образования. – 2005. – № 1/2. – С. 17–20.
6. Зинченко В. П. Основы эргономики / В. П. Зинченко, В. М. Мунипов. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1979. – 344 с.
7. Колесникова И. А. Основы андрагогики / И. А. Колесникова, А. Е. Марон, Е. П. Тонконогая [и др.]. – М. : Академия, 2003. – 240 с.
8. Лернер И. Я. Процесс обучения и его закономерности / И. Я. Лернер. – М. : Знание, 1980. – 96 с.
9. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 1999. – 672 с.
10. Сериков В. В. Личностно-ориентированное образование: поиск новой парадигмы : монография / В. В. Сериков. – М., 1998. – 289 с.
11. Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапацевич. – М. : Современное слово, 2001. – 928 с.
12. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Изд-во ИТИ Технологии, 2008. – 944 с.

ЗАДАЧНЫЙ ПОДХОД КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ

Н.В. Зубова

Рассматривается задачный подход, разбивающий методику обучения физике в технических вузах на отдельные этапы, способствующие развитию компетенций у студентов в процессе обучения.

Problem approach in technical colleges is being considered dividing the methodology of physics teaching into separate parts which form students' competence development during the study.

Ключевые слова: обучение физике, задачный подход, компетенции, формирование умений, виды заданий.

Key words: physics teaching, problem approach, competence, ability forming, kinds of tasks.

С 2011 г. в большинстве вузов страны произойдет изменение в сфере образования, которое является последствием вхождения России в Болонский процесс. Вузы перейдут на двухуровневую систему подготовки «бакалавр – магистр». Цели прозрачны и прагматичны: сформировать открытый рынок труда, на котором дипломы специалистов из разных стран были бы равнозначны, а значит, надо повсеместно вводить единую систему обучения [1, с. 37].

В содержании обучения (в частности, физике) должна быть увеличена доля практической составляющей (конечно, без ущерба для фундаментальных знаний). Согласно новым образовательным стандартам, обучение студентов физике сводится не только к аудиторной, но и к самостоятельной ра-

боте, которая, в свою очередь, должна занимать около 50 % учебного времени. Сочетание знаний, умений и навыков заменяется на компетенции.

Компетенция в переводе с латинского означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом [7, с. 59].

Компетентностная модель образования предполагает учебную деятельность, направленную на возможность применять практические умения в последующей профессиональной деятельности. Именно оно в итоге должно дать основные результаты обучения и воспитания в виде сформированных общих и ключевых компетентностей.

Общие компетенции в физике характеризуют способность и готовность решать классы задач на базе приобретенных знаний [7, с. 62].

Ключевые компетенции в физике характеризуют способность и готовность выполнять целостное, понятное, грамотное действие, решать реальную ситуацию, задачу [7, с. 64].

В связи с переходом на новый образовательный уровень возникает потребность разработки методики обучения физике в соответствии с предъявляемыми государственными требованиями, согласно которым процесс обучения должен способствовать подготовке компетентного выпускника. Этому помогут современные педагогические технологии, направленные на развитие у учащихся способностей использовать полученные знания в последующей профессиональной деятельности.

В связи с предъявленными в образовательных стандартах требованиями, изучение общего курса физики в вузе должно быть направлено на формирование умения применять полученные знания в практической деятельности, в решении реальных задач. Это обуславливает необходимость разработки задачной технологии, направленной на реализацию государственных требований.

Выделяя «задачную» технологию, мы исходили из того, что:

- 1) задача является весьма эффективным средством контроля и самоконтроля студентов;
- 2) решение учебных задач обеспечивает поэтапное включение студентов в деятельность на репродуктивном, продуктивном и творческом уровнях;
- 3) задача способствует переносу приобретенных знаний и умений в новые условия, активизируя мыслительную деятельность студентов.

При создании теории и методики задачного подхода мы следовали таким целям, как:

- 1) развитие интереса к физике;
- 2) развитие умственных способностей учащихся;
- 3) совершенствование полученных в основном курсе физике знаний и умений;
- 4) формирование представлений о постановке, классификаций, приемах и методах решения физических задач.

Задачный подход в вузовском курсе физики способствует усвоению системы понятий и развитию мышления учащихся. Формирование у учащихся системы научных понятий является одной из важнейших задач преподавания основ наук в вузе.

Для реализации задачного подхода необходимо педагогически грамотно организовать образовательный процесс. Система задач должна быть подобрана таким образом, чтобы обучаемый, последовательно переходя от решения одной задачи к другой, мог достичь целей, поставленных в отношении

развития его способностей и формирования определенных знаний, умений и компетенций.

Задачи должны стимулировать интерес у учащихся и ни в коем случае не отторжение к изучаемой дисциплине. Для этого задачи на разных ступенях обучения физике должны содержать разный уровень сложности.

Разбивая методику обучения физике в техническом вузе на отдельные этапы, предложим использование индивидуального подхода в процессе обучения.

Первый этап содержит систему задач, предлагаемую студентам для самостоятельного решения, включает школьный уровень знаний физики. Эти задачи служат способом повторения и воспроизведения школьных знаний и умений.

При составлении преподавателем методического материала к самостоятельной работе студентов по решению задач следует начать подбор шаблонных задач с представлением способов их решения. Эти задачи помогут учащимся разобраться в сущности изучаемого физического явления, способа объяснения данного явления на основе физических законов и понятий, а также в выборе последовательности выполнения действий для получения искомого результата.

При обучении студентов в техническом вузе, кроме традиционно решаемых задач обучения и воспитания, должна быть поставлена и решена задача развития технического мышления. Физические законы и явления есть основа большинства технических систем, благодаря чему начинать развитие этого профессионально значимого качества будущих инженеров нужно уже с первых дней обучения. К техническим относят такие виды задач, в которых отражена связь физики с техникой или производством.

На данном этапе для самостоятельного решения студентам можно предложить тесты. Последние рассматриваются не как обычная совокупность или набор вопросов, задач и т.п., а как система заданий. Такую систему образует не всякая совокупность, а только та, которая обуславливает возникновение нового интегративного качества, отличающего тест от элементарного набора заданий и от других средств педагогического контроля.

Б.У. Родионов и А.О. Татур выделили четыре вида умений, способствующих формированию системы научных знаний учащихся:

- 1) умение узнавать объекты, понятие, факты, законы;
- 2) умение действовать по образцу, по известному алгоритму, правилу;
- 3) умение проводить анализ ситуации, вычленять главное и строить из освоенных операций процедуры, позволяющие получить решение тестового задания;
- 4) умение и способность находить оригинальные решения [6, с. 49].

Умения, названные Б.У. Родионовым и А.О. Татур, не противоречат теории поэтапного формирования умственных действий, в основу которой положен метод разработки тестирования с целью приобретения знаний, умений учащихся, развития общих компетенций в обучении физике [6, с. 51].

На начальном этапе обучения преподавателю необходимо организовать процесс, способствующий формированию у студентов самостоятельности. Для этого необходимо учитывать две тесно связанные между собой дидактические задачи. Первая из них заключается в том, чтобы развивать у учащихся самостоятельность в познавательной деятельности, научить их самостоятельно овладевать знаниями, формировать свое мировоззрение; вторая – в том,

чтобы научить их самостоятельно применять имеющиеся знания в учении и практической деятельности.

На этом этапе учебной деятельности у учащихся формируются:

- 1) умения работать с учебным материалом;
- 2) умения применять общие положения физической теории в условиях поставленных задач;
- 3) умения организовать поиск решения физических задач.

При такой организации учебного процесса учащиеся испытывают больший интерес к изучаемой теме. Самостоятельность в деятельности является средством борьбы за глубокие и прочные знания учащихся, средством формирования у них активности и самостоятельности как черт личности, развития их умственных способностей, формирования общих компетенций. Самостоятельное повторение студентами пройденного школьного материала по физике с помощью решения задач является для преподавателя хорошим фундаментом для дальнейшего чтения им вузовского курса лекций по текущей теме.

На втором этапе обучения преподавателем ставится задача переноса отдельных сформированных знаний и умений учащихся на новый содержательный уровень познания теоретического материала и методических указаний для решения задач вузовского курса физики. Перенос этот чаще всего осуществляется на основе осознания цели и путем использования общих рекомендаций.

Данный этап обучения физике включает в себя следующее:

- 1) лекционный материал вузовского курса;
- 2) методические указания к решению задач;
- 3) решение шаблонных задач.

Современное обучение в вузе характеризуется огромным количеством информации, которая не может быть усвоена за относительно короткий срок обучения, если ее не упорядочить на принципиально новой основе. Такой основой может быть развернутое и систематическое применение в процессе обучения обобщенных методов, общеметодологических принципов, предельно общих понятий и т.д. В решении задач по физике этот подход был реализован Б.С. Беликовым. Его подход был основан на системе наиболее общих понятий физики применительно к решению любой физической задачи [3, с. 46].

Для того чтобы успешно решать задачи по физике, по мнению Б.С. Беликова, необходимо, кроме конкретных знаний, овладеть еще так называемыми обобщенными знаниями. Основу обобщенных знаний составляют фундаментальные понятия физики, имеющие методологический характер. Фундаментальных методологических понятий физики сравнительно немного: физическая величина, физический закон, физическое явление, идеальные объекты и идеальные процессы, физическая модель и др. Особенное значение имеет связь физического явления со всеми остальными фундаментальными понятиями. Использование системы фундаментальных понятий позволяет сформулировать важнейшее определение теоретической физической задачи как физического явления, в котором неизвестны какие-либо связи и характеризующие их величины.

Использование системы фундаментальных понятий возможно в рамках личностно-ориентированного обучения, которое можно реализовать, используя методологический подход к формированию физических понятий. Это позволяет:

- 1) учитывать личностные особенности учащихся;
- 2) развивать логическое и творческое мышление учащихся;

3) активизировать самостоятельную познавательную деятельность учащихся;

4) вырабатывать у учащихся умения и навыки выполнения таких операций, как анализ, синтез, сравнение, сопоставление, классификация, абстрагирование и обобщение [8, с. 12].

После изложения теоретических основ изучаемого материала по теме следует перейти к указанию методических особенностей, направленных на решение физических задач.

Сформулированную рациональную методику необходимо применять при решении достаточно большого количества физических задач. Только тогда может образоваться устойчивый навык их рационального решения. Помочь могут также примеры задач, решения которых содержатся во многих сборниках с подробными указаниями для решения типовых задач из различных разделов общего курса физики.

Ознакомление учащихся лишь со специальными способами решения отдельных типов задач создает реальную опасность того, что учащиеся ограничатся усвоением одних шаблонных приемов и не приобретут умения самостоятельно решать незнакомые задачи («Мы такие задачи не решали», – часто заявляют учащиеся, встретившись с задачей незнакомого типа). В системе задач вузовского курса физики необходимы задачи, направленные на отработку того или иного физического навыка, задачи иллюстративного характера, тренировочные задания, выполняемые по образцу.

Осуществляя целенаправленное обучение студентов решению задач с помощью специально подобранных заданий, можно учить их наблюдать, пользоваться аналогией, индукцией, сравнениями и делать соответствующие выводы, тем самым прививая учащимся прочные навыки творческого мышления.

Этот этап обучения студентов осуществляется на лекционных занятиях, когда преподаватель, давая общие знания теоретических основ изучаемой темы, а также разбирая особенности использования данных основ в практических применениях, подготавливает студентов к последующей творческой деятельности, направленной на решение вузовских физических задач.

Третий этап обучения предполагает активную творческую работу студентов по решению физических задач по текущей теме. Для этого необходим специальный подбор системы задач, обеспечивающий поэтапное включение студентов в учебный процесс. Студентам, обладающим хорошими умственными способностями и трудолюбием, а также в полной мере освоившим теоретический материал по изучаемой теме и научившимся применять полученные знания при решении различного рода задач, можно предложить творческую исследовательскую работу.

Решение каждой новой задачи обогащает знания и опыт обучающихся. Таким образом, задачи можно использовать одновременно и как инструмент диагностики, и как инструмент формирования новых знаний, умений и навыков, функционирующий посредством целостной системы взаимосвязанных задач. Подбор системы задач для учащихся является необходимым условием сообщения им глубоких и прочных знаний, развития мышления и интереса к предмету, выработки умения самостоятельно расширять и углублять полученные знания. Такую технологию обучения рассматривает задачный подход. Этот подход в обучении способствует эффективно развивающемуся образовательному процессу, который формирует знания, умения и навыки, способствующие развитию

компетентности у будущих инженеров производства и приведет к созданию совершенно новых техник и технологий в окружающем нас мире.

Список литературы

1. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования: проект / Рос. акад. образования ; под ред. А. М. Кондакова, А. А. Кузнецова. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2009.
2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М., 2002.
3. Бабакова Т. А. Педагогические технологии : метод. рекоменд. / под ред. Т. А. Бабаковой. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2007. – 95 с.
4. Загрекова Л. В. Теория и технология обучения : учеб. пос. для студентов пед. вузов / Л. В. Загрекова, В. В. Николина. – М. : Высшая школа, 2004. – 157 с.
5. Каменецкий С. Е. Теория и методика обучения физике в школе: Общие вопросы : учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. завед. / С. Е. Каменецкий, Н. С. Пурышева, Н. Е. Важеевская [и др.] ; под ред. С. Е. Каменецкого, Н. С. Пурышевой. – М. : Академия, 2000. – 368 с.
6. Соколова И. И. Практикум по технологиям обучения современного студента / И. И. Соколова, А. Г. Грецов, О. Б. Даутова, О. Н. Крылова, О. Н. Шилова ; под ред. И. И. Соколовой. – СПб. : Институт профтехобразования РАО, 2007. – 163 с.
7. Тряпицына А. П. Традиционные и инновационные формы и технологии обучения студентов : учеб. пос. / А. П. Тряпицына. – СПб. : Эпиграф, 2007. – Ч. I. – 99 с.
8. Усова А. В. Теория и методика обучения физике. Общие вопросы : курс лекций / А. В. Усова. – СПб. : Медуза, 2002. – 157 с.

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

А.И. Корникова

Настоящее время кризисов и перемен вынуждает специалиста государственного управления обладать качествами лидера. При анализе работ отечественных и зарубежных исследователей были рассмотрены теоретические основы определения феномена лидерства. В статье рассматриваются сущность и структура лидерских качеств, освещается проблема поиска педагогических средств формирования лидерских качеств будущего специалиста государственного управления.

The present of crises and changes compels the expert of the government to possess qualities of the leader. At the analysis of works of domestic and foreign researchers theoretical bases of definition of a phenomenon of leadership have been considered. In article the essence and structure лидерских qualities are considered, and the problem of search of pedagogical means of formation лидерских qualities of the future expert of the government is shined.

Ключевые слова: государственный служащий, лидер, структура лидерских качеств, педагогические условия.

Key words: civil servant, leader, leadership structure, teaching conditions.

Современная действительность требует воспитания и развития у студентов – будущих управленцев в сфере государственной службы качеств компетентного, инициативного, самостоятельного субъекта, способного не только активно, но и творчески подходить к взаимоотношениям с коллективом в будущей профессиональной деятельности. Государственные служащие решают целый комплекс профессиональных задач, успех выполнения которых зави-

сит от того, какие специалисты реализуют профессиональные функции, какая их профессиональная подготовка, как они могут ориентироваться и принимать решения в сложных ситуациях профессиональной деятельности.

В контексте рассматриваемой темы нам важно понять, что представляет собой личность государственного служащего, какие характерные личностные черты и лидерские качества необходимо сформировать у студента в процессе обучения, которые позволят ему выделиться из общности и стать управленцем.

Государственная служба – это форма организации административного аппарата, коллектив профессионалов, выполняющих наиболее важные для общества функции, связанные с обеспечением исполнения полномочий государственных органов власти. Государственные служащие активно участвуют в выработке проектов законов, программ, выражающих внутреннюю и внешнюю политику государства, предметно занимаются подготовкой предложений об изменениях в структуре государственных органов, текущих решений по вопросам, требующим государственного регулирования.

Становится все более очевидным тот факт, что основные функции менеджера государственного управления (контроль, прогнозирование, принятие решений, организация, координация, мотивирование сотрудников и пр.) опираются на мастерство лидерства и что их успешное выполнение зависит от наличия у государственного служащего лидерских качеств.

Существуют различные подходы к определению понятия «лидер». В частности, Педагогический энциклопедический словарь дает следующее определение: «лидер – такой член группы, который выдвигается в результате взаимодействия членов группы для организации группы при решении конкретной задачи. Он демонстрирует более высокий, чем другие члены группы, уровень активности, участия, влияния в решении данной задачи» [6, с. 67]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что лидерство – групповое явление, естественный социально-психологический процесс в группе, построенный на влиянии личного авторитета человека на поведение остальных членов команды.

Исходя из определения отечественного исследователя Б.Д. Парыгина, лидер – это член группы, который спонтанно выдвигается на роль неофициального руководителя [4, с. 78]. В данном определении феномен лидерства рассматривается в неформальной группе, однако зачастую реальное проявление лидерских качеств руководителя связано с исполнением им должностных функций. Следовательно, лидерство Б.Д. Парыгин понимает как один из процессов организации управления малой социальной группой, который способствует достижению групповых целей в оптимальные сроки и с оптимальным эффектом. Он выделяет следующие факторы, взаимодействие которых определяет суть и содержание лидерства: объективный фактор, включающий интересы, цели, потребности, задачи группы в конкретной ситуации, и субъективный фактор, который определяет личностные особенности индивида как организатора и инициатора групповой деятельности.

На основе проведенных исследований исследователем был сделан ряд интересных выводов:

- 1) лидер не выдвигается группой, а спонтанно занимает лидерскую позицию с открытого или скрытого согласия группы;
- 2) при выдвижении лидера с его личностью идентифицируется в том числе специфический, официально не зафиксированный набор групповых норм и ценностей;

3) выдвижение лидера всегда связано и со значимой для жизнедеятельности группы ситуацией [5, с. 403].

Педагогические условия развития лидерского потенциала будущего менеджера государственного управления позволяют, прежде всего, развивать и воспитывать личностные качества студента, аккумулирующие профессиональные умения, самостоятельность и креативные способности, адекватность самооценки и сформированность морально-нравственных ценностей, что представляет собой желаемый образ специалиста сферы государственного управления, эффективно реализующего свой личностный и профессиональный потенциал в конкретной сфере деятельности по обеспечению общественного блага.

В качестве средств формирования лидерских качеств можно выделить игровые технологии. Такие методы активного обучения, как кейс-стади, бизнес-стимуляции, вебинар, метафорическая игра, обучение в рабочих группах и др., являются компонентами организационного обучения.

А.М. Трещев предложил определение организационного обучения, которое понимается как динамический процесс распространения знаний (информации) по решению производственных проблем, в ходе которого учащиеся получают и применяют в работе полученные знания и практические навыки, позволяющие им более успешно и эффективно адаптироваться к изменениям внешней среды, вырабатывая при этом новые конкурентоспособные модели профессиональной деятельности [7].

Теоретический анализ имеющихся исследований по проблемам лидерства позволяет утверждать, что не существует единой классификации лидерских качеств государственного служащего.

На наш взгляд, чтобы сформировать в студенте – будущем государственном служащем качества лидера в процессе получения высшего профессионального образования, необходимо определить структуру лидерских качеств специалистов государственного управления и установить какую-то систему в этом разнообразии позиции и отношению к феномену лидерства.

Кроме того, необходимо определиться с основаниями классификаций и по каждому из этих оснований выделить наиболее характерные качества специалиста государственного управления. Можно выделить ряд оснований, отражающих важнейшие стороны деятельности государственного служащего в коллективе и по этим основаниям классифицировать все возможные лидерские качества.

Теорией и практикой высшего профессионального образования все более признается важность проблемы формирования лидерских качеств будущих государственных служащих в процессе обучения для обеспечения согласованного, равноправного и мирного развития общества. В современных условиях образование государственных служащих рассматривается как совокупность систематизированных знаний, навыков и умений, необходимых им для практической профессиональной деятельности. Без эффективной государственной службы невозможны укрепление государственной власти и защита общенациональных интересов, динамическое социально-экономическое развитие страны. Важно заметить, что мало только изучать феномен лидерства, необходимо создать педагогические условия для эффективного формирования лидерских качеств будущих государственных служащих с целью стимулирования жизнедеятельности общества, члены которого будут участвовать в преобразовании всех социальных сфер.

Для реального развития государства во всех его аспектах лидерские качества будущего государственного служащего необходимо формировать у тех студентов, которые представляют интерес для общества. В любой сфере деятельности наивысшая эффективность работы коллектива будет достигнута в том случае, когда руководитель сам является генератором идей. Только мыслящий лидер способен создать творческий коллектив, ценить и максимально эффективно использовать потенциал каждого из сотрудников.

Нет оснований считать, что лидерами могут стать только те люди, которые обладают какими-либо особенными чертами характера, учитывая одну из точек зрения, что лидерские качества носят не абсолютный, а относительный характер, поскольку в разных ситуациях проявляются различные качества [1, с. 218]. Согласно другой точке зрения, качества лидера проявляются в акцентировании на выдающихся качествах личности, таких, как превосходящие интеллектуальные способности, что обеспечивает личности особое положение в коллективе; компетентность; сила воли; энергичность; мобильность; незаурядные организаторские навыки; умение нравиться людям и особенно готовность брать на себя ответственность за принимаемые решения [2, с. 113].

Анализируя современное законодательство, регулирующее сферу государственного управления, можно обратиться к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [8], который в качестве критериев отбора при тестировании всех кандидатов выделяет личностно-деловые качества, интеллектуальные и специальные показатели.

К личностно-деловым качествам специалиста государственного управления относятся, в первую очередь, лидерские качества, способность и желание работать в команде, социальная зрелость, активная жизненная позиция, стремление к самосовершенствованию, следование законам, нормам морали, требованиям руководства.

Под интеллектуальными показателями понимается способность к планированию, способность видеть ситуацию и прогнозировать развитие событий на ближайшую перспективу, предвидение последствий принимаемых решений, обоснованность принимаемых решений, наличие интуиции, позволяющей успешно решать задачи, не поддающиеся формализации.

В группу специальных показателей государственного служащего включены такие параметры, как стрессоустойчивость, профессиональная целеустремленность, то есть способность доводить дело до успешного результата.

Формирование лидерских качеств студентов – будущих управленцев может происходить только в реальных ситуациях, включая погружение в проблемные моделируемые, где обучение выполняет функцию стимулятора процесса развития и саморазвития лидеров, что требует совокупности педагогических средств.

Педагогические средства следует рассматривать как совокупность инструментов, способствующих выполнению образовательной, обучающей, развивающей, воспитывающей функций. В профессиональной педагогике средствами является все то, что обеспечивает эффективный, качественный образовательный процесс. Так как категория формирования лидерских качеств студентов охватывает весь спектр образовательного процесса как института формирования личности, специалиста и профессионала, следует помнить, что в системе высшего профессионального образования процесс формирования качеств лидера происходит одновременно с интенсивным личностным ростом студентов.

Таким образом, можно выделить десять основных характеристик, свойственных современному лидеру государственной службы, которые необходимо сформировать у студента в процессе обучения в вузе:

- 1) умение формировать управленческую команду;
- 2) стратегическое видение развития сферы деятельности;
- 3) умение управлять стратегическими изменениями в развитии отрасли;
- 4) способность принимать решения в условиях высокого уровня неопределенности;
- 5) фактор самодисциплины и организованности;
- 6) умение делегировать полномочия и контролировать получение необходимых результатов;
- 7) способность налаживать конструктивные взаимоотношения внутри коллектива;
- 8) умение налаживать и поддерживать конструктивные отношения с внешними сторонами;
- 9) детальное знание процессов и производственной специфики своей сферы или отрасли;
- 10) способность к ведению переговоров и убеждению в правоте своей позиции.

Соглашаясь с мнением В.Г. Игнатова, А.В. Понеделкова можно заявить, что профессиональная деятельность государственного служащего характеризуется как сложная многофункциональная деятельность, сочетающая в себе как исполнительскую, так и управленческую составляющую и «инновационную» направленность, связанную с необходимостью принимать нестандартные решения в условиях реформ, которые предъявляют специфические требования к личностно-профессиональным качествам работников. При этом от государственных служащих как субъектов профессий типа «человек – человек», «человек – общество» неизбежно требуется способность моделировать варианты возможных последствий действий людей, возможных исходов их конфликтов, противостояний и объединений, способность успешно действовать в особых и быстро меняющихся условиях. Таким образом, профессиональная деятельность государственных служащих, с одной стороны, зависит от объективных общественно-политических, экономических условий, а с другой – от способов реализации «внутренних характеристик личности» в новых формах и средствах управления [3, с.156].

Проанализировав специальную литературу по исследуемой проблеме, мы выделяем ряд составляющих компонентов структуры лидерских качеств государственных служащих (рис.).

Так, к структурным компонентам группы первостепенных ключевых качеств государственных служащих можно отнести хорошее психическое и физическое здоровье, что влечет за собой высокую производительность труда. Под нравственной зрелостью государственного служащего подразумевается честность и самокритичность, объективность, обязательность и ответственность.

Группа профессионально важных качеств объединяет три компонента: профессиональный, социально-психологический и личностный. Структура профессионального компонента характеризуются высоким уровнем теоретической и практической управленческой подготовки, системностью мышления, способностью к принятию решений в ситуации высокой неопределенности.

Рис. Лидерские и профессионально важные качества государственного служащего

Обоснованность включения социально-психологического компонента в структуру лидерских качеств объясняется спецификой служебной деятельности государственных служащих, в процессе которой происходит постоянное взаимодействие с гражданами, руководителями предприятий, организаций, различных учреждений и подразделений органов власти. Это предполагает наличие профессионально значимых коммуникативных умений и навыков осуществлять социальное взаимодействие, которые обеспечивают результативность и эффективность решения профессиональных задач, устанавливать адекватные межличностные и конвенциональные отношения в различных ситуациях.

Личностный компонент структуры лидерских качеств государственных служащих связан с такими свойствами личности, как исполнительность, умение владеть собой, активность, мобильность, тактичность, честность, скромность, адекватная реакция на критику, общительность, способность переносить длительные нагрузки.

Такая группа лидерских и профессионально важных качеств государственных служащих, как эмоционально-волевая сфера человека, включает инициативность, настойчивость, личную собранность и дисциплинированность. Под умением контролировать свои эмоциональные реакции подразумевается адекватное восприятие неудач и рассмотрение их как стимула к дальнейшему действию.

Рассматривая вспомогательные качества государственных служащих, следует в качестве основных из них установить следующие: опрятность, приятный тембр голоса, красноречие, оптимальное соотношение характера и внешнего облика.

Обобщив итоги проведенного анализа исследований и концепций А.В. Батаршева, В.И. Власова, Р.Л. Кричевского, Б.И. Кретьова, Т.Н. Мальковской, П. Друкера, У. Бенниса, Р. Стогдилла, приходим к необходимости классифицировать выделенные лидерские качества государственных служащих по следующим группам: общепрофессиональные, коммуникативные, креативные (творческие) качества (табл.).

Таблица

Группы лидерских качеств государственных служащих

Группы лидерских качеств государственных служащих	Общепрофессиональные качества	Инициативность
		Планирование
		Целеустремленность
		Уверенность в себе
	Коммуникативные качества	Красноречие
		Открытость
		Контактность
		Выразительность
	Креативные (творческие) качества	Нестандартность решений
		Оригинальность
		Изобретательность

Под общепрофессиональными качествами государственного служащего нами понимаются обобщенные, наиболее устойчивые характеристики, оказывающие решающее влияние на управленческую деятельность. Общепрофессиональные качества специалиста государственного управления характеризуют способность лидера влиять на окружающих, осуществлять организацию, планирование, мотивирование, координацию и контроль их действий. Проанализировав работы таких ученых, как В.И. Власов, Б.И. Кретьов, Р.Л. Кричевский, Р. Стогдилл, к этой группе лидерских качеств мы отнесли уверенность в себе, смелость в принятии решений, инициативность, целеустремленность, ответственность, способность работать с людьми и создавать коллектив, способность и умение влиять на подчиненных, умение быстро выбрать главное и сконцентрироваться на нем, умение планировать свою работу.

Креативные качества государственного служащего определяют поиск, разработку и внедрение перспективных технологий управления в организации. Данная группа лидерских качеств характеризуется конструированием творческой среды развития в коллективе, формированием мотивации и вовлеченности всего персонала в процессы инновационного креативного развития. По мнению Т.Н. Мальковской, У. Бенниса, П. Друкера, этой группе лидерских качеств относятся способность специалиста государственного управления творчески решать проблемы, что позволяет ему эффективно работать в ситуациях неопределенности, умение решать проблемы нетрадиционными методами, способность оригинально подходить к любым задачам, умение принимать нестандартные решения.

Последняя группа лидерских качеств – коммуникативные качества управленца – определяется нами как совокупность способностей, свойств, умений и навыков личности, обеспечивающая возможность установления и поддержания контакта и взаимопонимания между ними. Так как деятельность специалиста государственного управления тесно связана с обществом, с другими людьми, степень развития и выраженность коммуникативных качеств являются предпосылкой успешной деятельности человека в роли спе-

циалиста государственного управления. К данной группе лидерских качеств относятся умение организовывать и поддерживать диалог, умение управлять групповой динамикой, умение занимать адекватную ролевую позицию, выразительность, быстрая словесная реакция и т.д. (А.В. Батаршев, Н.В. Голубева, Н.Ф. Маслова).

Подводя итог нашего исследования, сделаем вывод, что сегодня формируется новый научный взгляд на средства формирования лидерских качеств учащейся молодежи, основная закономерность которого – гармонизация общих целей, содержание деятельности и ценностных ориентаций будущих государственных служащих. Этим обуславливается необходимость создания программ формирования лидерских качеств у студентов вузов. Современная высшая школа должна помочь каждому студенту – будущему государственному служащему в определении себя как ответственной, свободной в своем творческом выборе, активной и инициативной личности.

Список литературы

1. Андриенко Е. В. Социальная психология : учеб. пос. для студ. высш. пед. завед. / Е. В. Андриенко ; под ред. Г. В. Осипова. – М. : ИНФРА-М, 1988. – 488 с.
2. Ахмеева А. Р. Структура исследовательских компетенций студентов колледжа / А. Р. Ахмеева // Актуальные вопросы современной науки. – 2011. – С. 112–116.
3. Игнатов В. Г. Государственная служба: теория и организация / В. Г. Игнатов, А. В. Понделков. – Ростов н/Д., 2003. – С. 156.
4. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. – М., 1971.
5. Парыгин Б. Д. Лидерство как инструмент интеграции общности / Б. Д. Парыгин // Социальная психология в трудах отечественных психологов. – СПб. : Питер, 2000. – 512 с.
6. Педагогический словарь / под ред. Г. М. Коджаспировой. – М. : Академия, 2005. – 176 с.
7. Трещев А. М. Становление профессионально-субъектной позиции будущего учителя : дис. ... д-ра пед. наук / А. М. Трещев. – Калуга, 2001. – 541 с.
8. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. – 31.07.2004. – № 162.

ФАКТОРЫ УСПЕШНОГО КАРЬЕРНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В ПРОЦЕССЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г.Х. Мусина-Мазнова

В статье раскрываются объективные и субъективные факторы успешного профессионального карьерного становления социальных работников. Самоуправление выступает как условие успешного карьерного становления социального работника.

The article describes the objective and subjective factors of a successful professional career of becoming social workers. Self-management is as a condition for a successful career of becoming a social worker.

Ключевые слова: карьерное становление, успешное профессиональное становление, субъективные факторы, самоуправление, самореализация.

Key words: becoming of career, a successful professional development, subjective factors, self-management, self-actualization.

Демократизация способствовала созданию условий для свободного самоопределения, самореализации человека, самостоятельного выбора им путей своего движения в социальной структуре, социальном пространстве общества. В условиях развития рыночных отношений в России все более важное место занимает карьера, которая позволяет на уровне организации, предприятия более полно раскрывать и использовать профессиональный потенциал своих работников, а персоналу дает возможность удовлетворить более широкий спектр потребностей.

Динамичная карьера в настоящее время считается одним из ключевых показателей делового успеха и ощутимым результатом профессиональной деятельности человека. Карьера лежит в зоне личной ответственности, и никто не сделает ее за человека. Общество в целом, отдельные отрасли, предприятия должны располагать механизмами отбора и продвижения по профессиональной лестнице наиболее способных и талантливых работников.

Изучение проблем профессионального становления специалиста социальной сферы обусловлено потребностью изучения мотивации социального работника, вопросов формирования профессиональных навыков. Исследование и анализ жизненного пути человека позволяют выделить этапы профессиональной карьеры, учитывая восходящие и нисходящие фазы развития, критические периоды жизни, а также влияние социально-экономических и личностных факторов.

Современные исследователи и теоретики стремятся рассматривать карьерный рост в контексте перемен, затрагивающих управление и планирование личностного развития социального работника в процессе профессиональной подготовки. Проблема в значительной мере предопределена недостаточной изученностью данного вопроса, что, в свою очередь, на практике отражается в существовании проблем, связанных как с профессиональным развитием мастера социального работника, так и с подготовкой в вузе, управлением карьерой и карьерным становлением социального работника в процессе непрерывного образования.

Знание закономерностей, механизмов, условий и факторов, содействующих эффективному развитию личности социального работника, позволит специалисту более целенаправленно проектировать и реализовать собственную карьеру. Успешность карьерного продвижения детерминируют определенные внешние и внутренние факторы. В совокупности эти факторы позволяют достичь субъекту профессиональной деятельности высшего уровня самоэффективности – профессионализма, характеризующегося продуктивностью, идентичностью и профессиональной зрелостью.

Анализ научных исследований психологов, социологов и менеджеров позволяет утверждать, что самореализация личности раскрывается в системе его отношений к жизнедеятельности и к профессиональной деятельности. Г.А. Федотова утверждает, что если человек относится к себе как субъект собственной профессиональной деятельности, то выполнение этой деятельности приобретает для него характер решения задачи на личностный смысл [9].

При построении индивидуальной стратегии карьерного роста социальных работников необходимо учитывать объективные и субъективные факторы этого процесса. Объективно-субъективные факторы предполагают создание комфортной деловой обстановки в профессиональном социуме; обеспечение соответствия уровня личностно-профессионального развития требованиям соци-

ального окружения; соответствие содержания процесса развития профессионального самосознания в индивидуальных стратегиях карьерного роста.

Объективные факторы – высокий уровень теоретических знаний процесса развития профессионального самосознания в стратегиях карьерного роста, совершенствование содержания профессиональной деятельности социальных работников. Субъективные факторы – мотивы, самодетерминация процесса развития профессиональной карьеры, разрешение актуальных противоречий между условиями, наличными ресурсами и целями субъекта процесса развития профессионального самосознания.

В работах А.Г. Асмолова субъектность выступает как одна из характеристик деятельности, раскрывающая ее внутренний план. Если человек относится к себе как к субъекту собственной профессиональной деятельности, характер выполнения этой деятельности принимает у него характер решения задачи как личностный смысл [2].

В научных трудах С.Л. Рубинштейна подчеркиваются психологические особенности человека во взаимодействии субъекта с объектом, особенности субъекта собственной активной деятельности, которая всегда творческая и самостоятельная. Человек в концепции С.Л. Рубинштейна рассматривается как творец собственной жизни [6].

Особый интерес для нашего исследования представляют выявленные Н.К. Сергеевым основные черты личности как субъекта деятельности:

- 1) осознание и принятие задач, установок деятельности;
- 2) владение умениями самостоятельно выработать установки и задачи;
- 3) осознание собственной значимости, ответственности за результаты деятельности;
- 4) способность к рефлексии, потребность в ней как условия осознанного регулирования своего поведения и деятельности в соответствии с желаниями и принятыми целями;
- 5) направленность на реализацию «само...» (самовоспитания, самообразования, самооценки, самоанализа, самоопределения);
- 6) обладание важнейшими индивидуальными процессуальными характеристиками (разносторонность умений, самостоятельность, творческий потенциал), которые стимулируют стремление к взаимодействию, сотрудничеству, общению [7].

Важным нам представляется вывод, сделанный Г.А. Федотовой о субъектной активности как о психологическом образовании, состоящем из следующих компонентов: результативного, мотивационного, операционального. Субъектную активность Г.А. Федотова определяет «как некое интегральное образование, которое характеризует способ существования и форму взаимодействия, самосуществования и самоосуществления субъекта, выступающую как основа для раскрытия потенциала субъекта на определенном возрастном этапе» [9].

Исследование субъектной активности личности позволяет нам сделать вывод, что в качестве примера проявления субъектной активности можно рассмотреть субъектное отношение к трудовой деятельности и к карьере профессиональной деятельности. Л.Ф. Алексеева справедливо отмечает, что «субъектное отношение к выполняемой деятельности реализуется обращенностью человека к своим внутренним резервам, возможностям выбора средств осуществления деятельности на основе взаимодействия сформированных умений саморегуляции» [1].

К целостной субъектной активности специалиста относятся характеристики: коммуникативная, умственная, познавательная активность; саморегуляция, склонность к деструктивному поведению.

Функциональная структура индивида как субъекта психической активности определена в исследованиях В.О. Татенко. Функциональная структура индивида «включает в себя мотивационно-операциональные механизмы: целеполагание собственного развития, выбор средств, необходимых для поставленных целей, принятие решений, исполнение принятых решений, оценка результатов выполнения, накопление индивидуального опыта и фиксация результатов [8].

Мотивация выбора того или иного варианта карьерного продвижения связана с мотивами профессиональной деятельности. В число ведущих факторов карьеры входит также желание повысить уровень жизни, улучшить свое материальное положение при занятии более высокой должности, то есть материальные стимулы являются одними из определяющих в мотивации к карьерному росту. Довольно большую значимость имеет такой фактор, как честолюбие. Внутреннее побуждение продвижения формируется, прежде всего, под воздействием его динамических черт: потребности, установки, интересы. Они должны быть ориентированы на достижение поставленных целей.

Субъективные ценностно-мотивационные условия способствуют повышению мотивации к профессиональной деятельности, профессиональному развитию и профессиональному самосовершенствованию как движущей силе карьерного роста, к осознанию ценностей профессии, «профессиональной зрелости».

М.А. Емельянова определяет профессиональную зрелость «как конечный результат целостного развития личности студента в процессе обучения в вузе». На наш взгляд, профессиональную зрелость можно рассматривать как готовность к карьерному становлению. Профессиональная зрелость, по мнению М.А. Емельяновой, сводится к следующим профессионально значимым характеристикам:

1) сформированность устойчивой «Я-концепции», высокий уровень осознания ценностей, определяющих уровень личностного развития, сформированность мотивационной основы в избранной профессии, интегративных аспектов «Самости»: самореализации, самоутверждения в жизнедеятельности (личностный аспект);

2) сформированность системы профессионально значимых социально-педагогических знаний, умений, навыков, способов их реализации в практической деятельности, способность давать оценку и самооценку уровня усвоенного комплекса профессиональных знаний;

3) сформированность системы социально значимых качеств, устойчивая адаптация к условиям постоянно изменяющегося социума, социальная активность (социальный аспект) [4].

Карьерное становление представляет максимальное раскрытие профессионального потенциала социального работника. Личностные изменения приводят к возникновению и развитию качеств, обеспечивающих выполнение человеком роли субъекта профессиональной карьеры.

Проблема профессиональной ответственности личности в современных психологических исследованиях занимает самостоятельное место. Ее изучению посвящены немногочисленные работы В.А. Бодрова, Л.И. Дементия, А.Г. Луценко, К. Муздыбаева и др.

Активная роль личности в процессе жизни и профессиональной деятельности и становления ее субъектности исследована в концепциях (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов, А.А. Деркач, А.Н. Леонтьев и др.).

И.В. Афанасенко связывает успешность профессиональной карьеры с успешностью профессиональной Я-концепции, которую он представляет как специфически организованную систему, осмысленную и актуализированную в связи с профессией под влиянием субъективных или объективных факторов, включающую в себя совокупность представлений о себе и о своих профессиональных качествах, сопряженную с их эмоциональной оценкой [3].

Е.В. Маслов утверждает, что «к оценке карьеры того или иного человека можно подходить по-разному: во-первых, с позиций окружения работника – людей, которые судят о его карьере исходя из собственных представлений; во-вторых, с позиций самого работника, то есть как субъективно осознанное отношение работника к своему положению в профессиональном плане, к своему статусу, достигнутому положению на иерархической служебной лестнице» [5].

Планирование карьеры административно-управленческого персонала осуществляет руководитель учреждения. Руководитель, планирующий карьеру, знает перспективные планы развития социального учреждения и отрасли, имеются данные по планированию потребности в персонале и т.д. Все это обеспечивает составление перспективного плана развития карьеры специалистов социальной сферы. Таким образом, как объективный фактор карьера является управляемым, плановым процессом.

С другой стороны, как субъективный фактор мы рассматриваем планирование личной карьеры, осуществляемое специалистом социальной службы. «По сути, планирование как функция управления карьерой позволяет повысить эффективность использования человеческих ресурсов, согласовать план потребности в квалифицированных работниках и план их развития. Планирование карьеры, с одной стороны, ставит задачу обеспечения реальной связи между стремлением индивидуумов в отношении повышения профессионализма, самоутверждения, своего социального статуса и т.д., а с другой – развитие организационной, управленческой и социальной структуры предприятия» [5].

При планировании карьеры социальный работник, как правило, решает, прежде всего, личные задачи, однако они не могут идти вразрез с задачами учреждения. Карьерный управленческий процесс начинается с урегулирования целей. Должна быть сформулирована определенная цель. Специалист социальной сферы личные задачи определяет как достижение более высокого служебного положения, обеспечение высокого материального благополучия, повышение авторитета, престижа. Учреждение, стремящееся к повышению своего статуса и уровня, путем модернизации и внедрения инновационных технологий выделяет из числа работников, особенно молодых и компетентных, самостоятельных, отвечающих требованиям и обладающих рядом качеств (организаторских, коммуникативных, работоспособностью, стрессоустойчивостью, ответственностью и т.д.) специалистов и готовит их к назначению на высокие и ответственные должности.

Рассматривая самоуправление карьерного становления социального работника как непрерывный процесс самообразования и самореализации, следует учесть безусловную необходимость приоритетного изучения отдельных компонентов развития личности (профессиональное самоопределение и мотивация, профессиональная компетентность, способность к самореализации и самоуправлению, позитивное самоотношение, субъектная активность и др.).

В качестве общих исходных положений, в которых выражаются основные требования к самоуправлению карьеры, выступают следующие принципы:

- 1) принцип приоритетности самостоятельности, под которой понимается большая доля их участия в процессе организации карьеры;
- 2) принцип опоры на социальный, профессиональный, в целом жизненный опыт;
- 3) принцип соответствия потребностям целей, содержания, методов, средств и форм самоуправления и оценивания его результатов;
- 4) принцип актуализации достигнутого в процессе обучения уровня социальной компетентности, когда приобретенные знания, умения и навыки сразу применяются на практике;
- 5) принцип стимулирования развития социальных потребностей, согласно которому социальные работники на основе оценки достигнутых результатов проектируют дальнейшие стратегии повышения уровня своей социальной компетентности.

Опора на данные принципы позволяет сделать процесс становления карьеры социального работника рефлексивным, определить необходимые условия для наиболее успешной его реализации, осуществлять управление на любом иерархическом уровне и таким образом мотивировать стремление социального работника к личностному и карьерному росту.

В концепциях профессионального становления личности подчеркивается тот факт, что субъект может выступать и автором своей карьеры, и ее объектом. В настоящее время существуют разные критерии классификации карьер, а, следовательно, и стратегий их построения. Критерии классификации карьер И.В. Афанасенко рассматривает как объективные и субъективные. К объективным критериям относятся продвижение по службе, достижение определенного социального статуса, число смен мест и видов работ. Субъективные критерии связаны с ценностными представлениями субъекта о своей карьере с его пожеланиями относительно того, как она будет складываться в дальнейшем [3].

Потребности человека, его жизненные цели, а, следовательно, и цели карьеры различаются по периодам времени. Каждый человек в той или иной мере планирует свою карьеру, свое будущее, ориентируясь на потребности, способности, реальную оценку имеющихся социально-экономических условий реализации своих ожиданий (желаний) и т.п. Причем выбор приоритетов осуществляется работником исходя из своих жизненных целей, ценностных ориентаций. Однако свою карьеру работник сравнивает не только со служебным продвижением, но и с жизненными целями».

Обобщая изученную литературу о целях карьеры, мы выделили несколько наиболее жизненно важных целей для личности. Цели карьеры состоят в том, чтобы:

- 1) профессия или занимаемая должность соответствовали самооценке и поэтому доставляли моральное удовлетворение;
- 2) условия работы способствовали развитию специалиста;
- 3) работа носила творческий характер и позволяла достичь определенной степени независимости;
- 4) труд хорошо оплачивался;
- 5) работа позволяла продолжать активное обучение;
- 6) работа позволяла заниматься семьей и детьми;

7) работа находилась в местности, природные условия которой благоприятно действуют на состояние здоровья и позволяют организовать хороший отдых.

Самоопределение цели карьеры может явиться барьером к достижению карьерного становления. Умение четко и конкретно поставить цель, выстроить последующие задачи, определить пути и средства достижения главной цели являются операциональными условиями успешности самоопределения цели карьеры.

Выстраивая стратегию на этапе планирования карьеры, социальному работнику было бы более правильно рассмотреть процесс построения своей карьеры не как непрерывное действие, продолжающееся в течение всей жизни, а как последовательность шагов, действий, проектов, то есть действий с определенным результатом, ограниченных во времени и ресурсе. Это облегчит разработку конкретных шагов по воплощению в жизнь карьерных замыслов.

Период времени для достижения отобранных целей – от короткого срока до среднего или долгого срока – будет иметь главное влияние на их формулировку. Краткосрочные цели (один или два года) являются обычно определенными и ограничены в области. Промежуточные цели (3–5 лет) имеют тенденцию быть менее определенными и более открыты, чем краткосрочные цели. Долгосрочные цели (больше 5 лет) являются самыми «жидкими» из всех.

Основные карьерные стратегии определяются потребностями специалиста, характеризуют карьерные цели социального работника и место карьеры в системе его жизненных ценностей. Личностные и профессиональные потребности позволяют нам определить различные виды целей.

1. **Собственно профессиональная цель.** Профессиональная цель связана с потребностью личности признания своих способностей, компетенций и талантов в специализированной профессиональной области. Специалист раз и навсегда выбирает профессиональное пространство для своего развития, планирует соответствующие этапы своего продвижения к профессиональному идеалу и стремится к его достижению.

2. **Управленческая цель.** Специалист владеет управленческими и организаторскими способностями и умениями, отсюда вытекает его готовность управлять и желание организовывать деятельность, руководить коллективом и нести полноту ответственности за конечный результат.

3. **Самоутверждающая цель.** Потребностью специалиста является стремление к победе над собой и другими в процессе конкурентной борьбы, через преодоление трудностей получить возможность самореализоваться.

4. **Созидательная цель.** Потребности карьерного становления связаны со стремлением социального работника творчески созидать, проектировать, находить инновационные подходы.

5. **Масштабная всеобъемлющая цель.** Данная цель является следствием высокой гуманистической направленности личности. Основными ценностями социального работника являются работа с людьми, помощь людям, государству и обществу, желание сделать мир лучше.

Основные функции самоуправления карьерного роста

1. **Самодиагностика** – самопознание целей, притязаний в профессиональной деятельности социальным работником, исследование проблем, связанных с выявлением потребностей в карьерном становлении, с развитием и карьерным продвижением, самоанализ.

2. **Самопланирование** – планирование профессионального развития (учебы, стажировок и др.), должностного перемещения (повышения, ротации).

3. **Самоорганизация** – активная деятельность по реализации собственного плана карьерного становления, это организация процессов обучения (в том числе основам самоуправления карьерой), инициативное выполнение заданий и поручений, проявление самостоятельности и мобильности, активизация карьерных устремлений, самомаркетинг, самопрезентация, самореклама, самоменеджмент.

4. **Самоконтроль, адекватная самооценка** – соотношение успехов карьерных достижений намеченным планам, саморегулирование протекания карьерных процессов и профилактика кризисных явлений, отклонений от нормы, в том числе появления карьеризма оценки.

Успешность самоуправления карьерой определяется алгоритмизацией профессионального становления специалиста.

1. Самопознание, самоисследование, самодиагностика – изучение своих профессиональных способностей, интересов, направлений, раскрытие профессиональных потребностей и возможностей.

2. Самоанализ возможности карьерного роста – соотношение потребности организации и собственной личности в карьерном росте, адекватная самооценка возможности поэтапного карьерного становления и вершины карьерного роста.

3. Целеполагание собственной карьеры – объективная и адекватная постановка цели и задач поэтапного развития карьеры, умение определить конечную цель карьерного роста в соответствии с собственным профессиональным потенциалом.

4. Самопланирование поэтапного карьерного становления – повышение профессионального образования, выполнение профессиональных заданий и поручений.

5. Самоконтроль и самооценка – получение обратной связи.

6. Самореализация карьерного продвижения.

Таким образом, стремление человека управлять своей карьерой объясняется значением, которое имеет карьера для его жизнедеятельности. Карьера выступает в роли своеобразного контекста трудовой жизни человека, структурируя его трудовой опыт последовательностью определенных ступеней, благодаря чему профессиональная жизнь видится не сплошной бессвязной массой действий и событий, а приобретает вид развития, упорядоченного этими ступенями. Успешность профессионального карьерного становления специалиста в большей степени зависит от субъективных факторов и профессиональных карьерных ориентаций социальных работников.

Список литературы

1. Алексеева Л. Ф. Психология активности личности / Л. Ф. Алексеева. – Новосибирск, 1996.
2. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров / А. Г. Асмолов. – М. – Воронеж, 1996. – С. 89–90.
3. Афанасенко И. В. Стратегии построения карьеры как компонент профессиональной Я-концепции / И. В. Афанасенко // Труды аспирантов и соискателей Ростовского государственного университета. – Ростов н/Д. : РГУ, 2003. – Т. IX. – С. 234–237.
4. Емельянова М. А. Становление профессиональной зрелости социального педагога в образовательном процессе вуза : дис. ... д-ра пед. наук / М. А. Емельянова. – Оренбург, 2005.

5. Маслов Е. В. Управление персоналом предприятия : учеб. пос. / Е. В. Маслов. – М. : ИНФРА-М – Новосибирск : ПГАЭиУ, 2000. – 312 с.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1973. – 423 с.
7. Сергеев Н. К. Непрерывное педагогическое образование: концепция и технологии учебно-научно-педагогических комплексов : монография / Н. К. Сергеев. – СПб. – Волгоград, 1997. – 166 с.
8. Татенко В. О. Субъект психической активности: поиск новой парадигмы / В. О. Татенко // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16, № 3.
9. Федотова Г. А. Творческое саморазвитие учителя сельской школы : монография / Г. А. Федотова. – В. Новгород : Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Я. Мудрого, 2004. – С. 114–120.

СУЩНОСТЬ, ПРИНЦИПЫ И СТРУКТУРА ПЕРВИЧНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МИГРАНТОВ МЛАДШЕГО ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Г.В. Палаткина, А.С. Джангазиева

Статья посвящена изучению первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде. Авторами были раскрыты сущность, принципы и структура первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде.

The paper studies the delinquent behavior among young migrant adolescents in a multicultural environment. By authors have been disclosed essence, principles and structure of primary prophylaxis delinquent behavior among young migrant adolescents in a multicultural environment.

Ключевые слова: первичная профилактика, мигранты младшего подросткового возраста, мультикультурная среда, принципы, структура.

Key words: primary preventive maintenance, migrants of younger teenage age, multicultural environment, principles, structure.

Одной из самых актуальных и социально значимых задач, стоящих перед обществом сегодня, безусловно, является поиск путей снижения роста делинквентного поведения среди мигрантов младшего подросткового возраста. Разные науки предлагают различные пути решения данной проблемы: коррекцию, реабилитацию, контроль, наказание. Однако общеизвестно, что предупреждение любых недугов, в том числе социальных, гораздо эффективнее. Поэтому мы рассматриваем профилактику делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде.

Первичная профилактика делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде представляет собой комплекс мер, направленных на ликвидацию негативного воздействия социально-психологических и биологических факторов, влияющих на формирование делинквентного поведения и повышение устойчивости подростка к этим факторам.

Существующие тенденции и противоречия в области первичной профилактики, дали основание выявить закономерности и выделить принципы реа-

лизации модели первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде, то есть общих исходных положений, в которых выражены основные требования к содержанию, методам, организации образовательного и воспитательного процессов, отражающие специфику этого процесса при решении педагогических задач.

1. Зависимость уровня организации первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде от взаимосвязанного использования этнопедагогических средств.

Р.Г. Макаров, изучая педагогический потенциал этнических культур, определил, что значительная часть педагогов (42 % из опрошенных 70 респондентов) не владеют полными знаниями о сущности народных традиций и их роли в формировании духовно-нравственных, социально-этических норм поведения, культуры и национального самосознания личности растущего человека. Отдельные педагоги (21 %), осознавая роль и значение ценности традиционной, этнопедагогической культуры, мало используют ее на практике. И только небольшая часть учителей (10 %) использует в своей работе материалы народного педагогического опыта. Основной причиной этого положения учителя считают незнание методики его реализации в педагогическом процессе [3, с. 90].

Мы считаем, что первичная профилактика делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста должна обязательно быть соединена с изучением подлинных произведений народного творчества, которые являются реальным регулятором развивающегося самосознания и поведения растущего человека и способствуют эмоционально-деятельному переживанию всего народного опыта посредством игры, учения, пения, танца, художественно-прикладной деятельности, одежды, кулинарного искусства, изготовления различной атрибутики и т.д.

Следовательно, первичная профилактика делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде должна строиться на *принципе этнопедагогизации*, то есть учение, досуговая деятельность и работа с родителями основываются на использовании средств народной педагогики. Формирование исходных мировоззренческих установок личности определяет ее отношения во всем их многообразии и непосредственно конкретные действия и поступки.

2. Зависимость уровня организации первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде от знания их специфических особенностей, культуры и традиций тех или иных регионов.

Как отмечает Г.В. Палаткина, наиболее естественное вхождение человека в общество будет происходить через культуру, поэтому важно создавать культурную среду развития личности и оказывать помощь в нахождении своего места в данном обществе [5, с. 73].

Современное образование ориентирует педагога на воспитание человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в мультикультурном обществе, формирование и развитие чувства понимания и уважения других культур, умение жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, конфессий, рас.

Не менее важным условием является учет при разработке и реализации программ первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в свойственных российскому обществу стандартах и нормах поведения, региональных особенностей, национальных традиций и обычаев, закреплённого стиля отношений в семье и т.п. Практика использования зарубежных профилактических программ в российских образовательных учреждениях показала малоэффективность использования предлагаемых методов и форм работы. Одна из причин этого в том, что зарубежные программы отличаются от традиционных российских, менее ритуализированы, предполагают свободный стиль общения между педагогами и воспитанниками, не учитывают специфику наших традиционных взаимоотношений между родителями и детьми.

Из этой закономерности вытекает *принцип мультикультурности*, то есть первичную профилактику делинквентного поведения необходимо организовывать и проводить с учетом ценностей и норм тех или иных национальных культур, специфических особенностей мигрантов младшего подросткового возраста и присущими традициями тех или иных регионов.

3. *Зависимость уровня организации первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде от правовой грамотности подростков.*

Данная зависимость была выявлена в ходе общего исследования проблемы и подтверждена результатами опытно-экспериментальной работы. Так, для определения правовой информированности мигрантов младшего подросткового возраста нами проводились опрос и письменная работа на тему «Мои права и обязанности». Обобщение результатов опроса и письменной работы показывает неутешительную картину. Наш опрос 96 учащихся в возрасте от 10–13 лет (2011 г.) показал отсутствие у них знаний своих прав и обязанностей (68,7 %). Проанализировав ответы, мы пришли к выводу о том, что у мигрантов младшего подросткового возраста не сформирована правовая грамотность.

Важно, чтобы правовые границы первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде предусматривали:

- 1) действия, не нарушающие установленную в законе компетенцию органа или лиц, осуществляющих профилактические меры;
- 2) действия, не нарушающие права мигранта младшего подросткового возраста как гражданина и члена общества, к которому относятся эти профилактические мероприятия.

В ситуациях, когда существует вероятность вовлечения подростка в различные формы делинквентного поведения или угроза его жизни и здоровью, профессиональная и человеческая обязанность работников образовательной сферы сделать все возможное для предотвращения нежелательных для него и его окружения последствий [2, с. 27–30].

Таким образом, из этой закономерности вытекает *принцип легитимности*, что предусматривает организацию профилактической деятельности на основе соблюдения прав и свобод всех субъектов образовательного процесса. К правовой базе этой деятельности относятся: Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»; Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; Уго-

ловный кодекс РФ (глава 4); все нормативные акты о правах и обязанностях лиц, которые в пределах своей компетенции и статуса обязаны заниматься первичной профилактикой делинквентного поведения; права и обязанности мигрантов младшего подросткового возраста.

4. *Зависимость уровня организации первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде от уважения самооценности их личности.*

Общество – это не только люди в общей массе, но и совокупность отдельных личностей, индивидуальностей, способных участвовать в его развитии и преобразовании. Процесс стимулирования личностного потенциала помогает человеку адаптироваться в социальных условиях, особенно в период кризиса. Это доказано научными исследованиями: фрейдизм разработал систему психоанализа в психологии, а гуманистическая психология и педагогика – концепцию самоактуализации личности (Я-концепцию).

Организация первичной профилактики должна предоставлять мигранту младшего подросткового возраста возможность проявлять себя в различных видах деятельности, занимать разнообразные роли. Главная цель воспитания при этом заключается в организации возможности самореализации личности, актуализации потенциальных возможностей мигранта младшего подросткового возраста, адаптации личности к среде, которая, в свою очередь, происходит как ответная реакция личности на воздействие со стороны среды (не всегда благоприятное). Неблагоприятные воздействия среды мигрантам младшего подросткового возраста необходимо учиться узнавать и быть готовым нейтрализовать их, справиться с ними. Педагог при этом помогает мигрантам младшего подросткового возраста воспринимать подобные затруднения как задачи, решая которые он поднимается на более высокую ступень в своем развитии и приобретает неоценимый личный опыт [1, с. 231].

Отсюда вытекает *принцип гуманизации*, предполагающий умение педагога встать на позицию подопечного, признание его как личности, учесть его точку зрения, не игнорировать его чувства и эмоции, видеть в подростке полноправного партнера, а также ориентироваться на высшие общечеловеческие понятия – любовь к семье, родному краю, отечеству.

5. *Зависимость уровня организации первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде от комплексности и посильности обучения.*

Необходимо сочетание в профилактической деятельности образовательного учреждения различных направлений:

1) социального, ориентированного на формирование позитивных моральных и нравственных ценностей, определяющих выбор здорового образа жизни, отрицательного отношения к делинквентному поведению;

2) психологического, направленного на выработку стрессоустойчивых личностных установок, позитивно когнитивных оценок, а также умений и навыков выбора позитивных альтернатив в трудной жизненной ситуации, включая ситуации предложения и откровенного навязывания наркотиков, алкоголя;

3) образовательного, формирующего систему представлений и знаний о социально-психологических, медицинских, правовых, морально-этических, личностных последствиях делинквентного поведения.

Следовательно, процесс первичной профилактики должен строиться на *принципе многоаспектности* как комплексном взаимодействии и реализации

целей, задач, средств и методов различных профилактических мероприятий в русле целостной единой программы комплексной первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста.

Важно отметить, что все принципы требуют обязательного и комплексного воплощения на практике. Грубое и систематическое нарушение принципов, игнорирование их требований не просто снижают эффективность педагогического процесса, но и подрывают его основы.

Прежде чем перейти к рассмотрению структуры первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде, необходимо изучить сферы и уровни ее реализации.

Первичная профилактика реализуется на трех уровнях: личностный, микросоциальное окружение (семья, образовательные учреждения, сфера досуга и т.д.) и макросоциальное окружение (гражданское общество, государство). На личностном уровне первичная профилактика направлена на формирование внутренних ресурсов личности, воспитание психически и физически здоровой личности, способной самостоятельно справляться с жизненными проблемами и успешно адаптироваться к окружающей среде. На уровне микросоциального окружения первичная профилактика ориентирует семью на воспитание у младших подростков законопослушного и ответственного поведения в отношении своего здоровья и самостоятельного выбора своих поступков; направлена на формирование здорового образа жизни, самостоятельности и ответственности за свою жизнь и успешность; оптимальное использование свободного времени путем создания соответствующих условий. На макроуровне первичная профилактика ориентирована на оздоровление социальной среды, снижение социальной напряженности в обществе, нормализацию морально-нравственного климата, повышение культурного уровня населения.

В центре первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде находится сама личность младшего подростка и три основные сферы, в которых осуществляется его жизнедеятельность: семья, учебное заведение, досуг, включая связанное с ними микросоциальное окружение, которое детерминируется влиянием различных этнических культур, функционирующих в обществе.

Таким образом, мероприятия первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде должны быть направлены на:

1) формирование личностных мультикультурных ресурсов (знания об особенностях различных культур, с которыми взаимодействуют дети-мигранты, эффективное межэтническое взаимодействие, толерантные установки и т.д.), обеспечивающих развитие у мигрантов младшего подросткового возраста социально-жизненного нормативного стиля с доминированием ценностей здорового образа жизни, действенной установки на отказ от деструктивных форм поведения;

2) формирование этнопедагогических ресурсов семьи (сохранение и передача народных традиций), помогающих воспитанию у мигрантов младшего подросткового возраста законопослушного, успешного и ответственного поведения, а также ресурсов семьи, обеспечивающих поддержку младшему подростку, который склонен к противоправному поведению;

3) внедрение в образовательной среде педагогических и психологических технологий мультикультурного образования (формирование этнокультурных знаний и мультикультурной компетенции, реализация педагогического потен-

циала этнопедагогической среды, развитие толерантных установок и т.д.), обеспечивающих развитие ценностей здорового образа жизни и мотивов отказа от деструктивного поведения, а также технологий раннего обнаружения случаев делинквентного поведения у мигрантов младшего подросткового возраста.

В результате анализа и обобщения научных исследований первичной профилактики делинквентного поведения детей мы выделили следующие направления первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде:

- 1) учебный процесс мигрантов младшего подросткового возраста;
- 2) организация досуга мигрантов младшего подросткового возраста;
- 3) формирование умений и навыков организации семейного воспитания родителей мигрантов младшего подросткового возраста.

В западной и отечественной практике первичной профилактики делинквентного поведения наиболее широко распространены три модели деятельности: образовательная, медицинская и психосоциальная. Образовательная модель реализуется с использованием педагогических методов, предполагает деятельность в учреждениях образования. Медицинская модель реализуется в основном медицинским персоналом и предупреждает развитие медицинских последствий делинквентного поведения (заражение ВИЧ-инфекцией, гепатитом, венерическими заболеваниями и т.д.). Психосоциальная модель направлена на развитие у подростков определенных психологических навыков для оптимальной жизнедеятельности в социуме.

Первичная профилактика делинквентного поведения является приоритетным направлением превентивной деятельности в образовательной среде реализуется преимущественно через работу общеобразовательных учреждений. Основой содержания первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста в мультикультурной среде является педагогическая профилактика на основе педагогических и психологических технологий. Педагогическая профилактика – комплексная и системная организация учебно-воспитательного процесса подростков, обеспечивающая снижение риска формирования делинквентного поведения через расширение социальных компетенций, развитие личностных свойств и качеств несовершеннолетних, повышающих их устойчивость к негативным психосоциальным воздействиям [4, с. 21–22].

Педагогические технологии первичной профилактики направлены на формирование у мигрантов младшего подросткового возраста представлений, норм поведения, оценок, снижающих риск формирования негативного поведения к особенностям проявления различных культур, и как следствие образования предпосылок для делинквентного поведения, а также на развитие мультикультурных личностных ресурсов, обеспечивающих эффективную адаптацию к разнообразию этнического окружения. К педагогическим технологиям относятся различные технологии, направленные на развитие толерантных установок, формирование мультикультурной компетенции, культуры межэтнического взаимодействия и т.п.

Психологические технологии первичной профилактики делинквентного поведения направлены на развитие психологических и личностных свойств мигрантов младшего подросткового возраста, препятствующих формированию негативных этнических стереотипов, ведущих к делинквентному поведению; формирование психологических и социальных навыков, необходимых для здорового образа жизни в условиях многокультурности; создание благоприятного

доверительного климата в коллективе и условий для успешной психологической адаптации к этническому многообразию. К психологическим технологиям относятся различные технологии, направленные на разрушение негативных этнических стереотипов, групповое и индивидуальное консультирование младших подростков и родителей, диагностическое тестирование и т.п.

Таким образом, приоритетом первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего подросткового возраста следует считать деятельность в рамках образовательной модели с применением педагогических и психологических технологий.

Можно заключить, что сущность первичной профилактики делинквентного поведения мигрантов младшего возраста в мультикультурной среде зависит от качественной организации трех основных взаимосвязанных направлений: учебного процесса, досуга и информирования родителей, каждая из которых опирается на следующие основные принципы: принцип этнопедагогизации, мультикультурности, легитимности, гуманизации и многоаспектности.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Наука, 1980. – 333 с.
2. Комисаров Б. Г. SOS: Наркомания / Б. Г. Комисаров, А. А. Роменко. – Ростов н/Д., 2000. – 317 с.
3. Макаров Р. Г. Гражданское воспитание учащихся учреждений среднего профессионального образования в мультикультурной образовательной среде : дис. ... канд. пед. наук / Р. Г. Макаров. – Воронеж, 2008.
4. О концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде // Вестник образования. – 2000. – № 8. – С. 3–54.
5. Палаткина Г. В. Изучение этнопедагогической среды мультикультурного региона : учеб. пос. / Г. В. Палаткина. – Астрахань, 2005.
6. Профилактика злоупотребления психоактивными веществами несовершеннолетними и молодежью. Руководство: в помощь образовательному учреждению: «Профилактика злоупотребления психоактивными веществами» / под ред. Л. М. Шипицыной, Л. С. Шпилени. – М. : Соц. проект, 2003. – 445 с.

МОДЕЛЬ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ СИНТЕЗА ИСКУССТВ ВО ВНЕКЛАССНОЙ РАБОТЕ

Г.В. Палаткина, М.Г. Семенищева

В статье раскрываются основные компоненты модели эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе, этапы реализации данной модели. Раскрыты методы эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе, направленные на развитие эстетического восприятия как компонента эстетической воспитанности младшего школьника и на овладение детьми способами эстетической творческой деятельности.

The article describes the basic components of the model of aesthetic education of primary school children through the synthesis of arts in extracurricular activities; stages of the model. Methods of aesthetic education of primary school children, directed on development of aesthetic perception as a component of the aesthetic education of primary school children and possession by the children the ways of aesthetic creativity are quite widely opened through the synthesis of art in extracurricular activities.

Ключевые слова: модель эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе, компоненты модели, синтез искусств во внеклассной работе, эстетическое воспитание младших школьников.

Key words: model of aesthetic education of primary school children through the synthesis of arts in extracurricular activities, components of the model, synthesis of arts in extra-curricular activities, aesthetic education of younger students.

Модель эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе раскрывает связи строения изучаемого объекта с выполняемыми функциями. Построение модели начинается с выявления структуры изучаемого объекта путем выделения компонентов. Данный вид моделей используется при исследовании различных педагогических процессов, когда необходимо раскрыть взаимодействие субъектов, в результате которого происходит формирование комплексных личностных качеств. Именно этим и обусловлен наш выбор структурной модели при моделировании.

Модель эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе определяется нами как ориентированная на воспитание и развитие личности младшего школьника с учетом его интересов и потребностей организация педагогического процесса, основанная на синтезе средств эмоционального стимулирования. При этом под эмоционально-образным стимулом понимается педагогическая модификация синтеза искусств, способная вызвать эмоции, адекватные художественному образу (сопереживания, восхищения, внутренней причастности), либо размышления, неоднозначные оценки, негодование, отторжение [2, с. 15].

Целью разрабатываемой модели является гармонизация творчества детей посредством реализации функций синтеза искусств.

Данная цель реализуется через решение следующих задач:

- 1) воспитание интереса к художественному наследию посредством развития у учащихся эмоциональной восприимчивости к искусству;
- 2) развитие умения чувствовать неповторимость художественного образа;
- 3) содействие возникновению эмоционального эстетического восприятия;
- 4) совершенствование художественно-творческой деятельности младших школьников.

При определении содержательной характеристики компонентов модели эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе мы основывались на системном, культурологическом и деятельностном подходах, что, в свою очередь, обусловило выделение мотивационно-ценностного, содержательно-деятельностного и рефлексивно-аналитического компонентов модели.

Мотивационно-ценностный компонент модели обуславливается культурологическим подходом в образовании и определяет потенциальные возможности синтеза искусств во внеклассной работе с младшими школьниками в удовлетворении их потребности в творческой деятельности. Этот компонент направлен на формирование перспективно-побуждающих мотивов, основанных на понимании значимости художественно-эстетической деятельности, расширение кругозора учащихся, раскрытие практической значимости изучаемой темы, показ взаимосвязи изучаемого с жизнью.

Мотивационно-ценностный компонент модели, выполняя направляющую, побуждающую и смыслообразующую функции, формирует у младших школьников в процессе эстетического воспитания во внеклассной работе побуждающие и креативные мотивы эстетической творческой деятельности.

Содержательно-деятельностный компонент модели определяет устойчивый, последовательный, целенаправленный характер протекания рассматриваемого процесса и включает: содержательный блок, определяющий содержание эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе; процессуальный блок, выявляющий методы, приемы и формы творческой деятельности младших школьников.

Содержательный блок содержательно-процессуального компонента модели личностно-ориентированного эстетического воспитания младших школьников предусматривает:

1) включенность в состав содержания личностно ориентированного эстетического воспитания ценностного опыта младших школьников;

2) наличие информационных, практических и рефлексивно-оценочных характеристик содержания личностно-ориентированного эстетического воспитания младших школьников, позволяющих использовать его как дидактический инструмент осознанного выбора младшими школьниками содержания с учетом их ценностно-смысловых предпочтений;

3) процессуальность содержания личностно-ориентированного эстетического воспитания младших школьников, его представленность в виде совокупности значимых для школьников проблемных и личностно ориентированных ситуаций.

Содержательный блок модели отражается в комплексной программе эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе.

Программа представляет собой образовательный продукт, документ, регламентирующий содержание эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе в соответствии с поставленными целями и отражающими их результаты.

Существует несколько способов обеспечения эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе:

1) интегрирование внеклассных мероприятий по различным дисциплинам при участии учителей разных специальностей;

2) подчинение внеклассных мероприятий по различным дисциплинам решению общих задач эстетического воспитания;

3) использование эстетических знаний, приобретенных на уроках или мероприятиях по разного рода дисциплинам;

4) использование внеклассных мероприятий по одним предметам для решения задач эстетического воспитания на внеклассных мероприятиях по другим.

Перечисленные способы способствуют осуществлению эстетического воспитания во внеклассной работе с использованием синтеза искусств при условии систематического включения их в общую систему педагогически целесообразных связей, организуемых в коллективах младших школьников.

Возможны несколько видов межпредметных связей, возникающих при использовании различных видов искусств:

1) межпредметные связи на основе тематического сходства;

2) межпредметные связи, основанные на сходстве в творческой деятельности учащихся и возможности передавать образы одного вида искусства выразительными и изобразительными средствами другого;

3) межпредметные связи, организуемые как результат сопоставления одного предмета с другим для формирования общих понятий;

4) связи, возникающие при использовании художественных произведений для создания эмоционального настроения и усиления воспитательного эффекта;

5) связи, возникающие при осуществлении единого подхода к восприятию общих закономерностей в анализе различных понятий.

Деятельностный блок содержательно-процессуального компонента модели включает применяемый эффективный дидактический инструментарий: последовательность и целесообразность подбора методов, приемов и форм эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе.

Основываясь на определенных Е.Ю. Волчегорской методах эстетического воспитания младших школьников, мы конкретизировали методы синтеза искусств, используемые во внеклассной работе по эстетическому воспитанию младших школьников [1, с. 169].

1. *Перцептивные методы* эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе, направленные на развитие эстетического восприятия как компонента эстетической воспитанности младшего школьника и на овладение детьми способами эстетической творческой деятельности. Данная группа методов преимущественно используется на этапе первичного восприятия и осмысления эстетической информации и знакомства с основными видами художественной деятельности. В основе разделения данных методов лежит способ передачи и восприятия эстетической информации: при помощи звука, изображения либо мышечных усилий. Основываясь на выявленных характеристиках синтеза искусств, мы определили аудиовизуально-кинестетический метод передачи и восприятия эстетической информации. К этому методу относятся все виды рассказов, бесед, объяснений, художественно-образное символическое описание, а также прослушивание музыкальных произведений, как в исполнении учителя, так и с помощью технических средств воспроизведения, сопровождающееся демонстрацией натуральных объектов и изобразительных произведений, наглядных пособий, иллюстраций и т.п., а также музыкально-ритмическими движениями, рисованием, артикуляционными и пальчиковыми упражнениями и т.п.

2. *Активные методы* эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе направлены на развитие эстетического суждения, эмоционально-оценочного отношения к эстетическим объектам, творческого воображения ребенка как компонентов эстетической воспитанности младшего школьника. Среди активных методов эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе нами были отобраны методы художественно-творческого выражения, среди которых были выделены художественное исполнительство, вживание в эстетический объект, синектика, инверсия эстетических объектов и художественно-творческие аналогии.

Основными формами эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе являются художественные события и творческие блок-недели.

Рефлексивно-аналитический компонент рассматриваемой модели предполагает рефлексивный тип педагогического процесса. Рефлексия означает осознание ожиданий своих и других субъектов образовательного процесса, это попытка понять происходящее в себе и себя в происходящем путем самостоятельного обращения к самоанализу.

Педагогическая рефлексия определяется как обращенность сознания педагога на самого себя, учет представлений учащихся о деятельности педагога и представлений обучаемого о том, как педагог понимает его деятельность. В процессе эстетического воспитания младших школьников рефлексия проявляется:

1) в обеспечении ведущей роли педагога, который одновременно организует совместную эстетическую творческую деятельность в виде «сотворчества» педагога и ребенка и участвует в ней, что порождает комплекс личностных проявлений всех субъектов процесса эстетического воспитания;

2) в гуманистическом отношении к детской личности, проявляющемся в ориентации педагога не на абстрактный идеал ребенка, осваивающий необходимый арсенал знаний, умений, навыков в эстетической творческой деятельности, а на возрастные, индивидуальные особенности ребенка, уровень развития частных (музыкальных, изобразительных, хореографических и т.п.) способностей;

3) в установлении эмоционально-положительного контакта с детьми, в действии не только на основе «аффективного понимания», но и с позиции ребенка (изменять свое поведение в соответствии с реакциями детей); в умении организовывать оптимальное взаимодействие с детьми в различных видах эстетической творческой деятельности.

Данный компонент модели актуализирует способности педагога анализировать ситуации межличностного взаимодействия в процессе личностно-ориентированного эстетического воспитания младших школьников, вычлняя причины и следствия своих реакций и реакций учащихся; извлекая из каждой такой ситуации опыт, необходимый для успешного общения в дальнейшем; ставя задачи самоизменения в общении и решая их, используя полученный опыт. Такие действия педагога оказывают благотворное влияние на эмоционально-волевую сферу личности младшего школьника, что является основой для развития творческого потенциала и развития личности ребенка в целом.

Эти компоненты пронизывают весь процесс эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе.

В соответствии с компонентами были определены диагностический, процессуальный и обобщающий этапы эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе.

На диагностическом этапе целью является определение исходного уровня эстетической воспитанности младших школьников. Средствами этого этапа являются диагностические методики по выявлению уровня эстетической воспитанности.

Выделенные критерии и показатели уровня сформированности эстетической воспитанности младших школьников оценивались при помощи следующих диагностических методик: проективная технология Роршаха, методика оценки одноактного восприятия эстетического объекта В.Ю. Волчегорской, эстетического восприятия младших школьников И.А. Медведевой, опросник Р. Кеттела, личностный опросник А. Мехрабиана, модифицированный М.Ш. Магомед-Эминовым.

На процессуальном этапе целью является реализация эстетического воспитания младших школьников. Средством этого этапа является комплексная модульная программа эстетического воспитания младшего школьника посредством синтеза искусств во внеклассной работе, описанная в содержательно-деятельностном компоненте модели.

Комплексная программа включает три модуля: первому модулю соответствует первый год обучения, второму модулю – второй и третий годы обучения младших школьников, четвертому модулю – четвертый год обучения в начальной школе.

Первый модуль нацелен на развитие эстетических отношений, эстетических знаний и художественно-эстетических возможностей младших школьников.

Второй модуль направлен на совершенствование эстетических отношений, эстетических знаний и художественно-эстетических способностей младших школьников.

Третий модуль развивает устойчивость проявления эстетических отношений, эстетических знаний и художественно-эстетических способностей младших школьников.

Средствами достижения поставленных целей в каждом модуле являются дидактический театр, тематические классные часы («На необитаемом острове», «В подводном царстве», «В стране математики», «В школе египетского писца», «Съезд рыцарей-феодалов», «Путешествие в страну Вообразию», «Дорогой сказочных героев», «Из семейного альбома» и др.), нетрадиционные уроки (урок-концерт, урок драматизации и оживотворения литературных произведений), экскурсии, праздники, фольклорные фестивали [3].

Дидактический театр – форма сценического действия, которая позволяет соединить учебный материал с самовыражением личности ученика. Дидактический театр используются для подготовки художественного события. Готовясь к сценическому действию, младшие школьники развивают свои способности, таланты, умения. Совместная работа сплачивает их в дружный коллектив.

Готовясь к нетрадиционным урокам, проводящимся в рамках творческих блок-недель, учащиеся пишут сценарии, готовят костюмы, декорации, привлекают дополнительный материал. Тематика нетрадиционных уроков (урок-концерт, урок драматизации и оживотворения литературных произведений) ориентирована на воспитание у младших школьников позитивного отношения к эстетике окружающего мира и осознание себя в этом мире. Сравнивая на таких уроках живописные, поэтические, музыкальные образы, произведения разных стилей и эпох, учащиеся приобретают множество эстетических впечатлений о мире и осознают разнообразие средств их высказывания. Это расширяет сферу эстетического познания младших школьников и воспитывает способность к эстетическому анализу явлений и обобщению.

На таких уроках у младших школьников появляется возможность «посмотреть на мир» глазами авторов художественных произведений (композиторов, поэтов, художников), почувствовать их внутреннее состояние, сравнить их точки зрения, согласиться с ними, и в то же время поспорить, высказать свое мнение, собственный взгляд на мир и представить его в рисунке, стихотворении или музыкальной импровизации. Собственный опыт художественно-творческой деятельности развивает у детей способность понимать чужую творческую деятельность и воспитывает уважительное отношение к ней.

Одной из массовых форм внеклассной работы являются праздники. Они объединяют различные виды искусства: музыку, художественное слово, танец, драматизацию, изобразительное искусство. Являясь источником радостных впечатлений, праздники оказывают большое эмоциональное воздействие на младших школьников, обогащают их внутренний мир, развивают эстетические чувства, эмоционально-ценностное отношение к миру, действительности. Подготовка к празднику, совместная деятельность, общие чувства и

переживания объединяют детей и взрослых (учителей, родителей), снимают конфликтность, рожают чувство общности.

Помимо традиционных для начальной школы календарных праздников и праздников, посвященных знаменательным датам, проводятся народные праздники, праздники пословиц и поговорок, сказок, легенд и преданий, музыкальные праздники, праздники танцевальной музыки и другие. В подготовке и организации праздников принимают участие учителя начальных классов, музыки, изобразительного искусства, родители.

На обобщающем этапе целью является анализ результатов внедрения программы эстетического воспитания младшего школьника посредством синтеза искусств во внеклассной работе. Средствами этого этапа являются диагностические методики.

Таким образом, представление содержательно-смыслового наполнения через мотивационно-ценностный, содержательно-деятельностный, рефлексивно-аналитический компоненты модели эстетического воспитания младших школьников посредством синтеза искусств во внеклассной работе позволяет описать ее содержание и технологическое обеспечение.

Список литературы

1. Волчегорская Е. Ю. Личностно ориентированное эстетическое воспитание младших школьников: методология, теория, практика : дис. ... д-ра пед. наук / Е. Ю. Волчегорская. – Челябинск, 2007. – С. 169.
2. Данилюк А. Я. Теория интеграции образования / А. Я. Данилюк. – Ростов н/Д. : Феникс, 2000. – С. 15.
3. Муромцева О. В. Условия повышения эффективности использования межпредметных связей в эстетическом воспитании младших школьников во внеучебной деятельности / О. В. Муромцева // Педагогика искусства. – 2007. – № 3. – С. 58–68.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОГРАММЫ ФОРМИРОВАНИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

И.А. Потапова

В статье выявляется роль школы как института социализации ребенка, обосновывается возможность формирования мультикультурного поведения личности ребенка в период школьного обучения, предлагается модель программы мультикультурного поведения школьников.

The article reveals the role of school as an institution of socialization of the child, justify the possibility of forming a multicultural behavior of the child during the period of schooling, a model program of multicultural behavior of schoolchildren.

Ключевые слова: мультикультурное образование и воспитание, мультикультурная личность, мультикультурное поведение, мультикультурные компетенции.

Key words: multicultural education and upbringing, multicultural behaviour, multicultural person, multicultural competence.

В Национальной доктрине образования Российской Федерации одной из фундаментальных задач выдвигается задача гармонизации национальных и этнокультурных отношений, сохранения и поддержки самобытности народов России. Этому может способствовать мультикультурное образование, понимаемое как образование, направленное на сохранение и развитие многообра-

зия культурных ценностей, норм, образцов и форм деятельности, существующих в данном сообществе, и на передачу этого наследия и инновационных новообразований молодому поколению; процесс и результат усвоения определенной системы знаний в интересах человека, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней, осваиваемых в процессе обучения и воспитания в учебных заведениях под руководством педагогов (К.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров).

Основополагающими принципами мультикультурного образования являются этнокультурная направленность образования, этнопедагогизация образовательного процесса, диалог во взаимодействии культур.

Функции мультикультурного образования определяются как воспитание человеческого достоинства и высоких нравственных качеств в целях сосуществования с социальными группами различных рас, религий, этносов; воспитание толерантности, готовности к взаимному сотрудничеству (В.А. Сластенин, Г.В. Палаткина).

В современном отечественном школьном образовании наиболее нереализованным звеном является решение задач мультикультурного воспитания подрастающего поколения. Это приводит к наличию проблем межэтнических отношений участников образовательного процесса, которые проявляются как проблемы поведения между учащимися различных этнокультурных групп. В дальнейшем неконструктивные модели поведения переносятся «во взрослую жизнь», что приводит к возникновению конфликтных ситуаций, которые, начинаясь как бытовые конфликты, зачастую перерастают в социальные массовые конфликты, урегулирование которых возможно только при участии силовых структур государства. Таким образом, проблемы, связанные с поведением в поликультурном обществе, – это проблемы благополучия общества в целом.

Несмотря на то что в научном мире широко обсуждаются вопросы мультикультурного образования школьников, следует констатировать, что в настоящее время в масштабе страны отсутствует целостная система образования школьников, органической и значимой частью которой являлась бы система воспитания гражданина России, ориентированная на становление и развитие мультикультурной личности, готовой жить в условиях многокультурного демократического общества и правовом государстве; свободной, обладающей чувством собственного достоинства, гуманистически ориентированной, толерантной, уважающей собственную культуру и этнокультуры других народов, умеющей бесконфликтно взаимодействовать и сотрудничать с людьми, принадлежащими к различным этнокультурным группам современного российского общества.

Образование – это особый, целенаправленный вид деятельности по подготовке человека к участию в жизни общества посредством освоения им социального опыта, состоящий из воспитания и обучения, осуществляемых в интересах человека, государства, общества. Образование – это и процесс, и результат освоения системы научных знаний и познавательных умений и навыков, формирующихся на их основе мировоззрения, нравственных и других качеств личности, развитие ее творческих сил и способностей. При этом личность должна быть преобразована путем освоения некоего социального опыта, проявлять социальную активность и двигаться в направлении развития, подсказанном взрослыми, социально опытными наставниками (Ю.К. Бабанский, М.Н. Скаткин, И.Я. Лернер, Г.И. Щукина и др.). Вместе с тем, образо-

вание не должно быть направлено только на освоение человеком социального опыта. Использование социального опыта без культуры обедняет его. Цель образования заключается в создании человека, способного занять самостоятельную позицию к существующим ситуациям (В. Франкл). При этом образование осуществляет развивающую функцию, является механизмом, позволяющим человеку подниматься по «ступеням» своего культурного развития.

Освоение человеком общечеловеческой культуры можно рассматривать через призму приобретения им социального опыта общественных отношений. Такой опыт человек получает в процессе постоянного взаимодействия с другими людьми. Человек вступает в различные по содержанию социальные отношения, приобретая опыт межличностного взаимодействия в системах, конструктивное взаимодействие «с другим» строится на основе «культуры взаимодействия с другим».

Культура социальной группы осваивается человеком в форме «этнической» и «национальной культуры» как овладение культурой своего собственного народа, формирование представлений о многообразии культур, культурных различий, а также развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями различных культур. В этом смысле школа обладает огромными возможностями воспитания мультикультурной личности.

Школа как институт социализации не только обеспечивает приобретение человеком социального опыта общественных отношений, но и создает условия для освоения культуры (культур) в целом. Школа как социальный институт должна стать тем мультикультурным образовательным пространством, которое включает в себя совокупность условий, влияющих на формирование личности, готовой к эффективному межэтническому взаимодействию, сохраняющей свою этническую идентичность и стремящейся к пониманию других этнокультур, уважающей иноэтнические общности, умеющей жить в мире и согласии с представителями разных этнокультур.

Целью программы формирования мультикультурного поведения школьников выступает создание условий для развития мультикультурной личности, способной ориентироваться в современном мире, выбирать ориентиры для своего развития, действовать в соответствии с мировоззренческими представлениями, конструктивно взаимодействовать и общаться с людьми в поликультурном обществе на основе позитивного отношения к своей культуре и иным культурам.

Таким образом, центральной *задачей* является воспитание не просто учащегося, а человека определенного гражданского общества и этноса, с развитой личной и гражданской культурой, способного к успешной интеграции в поликультурное общество (рис.).

Важнейшими качествами мультикультурной личности являются *активность*, понимаемая как накопление опыта социально значимых дел, участия в коллективных делах; *гражданственность*, понимаемая как компетентность, заинтересованность и участие в жизни общества, конкретных социально значимых делах, готовность к самостоятельным инициативным действиям, управление самим собой, собственной жизнью и деятельностью; *нравственность*, понимаемая как внутренняя установка участников образовательного процесса действовать согласно своей совести и свободной воле.

Рис. Структура мультикультурной личности

Исходя из сущности мультикультурного образования нами намечены три группы мультикультурных компетентностей, освоение которых позволит учащимся средствами образования достичь искомых результатов.

К ним относятся следующие компетенции:

1) *социально-гражданская компетентность*, в основе которой – совокупность знаний в области истории, обществознания, социологии, права, экономики, основ политологии, позволяющих личности свободно ориентироваться в жизни гражданского общества, правильно определять способы своего поведения и жизненные планы;

2) *социально-культурная компетентность*, в основе которой – совокупность знаний в области литературы, культурологии, искусства, позволяющих личности свободно ориентироваться в современном сообществе людей, правильно определять способы своего поведения с учетом социальных мировых реалий;

3) *этнокультурная компетентность*, в основе которой – совокупность знаний в области этнических культур (народных искусств, литературы, традиций и т.д.), позволяющих личности свободно ориентироваться в жизни многокультурного общества, правильно определять способы продуктивного взаимодействия, мультикультурного поведения с людьми, принадлежащими к различным этнокультурным группам.

Поведение человека выступает внешним выражением его внутреннего мира, системы его жизненных установок, ценностей, идеалов. Знания человеком определенных норм и правил недостаточно для регуляции его поведения,

если они не усвоены им осознанно и не приняты как собственные убеждения. Лишь воплотившись в реальное поведение, внутренние установки обретают свойство убеждений. Исходя из этого, *педагогически целесообразно формирование внутренних механизмов регуляции определенного поведения*. Саморегуляция поведения возможна лишь в том случае, если внутренние психологические структуры личности достигли определенного уровня развития. Эти структуры формируются как развитие определенных компонентов мультикультурной личности, представленных в совокупности когнитивного (знаниевого), эмоционально-оценочного, аксиологического (мотивационно-ценностного) и регуляционно-поведенческого содержания.

Когнитивный (знаниевый) компонент находит выражение в овладении учащимися специальных знаний по истории, литературе, культурологии, искусству, в области этнических культур, основам социологии, права, экономики, политологии, а также в овладении соответствующих компетенций. Когнитивный (знаниевый) компонент обеспечивается созданием в учебном процессе мультикультурно-образовательной вертикали путем наполнения содержания образования (дисциплин начальной ступени обучения, дисциплин гуманитарного цикла средней и старшей ступеней обучения) мультикультурным содержанием воспитания с первого по одиннадцатый классы.

Эмоционально-оценочный компонент определяется как отношение к реалиям состояния гражданского поликультурного общества, и в частности, к этнокультурам и представителям своей и иных этнокультур на основе овладения соответствующими компетенциями. Эмоционально-оценочный компонент обеспечивается единством развития логики и чувств учащихся, позволяющим правильно воспринимать и оценивать реалии состояния гражданского поликультурного общества, формировать позитивное отношение к этнокультурам.

Аксиологический (мотивационно-ценностный) компонент выражается в позитивной этнической установке на изучение собственной культуры и иных этнокультур, в стремлении личностного культурного развития, в стремлении участвовать в жизни школы и гражданского общества в целом. Аксиологический компонент формирования мультикультурного поведения школьников обеспечивается вычленением вопросов этики, культуры и права в содержании мультикультурного образования и воспитания в качестве системообразующих, интегрирующих компоненты из других отраслей знаний.

Регулятивно-поведенческий компонент включает возможность учащегося правильно определять способы своего поведения; активное взаимодействие и бесконфликтное общение учащихся разных этнокультурных групп на основе овладения соответствующими компетенциями. Регулятивно-поведенческий компонент обеспечивается психолого-педагогическими технологиями, обеспечивающими в процессе обучения и воспитания учащихся единство логики и чувств, способствующих развитию в поликультурных коллективах учащихся межличностного взаимодействия, коммуникативной культуры на основе сформированной этнической идентичности, этнотолерантности, позитивных этнических установок.

Ориентир на становление у школьников не только социально-гражданской компетентности, но и социально-культурной и этнокультурной компетентностей требует такого отбора содержания мультикультурного образования, при котором обеспечивалось бы единство когнитивного (знаниевого), эмоционально-оценочного, аксиологического (мотивационно-ценностного) и регуляционно-поведенческого содержания.

Мультикультурное поведение школьников является не только результатом освоения мультикультурных компетентностей, но и развития личностно-психологических детерминант: этнотолерантности, этнической идентичности и этнических установок, представленных рядом показателей.

Специфика развития детерминант мультикультурного поведения личности заключается в следующем. Когнитивный (знаниевый) компонент обеспечивается за счет расширения этнической осведомленности и преодоления этнических стереотипов. Эмоционально-оценочный компонент обеспечивается единством развития чувств и отношения, формируется на основе позитивной оценки и позитивного отношения к собственной этнической общности и другим этносам и их представителям. Регулятивно-поведенческий компонент обеспечивается освоением социальных норм поведения по отношению к другому, исключающих дискриминацию по этническому признаку.

Воспитание мультикультурной личности школьника осуществляется в *мультикультурном образовательном пространстве*, под которым следует понимать мультикультурное пространство образовательного учреждения, представленное целостной системой ряда пространств, в границы которых включены множества сред, результатом взаимодействия с которыми обеспечивается освоение социального опыта, приращение индивидуальной культуры учащегося, формирование нормальной этнической идентичности, этнотолерантности как качества личности, положительных этнических установок на межкультурное взаимодействие субъектов образования.

Мультикультурное образовательное пространство выступает в качестве внешнего социального влияния, основополагающего условия, детерминирующего поведение школьника, которое складывается из нескольких взаимосвязанных пространств.

Образовательное пространство – реально существующий пространственно-временной континуум функционирования системы заданных образовательных социальных ситуаций в объективно существующей совокупности взаимосвязанных материальных, культурных и социально-психологических факторов и условий, непосредственно и опосредованно взаимодействующих с человеком в процессе освоения им социального опыта, формирования и развития его мировоззрения. В структуру образовательного пространства включены содержание образования, педагогические технологии, образовательные события и социальные ситуации.

Культурно-информационное пространство – континуум функционирования системы культурно-информационных событий в объективно существующей совокупности взаимосвязанных информационных, культурных и социально-психологических факторов и условий, непосредственно и опосредованно взаимодействующих с человеком в процессе освоения им социального опыта, формирования и развития его мировоззрения. Структура культурно-информационного пространства представляет собой целостную систему, включающую в себя культурную среду взаимодействия и информационную среду; обеспечивающая включение человека в культуру пространства, результатом которого является приращение собственной культуры.

Этнокультурное пространство – система этнокультурных сред взаимодействия, континуум функционирования системы заданных этнокультурных социальных ситуаций в объективно существующей совокупности взаимосвязанных материальных, культурных и социально-психологических факторов и условий, непосредственно и опосредованно взаимодействующих с человеком в

процессе формирования собственной этничности, толерантного отношения к своей и другим культурам; накопление социального опыта, формирования и развития его мировоззрения. Структуру этнокультурного пространства составляют множества этнокультурных сред: множества этнокультурных сред каждого ребенка, этнокультурная среда класса и школы, этнокультурная среда взаимодействия субъектов образования, результатом которого является освоение социального опыта, приращение индивидуальной этнокультуры образующегося; этнопедагогические технологии, этнокультурные события и ситуации.

Мультикультурное образовательное пространство представляет собой целостную систему; все виды пространств, включенных в единую систему, обеспечивают освоение социального опыта этнокультурного взаимодействия людей, формирование мультикультурной личности, результатом которого является сформированное мультикультурное поведение школьника.

Образовательно-воспитательный процесс осуществляется в мультикультурном образовательном пространстве, представленном множеством сред, как выстроенная образовательно-воспитательная вертикаль освоения учащимися мультикультурных компетентностей, развития внутренних психологических детерминант и личностных качеств, обеспечивающих становление мультикультурной личности. Образовательно-воспитательный процесс является своеобразной моделью освоения культуры как совокупности базовых ценностей, представляющих собой системы человеческого бытия в знаковом, текстовом, символическом виде, и реальных, ментальных жизненных проявлений, с другой. Учебно-образовательный процесс выступает как смысловая реальность, как поле обретения субъективного социального опыта учащихся и объективных ценностей культуры, как источник формирования общечеловеческих ценностей, мировоззренческих представлений, в совокупности образующих матрицу жизненных ориентаций учащихся.

Содержательным фундаментом системы формирования мультикультурного поведения школьников является усиление мультикультурного компонента школьного образования, результатом которого должно стать освоение учащимися компетенций мультикультурной личности; наполнение воспитания социальными ситуациями этнокультурного развития, способствующими становлению личностных качеств учащегося; содержание множества сред, ограниченных рамками мультикультурного образовательного пространства.

Процесс формирования мультикультурного поведения школьников охватывает все звенья образовательно-воспитательного процесса: учебное звено, воспитательное звено, звено социально-педагогического сопровождения развития мультикультурной личности.

Учебное звено. В условиях школы, когда новые образовательные стандарты начинают вводиться в начальной школе (1–4 классы), а в основной (5–9 классы) и старшем звене (10–11 классы) продолжается образовательный процесс на основе старых (ныне существующих) стандартов, существуют объективные трудности усиления содержания образования мультикультурным компонентом школьного образования, заключающиеся в различиях организационных параметров обучения учащихся начальной и основной школ.

В соответствии с новыми образовательными стандартами, в учебном плане начальной школы выделяются два часа, которые могут быть использованы для обучения и воспитания учащихся исходя из целесообразности. Кроме того, программа дисциплины «Искусство» может быть наполнена мультикультурным содержанием. Все это позволяет внедрить в содержание

начального образования специальную программу воспитания мультикультурного поведения младшего школьника.

Мультикультурный компонент образования среднего и старшего звеньев школы усиливается за счет включения мультикультурного содержания в программы дисциплин гуманитарного цикла и физической культуры. Так, один час занятий по физической культуре отводится на освоение народных подвижных игр, дисциплины история, литература, обществознание и другие дополняются необходимым содержанием.

В программе не предусмотрен временной параметр освоения соответствующих компетенций, а только содержание мультикультурного образования в каждом из звеньев (начальном, среднем, старшем), что обусловлено возможностью каждого образовательного учреждения (школы, гимназии) варьировать образовательные программы исходя из условий школы и целесообразности организации образовательного процесса.

Воспитательное звено. Содержание воспитательного звена является логическим наполнением, дополнением, расширением компонента мультикультурного образования. При освоении программы создаются условия для межкультурного взаимодействия в системах «ученик – ученик» (принадлежащих к одной или разным этнокультурным группам, «ученик – коренной житель – ученик-мигрант», «ученик – педагог»; «ученик(и) – родитель(и)», «педагог – родитель(и)».

Звено социально-педагогического сопровождения. Содержание звена социально-педагогического сопровождения является продолжением содержания мультикультурного образования. В него включена диагностика, занятия с использованием технологии создания культурных ассимиляторов, тренинговые технологии воспитания мультикультурной личности школьника.

Формирование мультикультурного поведения осуществляется в мультикультурном образовательном пространстве, представленном множеством сред, включенных в его границы и являющихся неперенным условием, оказывающим непосредственное влияние на воспитание мультикультурной личности школьника.

Таковы теоретические основы построения программы формирования мультикультурного поведения школьников.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА В РАМКАХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ ОЛИМПИЙСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

М.К. Санина, С.А. Санин

В статье обосновывается необходимость привлечения к работе с волонтерами олимпийской направленности социального педагога, способного оказать помощь в адаптации подростков к добровольческой деятельности в условиях мультикультурности, рассматриваются особенности его профессиональной деятельности, технология социально-педагогической работы и воспитательные средства, способствующие успешной адаптации и социализации волонтеров в условиях мультикультурности Олимпийских игр.

The necessity of involvement of a social pedagogue able to render assistance for adaptation of teenagers concerning voluntary activity under the conditions of the multiculturalism in work with volunteers of the Olympic purposefulness is being proved as well as some peculiarities of his or her professional work, the ethnology of the social pedagogical work and education and socialization of volunteers under the conditions of the multiculturalism of the Olympics are being examined in the article.

Ключевые слова: социальный педагог, мультикультурная компетенция, толерантность, волонтерское движение олимпийской направленности.

Key words: social pedagogue, multicultural competence, tolerance, the voluntary movement of the Olympic purposefulness.

Должность социального педагога на сегодняшний день официально установлена в учреждениях двух ведомств – образования и комитетов по делам молодежи. Несмотря на это, практическая потребность в такого рода специалистах гораздо шире. Фактически эта должность может вводиться во всех социальных учреждениях, которые оказывают помощь нуждающимся в ней детям, поэтому типология учреждений, в которых может работать социальный педагог, основанная на их ведомственной принадлежности, включает:

- 1) учреждения образования;
- 2) учреждения комитетов по делам молодежи;
- 3) учреждения здравоохранения (детские больницы, спецбольницы для психически больных детей, детей наркоманов, санатории для детей и др.);
- 4) учреждения социальной защиты населения (центры социального обслуживания, центры социальной помощи семье и детям, социальные приюты, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, реабилитационные центры для детей и подростков с ограниченными возможностями и др.);
- 5) учреждения, относящиеся к системе органов внутренних дел (приемники-распределители для детей и подростков, специнтернаты и специальные профессиональные училища для детей, совершивших правонарушения, воспитательные колонии, ювенальные суды для подростков, которые в России делают свои первые шаги, и др.).

Кроме того, в настоящее время в стране стремительно развивается молодежное волонтерское движение, в рамках которого социальные педагоги оказывают помощь подросткам безвозмездно.

Выявление особенностей профессиональной деятельности социального педагога в рамках молодежного волонтерского движения олимпийской направленности требует уточнения понятий «волонтерское движение» и «волонтерское движение олимпийской направленности».

Волонтерское движение образуют различные волонтерские организации, взаимодействуя между собой. Сложность введения строгого определения понятия *волонтерской организации*, по мнению Л. Саламона [6], связана с многообразием организационных форм и сфер деятельности, в которых используется волонтерский труд.

Слово «организация» имеет несколько значений: 1) вид деятельности; 2) внутреннее состояние, то есть упорядоченность, согласованность; 3) социальная структура [1, с. 218]. Исходя из анализа этих значений, мы пришли к выводу, что волонтерская организация представляет собой группу людей, совместно реализующих конкретную цель, имеет четкую структуру и способствует самореализации ее участников. Мировой опыт свидетельствует, что волонтерские организации по своей сути являются свободными союзами людей, объединенных специальным интересом, отраженным в программе организации. Такие программы, как правило, направлены на предоставление социальной помощи и услуг и базируются на трех основных принципах: защита общих интересов своих членов; вступление в организацию только по личному желанию каждого; неправительственная, негосударственная сущность организации, хотя возможно привлечение внимания государства к нуждам и

особенностям своих клиентов. Важным признаком волонтерской организации является ее некоммерческий характер, поскольку она создается на основе общности интересов волонтеров для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей, то есть она не имеет основной целью извлечение прибыли.

В поле деятельности волонтерских организаций есть *волонтерские агентства* – официальные организации, которые занимаются социальным благосостоянием, сервисным обслуживанием, призванным помочь людям в достижении более высокого уровня жизни и обеспечить возможности для преодоления кризисных ситуаций повседневной жизни. Л. Саламон [6] также описывает организации социальной поддержки, которые близки к концепции волонтерских агентств, но имеют более широкую сферу деятельности.

Несмотря на популярность и масштабность развития волонтерства в развитых странах, даже там наблюдается дефицит волонтеров, готовых осуществить бесплатную, неправительственную гуманитарную помощь. Во многих странах мира существуют специализированные *центры добровольчества*. Их назначение состоит в том, чтобы помочь общественным организациям и людям, которые хотят в них работать в качестве добровольцев, найти друг друга. Центры, являясь также некоммерческими организациями, выполняют следующие функции:

- 1) собирают информацию и выявляют потребность различных организаций в добровольцах, обладающих определенными знаниями и умениями;
- 2) составляют базы данных, чтобы для любой организации или добровольца можно было легко подобрать нужную информацию;
- 3) выпускают различные справочники и указатели, по которым можно легко найти нужного человека или организацию;
- 4) предлагают любой организации или человеку, обратившемуся за помощью, различные консультации по всем вопросам добровольчества, проводят первичное собеседование с добровольцем;
- 5) выступают в роли спонсоров при проведении различных мероприятий для некоммерческих организаций в области развития добровольчества;
- 6) предоставляют посреднические услуги для различных некоммерческих организаций, активно рекламируя их деятельность и привлекая для них добровольцев;
- 7) выступают координаторами различных мероприятий, целью которых является выражение признательности добровольцам;
- 8) проводят обучение и консультирование руководителей некоммерческих организаций об эффективной работе с добровольцами, организуют и проводят круглые столы и практикумы.

Волонтерская ассоциация – это термин, который имеет два значения. В широком смысле он относится к большой области волонтерских организаций от неформальных групп до больших профессиональных структур. В другом, более узком смысле, он может относиться к классу организаций, которые нацелены на поддержку только членов своей организации, а не общества в целом (например, Ассоциация молодежных инвалидных организаций в России или Ассоциация детских неврологов в Казахстане).

Деятельность волонтерских организаций часто связана с благотворительностью и милосердием, поэтому одной из наиболее распространенных организационных форм в России является *благотворительный фонд*. Этому типу соответствуют организации, собирающие средства и затем распреде-

ляющие их среди нуждающихся или тратящие их на реализацию различных социальных программ.

Волонтерский сектор – термин, часто используемый для обозначения всех волонтерских организаций, волонтерских агентств и ассоциаций, созданных на основе добровольности. Хотя термины «волонтерский сектор» и «непрофессиональный сектор» обычно взаимозаменяемы, Л. Саламон использует термин «непрофессиональный сектор» для выделения официальных объединенных структур волонтерского сектора [6].

Взаимодействуя, описанные волонтерские организации образуют волонтерское движение, которое в единстве его многообразных проявлений имеет все признаки социального движения. Современные социологи трактуют социальное движение как «совокупность коллективных действий, направленных на поддержку социальных изменений или на поддержку сопротивления социальным изменениям в обществе или социальной группе» (Р. Термер).

К какому типу социальных движений относится волонтерское движение, можно определить по его цели. Стратегической целью российских добровольческих организаций, согласно их совместному проекту «Добровольцы создают будущее!», является объединение и мобилизация добровольных усилий граждан для социальных перемен в обществе, совместного решения общих проблем, углубления демократических реформ и развития гражданского общества [5]. Поэтому мы можем отнести волонтерское движение к социальным движениям, направленным на поддержку социальных изменений в обществе.

Анализ волонтерского движения позволил выделить следующие значимые положения, характеризующие его социальную природу и организационную сущность:

1) волонтерское движение может рассматриваться только в контексте социального движения и как часть общего. Оно представляет собой совместные действия добровольцев, которые объединяются для проявления социальной инициативы, решения важных для общества проблем, совершенствования себя, общества и окружающей жизни;

2) волонтерское движение характеризуется добровольным включением людей в общественно-полезную деятельность, которая имеет разнообразное содержание и формы;

3) в основе волонтерского движения лежит социальная инициатива людей, их собственное стремление участвовать в общественной жизни.

Учитывая все перечисленное, мы понимаем волонтерское движение как добровольную форму объединения для мобилизации социальной инициативы, достижения общественно значимых целей, совместного решения общих проблем, личностного роста его участников и развития социальной активности молодежи.

По мнению А.Н. Леонтьева, основной характеристикой любой деятельности является ее предметность, потому что «...главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов» [2]. Именно предмет деятельности придает ей направленность.

Предметом деятельности волонтерского движения олимпийской направленности в настоящее время являются XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 г. в г. Сочи (далее – Игры).

Цель деятельности волонтерского движения олимпийской направленности – оказание помощи в организации и проведении Игр на высоком международном уровне.

Опираясь на данное нами определение волонтерского движения, учитывая предмет и цель волонтерского движения олимпийской направленности, под *молодежным волонтерским движением олимпийской направленности* будем понимать добровольную форму объединения молодых людей для мобилизации их социальной инициативы, направленной на оказание помощи в организации и проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи на высоком международном уровне.

Поскольку отличительной особенностью Игр является участие в них представителей различных национальностей, основными общими требованиями к деятельности волонтеров олимпийской направленности являются проявление толерантности и высокий уровень культуры межнационального взаимодействия.

В связи с тем что молодые люди (16–23) обладают еще недостаточно развитыми способностями к самостоятельной ориентации в мире социокультурных ценностей и межнационального взаимодействия, они нередко характеризуются проявлением антисоциального и антикультурного поведения (И.П. Смирнов, Э.В. Зеев, Е.В. Ткаченко и др.). В ходе подготовки волонтеров олимпийской направленности возникает необходимость привлечения к работе с ними социального педагога, способного оказать помощь в адаптации подростков к добровольческой деятельности в условиях мультикультурности.

Решение проблемы адаптации волонтера олимпийской направленности к выполнению добровольческой деятельности в условиях множественности этносов, представленных на Играх, требует, в свою очередь, обладания социальным педагогом мультикультурной компетенцией.

Анализ научной литературы, посвященной исследованию этого феномена (Т.Т. Imohori и М.Л. Laanigan, М.Р. Hammer, Н. Nishida), позволил нам определить *мультикультурную компетенцию социального педагога* как профессионально значимое интегративное качество социального педагога, формирующееся в процессе его профессиональной подготовки и дальнейшей профессиональной деятельности в многонациональном регионе, проявляющегося в единстве мотивов принятия как ценности общего и специфического каждой культуры, знаний о способах жизнедеятельности и развития мультикультурного мира, умений и навыков применения их в социально-педагогической деятельности, для решения профессиональных задач конструктивного взаимодействия с детьми, подростками и их родителями, представителями иных культурных групп. Она предполагает способность социального педагога свободно ориентироваться в различных сферах современного мультикультурного пространства.

Адаптация понимается нами как целостный процесс активного усвоения волонтерами олимпийской направленности требований добровольческой деятельности в условиях мультикультурного спортивного сообщества. Данный процесс находит свое выражение в формировании толерантности, умений и навыков межнационального взаимодействия, в развитии устойчивого положительного отношения к добровольческой деятельности по обслуживанию участников и гостей Игр, представителей разных этносов.

Толерантность определяется как «признание прав человека иной национальности, восприятие его как себе равного, готовность принять представителей других народов и культур такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия и уважения» [3] и является одним из ключевых духовно-нравственных качеств волонтеров, обслуживающих Игры.

Толерантность – это фактор, стабилизирующий многонациональное олимпийское сообщество, направляющий отношения представителей различных этнических культур в мирное русло, связывающий индивидов с традициями, нормами и культурой своего народа.

Толерантность имеет также сугубо индивидуальную ценность, значимую для волонтера олимпийской направленности, так как выполняет функции его личностного развития. Во-первых, она предполагает адекватное отношение к участникам и гостям соревнований отличной от своей национальности, то есть является регулятором поведения. Во-вторых, она позволяет принять другие точки зрения, следовательно, расширяет кругозор волонтера, определяет мотивацию добровольческой деятельности и поведения в условиях мультикультурности. В-третьих, она обеспечивает развитие позитивного отношения к гостям, официальным лицам и участникам иной этнической принадлежности. В-четвертых, она учит оценивать и сопоставлять свои взгляды с иными.

Основная технология социально-педагогической работы с волонтерами, у которых по каким-либо причинам не сформированы общепринятые нормы и правила межнационального взаимодействия или же сформированы искаженные понятия об этих нормах и соответствующие формы поведения, – профилактическая.

Под профилактикой в контексте нашей проблемы понимаются прежде всего научно обоснованные и своевременно предпринятые действия, направленные на:

1) предотвращение возможных физических, психологических или социокультурных обстоятельств у волонтеров, входящих в группу риска, в процессе добровольческой деятельности в условиях мультикультурности Игр;

2) сохранение и поддержание нормального уровня жизнедеятельности волонтеров в период прохождения Игр, отличающихся участием в них представителей различных национальностей;

3) содействие подростку в достижении высокого уровня толерантности при сохранении своей этничности.

Термин «профилактика» обычно ассоциируется с запланированным предупреждением какого-то неблагоприятного события, то есть с устранением причин, способных вызвать нежелательные последствия [4, с. 295].

Так как социальные отклонения подростков, желающих стать волонтерами олимпийской направленности, могут быть вызваны нехваткой знаний об особенностях и специфике культуры различных народов и умений межнационального взаимодействия, можно говорить о необходимости проведения социальным педагогом профилактических мероприятий компенсирующего типа.

Эффективность профилактических мероприятий может быть обеспечена только при условии обязательного включения следующих составляющих:

1) направленность на искоренение источников дискомфорта как в самом подростке (затруднения в этнической идентификации, проявление признаков интолерантности), так и в мультикультурной среде молодежного волонтерского движения и одновременно на создание условий для приобретения добровольцами необходимого опыта межнациональных отношений для решения возникающих проблем;

2) обучение волонтеров навыкам мультикультурного взаимодействия с участниками и гостями Игр, применение которых поможет достичь поставленную цель: проведение Игр на высоком международном уровне;

3) решение еще не возникших проблем, предупреждение их возникновения.

В концептуальном плане в профилактической технологии выделяется прежде всего *информационный подход*. Он основывается на том, что отклонения в поведении подростков от социальных норм происходят потому, что они их просто не знают. Следовательно, основным направлением работы социального педагога должно стать информирование волонтеров олимпийской направленности о требованиях, предъявляемых государством и обществом к выполнению установленных социальных норм при взаимодействии с представителями отличной от своей национальности.

Это можно осуществить путем проведения *проблемных лекций*, содержание которых в соответствии с целями и задачами социально-педагогической деятельности отражает:

- 1) исторический опыт, экономические, культурные, социальные и другие достижения народов и этносов;
- 2) описание культурных различий, их влияние на процесс межнационального взаимодействия;
- 3) проблему стереотипов, их влияние на процесс межнационального взаимодействия;
- 4) типы предрассудков, их влияние на процесс межнационального взаимодействия;
- 5) типы поведения в конфликтной ситуации и способы урегулирования конфликтов на национальной почве;
- 6) информацию о различиях в речевых стандартах и способах невербального общения представителей различных этносов, наций, культур.

Кроме того, для достижения поставленной цели социальный педагог может использовать систему традиционных и инновационных учебных и воспитательных средств, способствующих успешной адаптации и социализации волонтеров в условиях мультикультурности Игр. К числу таких средств можно отнести личностно-развивающие, имитационно-моделирующие и воспитывающие ситуации, дилеммы, деловые игры, проблемные лекции, ситуативные задачи, проблемно-целевые диалоги, тест-задания, тренинги и т.д., основными особенностями которых являются:

- 1) практический характер: социальным педагогом делается упор не на заучивание дефиниций, а на понимание и приобретение волонтерами конкретных, полезных навыков межэтнического взаимодействия, которые должны помочь ему справиться с задачами волонтерской деятельности в условиях мультикультурности Игр;
- 2) возможность для волонтеров применить полученные знания на практике и затем проанализировать опыт;
- 3) обсуждение и дискуссия: обсуждение и обмен мнениями позволяют волонтерам не только сблизиться, но и лучше узнать друг друга. Ситуативные задачи и последующая дискуссия побуждают волонтеров открыто выражать свое мнение, прислушиваться к мнению другого, представителя отличной от своей национальности;
- 4) сочетание развлекательности и познавательности: многие задания и упражнения представлены в форме игры. При всей своей развлекательности каждое упражнение преследует определенные цели. Благодаря использованию игры в качестве средства обучения волонтеры получают благоприятную среду для проверки на опыте таких феноменов, как, например, дискриминация или предрассудки.

Воспитывающая ситуация, используемая социальным педагогом для формирования толерантности волонтеров олимпийской направленности, в педагогической теории характеризуется как совокупность обстоятельств, которая дает возможность увидеть сложившиеся между представителями различных этносов взаимоотношения, а потому осмысленно, целенаправленно влиять на процесс их рождения, развития и корректировки.

В литературе известны следующие типы воспитывающих ситуаций: ситуация авансирования доверием (А.С. Макаренко), свободного выбора (О.С. Богданова, Л.И. Катаева), непринужденной принудительности (Т.Е. Конникова), эмоционального заражения (А.Н. Лутошкин), соотнесения (Х.Й. Лийметс), успеха (В.А. Краковский, О.С. Газман), творчества (В.А. Краковский).

Эффективным средством формирования толерантности и культуры межнационального взаимодействия волонтера олимпийской направленности являются социальные *ситуации-пробы*, которые реализуются социальным педагогом в виде деловой игры (ролевой, имитационной, моделирующей). В таких ситуациях-пробах волонтер свободен в выборе способа социального поведения, ему рекомендуются правильные с позиции общечеловеческой культуры решения. До того как волонтер попадет в определенную затруднительную ситуацию в процессе добровольческой деятельности в условиях мультикультурности, у него уже будет позиция, осмысленная в социальном и личностном значении. Таким образом, он станет более подготовленным к встрече ситуаций межнационального взаимодействия, к принятию адекватных самостоятельных решений.

Наиболее широко в социально-педагогической деятельности используется такой метод, как *убеждение*. Особенность использования этого метода применительно к деятельности социального педагога по оказанию помощи в адаптации подростков к добровольческой деятельности в условиях мультикультурности заключается в том, что социальный педагог имеет дело с молодыми людьми, у которых по каким-либо причинам не сформированы общепринятые нормы и правила межнационального взаимодействия, или же у них сформированы искаженные понятия об этих нормах и соответствующие формы поведения.

Убеждение выступает формой регуляции отношений волонтера и мультикультурного спортивного сообщества Игр.

Убеждать, прежде всего, можно словом; его сила велика, поэтому умение говорить правильно, глубоко по содержанию, ярко и образно по форме – неотъемлемая часть профессиональной деятельности социального педагога.

Из всего сказанного можно заключить, что деятельность волонтеров олимпийской направленности может быть успешна лишь для тех, кто в достаточной мере адаптирован к работе в многонациональной среде. Успешная адаптация волонтеров в многонациональном составе участников и гостей Игр может происходить только на фоне их умения находить баланс ценностей всех этносов, представленных на Играх, без игнорирования специфики национальных, региональных и мировых культур, ориентирования на общечеловеческие ценности.

Таким образом, работа социального педагога призвана помочь снять «шок перехода» в новую культурную среду, адаптировать спортивного волонтера к деятельности в условиях мультикультурности Игр; оказать содействие учителям в формировании мультикультурной личности, которая понимается нами как новый тип личности, чьи ориентации и взгляды на мир под-

разумевают, что он принимает жизненные образы, отличающиеся от его собственных, и психологически и социально готов принять различные культурные реальности. Такая личность будет интеллектуально и эмоционально привязана к основополагающему единству человеческих существ, признавая, принимая и оценивая основные различия, которые лежат между людьми различных культур».

Список литературы

1. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина ; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. – М. : Политиздат, 1988. – 479 с.
2. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл, 2000. – 511 с.
3. Палаткина Г. В. Мультикультурное воспитание молодежи в пространстве России / Г. В. Палаткина // Д. С. Батарчук, Н. М. Борытко, Е. В. Гетманская и др. Мультикультурное образование молодежи: принцип этноtolерантности : монография / под ред. проф. Г. В. Палаткиной. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2007. – 172 с.
4. Социальная педагогика : учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. / под общ. ред. М. А. Галагузовой. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 416 с.
5. Эстафета добрых дел // Мир добровольцев. – 1998. – № 76. – С. 2–6.
6. Salamon L. M. America's nonprofit sector: A primer / L. M. Salamon. – New York : The Foundation Ctnier, 1992.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ В СФЕРЕ НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ (на примере Республики Казахстан)

Э.Ф. Байбекова

Вступая в инвестиционные отношения в сфере недропользования, каждый инвестор должен быть, уверен в том, что существуют действенные механизмы защиты его прав и законных интересов при возникновении споров между сторонами соглашения.

Entering investment relations in sphere of using bowels, each investor should be is assured that there are effective mechanisms of protection of its rights and legitimate interests at occurrence of disputes between the parties of contract.

Ключевые слова: инвестор, недропользование, инвестиции, договор о соглашении о разделе продукции, закон, государственный орган.

Key words: investor, using bowels, investments, contract on the agreement on production section, law, state body.

Важнейшей задачей сегодняшнего дня стала необходимость усиления роли государства в минерально-сырьевом секторе. Каждое государство должно иметь свою часть во всех стратегических объектах страны, особенно в области недропользования, стратегические месторождения не должны находиться только во владении частных инвесторов. Государству через свои национальные компании надлежит иметь большую часть пакета акций и доли в юридических лицах, разрабатывающих стратегические месторождения полезных ископаемых. Это, прежде всего, существенно с точки зрения обеспечения национальной безопасности.

Казахстан является активным участником внешнеэкономических отношений, поэтому необходимо учитывать, что существенным недостатком глобализации мировой экономики становится слишком высокая роль транснациональных корпораций и финансово-промышленных групп. Они поглощают все большее количество сфер влияния и стремятся повсеместно диктовать свои условия, вынуждая правительства стран подстраиваться под их диктат в ущерб национальным интересам. Чрезмерное доверие инвесторам нуждается в сбалансировании по пути приближения взаимоотношений с ними к интересам общества, в особенности если речь идет об использовании недр [7, с. 315].

Формирование конкурентоспособных, высокотехнологических и наукоемких производств, в частности, в сырьевом секторе, для обеспечения стабильного экономического роста требует высокого уровня внутренних и внешних инвестиций.

В настоящее время проводимая инвестиционная политика характеризуется рядом положительных факторов, среди которых следует отметить сохранение в целом благоприятного инвестиционного климата для привлечения иностранных инвестиций, формирования финансового рынка, создания новых институциональных инвесторов, усиление роли национальных компаний в качестве коммерческих юридических лиц, а не полномочного органа государства.

В то же время нестабильность законодательства, внутренняя борьба между уполномоченными государственными органами за сферу влияния в инвестиционном секторе и в сфере недропользования, коррупция государственных служащих, непоследовательная экономическая политика, усложняют интеграцию инвестиционных процессов в экономику Казахстана [7, с. 316].

Иностранный капитал практически не способствует развитию производственного сектора, так как направляется полностью в добывающие секторы экономики, в основном в нефтедобывающую и металлургическую отрасли. Кроме того, практика показывает, что иностранные инвесторы большую часть своего благосостояния вкладывают в оборотные или основные средства недолгосрочного пользования. Нынешняя инвестиционная политика привела к тому, что иностранные и отечественные инвесторы сейчас находятся в неравных условиях. Большая часть отечественных инвесторов вкладывает немало своих денег в экономику развитых европейских стран, где содержат свои капиталы и опасаются ввозить их на территорию своей страны для инвестирования национальной экономики, поскольку нет четких механизмов возврата капитала в страну. Отток собственного капитала из страны продолжается по сей день, что является негативным симптомом.

Представляется, что для улучшения инвестиционного климата в Республике Казахстан могут быть приняты следующие меры, облеченные в соответствующие правовые формы [7, с. 317]:

- 1) обеспечение высокой степени развития и стабильности законодательства;
- 2) обеспечение предсказуемости государственной политики и преемственности решений по вопросам инвестиций;
- 3) формирование эффективной, справедливой и единообразной правоприменительной практики, своевременное исполнение судебных и арбитражных решений по инвестиционным спорам;
- 4) совершенствование законодательства об инвестиционной деятельности в русле обеспечения наличия отвечающих мировым стандартам четких, прозрачных и однозначных правовых институтов и норм;
- 5) законодательные и реальные гарантии защиты иностранных капиталовложений, прав и законных интересов инвестора;
- 6) исключение непопулярных административных мер по одностороннему отказу от исполнения контракта или от одностороннего прекращения действия контракта.

Поскольку стабильный режим налогообложения, характерный в основном для экономически развитых стран, не всегда достаточен для притока инвестиций, есть возможность предоставления инвесторам налоговых и таможенных льгот и преференции. Если все-таки преследовать цель распространения общего налогового режима для всех инвесторов, работающих в области недропользования, то налоговые и таможенные ставки должны быть уменьшены и соответствовать получаемой прибыли.

В последнее время участились случаи навязывания Правительством Республики Казахстан предложений о том, что если контракты на недропользование или инвестиционные договоры, заключенные с иностранными хозяйствующими субъектами, не прошли ратификацию или утверждение в Парламенте Республики Казахстан, то на эти договоры не должны распространяться гарантии их стабильности [7, с. 319]. По мнению автора, это ошибочное мнение, способствующее совершению незаконных действий со стороны го-

сударственных органов. К тому же оно противоречит положениям действующего законодательства Республики.

Так, в соответствии с Конституцией Республики Казахстан и Законом Республики Казахстан от 30 мая 2005 г. № 54 «О международных договорах в Республике Казахстан» (далее – Закон РК о международных договорах), к исключительной компетенции Парламента Республики Казахстан отнесены, в частности, следующие полномочия: ратифицировать международные договоры; принимать решение о присоединении к международным договорам, подлежащим ратификации [3].

Здесь также следует иметь в виду, что для принятия решений о присоединении или ратификации Парламентом Республики Казахстан международного договора его правовая природа не должна противоречить дефинитивным нормам Закона РК о международных договорах и Венской Конвенции о праве международных договоров.

Согласно подпункту «а» статьи 1 Венской Конвенции о праве международных договоров, под международным договором понимается «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [1].

Практически такое же понятие международного договора нам дает и внутреннее законодательство Республики Казахстан. Так, в пункте 8 статьи 1 Закона РК о международных договорах под международным договором понимается «международное соглашение, заключенное Республикой Казахстан с иностранным государством (иностранными государствами) или с международной организацией (международными организациями) в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования» [3].

Можно заметить, что в обоих определениях международного договора содержится положение о том, что международный договор признается таковым, если заключен исключительно между государствами или международными организациями.

Следовательно, принятие решения о присоединении или проведении ратификационных процедур производится Парламентом Республики Казахстан только в отношении международных договоров, сторонами которых являются государства и международные организации. Таким образом, Парламент законодательно не уполномочен утверждать или ратифицировать договор, носящий частноправовой характер вне зависимости от того, является ли Республика Казахстан в этих договорах самостоятельным субъектом гражданско-правовых отношений.

Контракты на недропользование всех видов, инвестиционные договоры, заключенные с частными иностранными инвесторами, не обладают правовой природой международных договоров, поскольку одной из сторон в данных договорах всегда выступают физические или юридические лица – частные компании.

Как правило, контрагентом в этих контрактах выступают энергетические корпорации и компании, являющиеся предприятиями национального или международного масштаба и юридическими лицами. Они могут выступать в данных договорах лишь как субъекты международных частноправовых от-

ношений. Государство выступает в контракте не как носитель суверенной власти, а как субъект международного частного права.

Это, в частности, подтверждается установлением пункта 21 статьи 1 Закона Республики Казахстан «О недрах и недропользовании», предусматривающим, что под контрактом понимается договор между компетентным органом и физическим или юридическим лицом (лицами) на проведение разведки, добычи, совмещенной разведки и добычи либо на строительство и (или) эксплуатацию подземных сооружений, не связанных с разведкой и (или) добычей, составленный в соответствии с законодательными актами Республики Казахстан, действовавшими на момент заключения контракта. Содержанием контрактов о недропользовании и соглашений о разделе продукции является регулирование конкретных вопросов недропользования [7, с. 323].

Как правило, права и обязанности инвесторов, их компетенция рассматриваются международным публичным правом, что урегулировано Конвенцией о защите прав инвестора, но сама инвестиционная деятельность в ее деталях относится к природе международного частного права. Поэтому все инвестиционные договоры и соглашения функционируют в области международного частного права и не могут войти в ряд ратифицируемых по линии Парламента Республики Казахстан договоров, что касается и соглашений в сфере недропользования.

Таким образом, предложение Правительства Республики Казахстан о необходимости прохождения процедуры ратификации или утверждения контрактов на недропользование, инвестиционных договоров, заключенных с субъектами частного права, не имеет оснований ни в национальном законодательстве, ни в нормах международно-правовых актов, к которым присоединился Казахстан [7, с. 325].

Погрешность в законодательстве Республики Казахстан в части отношений в сферах недропользования и инвестиционной деятельности, противоправные действия и требования государственных уполномоченных органов и должностных лиц являются предпосылкой выдвижения на первый план вопросов защиты прав и законных интересов недропользователей и инвесторов. Известно, что защита гражданских прав – это предусмотренная законом система мер, направленных на то, чтобы обеспечить неприкосновенность прав, их осуществимость, восстановление в случае нарушения и ликвидацию последствий нарушения. Этот постулат гражданского законодательства является базовым для защиты прав и законных интересов недропользователей и инвесторов в арбитражном или третейском суде путем [2]:

- 1) признания нарушенных прав;
- 2) восстановления утраченного положения, существовавшего до нарушения права;
- 3) пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- 4) присуждения к исполнению обязанности в натуре;
- 5) взыскания убытков;
- 6) выплаты неустойки;
- 7) признания сделки недействительной;
- 8) компенсации морального вреда;
- 9) прекращения или изменения сложившихся правоотношений;

10) признания недействительным или не подлежащим применению не соответствующего законодательству акта органа государственного управления или местного представительства либо исполнительного органа;

11) взыскания штрафа с государственного органа или должностного лица за воспрепятствование гражданину или юридическому лицу в приобретении или осуществлении права;

12) иными способами, предусмотренными законодательными актами.

Как правило, защита прав инвесторов, согласно инвестиционному законодательству, осуществляется через институт разрешения споров. Инвестиционные споры могут быть разрешены путем переговоров по ранее согласованной в договоре процедуре, а также через государственный суд либо международный арбитраж. Здесь важную роль играет предмет спора между инвестором и уполномоченным органом. В соответствии с пунктом 5 статьи 1 Закона Республики Казахстан «Об инвестициях», к «инвестиционным спорам» отнесены споры, вытекающие из договорных обязательств между инвестором и государственными органами в связи с инвестиционной деятельностью инвестора. Автор приходит к выводу, что все иные споры между участниками инвестиционного договора должны разрешаться в соответствии с законодательством Республики Казахстан, если другое не предусмотрено в договоре [4].

Система защиты прав инвесторов регулируется законодательством во всех странах мира, но способы и формы защиты отличаются.

В некоторых странах для обеспечения нарушенных прав инвесторов создаются компенсационные фонды, вводится специальная система страхования [8, с. 383]. Е.С. Герасимова, исследуя данный вопрос, приводит примеры из международной практики: например, в Австралии функционирует специальная программа защиты от невыполнения контракта, в Великобритании – программа защиты от определенных мошеннических действий [6, с. 162].

Рассмотрим некоторые характерные черты защиты прав инвесторов посредством проведения переговоров с контрагентом, которым в области недропользования выступает уполномоченный государственный орган. Как правило, желание сторон о разрешении любого спора, в том числе касающегося прав и законных интересов инвестора, прописывается в инвестиционном договоре, контракте на недропользование. Например, одно из концессионных соглашений, заключенных Республикой Казахстан с иностранным инвестором-недропользователем, содержало следующее положение: «Настоящее Соглашение и соответствующие права и обязательства по нему, а также их формирование, интерпретация и исполнение в максимальной степени регулируются принципами международной юриспруденции, в том числе принципом, гласящим, что соглашения сторон должны соблюдаться (*pacta sunt servanda*). Стороны настоящего Соглашения принимают меры к дружественному разрешению всех споров, относящихся к настоящему Соглашению, однако неразрешенные споры регулируются в арбитраже, причем Республика и КазМунайГаз отказываются от иммунитета, основанного на суверенитете. Решение арбитров является окончательным и обязательным» [7, с. 327]. Исходя из положения данного Соглашения, можно увидеть, что стороны выбрали две формы защиты своих прав – «дружеское разрешение споров» и «международный арбитраж».

Чтобы более точно изучить одну из форм защиты прав инвесторов – переговоры, необходимо рассмотреть их правовую природу и сущность. Переговоры как способ разрешения споров между инвестором и государственным органом являются самым распространенным методом защиты прав, поскольку ни

одна из сторон не стремится разрешать споры путем привлечения третьей стороны (международный арбитраж, государственный суд), так как этот процесс очень долгий и затратный. Поэтому из всех форм защиты нарушенных прав и законных интересов переговоры являются наиболее эффективными, поскольку стороны пытаются достичь хотя бы части желаемого и готовы пойти на определенные компромиссы. Хотя факты говорят о том, что уполномоченные государственные органы при обращении к ним инвесторов или недропользователей за разрешением возникшего спора путем переговоров, как правило, расценивают их инициативу как слабость позиции, а не как поиск взаимоприемлемого и отчасти компромиссного решения по спору [7, с. 328].

На протяжении истории развития цивилизации люди накопили огромный опыт ведения переговоров, специалистами в области конфликтологии разработаны и определены элементы переговоров, критерии оценки позиции спорящих сторон, модели принятия решения. Известно, что основные правила ведения переговоров достаточно просты: признавать права друг друга; выслушивать партнера, не перебивая, демонстрировать понимание точки зрения партнера; выяснять, как партнер воспринимает конфликт; четко формулировать предмет обсуждения; констатировать общие точки зрения и достигнутые договоренности; искать общее решение [7, с. 328].

В заключение обсуждения переговоров как способа защиты прав инвестора можно сделать вывод, что переговорная форма несет в себе некую ограниченность, так как с ее помощью редко удается ослабить или снять объективные противоречия в отношениях между инвестором и уполномоченным государственным органом, однако она полезна в случаях, где возможно прийти к взаимовыгодному и компромиссному решению по спору.

Второй способ защиты нарушенных прав инвесторов – это обращение в международный арбитраж или государственный суд. Однако инвесторы очень редко прописывают пункт в соглашении об обращении в государственный суд, поскольку данный государственный орган подвержен влиянию общественного мнения и не всегда независим. Инвесторы чаще всего предпочитают в качестве органа по рассмотрению спора международный арбитраж.

В настоящее время в обществе бытует мнение, что международный арбитраж является основной формой разрешения споров между инвестором и уполномоченным государственным органом в области инвестиционной деятельности.

Сегодня международный коммерческий арбитраж действует в основном в трех формах [5, с. 2–3]:

1) постоянно действующих арбитражных судов, обычно создаваемых различного рода коммерческими и профессиональными организациями, которые действуют в соответствии с регламентами, принятыми вышеназванными организациями;

2) арбитражных судов “ad hoc”, создаваемых сторонами для разрешения конкретного спора, которые действуют в соответствии с правилами, установленными самими сторонами в споре;

3) администрируемых арбитражных судов, занимающих среднее положение между постоянно действующими судами и судами “ad hoc”. Принцип их функционирования основан на том, что определенные коммерческие учреждения либо постоянно действующие арбитражные суды на указанных в специальных регламентах условиях осуществляют администрирование деятельности суда “ad hoc”.

Частое применение международного арбитража как основного способа защиты прав, а также признание его значения официальными органами различных стран мира не только повлекли за собой регламентацию международного арбитража на мировом уровне, но и способствовали принятию нормативно-правовых актов по данному вопросу внутри страны, что повлияло на развитие системы арбитража в целом.

Привлекательность, основные преимущества негосударственного арбитража определяются такими факторами, как:

1) независимость и беспристрастность третейского суда, обеспечиваемые процедурой избрания (назначения) арбитров;

2) участие в качестве арбитров высококвалифицированных специалистов, поскольку стороны сами выбирают (назначают) арбитров из числа компетентных и опытных людей;

3) возможность определения сторонами компетенции и процедуры рассмотрения спора, более широкие возможности применения принципа справедливости, конфиденциальности и быстрота разрешения спора;

4) обеспечение атмосферы сотрудничества, так как арбитраж содействует достижению сторонами взаимоприемлемого решения, то есть заключения между ними мирового соглашения, и сохранению в результате этого духа доверия и сотрудничества на будущее;

5) окончательность арбитражного вердикта, не позволяющая никакому органу право пересмотреть решение арбитража;

6) обязательность арбитражного решения для сторон и гарантированность, в большинстве случаев принудительного его исполнения в случае уклонения сторон от добровольного исполнения;

7) «камеральность» рассмотрения спора, достигаемая благодаря тому, что арбитражный процесс осуществляется закрыто, в отсутствие посторонних лиц, что позволяет сохранить имидж и деловую репутацию сторон в глазах других участников международного экономического сотрудничества [7, с. 330–331].

Однако, наряду с преимуществами арбитражного разбирательства, есть и некоторые недостатки данного способа разрешения инвестиционных споров.

Прежде всего, международный арбитраж лишен атрибутов государственной власти и поэтому не вправе от своего имени требовать от государственных органов представления документов, материалов, заключений, вызывать свидетелей, налагать арест на имущество в обеспечение требований обратившейся в арбитраж стороны. Обращаясь в международный арбитраж, стороны сразу же лишаются права подавать апелляцию на решение арбитража, обжаловать или пересматривать его.

Однако обжалование действий арбитров и даже решений арбитража в пределах системы арбитражного суда в ряде случаев допускается. Так, Регламент ЮНСИТРАЛ (статья 31) разрешает обжаловать и, следовательно, пересмотреть коллегиально арбитражным судом единоличное решение Председателя по процессуальным вопросам [9]. Статья 52 Вашингтонской конвенции содержит по этому вопросу особую норму, которая представляет каждой стороне спора право требовать отмены решения арбитража по ряду процессуальных или материальных оснований, среди которых: превышение арбитражем своих полномочий, недостаточное обоснование вынесенного решения и даже подкуп одного из арбитров [5, с. 19–22].

В признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть также отказано, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что:

1) объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по законам этой страны;

2) признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны [5, с. 11–14].

Несмотря на некоторые недочеты, разбирательство в международном коммерческом арбитраже является наиболее демократичным, результативным и скорым, гарантирующим соответствующую защиту прав и законных интересов инвесторов и недропользователей в случае возникновения инвестиционных споров.

Можно прийти к выводу, что вопросы и проблемы защиты прав инвесторов в сфере недропользования и инвестиционной деятельности требуют глубокого научного осмысления не только в целях совершенствования действующего законодательства и обеспечения защиты прав и интересов недропользователей и инвесторов, но и для обеспечения принципа законности в этой области экономики, что будет способствовать упрочению привлекательного инвестиционного климата в Республике Казахстан.

Список литературы

1. Венская Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года; постановление Верховного Совета Республики Казахстан от 31 марта 1993 года «О присоединении к венской Конвенции о праве международных договоров» // Справочно-правовая система «Юрист».
2. Гражданский Кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. (с изменениями от 30 июня 2010 г. № 297-IV, от 25.03.11 г. № 421-IV) // Справочно-правовая система «Юрист».
3. Закон Республики Казахстан от 30 мая 2005 года № 54 «О международных договорах в Республике Казахстан» // Справочно-правовая система «Юрист».
4. Закон Республики Казахстан от 8 января 2003 г. № 373-2 «Об инвестициях» // Справочно-правовая система «Юрист».
5. Бейкер и Макензи (международная юридическая фирма): Международный коммерческий арбитраж. Государства Центральной и Восточной Европы и СНГ / под ред. А. Тынель, В. Хвалей. – М., 2001.
6. Герасимова Е. С. Формы защиты прав инвесторов в сфере ценных бумаг / Е. С. Герасимова ; под ред. М. К. Треушникова. – М., 2004.
7. Елюбаев Ж. С. Проблемы правового регулирования недропользования: отечественный опыт и зарубежная практика : монография / Ж. С. Елюбаев. – Алматы : Колесо, 2010.
8. Мороз С. П. Инвестиционное право : учеб. / С. П. Мороз. – Алматы, 2006.
9. UNCITRAL Arbitration Rules. – Stockholm, 1999.

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ КАК СТИМУЛЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

С.А. Балаев

В настоящей статье рассмотрены основные направления налоговой политики Российской Федерации в сфере применения налоговых льгот как одного из ведущих стимулов к повышению налоговых доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы. Проведен анализ имеющихся точек зрения ученых и практиков относительно понятия и правовой природы налоговых льгот. Рассмотрен российский и мировой опыт применения данного экономико-юридического инструмента, выявлены основные тенденции проведения соответствующей налоговой политики, сформулированы соответствующие рекомендации по повышению эффективности применения налоговых льгот, а также по реализации функции налогообложения в целом.

This article reviews the main directions of tax policy of the Russian Federation in the sphere of tax credits as one of the leading incentive to increase tax revenues of budgets of

all levels of budget system. And an analysis of existing points of view of scientists and experts on the concept and the legal nature of tax benefits. Considered the Russian and world experience in the application of economic and legal tools, identified the main trends of the related tax policies, to make appropriate recommendations to improve the effectiveness of tax incentives, as well as implementation of the function of taxation in general.

Ключевые слова: бюджет, государственная функция налогообложения, налоговая льгота, налоговые доходы бюджета, стимулирующая налоговая политика, социальная функция налоговых льгот.

Key words: budget, the state function of taxation, tax exemption, tax revenues, stimulating fiscal policy, the social function of tax benefits.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в новом тысячелетии, на фоне глобализации одной из приоритетных задач экономической политики России является создание эффективной модели налогообложения. Кроме того, данная необходимость диктуется особенностями реализации бюджетного процесса в нашей стране, когда дефицит федерального бюджета покрывается за счет нефтегазовых доходов, что в условиях ограниченного количества нефтегазовых запасов делает очевидной необходимость функционирования иных источников финансирования бюджетного дефицита страны.

Создание эффективной модели налогообложения предполагает проведение государством рациональной налогово-правовой политики, с одной стороны обеспечивающей поступление достаточного количества денежных средств в виде налоговых платежей в бюджет, с другой стороны – являющейся стимулирующим фактором к занятию финансово-хозяйственной деятельностью различных слоев общества.

Легальное определение понятия налоговых льгот содержится в ст. 56 Налогового кодекса РФ: «...льготами по налогам и сборам признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов, предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или уплачивать их в меньшем размере...» [4, с. 49].

Благодаря применению рассматриваемого юридического инструмента налоговой политики государством в отношении субъекта налоговой льготы осуществляются два вида предоставления: сокращение размеров налогового обязательства налогоплательщика либо отсрочка (рассрочка) платежа. Как нам представляется, вторую цель надлежит рассматривать как способ косвенного сокращения налоговых обязательств налогоплательщика, поскольку отсрочка или рассрочка платежа фактически являются кредитом, предоставленным бесплатно или на льготных условиях.

На сегодняшний день можно выделить три типа налоговой политики государств мира:

1) максимальный тип (ставки налогов максимальны, институт налоговых льгот слабо развит либо отсутствует, неоправданно жесткие санкции за неисполнение обязанности по уплате налогов);

2) минимальный тип (ставки налогов небольшие, широко применяется освобождение от налогового бремени различных групп хозяйствующих субъектов, санкции минимальные);

3) дифференцированное налогообложение (наиболее социально-ориентированная система мер, проводимых государством по обеспечению

достаточных поступлений в бюджет при постоянном стимулировании хозяйствующих субъектов к развитию и вовлечению в предпринимательскую деятельность более широкого круга лиц).

Выбор типа проводимой налоговой политики зависит от множества факторов – особенностей политической ситуации в стране, финансово-экономического курса государства, менталитета населения.

Максимальный тип характерен для государств с тоталитарным режимом правления, плановой экономикой, закрытой от внешних контактов. Минимальный тип налоговой политики, как правило, внедряют небольшие государства с непривлекательной на первый взгляд для иностранных инвестиций экономикой для привлечения капиталов. Слабый контроль и отсутствие адекватных мер по отношению к нарушителям налогового законодательства при данном типе налоговой политики могут привести к злоупотреблениям, в связи с чем, на наш взгляд, государствам, которые привлекли иностранных инвесторов путем проведения данного типа налоговой политики, следует постепенно переходить к политике дифференцированного налогообложения.

Научный подход к выработке стратегии налоговой политики предполагает ее проведение в соответствии с закономерностями общественного развития при постоянном учете выводов финансовой теории.

Фискальная функция является одной из основных функций налогообложения. Посредством данной функции реализуется главное предназначение налогов: формирование и мобилизация финансовых ресурсов государства и местного самоуправления, а также аккумуляция в бюджете средств для выполнения общегосударственных или целевых государственных программ. Все остальные функции налогообложения тесно связаны с фискальной. Во всяком случае, наряду с чисто финансово-фискальными целями, налоги могут преследовать и другие, например, экономические или социальные. Иначе говоря, финансовые цели, будучи самыми существенными, не являются исключительными.

Следует отличать налоговые льготы от налоговых преференций, так как понятие «налоговая преференция» более емкое: в него входят налоговые льготы, а также такие инструменты налоговой политики государства, как предоставление отсрочек и рассрочек по уплате налогов, налоговый кредит, упрощенный порядок уплаты налогов [7, с. 879].

Как известно, налоговые льготы служат для контроля и стимулирования развития экономики в ее самых разных секторах. Суть данных предоставлений состоит в том, что государство уменьшает налоговое бремя для отдельных налогоплательщиков при наличии определенных условий. Такими условиями являются факторы, появление и развитие которых государству необходимо стимулировать либо, наоборот, сдерживать в силу выполнения государственных функций. Например, организации и индивидуальные предприниматели имеют право на освобождение от уплаты налога на добавленную стоимость (далее – НДС), если за три предшествующих последовательных календарных месяца сумма выручки от реализации товаров (работ, услуг) этих субъектов без учета НДС не превысила в совокупности 2 млн рублей (ст. 145 Налогового кодекса РФ, далее – НК РФ) – стимулирование малого бизнеса; освобождение от уплаты НДС предоставляется при выполнении на территории РФ следующих научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР): относящихся к созданию новых или усовершенствованию существующих продукции и технологий при условии выполнения в

составе НИОКР следующих видов деятельности (подп. 16.1 п. 3 ст. 149 НК РФ): разработка конструкции инженерного объекта или технической системы; разработка новых технологий; создание опытных образцов машин, оборудования, материалов, не предназначенных для реализации третьим лицам, их испытание; выполнение НИОКР за счет средств бюджетов, а также средств Российского фонда фундаментальных исследований, Российского фонда технологического развития и образуемых для этих целей в соответствии с законодательством РФ внебюджетных фондов министерств, ведомств, ассоциаций; выполнение НИОКР учреждениями образования и научными организациями на основе хозяйственных договоров (подп. 16 п. 3 ст. 149 НК РФ) – стимулирование инновационной и технико-внедренческой деятельности [4, с. 243].

Государству в данной ситуации экономически невыгодно применять налоговые льготы, в связи с тем что они с фискальной точки зрения уменьшают поступления в бюджет. Рядом ученых и государственных деятелей высказывается позиция о том, что бюджетный дефицит можно было бы значительно сократить, отменив налоговые льготы без увеличения ставок налогов [3]. В некоторых регионах нашей страны принимаются нормативно-правовые акты в соответствии с данной позицией.

Нам же представляется наиболее дальновидной, экономически и стратегически целесообразной следующая позиция. Развитие института налоговых льгот является необходимым и в налоговом праве, и при реализации налоговой политики государства. Как нам кажется, в данном вопросе отсутствие мгновенной выгоды при правильно выстроенной стратегии развития повлечет за собой намного большие дивиденды в виде поступлений в бюджет. Это совершенно логично, так как умеренное налогообложение юридических и физических лиц, увеличивая благосостояние граждан и стимулируя производство, является одним из важнейших факторов увеличения собственных налоговых доходов бюджетов всех уровней. В фискальном смысле денежные средства, высвободившиеся у хозяйствующего субъекта в результате применения им налоговых льгот, последний может использовать на развитие собственного бизнеса.

Кроме того, государство в настоящее время всячески стимулирует повышение уровня «человеческого капитала», стабильное развитие инновационных технологий и внедрение их в производственные процессы [2, с. 23]. Часть налоговых льгот в связи с этим посвящены налоговому стимулированию организаций, чья деятельность является научно-технической или внедренческой. Внедрение новых технологий, нового оборудования, которое обслуживает квалифицированный, всесторонне подготовленный персонал, позволит не только значительно увеличить производительность труда, повысив качество его результатов, но и создаст существенные перспективы развития таких производств, их расширение, что неизбежно повлечет за собой очередное увеличение объемов налоговых и неналоговых доходов бюджетов всех уровней.

В рамках реализации собственной социальной политики государство предоставляет также налоговые льготы и физическим лицам (пенсионерам, малоимущим, лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации). Данный экономико-юридический инструмент государственной политики направлен на поддержание социальной сферы, сглаживание социального неравенства и перераспределение доходов и благ в обществе, например, имущественный вычет по налогу на доходы физических лиц (предоставляется в сумме, израсходованной на новое строительство либо приобретение жилого дома, квартиры или доли (долей) в них, в размере фактически израсходованных денежных

средств, а также в сумме, направленной на погашение процентов по целевым займам (кредитам), полученным от кредитных и иных организаций Российской Федерации); освобождение от уплаты определенных видов налогов отдельными категориями лиц (пенсионеры, участники боевых действий).

Отдельной проблемой в сфере предоставления налоговых льгот является недостаточное знание хозяйствующими субъектами и гражданами перечня данных льгот, порядка и условий их предоставления. Заявительный характер данного инструмента налоговой политики предполагает по большинству льгот направление в налоговый орган заявлений необходимой формы с приложением соответствующего пакета документов, что не всегда реализуется.

Делая вывод из вышесказанного, следует отметить, что налоговые льготы реализуют стимулирующую подфункцию налогообложения. Применяя налоговые льготы, государство стимулирует развитие предпринимательской деятельности. Затем, развив необходимую отрасль, оно начинает пожинать плоды с заметно окрепших и развивших собственное дело предпринимателей в виде налоговых платежей. Таким образом, сделав небольшое послабление и немного подождя, государство получает большие суммы налоговых платежей. Соответственно, увеличиваются суммы денежных средств, поступающих в бюджет государства в виде налоговых платежей, средств, необходимых государству для осуществления своих внешних и внутренних функций, что и является смыслом фискальной функции налогообложения.

Распределительная (социальная) функция налогов состоит в перераспределении общественных доходов между различными категориями населения. Как отмечает профессор Л. Ходов, через налогообложение достигается «поддержание социального равновесия путем изменения соотношения между доходами отдельных социальных групп с целью сглаживания неравенства между ними» [1, с. 19].

Иными словами, происходит передача средств в пользу более слабых и незащищенных категорий граждан за счет возложения налогового бремени на более сильные категории населения.

По словам шведского экономиста К. Эклунда, «большая часть государственного производства и услуг финансируется от собранных налогов и затем распределяется более или менее бесплатно среди граждан. Это касается образования, медицинского обслуживания, воспитания детей и ряда других направлений. Целью является сделать распределение жизненно важных средств более равномерным» [6, с. 41].

В итоге происходит изъятие части дохода у одних и передача ее другим. Ярким примером реализации фискально-распределительной функции являются акцизы, устанавливаемые, как правило, на отдельные виды товаров, в первую очередь, на предметы роскоши, а также механизмы прогрессивного налогообложения. В некоторых социально-ориентированных странах (Швеция, Норвегия, Швейцария) почти на официальном уровне признается, что налоги представляют собой плату высокодоходной части населения менее доходной за социальную стабильность [5, с. 11].

В чем же состоит социальная функция налоговых льгот? Социальная функция налоговых льгот состоит в том, что социально слабые и незащищенные слои населения смогли, пользуясь различными налоговыми льготами, успешнее существовать, а также в перспективе стать субъектами предпринимательской деятельности. Налоговые льготы, осуществляя фискальный аспект своей деятельности, приводят через некоторое время к увеличению суммы собираемых налогов. Следовательно, у государства появляется больше средств для осуществления своих

функций. В число этих функций входит и распределительная функция. Таким образом достигается поддержание социального равновесия путем изменения соотношения между доходами отдельных социальных групп с целью сглаживания неравенства между ними.

Налоговые льготы выполняют чрезвычайно важную роль в развитии и стимулировании экономики. От правильного и рационального проведения государственной политики в данной сфере напрямую будет зависеть рост благосостояния граждан РФ. Для предупреждения злоупотреблений, недопущения неплатежей недобросовестными налогоплательщиками соответствующие мероприятия необходимо проводить комплексно, во взаимодействии всех ветвей власти и общества. Немаловажную роль в этом процессе должно играть повышение информированности всех членов общества об экономических возможностях, предоставляемых государством.

Налоговые льготы являются также важнейшим стимулом для реализации функции налогообложения в нашей стране, поскольку развитие предпринимательской деятельности в соответствующих отраслях экономики, которому способствует применение указанных льгот, ведет к увеличению налоговой базы по различным налогам, что закономерно увеличивает суммы поступлений налоговых доходов в бюджеты соответствующих уровней.

Список литературы

1. Иванов Ю. Г. Налоговые системы зарубежных стран / Ю. Г. Иванов // Бухгалтер и закон. – 2007. – № 10.
2. Корчагин Ю. А. Российский человеческий капитал: Фактор развития или деградации? / Ю. А. Корчагин. – Воронеж : ЦИРЭ, 2005.
3. Материалы Московской налоговой конференции 19 ноября 2010 г., выступление Министра финансов РФ А. Кудрина. – Режим доступа: www.minfin.ru, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая // Российская газета. – 06.08.1998; часть вторая // Российская газета. – 12.03.2007.
5. Швейцер В. Я. Парадоксальная Швейцария / В. Я. Швейцер, А. И. Степанов // Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющемся мире. – М. : Весь Мир, 2009.
6. Эклунд К. Эффективная экономика: шведская модель / К. Эклунд. – М., 1991.
7. Энциклопедический словарь экономики и права. – М., 2005.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТИМУЛИРУЮЩИХ ОСНОВ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

С.В. Березиков

В статье рассматриваются проблемы совершенствования исправительного процесса при исполнении в исправительных колониях наказания в виде лишения свободы, целесообразные направления трансформации стимулирующих основ лишения свободы и дифференциации условий отбывания наказания.

The article review the problems of the improvement of the correctional process in the execution in the correctional colonies of the punishment in the form of deprivation of liberty, appropriate directions of transformation of stimulating the foundations of deprivation of liberty and differentiation of the conditions of serving the sentence.

Ключевые слова: дифференциация, стимулирование, осужденный, лишение свободы, исправительная колония.

Key words: differentiation, promotion, convicted, deprivation of liberty, penal colony.

Важными принципами исполнения наказания в виде лишения свободы по уголовно-исполнительному законодательству России являются дифференциация и стимулирование правопослушного поведения осужденных. Однако практическая их реализация осложняется несовершенством правового регулирования механизма применения. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (далее – Концепция). В связи с этим актуальным является рассмотрение различных аспектов обозначенной проблемы под углом зрения реформирования механизма исполнения лишения свободы.

В Концепции предлагается продолжить гуманизацию исполнения и отбывания уголовного наказания лицами, не представляющими значительной угрозы для общества, а также осуществить переход к тюремному содержанию и усилить репрессивные начала наказания в отношении лиц, сохраняющих устойчивые криминальные позиции.

Выполнение указанных задач, по замыслу разработчиков Концепции, должно, в числе прочего, обеспечиваться за счет повышения действенности дифференциации исполнения лишения свободы, включая дифференциацию условий отбывания наказания и их изменение. Данным мерам отводится роль важнейших инструментов формирования у осужденных мотивации к правопослушному поведению и их исправлению.

Соглашаясь с тезисом о необходимости совершенствования указанного правового института, нельзя, однако, не отметить, что Концепция не предлагает ни механизма, ни даже направления его совершенствования. Между тем, выбор конкретного способа решения проблемы может быть основан лишь на понимании причин, ее обусловивших.

Действительно заложенный законодателем в указанный правовой институт потенциал, могущий оказывать существенное воздействие на поведение осужденного в исправительном процессе, как показывает практика, реализуется пока слабо, поскольку закрепленная в уголовно-исполнительном законе система льгот, призванных стимулировать правопослушное поведение осужденных, неэффективна. Она не способствует формированию мотивации к исполнению осужденными установленных законом обязанностей, смягчению условий отбывания наказания.

Чтобы показать очевидность данных утверждений, целесообразно проанализировать некоторые социально-демографические и уголовно-исполнительные характеристики осужденных, отбывающих наказание в облегченных, обычных и строгих условиях в исправительных колониях.

Так, материалы проведенной в 2009 г. специальной переписи осужденных, отбывающих лишение свободы, подтвердили наличие ряда тревожных тенденций, среди которых – увеличение числа осужденных, утративших социальные связи, усиление дезадаптации и отчуждения их от основных ценностей общества, рост социальной неустроенности.

В уголовно-исполнительном праве достаточно показано значение социальных связей и сопутствующих им обстоятельств в формировании или усилении мотивации осужденного к правопослушному поведению. Родственные

связи в целом выступают как средство воспитания и как фактор, способствующий самоуправлению осужденного [2, с. 9, 14].

По результатам переписи 48,1 % осужденных не пользовались правом на телефонные переговоры, 68,8 % не получали от родственников в течение года денежные переводы, 52,9 % не пользовались правом на краткосрочные свидания, 62,1 % правом на длительные свидания. Значительна доля лиц, имевших по 1–2 свидания (34,6 и 27,8 % соответственно) [8, с. 3–5]. Основной причиной этого является утрата осужденными социальных связей.

В системе установленных уголовно-исполнительным законом льгот, обеспечивающих удовлетворение потребностей осужденных, значительную роль играет право расходовать заработанные и полученные из иных законных источников доходы, зачисленные на лицевой счет. По данным ФСИН России, в 2009 г. только 186 тыс., или 28 % осужденных, были заняты на оплачиваемых работах [5, т. 3]. Остальная часть – 436,3 тыс. человек (72 %) – не имела заработка в связи с непредоставлением работы ввиду недостаточного количества рабочих мест в исправительных колониях.

Результаты проведенного нами анкетирования осужденных свидетельствуют о том, что 4,9 % от числа опрошенных имеют доход в виде пенсии, 28 % – заработок в связи с привлечением к труду, 33,7 % – получают от родственников переводы, а 12,6 % лиц не имеют доходов вообще. Чаще всего сумма денежного перевода осужденному не превышает 2 тыс. рублей в год (почти у 25 % опрошенных). Удельный вес других денежных сумм дифференцируется в пределах от 2,5 до 7 %.

Приведенные данные согласуются с результатами переписи, в ходе которой 57,4 % осужденных мужчин и 40,3 % осужденных женщин ответили, что не имеют на лицевом счете денежных средств. Еще в среднем у 20 % осужденных сумма денежных средств на лицевом счете не превышает 200 рублей. Доля лиц, имеющих на лицевом счете более 1 тыс. рублей, составляет чуть более 10 %.

Поскольку все перечисленные характеристики выступают в качестве средств дифференциации условий отбывания наказания, вышеизложенное, таким образом, подтверждает, что в ситуации, когда значительная часть осужденных утратила социальные связи, не привлекается к труду, не имеет иных доходов, следовательно, не имеет объективной возможности воспользоваться этими правами. Такие стимулы, как увеличение количества свиданий, передач, посылок, разрешенного к расходованию размера денежных средств, не могут оказать значимого влияния в плане коррекции поведения. Складывается положение дел, когда даже при наличии потенциальной возможности «заработать» льготы (смягчить свои условия отбывания наказания) реально воспользоваться ими осужденные не могут. Это одна из ключевых проблем, существенно влияющих (в негативном плане) на эффективность исправительного воздействия и требующих решения.

Обращает на себя внимание также дисбаланс между различными группами средств дифференциации условий отбывания наказания. Основная часть льгот, на которые осужденные могут рассчитывать, находясь в исправительной колонии, за исключением потребности в межличностном общении с родственниками, призвана удовлетворять материальные потребности (получение посылок, передач, бандеролей, расходование денежных средств и т.п.).

Однако проведенное нами исследование показало, что материальные потребности среди приоритетов осужденных находятся далеко не на первом

месте. Наибольший удельный вес составляют осужденные, которые отдают предпочтение социокультурным потребностям и рассматривают в качестве действенного стимула увеличение количества разрешенных свиданий (36,2 %) и возможность проживания по разрешению администрации за пределами исправительной колонии вместе с семьей (23,8 %).

Снижение степени изоляции, предоставление права при определенных условиях с разрешения администрации передвигаться за пределами исправительной колонии, а также проводить отпуск с выездом из исправительного учреждения могут эффективно способствовать формированию или усилению у осужденного заинтересованности к смягчению условий отбывания наказания по мнению около 25 % респондентов. Почти 11 % опрошенных считают, что они смогут отказаться от нарушений установленного порядка отбывания наказания, если администрация улучшит организацию их занятости. Для 23 % важна возможность выбора вида трудовой деятельности, а 43 % рассматривают в качестве стимула расширение доступа к получению информации (через сеть Интернет, прессу, другие источники).

С учетом сказанного новая «система координат» должна быть подчинена задаче формирования у осужденных, в первую очередь, смыслообразующих мотивов.

В уголовно-исполнительном законодательстве есть ряд норм, регулирующих порядок временного освобождения осужденного из-под охраны, предоставления ему свободы передвижения. В числе этих предписаний следует выделить нормы, регулирующие порядок передвижения осужденного без конвоя, выездов за пределы исправительной колонии, а также проживания осужденного за ее пределами для обеспечения успешной социальной адаптации. Уже предварительная оценка практики их применения говорит о том, что упомянутые институты в настоящее время в практической деятельности почти не применяются. Представляется, что их трансформация посредством подчинения целям стимулирования окажет позитивное влияние на качество исправительного процесса.

Прежде всего, целесообразно «переформатировать» нормы, регулирующие основания и порядок передвижения без конвоя. Несмотря на то что традиционно теоретиками данное право воспринималось как имеющее объективно поощрительный характер и стимулирующее исправление [6, с. 57] по своему назначению с момента вступления в силу в 1997 г., УИК РФ оно было ориентировано на обеспечение производственно-хозяйственных нужд исправительных учреждений. При предоставлении права передвижения без конвоя степень исправления осужденного учитывалась, но она была далеко не определяющей.

К концу прошедшего десятилетия довольно четко обозначилась тенденция отказа от использования данного института в производственных целях. В настоящее время факты предоставления осужденным права передвижения без конвоя, обусловленные производственной необходимостью, носят единичный характер. Вместе с тем, еще в 60-х гг. прошлого века многие пенитенциаристы указывали, что «расконвоирование при изменении условий его применения должно являться элементом прогрессивной системы» [1, с. 83], «средством проверки степени исправленности» осужденного, «этапом подготовки его к жизни на свободе» [9, с. 147].

Действительно, возможность передвижения без конвоя радикальным образом изменяет правовое положение осужденного, выводя его на время в разряд ограниченно свободных. Мотивационное значение данной меры трудно

переоценить. Мы присоединяемся к позиции ряда ученых, согласно которой возможность предоставления права передвижения без конвоя должна быть поставлена в зависимость от пребывания в облегченных условиях [3, с. 18].

В то же время это право должно предоставляться далеко не всем осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях. В законе необходимо оставить гарантии, исключающие возможность передвижения осужденного без конвоя, если он не достиг необходимого исправления. В качестве таких гарантий могут выступать, с одной стороны, обстоятельства, которыми обосновывалось бы предоставление указанного права, например:

1) посещение учебных занятий в связи с обучением в учреждении среднего профессионального или высшего образования, расположенном в границах муниципального образования, в котором находится исправительная колония;

2) трудоустройство на оплачиваемую работу в учреждение, предприятие, хозяйственное товарищество (общество), не входящее в структуру УИС, если соответствующее юридическое лицо находится в границах муниципального образования, в котором расположена исправительная колония;

3) выполнение на постоянной основе работ на объектах исправительной колонии, находящихся за пределами ее охраняемой территории;

4) организация и участие в проведении коллективных культурно-массовых, спортивных мероприятий за пределами исправительной колонии.

Приведенный перечень является примерным. Детальная его разработка – предмет самостоятельного исследования. Реализация данных предложений возможна в случае внесения поправок в закон. Необходимо в части 1 статьи 96 УИК РФ изменить условие, при котором предоставляется право передвижения без конвоя, заменив словосочетание «если это необходимо по характеру выполняемой работы» на соответствующую формулировку из приведенного перечня.

При этом возможность передвижения без конвоя должна быть ограничена определенным сроком и формой осуществления надзора со стороны администрации исправительной колонии. Следует также оставить без изменения положения части 2 статьи 96 УИК РФ, исключающие возможность предоставления указанного права осужденным соответствующих категорий.

Чтобы право передвижения без конвоя приводило к реальному изменению условий отбывания наказания, следует закрепить в законе общие требования к порядку проживания осужденного за пределами исправительной колонии.

Еще одним инструментом формирования мотивации к правопослушному поведению может стать возможность проведения осужденным очередного отпуска с выездом из исправительной колонии.

По данным ФСИН России, за последнее десятилетие число случаев применения указанной льготы сократилось почти вдвое. В 2010 г. осужденным было предоставлено лишь немногим более 3 тыс. выездов, из них почти половина приходится на осужденных поселенцев, практически четверть – это выезды по исключительным личным обстоятельствам [4, т. 3]. Столь ограниченное применение данной меры должного воздействия на поведение осужденного не оказывает, на что в различных научных источниках уже неоднократно обращалось внимание [7, с. 4].

Целесообразно расширение оснований и ограничение условий предоставления выездов. В литературе высказывалось предложение придать в законе нормам о выездах форму субъективного права [7, с. 4]. На наш взгляд,

возможность проведения осужденными на общем или строгом видах режима в облегченных условиях отпуска (или времени продолжительностью, равной отпуску) с выездом к месту жительства должна быть регламентирована в законе в форме законного интереса.

В основе решения о предоставлении права передвижения без конвоя и отпуска с выездом должна лежать не только оценка наличия или отсутствия нарушений установленного порядка отбывания наказания и дисциплинарных взысканий. Такое решение должно базироваться на выводе аттестационной комиссии исправительной колонии о стабильности правопослушного поведения осужденного и тенденциях изменения его в будущем (в условиях временного отсутствия изоляции).

Можно предложить следующую типовую редакцию нормы, регламентирующей основания предоставления указанных выше льгот: «Право передвижения без конвоя (отпуск с выездом за пределы исправительной колонии) предоставляется осужденному по результатам очередной аттестации при положительном заключении аттестационной комиссии исправительной колонии, если осужденный не допускал в течение предшествующих 24 месяцев нарушений установленного порядка отбывания наказания».

Наконец, одним из наиболее значимых мотивирующих факторов может стать реальное применение института проживания осужденного за пределами исправительной колонии. В законе (статья 121 УИК РФ) он предусмотрен в форме освобождения из-под стражи осужденных, отбывающих наказание на общем режиме в облегченных условиях. Эффективность данной льготы существенно снижается ввиду неудачной конструкции части 3 статьи 121 УИК РФ, которая не учитывает того, что свыше 120 тыс. осужденных ежегодно освобождаются из исправительных колоний условно-досрочно [5, т. 3]. На общем режиме из числа положительно характеризующихся осужденными условно-досрочно освобождается большая часть лиц. Это означает, что на момент наступления оснований для предоставления права проживания за пределами исправительной колонии те осужденные, которые могут претендовать на применение к ним данной льготы, уже освобождены условно-досрочно или переведены в колонию-поселение.

В пенитенциарной науке критика конкуренции различных мер поощрительного характера ведется давно. Однако на законодательном уровне соответствующая проблема разрешения до настоящего времени не получила.

Мотивирующее значение института проживания осужденного за пределами исправительной колонии может быть усилено посредством изменения срока предоставления указанного права, который должен наступать раньше возможного условно-досрочного освобождения или быть сопоставимым с этим моментом.

На наш взгляд, норму, предусмотренную статьей 121 УИК РФ, необходимо изложить следующим образом: «Осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации могут постоянно проживать за пределами исправительной колонии в специально оборудованных для этого помещениях. Администрация исправительной колонии предоставляет осужденному данное право не ранее, чем за 2 месяца до наступления срока возможного условно-досрочного освобождения по результатам очередной аттестации при положительном заключении аттестационной комиссии исправительной колонии, если осужденный не допускал в течение предшествующих 24 месяцев нарушений установленного порядка отбывания наказания».

Предложенные меры, как представляется, позволят существенно повысить эффективность стимулирующих основ исправительного процесса и наполнят его реальным содержанием.

Список литературы

1. Аванесов Г. А. Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система) / Г. А. Аванесов ; под. ред. Н. А. Стручкова. – М., 1968.
2. Ворохошко Л. Ю. Социально-полезные связи осужденных к лишению свободы с родственниками в процессе исправления и перевоспитания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. Ю. Ворохошко. – М., 1991.
3. Дроздов А. О совершенствовании правового регулирования предоставления прав бесконвойного передвижения осужденным к лишению свободы / А. Дроздов // Ведомости УИС. – 2009. – № 8.
4. Статистический отчет ФСИН России «О состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за второе полугодие 2009 г.» // Архив Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Номенклатурное дело № 17-42-10. – Т. 3.
5. Статистический отчет ФСИН России «О состоянии законности и соблюдении прав человека в учреждениях уголовно-исполнительной системы за 12 месяцев 2009 г.» // Архив Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Номенклатурное дело № 17-42-10. – Т. 3.
6. Стручков Н. А. Режим в исправительно-трудовых учреждениях и его правовое регулирование / Н. А. Стручков, А. В. Папуашвили. – Рязань, 1985.
7. Соколов А. А. Выезды осужденных за пределы исправительных учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Соколов. – М., 2010.
8. Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных 2009 г.) / науч. ред. В. И. Селиверстов. – М. : Юриспруденция, 2010. – Вып. 1.
9. Шмаров И. В. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений / И. В. Шмаров, Ф. Т. Кузнецов, П. Е. Подымов. – М., 1968.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ПРАКТИКА ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

А.В. Петров

В статье рассматриваются проблемные вопросы установления основания для возбуждения уголовного дела и практика их разрешения, предлагается внесение дополнений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

In article problem questions of an establishment of the basis for excitation of criminal case and practice of their permission are considered, entering of additions into the operating Criminally-remedial code of the Russian Federation is offered.

Ключевые слова: сообщение о преступлении, проверка, процессуальные способы, прокурорский надзор.

Key words: crime message, testing, legal ways, prosecutors supervision.

Отправным этапом, предшествующим производству предварительного расследования, является стадия возбуждения уголовного дела, главным предназначением которой является установление наличия либо отсутствия данных, указывающих на признаки преступления. Этим она способствует вы-

полнению назначения уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Порядок рассмотрения сообщений о совершенном либо готовящемся преступлении регламентирован в ст. 144 УПК РФ. Общий срок, отведенный для проведения проверки и принятия решения по сообщению о преступлении, составляет 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Срок может быть продлен в законодательном порядке до 10 и 30 суток.

Вместе с тем срок проведения проверки необоснованно ограничен.

Во всех без исключения случаях по любому поступившему сообщению о преступлении необходимо провести проверку. Это вполне объяснимо, так как объективно принять законное и обоснованное решение в условиях недостаточной информационной определенности невозможно. В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Даже в случае подробного изложения заявителем известных ему обстоятельств деяния, из которого даже на первый взгляд усматриваются признаки уголовно-наказуемого деяния, указание на конкретную статью Уголовного кодекса РФ, получить информацию в объеме, необходимом для возбуждения дела, основываясь только на данном сообщении, невозможно.

В УПК РСФСР и в УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела уделено недостаточно внимания. В УПК РСФСР был определен минимальный перечень действий, направленных на проверку информации о преступлении. В частности, согласно ст. 109 УПК РСФСР, допускалось истребование в ходе проверки необходимых материалов и получение объяснений. В свою очередь, УПК РФ вместо подробной регламентации доследственной проверки содержит указание лишь на обязанность уполномоченного должностного лица принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Вопросы о процедуре проверки, компетенции лиц, ее осуществляющих, процессуальных формах реализации таких полномочий, способах документального оформления полученных сведений, их доказательственном либо ином значении оставались открытыми. На практике это, как и в период действия УПК РСФСР, порождает правовую неопределенность, что, разумеется, не способствует точному и единообразному применению закона.

Правоохранительные органы были вынуждены предпринимать попытки урегулировать возникающие правоотношения путем издания подзаконных нормативно-правовых актов.

В частности, п. 4.2 Инструкции о порядке приема, регистрации и рассмотрения в органах прокуратуры РФ сообщений о преступлениях, утвержденной приказом Генерального прокурора РФ от 21 октября 2003 г. № 45, предусматривалось, что должностными лицами, осуществляющими проверку по зарегистрированным сообщениям о преступлениях, в соответствии с УПК РФ, могут быть получены объяснения, истребованы и изучены необходимые документы и материалы, назначено исследование с участием специалистов.

Ссылка на УПК здесь весьма условна, поскольку первоначальная редакция Кодекса никаких указаний на способы проведения проверки не содержала. Аналогичная норма вводилась п. 24 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел РФ сообщений, о преступлениях и иной информации о правонарушениях, утвержденной приказом МВД России от 13 марта 2003 г. № 158. К достоинствам данной Инструкции можно отнести положение о возможности привлечения к проверке специалистов.

В пришедшем на смену Инструкции приказе Генерального прокурора РФ от 16 марта 2006 г. № 12 в числе так называемых проверочных мероприятий назначение исследований уже не упоминалось. Представляется, что игнорирование законодателем такой важной стадии уголовного судопроизводства, как проверка на предмет установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также передача этого вопроса (не прямая, путем указания в законе, а косвенная – по умолчанию) на разрешение конкретным ведомством свидетельствует далеко не в пользу УПК.

Первая попытка восполнить этот пробел была предпринята в Федеральном законе от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, которым в ст. 144 УПК РФ включены институты ревизии и документальной проверки. При этом уровень юридической техники при формулировании данной нормы оставляет желать лучшего. Не упоминая о лингвистических недостатках («привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов»), заметим, что норма оказалась фрагментарной, не отвечала требованиям универсальности и вновь не устраняла отмеченную неопределенность. Наряду с изменением ч. 1 ст. 144 УПК РФ, указанным Федеральным законом внесены дополнения в ч. 3 данной статьи, разрешавшие при необходимости производства документальных проверок и ревизий продлевать прокурору срок проверки до 30 суток.

Внесенные изменения в целом следует оценить положительно. Вместе с тем их объем явно недостаточен.

По большинству материалов проверок, поступающих прокурору с постановлениями о возбуждении уголовного дела либо об отказе в таковом, осуществлялись различного рода исследования: судебно-медицинские, санитарно-эпидемиологические, бухгалтерско-экономические и др. Без их проведения очень сложно, а иногда невозможно сделать вывод о наличии либо отсутствии достаточных данных о преступлении.

В среднем около 30 % сообщений о преступлениях, поступающих в органы внутренних дел, связаны с фактами причинения вреда здоровью. Без проведения соответствующего медицинского исследования должностное лицо, не обладающее специальными знаниями в области судебной медицины, не может принять законное и обоснованное решение. К примеру, для установления причины и обстоятельств смерти при неочевидном ее характере, обстоятельств получения телесных повреждений, при проверке доводов заявителя об избиении или самоповреждении, возраста предполагаемого подозреваемого в случае наличия сомнений относительно даты его рождения, наконец, для определения характера и степени вреда, причиненного здоровью, привлечение специалиста в области медицины – насущная потребность. Причем использование специальных знаний здесь необходимо не для выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания при производстве предварительного расследования, а для решения вопроса о наличии либо отсутствии признаков преступления в стадии возбуждения уголовного дела.

Обязательность производства судебно-медицинского исследования в ряде случаев обусловлена обстоятельствами не только фактического (разграничение криминального и некриминального происхождения повреждений), но и юридического характера (когда от степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего, зависит уголовно-правовая оценка деяния). Такой вывод следует из конструкций составов преступлений против здоровья человека: ст. 111, 112, 115 УК РФ и др. Данные деяния разграничиваются только по степени тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего, причем установить тако-

вую необходимо именно до возбуждения уголовного дела, в противном случае невозможно разделить уголовные дела частного и публичного обвинения.

В составах преступлений, в которых здоровье человека выступает как дополнительный объект, условием уголовной наказуемости является наступление указанных в диспозиции статьи Особенной части УК РФ последствий, например, тяжкого вреда здоровью человека.

Подобных преступлений достаточно много. Наиболее часто на практике регистрируются сообщения о признаках таких преступлений, как:

1) нарушение правил техники безопасности или иных правил охраны труда, совершенное лицом, на котором лежали обязанности по соблюдению этих правил, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ст. 143 УК РФ);

2) нарушение требований пожарной безопасности, совершенное лицом, на котором лежала обязанность по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ст. 219 УК РФ);

3) нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека (ст. 264 УК РФ).

В этих случаях от степени тяжести вреда здоровью потерпевшего зависит уже не вид уголовного преследования, а наличие либо отсутствие преступления вообще (отграничение общественно-опасного деяния от административного правонарушения или дисциплинарного проступка). Проведение судебно-медицинского исследования по сообщениям здесь является необходимым условием для возбуждения уголовного дела.

Приведенные доводы подтверждают важность судебно-медицинских исследований в стадии возбуждения уголовного дела.

Проведение исследования любого вида требует определенных, нередко значительных временных затрат. В результате установленный ч. 3 ст. 144 УПК РФ максимальный срок проверки в 10 суток становится непреодолимым препятствием для дознавателей, органа дознания, следователей, руководителей следственных органов.

Законодатель, внося Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ изменения в ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ, установил возможность продления прокурором данного срока до 30 суток при необходимости проведения дознавателем документальных проверок и ревизий. Чем обусловлено предоставление прокурору такого права при проведении документальных проверок или ревизий и непредоставление при назначении других разновидностей исследований либо проверок?

По нашему мнению, объяснить такое решение можно лишь недостатками юридической техники при формулировании правовой нормы. Логика законодателя, закрепившего возможность в обозначенных случаях проводить проверку по сообщению о преступлении в течение 30 суток, вполне понятна. Документальные проверки, ревизии требуют значительных временных затрат (для привлечения необходимых специалистов, изучения и анализа документов, формулирования сделанных выводов). В то же время неясно, как и чем они отличаются от иных видов исследования.

В частности, судебно-медицинское исследование в ряде случаев не позволяет сделать вывод о степени тяжести причиненного здоровью потерпевшего вреда в течение 10 суток по объективным причинам, не зависящим от

уровня организации, качества исследования, числа задействованных специалистов, других объективных обстоятельств. Напротив, проведение ревизии или документальной проверки можно поручить нескольким лицам, что обеспечит ее завершение в срок 10 суток.

Одним из критериев установления средней тяжести вреда здоровью для целей УК РФ является длительное расстройство здоровья (в соответствии с действующими правилами судебно-медицинской экспертизы – более 21 дня)¹. Очевидно, что до истечения этого срока категоричный вывод о тяжести вреда здоровью сделан быть не может, что препятствует разграничению легкого вреда и вреда средней тяжести.

Широко распространены случаи, когда на лечении в условиях стационара находятся граждане, пострадавшие в результате несчастных случаев на производстве и дорожно-транспортных происшествий. Сроки такого лечения могут быть продолжительными. При этом бюро судебно-медицинской экспертизы не рекомендуют экспертам делать выводы о степени тяжести вреда здоровью (как правило, речь идет о разграничении вреда тяжкого и средней тяжести) до завершения лечения.

Описанные ситуации можно назвать тупиковыми: по окончании установленного ч. 3 ст. 144 УПК РФ срока проверки вывод о наличии либо отсутствии признаков преступления сделать нельзя, соответственно, по сообщению о преступлении невозможно принять законное, обоснованное и мотивированное процессуальное решение, как предписано ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

Практика (что характерно для пробелов в праве в целом) вынуждена преодолевать имеющуюся неопределенность методами, которые можно назвать квазипроцессуальными, поскольку они только формально соответствуют закону, а по сути являются неприемлемыми.

К способам разрешения данной проблемы можно отнести вынесение заведомо незаконных постановлений о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела, возбуждение перед прокурором ходатайств о продлении срока проверки до 30 суток.

Как первая, так и вторая позиции представляются весьма спорными. С точки зрения прокурорского надзора оба данных постановления необоснованны и подлежат отмене как вынесенные по материалам неполно проведенной проверки. При этом абсолютно ясна цель – выиграть время.

Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела является в таких случаях более предпочтительным решением для вынесшего его должностного лица, поскольку после его отмены прокурором, как правило, следует дополнительная проверка. По истечении дополнительной проверки ситуация повторяется, и так вплоть до получения выводов судебно-медицинского исследования, после которых принимается окончательное решение по сообщению о преступлении. Таким образом, вплоть до принятия окончательного решения все предыдущие постановления об отказе в возбуждении уголовного дела носят «промежуточный» характер.

Чтобы определить, какое решение принять, следователи нередко проводят беседы с судебными медиками, которые устно сообщают наиболее вероятный результат исследования, тем самым как бы забегая немного вперед.

Возбуждение перед прокурором ходатайств о продлении срока проверки до 30 суток едва ли можно считать эффективным способом. Судебно-

¹ Пункт 16 Правил судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений, утвержденных Приказом Минздрава СССР от 11.12.1978 № 1208.

медицинское исследование при существующей законодательной конструкции нельзя признать документальной проверкой, а тем более ревизией. Прокурор в продлении срока в таких случаях должен отказать, так как это не соответствует УПК. Впрочем, даже при получении его согласия впоследствии, по ходатайству, к примеру, стороны защиты, постановление о возбуждении уголовного дела может быть признано судом незаконным как вынесенное за пределами установленного ч. 3 ст. 144 УПК РФ срока. Это, в свою очередь, повлечет утрату всех полученных доказательств, «заблокирует» предварительное расследование.

Из приведенных примеров следует, что все способы выхода из сложившегося правового тупика в той или иной степени ущербны.

Неоднозначно в данном случае и положение прокурора. Будучи уполномоченным в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, ему необходимо проверить законность и обоснованность вынесенного по сообщению о преступлении решения, а в отдельных установленных законом случаях (ч. 4 ст. 20 УПК РФ) дать согласие дознавателю на возбуждение уголовного дела.

Неоднократное возвращение материалов для дополнительной проверки необоснованно отсрочивает принятие решения по сообщению о преступлении, затрудняет в дальнейшем собирание доказательств и в итоге ограничивает права граждан на своевременный доступ к правосудию, что на практике порождает поступление от них многочисленных жалоб.

При этом не имеется оснований принимать какие-либо меры дисциплинарного характера к должностному лицу, неоднократно выносящему необоснованные постановления. Решение о назначении исследования могло быть принято им своевременно, иные проверочные мероприятия произведены без волокиты и в полном объеме. Судебно-медицинские эксперты также выполняют свои обязанности должным образом, и затягивание с выводами происходит не по их вине.

Устранить рассматриваемую проблему, по нашему мнению, можно путем внесения дополнения к ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ. Второе предложение ч. 1 ст. 144 следует изложить в такой редакции: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, судебно-медицинских исследований, ... (далее по тексту)».

Второе предложение ч. 3 данной статьи нужно дополнить: «При необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебно-медицинских исследований, ... (далее по тексту)». В то же время не исключаем возможности закрепления в данной норме права требовать производства исследований без указания вообще на какую-либо из их разновидностей.

При необходимости разъяснение дефиниций, включенных в предлагаемую редакцию указанной статьи, может быть приведено в ст. 5 УПК. Следует отметить, что законодатель не счел необходимым поступить таким образом в отношении определений документальной проверки и ревизии, полагая, вероятно, что в подобном истолковании нет необходимости.

В целях более детальной регламентации порядка продления срока проверки сообщения о преступлении, следует, на наш взгляд, дополнить ч. 3 ст. 144 УПК абзацем вторым следующего содержания: «Постановление о возбуждении ходатайства о продлении срока проверки представляется одновременно со

всеми имеющимися материалами проверки сообщения о преступлении. Решение о продлении срока проверки либо об отказе в таковом принимается прокурором, руководителем следственного органа, начальником органа дознания в день представления постановления и материалов к нему. О продлении срока проверки в тот же день в письменном виде уведомляется заявитель».

Редакция ч. 3 ст. 144 УПК РФ свидетельствует, на наш взгляд, о недостаточном внимании законодателя к вопросу об основании продления сроков указанной проверки. И хотя практика идет по пути продления общего срока проведения проверки, в случаях необходимости проведения большого объема проверочных мероприятий, либо мероприятий, требующих значительных временных затрат, неопределенность, возможность произвольного толкования закона в данном вопросе в условиях увеличения нагрузки на органы и должностных лиц, занимающихся производством проверки сообщений о преступлениях, чревата массовым несоблюдением общего срока проверки, установленного ч. 1 ст. 144 УПК.

В действующей редакции УПК РФ не содержит достаточно перечисленных в нем процессуальных способов проверки сообщения о преступлении.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Исключений из общего правила пять:

1) положения ч. 1 ст. 144 УПК, предоставляющие право органу дознания, дознавателю, следователю, руководителю следственного органа требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий;

2) положения ч. 2 ст. 144 УПК, допускающие истребование в редакции и у главного редактора СМИ имеющихся в распоряжении соответствующего СМИ документов и материалов, подтверждающих сообщение о преступлении, а также данных о лице, предоставившем указанную информацию;

3) положения ч. 4 ст. 146 УПК, предусматривающие направление прокурору в приложении к копии постановления о возбуждении уголовного дела материалов проверки, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела;

4) положения ч. 2 ст. 176 УПК, позволяющей производство осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела в случаях, не терпящих отлагательства;

5) положения ч. 5 ст. 177 УПК, позволяющие принудительное производство осмотра жилища (являющего местом происшествия) на основании судебного решения в случае, если проживающие в нем лица возражают против осмотра.

В этом смысле представляется спорной предлагаемая отдельными авторами классификация способов использования специальных познаний для обнаружения фактических данных – доказательств преступления на:

1) процессуальные (истребование материалов, получение объяснений, производство осмотра места происшествия);

2) не регламентированные нормами УПК РФ, но по содержанию и целенаправленности являющиеся процессуальными (консультационно-справочная деятельность, компьютерное моделирование и др.);

3) не процессуальные (деятельность специалиста по оказанию содействия при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий) [3, с. 13].

Надзорная практика свидетельствует о том, что наиболее эффективными, распространенными и традиционными способами проверки сообщений о большинстве преступлений являются получение объяснений, истребование документов, в том числе характеризующих личность, производство осмотра места происшествия, освидетельствования, документальные проверки с привлечением специалистов.

Именно путем производства проверочных действий устанавливается основание для возбуждения уголовного дела, то есть достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

В ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР указанные средства прямо были предусмотрены, а действующий УПК РФ их не указывает: прямо не предусматривает и в то же время не запрещает. Полагаем, что и до законодательного урегулирования этого вопроса получение объяснений в ходе проверки сообщения о преступлении не является нарушением закона, однако, не имея статуса процессуального действия по УПК РФ, оно может рассматриваться в качестве деятельности по истребованию, предусмотренного ст. 84 УПК РФ, источника доказательственной информации – «иной документ»¹, только в случае, если по смыслу ст. 86 УПК РФ будет предусмотрено УПК и, таким образом, будет рассматриваться как «иное процессуальное действие».

В литературе после введения в действие УПК РФ встречаются достаточно «расплывчатые» высказывания по проблеме доказательственного значения результатов проверки по сообщению о преступлении, в частности о том, что материалы, полученные в ходе проверки, могут служить доказательствами, если это не противоречит ст. 73–84, 86, 89 УПК РФ.

Некоторые авторы противопоставляют процессуальным проверочным действиям, не называя их однако, «более гибкие» и имеющие «решающую роль» оперативно-розыскные средства и методы проверки.

В этой связи решение данной проблемы видится в закреплении способов проверки по сообщению о преступлении в УПК, что решит проблему доказательственного значения полученных посредством «иных процессуальных действий» материалов в качестве «иных документов» по смыслу ст. 84 УПК РФ.

Таким образом, вместо детальной регламентации деятельности по проверке сообщений о преступлениях в рамках единых процессуальных форм законодатель способствует свободе действий проводящего проверку должностного лица, которая в лучшем случае находится в пределах здравого смысла, наработанной практики и процессуальной аналогии, а в худшем чревата прямым нарушением закона, прав и свобод человека.

В этой связи представляется заслуживающим внимания мнение о том, что в результате анализа норм УПК РФ в соответствующей части следует прийти к выводу о недостаточном учете законодателем при разработке нового закона достижений уголовно-процессуальной науки и нужд практики, однако несовершенство уголовно-процессуального закона в указанной части не освобождает прокурора от обязанности при осуществлении надзора за законностью принятия решений по сообщению о преступлении тщательно проверять наличие достаточного основания для принятия таких решений. При этом прокурорской проверке подлежат:

¹ На это обстоятельство указывают многие процессуалисты [5, с. 148].

1) наличие фактических данных либо сведений о них, на основании которых принято процессуальное решение по сообщению о преступлении;

2) достоверность источников, фактических данных либо сведений о них, а также соответствие закону способов получения и проверки уполномоченными органами и должностными лицами полученных фактических данных.

Законность и обоснованность деятельности уполномоченных органов и должностных лиц должны оцениваться прокурором с позиции соблюдения ими УПК и обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

В литературе высказано обоснованное мнение о необходимости до возбуждения уголовного дела производства таких следственных действий, как судебно-медицинские, автотехнические, наркологические экспертизы [4, с. 94], однако комплексное решение изложенных проблем связано с совершенствованием законодательной нормы о порядке рассмотрения сообщений о преступлениях, конструкция которой исключила бы ведомственные разночтения, вооружила правоприменителей достаточным инструментарием, позволяющим легально и действенно осуществлять работу по рассмотрению сообщений о преступлениях, что также способствовало бы конкретизации надзорной практики прокурора на начальном этапе уголовного процесса.

По нашему мнению, с целью укрепления законности в стадии возбуждения уголовного дела необходимо в ч. 1 ст. 144 УПК РФ закрепить способы проверки сообщений о преступлениях, а именно перечень следственных и проверочных действий, производство которых необходимо для установления основания для возбуждения уголовного дела:

1) требовать и получать (лично или с участием специалиста) от граждан, должностных и юридических лиц материалы, предметы, вещества, документы;

2) получать объяснения от граждан и должностных лиц с их согласия;

3) производить эксгумацию и осмотр трупа, места происшествия, предметов, документов;

4) требовать производства инвентаризации и привлекать к их участию специалистов;

5) истребовать и использовать материалы ведомственных проверок.

Список литературы

1. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М., 1996.

2. Правила судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений, утвержденные Приказом Минздрава СССР (п. 16) от 11.12.1978 № 1208. – М., 1978.

3. Смородникова А. Г. Проблемы использования специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Смородникова. – Саратов, 2001.

4. Соловьев А. Б. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений / А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева, А. Г. Халиулин. – М., 2000.

5. Уголовный процесс: Общая часть : учеб. / под ред. В. П. Божьева. – М., 1997.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕРБЕНТА – ДРЕВНЕЙ ЮЖНОЙ СТОЛИЦЫ РОССИИ

Г.М. Мирзоев

Статья раскрывает географический, исторический, культурный статус самого древнего города России – Дербента в Южном Дагестане, на Каспийском море.

Article opens the geographical, historical, cultural status of the most ancient Caspian sea. city of Russia – Derbent in Southern Dagestan.

Ключевые слова: статус, этногенез, мифология, фольклор, онтология, гносеология.
Key words: status, ethnic, genesis, mifologie, folklore, ontologie, scintitic.

Россия и Азербайджан связаны крепкими узами дружбы и сотрудничества. Эти два государства издревле объединяют общественно-политические, социально-экономические, культурные и другие связи. Наши государства – давние партнеры, для которых ценны и почитаемы добрососедские отношения. Дружба России и Азербайджана очень важна для нас, так как границей между этими государствами является древнейший южный город России Дербент в Республике Дагестан на Каспийском море. Дербент означает «застава». Основан город в V или VI в. как порт на отрогах Кавказских гор некогда в узкой береговой полосе. Он служил во времена переселения народов путем из Предкавказья в Закавказье.

Нынешняя действительность диктует необходимость преодоления сложившихся парадигм мышления, совершенствование поиска нетрадиционных подходов в разработке модели будущего России, в частности, Дагестана. В связи с этим важным является вопрос о дербентском факторе. Об этом городе можно размышлять в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом аспектах. Такой анализ возможен в культурно-цивилизационном контексте. Очевидно, каждая культура является особой национальной формой общей мировой культурной среды. Констатируя наличие Дербентского фактора, мы рассматриваем его культуру как разновидность российской, азербайджанской и всемирной культур [2, с. 68], а сам город – как одно из пространств человеческого сообщества ввиду оседлости в нем, кроме аборигенов – каспий, геллов, албанов, – персов, евреев, азербайджанцев, огузов, лезгин, табасаранцев, цахуров и их этнических ветвей – диаспор.

В 90-е гг. XX в. обозначились первые попытки применения цивилизационного подхода к Дербенту при сохранении традиций системного анализа, характерного для исследований в рамках формационной методологии. В онтологическом плане использование цивилизационной парадигмы ведет к признанию того, что человечество как особый биологический вид фатально, постепенно осваивает новые формы и смысл выживания – цивилизацию, прогресс, являющиеся социальной формой истории. В гносеологическом плане цивилизационный подход ориентирован на диалог и понимание – гуманитарный уровень сосуществования этносов, национальностей. В свое время концептуальная мысль Р. Абдулатипова о существовании такой цивилизации вызвала неодно-

значную реакцию: одни ученые поддержали эту концепцию, другие сомневались и частично ее отвергали. Существуют мифологические и исторические основания, характеризующие высокую цивилизационную роль Дербента, явившегося, как установили исследователи, одним из очагов зарождения человеческой цивилизации. В мировых религиях с нашим регионом связаны мифы как о родине Геракла, Ноевом ковчеге, о «золотом руне», мореплавателе Одиссее. Из реальных источников известно, что автор древнеогузского эпоса *Китабы Деде Коркуд* [1, с. 38] захоронен в Дербенте. Известно даже точное место могилы героя. С момента перехода к цивилизации Дербент выступает в качестве контактной зоны нескольких региональных цивилизаций. Наследниками исламской цивилизации являются Азербайджан и Дагестан.

Азербайджан всегда был одним из благоприятных регионов для занятия торговлей, которая определялась его близостью к морю и торговым трассам, проходившим через него и связывавшим его с Дагестаном, в частности, с Дербентским владением. Он был экономически достаточно развит и мог выставить в торговый обмен весьма ценную продукцию сельского хозяйства и ремесла. Жители Дербентского владения привозили к своим соседям-азербайджанцам главным образом продукты животноводства: шерсть, кожу, мясо, сыр, а также изделия домашних промыслов – ковры, сукно, войлок, бурки, оружие, гончарную и серебряную посуду. Из местных дагестанских товаров, пользующихся большим спросом в Азербайджане, можно назвать ружья, пистолеты, сабли и др. В обмен они приобретали шелк, парчу, атлас, соль, пряности, драгоценные камни Востока, нефть и другие изделия. Одной из форм регулирования торговых взаимоотношений была переписка между дагестанскими и азербайджанскими правителями с целью обеспечить своим торговцам все права на время пребывания их на территории соседних владений. Это были письма, адресованные местным правителям, с просьбой пропустить караван, зачастую с просьбой сопровождать его, выделив надежную охрану, проводников.

Огромное значение в связи с выходом России на Каспийское море приобретает Волжско-Каспийский торговый путь. Английский путешественник и коммерсант Дж. Форстер в пути из Индии в Петербург и далее в Лондон, также свидетельствует о наличии в Дербенте и Баку караван-сараев, предназначенных для христиан и мусульман. Один из караван-сараев XVIII в. существует в Баку до настоящего времени под названием Лезгипара и сохраняется как исторический памятник архитектуры, что еще раз подтверждает наличие в прошлом тесных торгово-экономических и культурных связей жителей Дербентского владения и Южного Дагестана в целом с Азербайджаном.

Перечислим общие признаки, которые, по мнению ряда исследователей, в дополнение к вышеупомянутому, позволяют считать культурное пространство Дербента цивилизацией. Во-первых, существуют экономико-географические, культурно-исторические основы этой общности. Во-вторых, это особенности традиционной культуры и менталитета. Население Дербента имеет похожие особенности хозяйства и быта, совпадающие моменты христианских и домусульманских языческих верований, единые элементы мифологии, нравов и традиций. Особенности растениеводства, животноводства, ремесленного производства в горах или предгорьях воплотились в одинаковых предметных формах: одеяниях, архитектуре, гастрономических пристрастиях. В-третьих, наличие исторической памяти, фиксирующей отношения между этносами и теми, кто мигрировал в Дербент столетиями позже. В-четвертых, общий геополитический статус Дербента. Многолетняя жизнь по-

одадь от крупных событий мировой истории, сложные отношения с русской культурой, жизнь веками в аграрной допромышленной ситуации – все это присуще нашему городу. В-пятых, существуют черты общей духовной культуры: идентичные моменты национальной психологии, признание авторитета старейшин и скрупулезное соблюдение этикетных, нравственных норм. В этом плане возникает возможность построить типологию Дербентской цивилизации, выявить критерии ее определения. Термин «добрососедство» часто используется в исторических текстах в качестве одного из синонимов цивилизации, характеризующего ее собственные социальные, основанные на принципах долга, веры, формы организации жизни людей. Дербентская цивилизация, как и любая другая, является способом социального бытия. В этом смысле у жителей Дербента ярко проявилась тенденция к цивилизации. Собственно, они и стали одной из частей человеческого общества, только ступив на избранный путь прогресса. Существенным моментом в развитии мировой человеческой цивилизации стало возникновение конфессий – религий, которые, как отметил К. Ясперс, возникли почти синхронно с их всеобщими принципами цивилизованности: «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй» и другими, записанными в культурный код человечества в качестве безусловного императива.

Если взглянуть на проблему Дербентской цивилизации исходя из вышеуказанных критериев, то становится очевидным, что этот город с его разнообразием представляет собой довольно интересный объект изучения – как «солнечное сплетение» (Ю. Жданов) многих культур, с их полиэтничным характером и сложной культурологической судьбой.

Для решения сформулированной проблемы необходимо разработать следующие вопросы: место Дербента в истории древних цивилизаций [5; 6]; этногенез народов Дагестана в Средние века; формирование Дербентской цивилизации в XVI–XVII вв.; развитие Дербента в XVIII–XIX вв.; связь народов Дагестана с Россией в XIX – первой половине XX в.; этнонациональные и геополитические проблемы Дагестана на рубеже XX–XXI вв.

Продолжается применение цивилизационной методологии к исследованию судьбы отдельных моно- и полиэтнотосов. Р.Г. Абдулатипов, Т.У. Кцоева и другие идеологи Дагестанского дома попытались обосновать гипотезы о «Дагестанской цивилизации», «Дагестанском суперэтнотосе», основанные на исторической ментальности. Оппонентом выступает В.В. Черноус, критически оценивающий результаты этих разработок. Он считает, что подобные конструкции интересны с точки зрения создания политического мифа, но в научном плане они представляются бесперспективными. Он считает, что ни одна из версий цивилизационного подхода применительно к Дагестану не позволяет говорить о Дагестане как о целостности. На наш взгляд, это субъективная позиция.

Дербентская цивилизация по системообразующим факторам была типологически отличной от православной в связи с перенаселением других вероисповедающих народов – другой конфессии. Для православной конфессии, ее цивилизационной динамики характерен православный тип духовности с его нравственно-экзистенциальными ценностями. Следующий немаловажный фактор – равнинный ландшафт России, суровый климат северных и северо-восточных регионов, общинно-артельные формы хозяйственной деятельности, и, наконец, державность как доминантная форма национальной самоорганизации, детерминированности обстоятельств.

Таким образом, на современном этапе сформировались три основные гипотезы цивилизационного статуса Дербента. Первая гипотеза рассматривает Дербент в целом как единую цивилизацию. Одним из аргументов в пользу этого считается то, что любая глобальная цивилизация внутренне противоречива и многообразна. Другая гипотеза признает цивилизационный статус, прежде всего, за регионом Дагестана. Нужно признать справедливым, что у населения этого региона независимо от моно-этнической принадлежности сложились формы общежития, сознания, деятельности на разных исторических периодах. Однако и здесь цивилизация как некая целостность еще находится на сравнительно ранней ступени своего существования. Нации или суперэтноты в этом регионе продолжают свое формирование уже на новом этапе общественно-экономической формации России. Третья гипотеза: общецивилизационное единство в большей мере отводит уникальной цивилизации населения Дербента. Все сказанное обостряет и активизирует модернизационные процессы, которые неминуемо проходят в Дербенте в наше время.

Итак, изучение источников, анализ и диагностика архивных материалов приводят к заключению, что дружественные связи между Азербайджаном и Дагестаном, в частности, Дербентом, насчитывают не одно тысячелетие и носят объективный характер в силу геополитического положения и общности нашей истории, экономики и культуры. Дербент сегодня – туристический центр России. Уникальные, хорошо сохранившиеся древние многовековые памятники способствовали включению Дербента в список старейших городов не только России, но и мира (ЮНЕСКО).

Нынешняя политика глав обоих государств (Россия, Азербайджан) дает новый импульс развитию научных, экономических, культурных и других отношений. Масштабные мероприятия, проводимые на государственных уровнях, – признак укрепляющихся обоюдных связей, тенденций, прогнозов, направленных на углубление глубоких, культурно-творческих отношений, основанных на высокогуманных контактах.

Список литературы

1. Гэрибсэс Ф. О. По следам Деде Коркуда / Ф. О. Гэрибсэс. – Дербент, 2005. – 38 с.
2. Гриценко В. П. Основные тенденции и приоритеты современного социально-гуманитарного знания / В. П. Гриценко, Г. М. Мирзоев. – Краснодар, 2009. – С. 68.
3. Ибрагимов Г. Г. Развитие чувства музыкального ритма школьников на фольклорной основе : монография / Г. Г. Ибрагимов. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2007. – 284 с.
4. Кудрявцев А. Город, не подвластный векам / А. Кудрявцев. – Махачкала, 1976. – С. 47.
5. Коркмасова М. А. Дагестанская симфония / М. А. Коркмасова. – Махачкала, 1990. – 104 с.
6. Лосев А. Ф. История античной философии / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1989. – 204 с.
7. Маркс К. Философия. Современность / К. Маркс ; под общ. ред. Т. И. Ойзермана. – М. : Политиздат, 1988. – С. 168.

О ДВУХКРЫЛОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ ХАЗАРСКИМИ ПРАВИТЕЛЯМИ В ИТИЛЕ (АСТРАХАНЬ) И ЕЕ ДРЕВНИХ ТЮРКО-ОГУЗСКИХ КОРНЯХ

М. Соегов

В статье рассмотрена система государственного управления в Хазарском каганате (650–969). Выявлены общие стороны истории хазар с древней историей родственных им огузов-туркмен.

In article the system of public administration in Hazaria kaganat (650–969) is considered. The general parties of history the Khazar with ancient history related it the oguz-turkmen are revealed.

Ключевые слова: система управления государством, Хазарский каганат, Азия, туркмены.

Key words: control system of the state, Hazaria kaganat, Asia, Turkman.

Прежде чем приступить к основному вопросу о двухкрылой системе государственного управления в Хазарском каганате (650–969), необходимо рассмотреть несколько других вопросов, связанных непосредственно или косвенно с темой статьи. Прежде всего следует выявить общие стороны истории хазар с древней историей близкородственных им огузов-туркмен.

Еще в XI в. Махмуд Кашгарский в своем известном словаре «Диван-у лугат ат-тюрк» неоднократно констатировал, что «Огузы – это есть туркмены», «Туркмены – это есть Огузы», «Карлуки – отдельны от огузов, но они также являются туркменами». Средневековый ученый отделяет огузских туркмен (Oğuz Türkmenleri) от царствующих в то время тюрков (Hakanlı Türkler), то есть карлукских туркмен, которые управляли Караханидским государством [14].

Главный визирь и придворный историк государства Хулагуидов (Ильханидов) в Иране Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани (1247–1318), еврей по национальности, в главе об огузах и туркменах («Огузнаме») своего четырехтомного труда «Сборник летописей» («Джами' ат-таварих»), в частности, пишет: «С течением времени эти народы (тюрки – М. С.) разделились на многочисленные роды, [да и] во всякую эпоху из каждого подразделения возникали [новые] подразделения и каждое по определенной причине и по поводу получило свое имя и прозвище, подобно **огузам**, каковой народ теперь в целом называют **туркменами** [туркман], они же разделяются на **кипчаков**, **калачей**, **канлы'ев**, **карлуков** и другие относящиеся к ним племена» (курсив наш – М. С.). В другом месте своей работы по этому поводу Рашид-ад-дин пишет, что «всем дядьям и родам, которые к нему присоединились, он (Огуз – М. С.) дал имя уйгур, так как значение этого слова на тюркском языке – соединяться и помогать. Все племена уйгуров [происходят] от их рода. Другое племя он назвал канлы. Племена: кипчак, калач и агач-эри также происходят от того народа, который соединился с Огузом и смешался с его родом» [8, с. 74–75, 83].

По некоторым подсчетам, количество туркмен, переселившихся в Малую Азию еще в XI в., составляло 1,5 млн человек [16, с. 12]. Действительно, в Средние века туркмены представляли собой некий суперэтнос. По словам лингвиста-тюрколога профессора Э.В. Севортяна (1901–1978), неслучайно «в те далекие века туркмены в глазах своих соседей представлялись видным на-

родом» [9, с. 273]. Из современных ученых А.Е. Крымский (1871–1942) вслед за А.Н. Самойловичем (1880–1938) юго-западную группу тюркских языков, куда входят современные туркменский, турецкий, азербайджанский и гагаузский языки, исторически называет огузо-туркменской группой. Он точно определяют также язык письменных памятников VIII в. с берегов р. Орхон, называя его «огузским» [5, с. 13, 28–29]. Об этнониме «туркме(н)», который встречается в памятнике Бильге-кагану, см. [12, с. 96–121].

Таким образом, исходя из постулата об идентичности в древности и раннем средневековье не только огузов и туркмен, но и во многом уйгуров и туркмен, карлуков и туркмен, кипчаков и туркмен, нами предпринята попытка установить общность древней истории туркмен и хазар, хотя этноним «хазар/хозар (казар/козар)» не встречается не только в языке древнетюркских памятников, его не находим даже в известном словаре «Диван-у лугат ат-тюрк», составленном Махмудом Кашгарским в XI в. Это говорит о том, что хазары – сравнительно позднее политическое, а не этническое по своей сущности образование, основная масса которого находилась в составе других близкородственных тюркских народов, в том числе огузов-туркмен. По сути «Хазар» – это название государства, то есть сравнительно временного (примерно 300 лет) политического объединения разных племен под руководством кагана, а не название народа – более долговечного этноса в тюркской истории. Для сравнения вспомним из недавней нашей истории советский народ, объединивший под «мудрым» руководством Коммунистической партии «в единое целое».

Имеются многочисленные работы, накоплена обширная библиография по истории Хазарского каганата [10, с. 355 и др.], авторы которых прежде всего интересуются тем, что хазарские правители, удивив не только своих современников, но и ученых наших дней, в VIII в. приняли иудаизм – религию евреев, у которых вопросы истории Хазарского каганата всегда вызывали и вызывают до настоящего времени непроходящий интерес [3; 18 и др.]. С.А. Плетнев в книге «Хазары» пишет, что еще в середине X в. придворный кордовского халифа Абдаррахмана III еврей Хасдай Ибн-Шафрут, заинтересованный дошедшими до него слухами о реальном существовании где-то в далеких восточных степях иудейского государства, отправил в Итиль (Астрахань) – столицу страны, непосредственно царю Хазарского государства – кагану Иосифу письмо с просьбой подробно рассказать о своем народе и стране. В ответном письме, составленном для него на древнееврейском языке, каган Иосиф, в частности, сообщил, что его народ происходит из рода Тогармы, сына Иафета [Яфеса – сына пророка Ноя (по-туркменски: пророка Нуха – М. С.)]. В первой строке письма каган гордо называет себя «царем Тогармским». Как известно, в древнееврейской литературе Тогармой (Тогаром) именовали все тюркские народы.

Согласно письму кагана, у Тогармы было 10 сыновей: Агийор (Авийор, или Уюр), Тир-с (Турис), Авар (Аваз), Угин (Угуз), Биз-л, Т-р-на, Хазар, Знур (Янур), Б-л-г-д (Б-л-г-р), Савир. После перечисления имен сыновей Тогармы каган Иосиф пишет, что предки хазар были малочисленны, тем не менее «вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью божьей прогнали их и заняли их страну» [7, с. 5–7].

Эти и другие исторические сведения письма хазарского кагана Иосифа (по-туркменски: Юсуп-кагана) по своему основному содержанию очень близки к исходным данным, которые содержатся в сочинении «Родословное древо туркмен» хивинского хана и историка Абу-л-Гази Бахадур-хана (1603–

1664), которое составлено на основе устных и письменных вариантов «Огузнаме», существовавших среди туркмен с давних времен. Поэтому сочинение Абу-л-Гази Бахадур-хана является одним из последних списков «Огузнаме», повествовавших о легендарном прародителе туркмен Огуз-хане и его многочисленных потомках – туркменских племенах, которые создавали и правили могущественными государствами мира.

В «Родословном древе туркмен» говорится, что после всемирного потопа «пророк Нух каждого из своих трех сыновей послал в разные земли. Сына своего по имени Хам он послал в землю Хиндустанскую, сына своего по имени Сам послал в страну Иранскую, сына своего по имени Яфес (Яфет) послал в сторону северного полюса... Яфес, по воле своего отца, покинул гору Джуди и отправился к берегам Итиля (то есть Волги) и Яика (то есть Урала)... У него было восемь сыновей; потомство от них было весьма многочисленное. Имена [его] сыновей следующие: Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус, Минг, Чин, Кемери, Тарых. Яфес, умирая, посадил на свое место своего старшего сына Тюрка, а другим сыновьям своим сказал: "Тюрка считайте своим государем, из повиновения ему не выходите!" Тюрку дали прозвище "Детище Яфеса". Это был человек весьма благонравный и мудрый».

Из цитированного текста для нас особое значение имеет то, что упоминание и каганом Иосифом, и историком Абу-л-Гази Бахадур-ханом одного из сыновей (или внуков) пророка Яфеса (Иафета) по имени Хазар, а Тюрк у хана-историка, по нашему мнению, должен соответствовать у кагана к антропониму Тир-с (Турис) или Т-р-на. Сирийский автор Иоанн Эфесский в своей «Истории», написанной во второй половине VI в. (сохранились ее отрывки в позднейших пересказах Михаила Сирийского и Бар-Габрая), сообщает, что хазары названы по имени старшего брата Хазарика из трех братьев, вышедших со своими родами из пределов внутренней Скифии [1, с. 128]. Мы также допускаем возможности искажения в древнееврейском языке исконно тюркского (алтайского?) слова «туркмен» («тюрк») до «Тогарма» («Тогар»), которое содержится в письме хазарского кагана и использовано для обозначения всех тюркских народов.

Другой вариант приведенного выше исторического предания включен Рашид-ад-дином Фазлуллахом Хамадани со ссылкой на еврейский источник в «Сборник летописей» («Джами' ат-таварих»): «На основании того, что упомянуто в мусульманской истории и записано в "Пятикнижии" еврейского народа, пророк Ной [Нух] – да будет мир ему! – разделил землю с севера на юг на три части. Первую часть он дал одному из своих сыновей, Хаму, который был родоначальником чернокожих; вторую – Симу (Сам), ставшему предком арабов и персов; третью часть предоставил Яфету (Яфес) – праотцу тюрков. [Ной] послал Яфета на восток. Монголы и тюрки рассказывают об этом то же самое, но тюрки называли и продолжают называть Яфета Булджа-ханом [Абулджа-ханом] и достоверно не знают, был ли этот Булджа-хан [Абулджа-хан] сыном Ноя или его внуком... У Булджа [Абулджа-хана] был сын по имени Диб-Якуй [Диб-Бакуй]... Этот сын превзошел своего отца как могуществом, так и [всеми] доказательствами [своего] царственного достоинства. Он имел четырех сыновей с такими именами: Кара-хан, Ор-хан, Коз-хан и Гур-хан... Кара-хан стал преемником отца; у него родился сын» [8, с. 80–81], который в последующем стал великим Огуз-ханом – родоначальником туркменского народа. Таким образом, по Рашид-ад-дину, Огуз-хан приходит правнуком или праправнуком пророку Яфету (Яфесу – Булджа-хану) – сыну пророка Ноя (Нуха).

Старые списки «Огузнаме», то есть эпические сказания о легендарной родословной туркмен и их прародителе Огуз-хане, являясь сборниками исторических легенд, содержат сведения о древней истории, в том числе о военных походах как Мао-Дуна (Модэ-хан, правил в 209–174 гг. до н. э.), правителя азиатских гуннов (хунну), так и Аттилы (жил в 400–453 гг.), правителя европейских гуннов. Как известно, первый переводчик китайских исторических хроник на русский язык Н.Я. Бичурин (Иакинф, 1777–1853) считал грозного правителя хунну Модэ-хана и древнего родоначальника современных туркмен Огуз-хана одним и тем же историческим лицом. О бурных боевых деяниях гуннских (хуннских, хунну) правителей Мао-Дуна (Модэ-хана) и Аттилы соответственно в Азии и Европе рассказывается в китайских и европейских источниках. Большая часть из этих легенд вошла в «Огузнаме» и связана с именем одной обобщенной личности – Огуз-ханом [2; 11, с. 158–163].

Таким образом, в «Родословном древе туркмен» Абу-л-Гази (следовательно, и в тех «Огузнаме», которые легли в его основу) непосредственная туркменская история начинается с рассказов о родоначальнике туркмен Огуз-хане, который одновременно по китайским анналам соответствует правителю азиатских хуннов Модэ-хану (Мао-Дуну), а по европейским источникам – правителю европейских хуннов (гуннов) Аттиле. Затем, как и ожидается, в «Родословном древе туркмен» логически следует история Гёктуркменского государства, то есть Древнетюркского каганата (с главы «О царствовании Ынал-Йавы-хана» и далее), а с глав «О царствовании Кара-хана, сына Мор-Йавы» и «О царствовании Бугра-хана» начинается история туркменского государства Караханидов. Далее по хронологии в соответствующих главах расположены рассказы о правителях туркменских государств Газнавидов, Сельджукидов и т.д. Здесь же отметим, что хазары считали себя прямыми наследниками Древнетюркского каганата, своего правителя также называли каганом, а государство – каганатом [7, с. 22], которые у арабских авторов соответствуют терминам «хакан» и «хакания». Свое происхождение хазарские каганы связывали с родом ашина (по-китайски «волк»), которому принадлежали древнетюркские каганы. Государственному строю Хазарского каганата была присуща та же терминология, которая использовалась в Древнетюркском каганате: *каган, бек (бег), шад, али, тархан, илтебер (илтвер)* и т.п. Поэтому в будущем необходимые сведения о Хазарском каганате в «Огузнаме» следует искать и, по всей вероятности, можно будет находить в главах, посвященных Древнетюркскому каганату.

Некоторые могущественные туркменские государства вдохновенно воспеты в историко-философской книге «Рухнама» первого Президента независимого Туркменистана Сапармурата Туркменбаши (С.А. Ниязов, 1940–2006). Считаем, что будет бесполезно для раскрытия нашей темы привести здесь несколько кратких выдержек из этой удивительной книги, ибо они достойны должного внимания со стороны тюркологов-историков и других специалистов (нами уточнено правописание некоторых имен собственных).

«Одним из могущественных правителей Великого государства хуннов был Мете-хан, которого в Чын-Мачыне (Китае) называли Мао-тун. Он происходил из огузских племен и прославился сходством характера с Огуз-ханом» [15, с. 214].

«Гектуркмены – огузы, верящие в Небеса, в небесного Бога. Отсюда и название государства, основанного в 552 году Бумын ханом (каганом) – продолжателем династии хуннов» [15, с. 217].

«Караханидское государство объединило туркменские племена гарлыков (карлук), ягмаларов (ягма) и джыкыларов (чигил) и вошло в историю как первое государство туркмен, принявшее ислам» [15, с. 219].

«Основателем этого государства считается потомок, идущий от Гая (Кайи), ведущий свою линию от ветви старшего внука Огуз-хана. В 962 году он прибывает в город Газна, где и основывает Газневидское государство туркмен» [15, с. 225].

«Куныургенч с древних времен был известен как обиталище потомков Огуза. Но государственность в нем стала возможна только после падения Великого государства сельджуков. В 1093 году сын правителя Куныургенча Ануша Бегдили Кутбеддин Мухаммет закладывает основы нового государства туркмен, которое уже как Куныургенчское царство прочно встает на ноги при сыне Атсыза Ил-Арслане» [15, с. 229].

«Эртогрул-гази во главе четырехсот туркменских всадников перекрывает дороги Анатолии. С ним – брат Дюндар, два других брата – Гюндогды и Сунгур возвращаются в Хорасан. И тогда Эртогрул-гази произносит пророческие слова: "Эти 400 туркменских семей положат начало новому государству" <...> Под названием Османской империи государство, основанное отцом Эртогрулом гази и сыном Осман-беком, свыше 600 лет господствовало на трети земли» [15, с. 237–238].

Необходимо подчеркнуть, что историческая часть книги «Рухнама» была подготовлена на основе результатов исследований ученых страны, проведенных им в годы независимости на основе анализа уже готовых туркменских переводов первоисточников на разных языках. В них впервые за прошедший период были восстановлены дух и основное содержание «Очерка истории туркменского народа» (сборник «Туркмения». Л., 1929) академика В.В. Бартольда (1869–1930) и других работ знаменитого историка о туркменах, которые были выполнены в свое время по поручению первого председателя Правительства Туркменской Республики Кайгысыза Сердаровича Атабаева (1887–1938).

Одним из ранних источников, содержащих сведения о двухкрылой системе у древних предков современных туркмен, являются разные списки «Огузнаме», которые рассказывают об их делениях на бузук/бозок (правое крыло – Гюн-хан, Ай-хан и Йылдыз-хан) и на учук/учок (левое крыло – Гек-хан, Даг-хан и Денгиз-хан) в империи Огуз-хана (соответствует хунно-гуннским государствам Мао-Дуна и Атиллы согласно китайским и европейским источникам). Для иллюстрации приводим:

1) из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина: «Из двадцати четырех ветвей сыновей Огуза одна половина относится к правому крылу войска, а одна половина – к левому. И ныне каждое из этих племен и ветвей знает свой корень и ветвь, то есть из какого они народа» [8, с. 85–86];

2) из «Родословного древа туркмен» Абу-л-Гази: «(Огуз-хан) своим сыновьям сказал: "Вы, трое старших, будете называться Бузук. Потомство, которое будет у вас, пусть до самого судного дня также называется бузук. Трое младших сыновей... от сего дня и до скончания мира пусть называются Учук. <...> народ пусть сделает государем того, кто окажется [наиболее] способным из потомства бузуков; пусть до окончания мира государями будут лучшие из бузуков. Прочие из них пусть садятся направо, а учуки – налево. Пусть они... до скончания мира довольствуются положением нукеров"» (Абу-л-Гази).

С большой долей вероятности можно предположить, что первый двухпалатный парламент в Западной Европе появился в XIII в. в монархической Англии через посредство выходцев-приверженцев иудаизма из Хазарского каганата именно по подобию и образцу двухкрылой системы управления, существовавшей 7 веков назад в империи европейских хуннов (гуннов) Аттилы. В течение 10 лет руководителем правого крыла (страны) гуннов был его старший брат Бледа, а левом крылом (войсками империи) командовал сам Аттила [13; 20; 21].

В Гёктуркменском государстве (Древнетюркский каганат), как в последующем в империи Великих Сельджукидов, верхушку системы двухкрылости олицетворяли два брата, а именно, правитель Бильге-каган и его младший брат, главнокомандующий войсками страны Кель-тегин. Караханидское государство, созданное туркменами-карлуками, долгое время управлялось верховным арслан-ханом совместно с нижним бугра-ханом. В отличие от гёктуркменов у туркменах-карлуках нижний бугра-хан ведал делами религии, культуры, литературы, и поэтому поэт XI в. Юсуп Баласагунский язык своей большой поэмы «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») называл не «арслан-хановским языком», а дал ему, этому языку, имя «бугра-хановский язык», который соответствует у Махмуда Кашгарского термину «хаканийе» («каганский»).

Туркменская империя Великих Сельджукидов, как и другие туркменские государства, была создана согласно древней огузской традиции, основанной на двухкрылости. После окончательного формирования Сельджукской империи Чагры-бек – старший из двух братьев правящей верхушки – начал управлять правым крылом страны (Восточной империей), а младший его брат Тогрул-бек – левым крылом (Западной империей). После распада империи Великих Сельджукидов система двухкрылости, существовавшая в управлении почти всеми огузо-туркменскими государствами в основном также распалась. С появлением туркменских государств Аккоюнлу и Каракоюнлу двухкрылость возникла уже в противоположном качестве – как две враждующие династии. Отдельные стороны недружелюбного противостояния между ич-огузами и даш-огузами наблюдается еще в огузо-туркменском эпосе «Книга моего деда Коркуда».

В туркменской общественной среде сведения о двухкрылом начале сохранялись очень долго, ибо оно имело еще глубокие внутренние духовно-исторические корни. К периоду существования салырской конфедерации туркменских племен относятся деления их на ички-салыры и дашки-салыры, а основные колена утамыш и тогтамыш туркмен-текинцев, скорее всего, связаны с временами правления Золотой Орды. Древнее деление туркмен-салыров на Караман и Акман, происходившее от личных имен их родоначальников, уходило корнями в еще более глубокую старину.

Первые и могущественные правители империи Великих Сельджукидов Чагры-бек и Тогрул-бек, наряду со своими исконно туркменскими именами, носили также имена собственные, заимствованные из арабского языка: соответственно Давут (Давид) и Мухаммед. Нарекание своих детей двумя разными именами со стороны родителей является другой древней огузской традицией, которая имеет в определенной степени свое продолжение среди туркмен до настоящего времени.

Двухкрылую систему власти в Хазарском каганате со своей последней и богатой столицей Итиль, возникшей на устье великой Волги около середины VIII в., олицетворяли верховный каган и нижний бек. Евреи (на иврите) хазарского бека называли «мелех» («царь»), арабы передавали его должность

как «малик» («правитель» или «халифа», буквально «заместитель»). Большинство современных авторов утверждают, что примерно в 740 г. Булан – один из хазарских военачальников – перешел в иудаизм, еврейскую религию, а в начале IX потомок Булана Обадия занял второй после кагана пост в государстве и сосредоточил в своих руках реальную власть. Якобы именно с этого момента в Хазарии установилась система двойного правления, при которой номинально страну продолжали возглавлять каганы из старого царственного рода ашина, но реальное управление осуществлялось от их имени беками из рода буланидов – приверженцев иудаизма. Это и хронологически, и фактически вовсе не так. Приведенные выше многочисленные факты из истории огузо-туркменских государств наглядно демонстрируют, что двухкрылая система управления возникла еще в глубокой древности именно в собственно тюркской (алтайской?) среде без участия иудаизма или другого какого-либо влияния извне. Поэтому исторической действительности может соответствовать то утверждение, согласно которому двухкрылая система власти в Хазарском каганате была изначально в той или иной степени очевидной, и она никак не была связана принятием верхушкой государства иудаизма.

Следует также отметить, что у хазар существовали другие удивительные обычаи, направленные в целом на ограничение абсолютной власти хакана (кагана) и осуществление своеобразного общественного контроля за его действиями или бездействиями. Они описаны в литературе. Когда хазары желали поставить кого-нибудь хаканом, то приводили его и начинали душить шелковым шнуром. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорили ему: «Как долго желаешь царствовать?» Он отвечал: «Столько-то и столько-то лет». При несчастьях, обрушивавшихся на страну (засуха, разорение, неудача в войне), против которых со стороны правителя не были предприняты соответствующие меры, то «чернь и знать» хазаров спешили к царю (князю) и заявляли ему: «Мы приписываем свое несчастье этому хакану, и его существование нам приносит несчастье. Убей его или отдай его нам – мы его убьем» [7, с. 32].

Хазары, их каганы и беки отличались большой толерантностью: в Итиле и других городах Хазарии (в источниках насчитываются названия более 10 больших хазарских городов), в небольшой части обширной территории, на которой в настоящее время находится Астраханская область, возвышались мечети, церкви, синагоги, а язычники беспрепятственно выполняли свои древние обряды.

Какая же судьба постигла хазар после распада их каганата? Небольшая часть его многочисленного населения, которая приняла иудаизм, покинула страну и в последующем стала предками современных тюркоязычных караимов (самоназвание: карай), а также крымчаков, а другая часть с другими вероисповеданиями вошла в состав современного населения Астрахани, Дагестана, Крыма и других сопредельных регионов. Большая же часть мусульманского населения Хазарии, покинув страну, размещалась в Афганистане под этническим названием «хазари» («хазара», «хезари»). Они, судя по работам современных турецких авторов [23 и др.], в силу ряда исторических причин в последующем стали ираноязычными, но физиологически остались ярко выраженными чертами монголоида. Примечательно то, что среди хазар Афганистана сохранилось племя туркмен (самоназвание: туркму), представители которого являются самыми богатыми и многочисленными из хазар, и делятся на колени: некапай, шихали, алиджем, вахудици и др. Хазарские туркмены, являясь по вероисповеданию в основном шиитами и исмаилидами, все-

гда отличают себя от туркмен-арсаринцев, оламов и других туркменских племен, которые населяют Афганистан, хотя считают последних своими близкими этническими родственниками.

Список литературы

1. Артамонов М. И. История хазар / М. И. Артамонов. – Л., 1962.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / (Иакинф) Н. Я. Бичурин. – М. – Л., 1950.
3. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии / Л. Н. Гумилев. – М., 1966.
4. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази [Бахадур-хана] хана хивинского / А. Н. Кононов. – М. – Л., 1958.
5. Кримський А. Ю. Тюрки, їх мови та літератури. Тюркські мови / А. Ю. Кримський. – Київ, 2007. – Вип. II.
6. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисл., пер. и прим. В. С. Таскина. – М., 1968, 1973.
7. Плетнев С. А. Хазары / С. А. Плетнев. – М., 1976.
8. Рашид-ад-дин [Фазлуллах Хамадани]. Сборник летописей [Джами' аттаварих] / [Фазлуллах Хамадани] Рашид-ад-дин / пер. с перс. – М. – Л., 1952. – Т. 1, кн. 1.
9. Севортыан Э. В. Тюркизмы у ранних армянских писателей / Э. В. Севортыан // Структура и история тюркских языков : сб. ст. – М., 1971.
10. Соегов М. О народе, именем которого названо Хазарское (Каспийское) море / М. Соегов // Turkmenistan is in the Focus of World Tourists Attention. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference. – Ashgabat, 2009.
11. Соегов М. О родственных узлах тюрков в истории и фольклоре / М. Соегов // Вопросы тюркологии. – 2011. – Вып. 7.
12. Соегов М. Памятник Бильге-кагану / М. Соегов // Miras (Наследие). – 2007. – № 2.
13. Соегов М. Чагры бег и Тогрул бег: Продолжение древних огузских традиций / М. Соегов // Literature and Culture of the Seljuk Epoch. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference. – Ashgabat, 2009.
14. Соегов М. Энциклопедический словарь, созданный в XI веке и посвященный туркменам / М. Соегов // Miras (Наследие). – 2008. – № 1.
15. Туркменбаши С. Рухнама / С. Туркменбаши. – Ашхабад, 2002.
16. Atsız Hoca'dan Seçmeler Türk Tarihinde Cengiz ve Timur'un Yeri // Tarih. Türk Dünyası Kültür Dergisi. Sayı: 261. – Eylül. İstanbul, 2008.
17. Besim Atalay. Divanu lügat-it-türk tercümesi. – Ankara, 1985–1986.
18. Kevin Alan Brook. Bir Türk İmparatorluğu: Hazar Yahudileri. Çeviren: İsmail Tuğçalı. – İstanbul, 2005.
19. Söyegov M. Hazar deňzine ady dakylan halk (Milli-medeni maglumatlar) / M. Söyegov // Garagum. Edebi-çeper žurnal. – 2009. – № 6.
20. Söyegov M. Meşhur hun-oguz hökümdary Attila / M. Söyegov // Türkmen dili. – 2005. – № 15 (269).
21. Söyegov M. Pereňden Gyratyň owazy gelen döwürler / M. Söyegov // Türkmen dili. – 2005. – № 23 (277).
22. Seyit Pişar Ali Kayani. Afganistan'da Yaşayan Hazaralar Mazlum Türklerin Ülkesi. – Afgan Türkistan'ı. İstanbul, 2001.
23. Yaşar Kalafat. İsmaili Hazar Türkleri. – Режим доступа: <http://www.yenidenergenekon.com/274-ismaili-hazara-turkleri/> (05.11.2011), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. туркмен.

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ»

Конференция была посвящена вопросам взаимодействия языка, общества и человека в социокультурном контексте пространства и времени. Соединение в рамках одной конференции проблем лингвистики, лингвистики текста, литературоведения и методики обучения иностранным языкам не является случайным. Социокультурные факторы являются объединяющим началом для исследования изменений в языке, для изучения новых тенденций в художественной литературе и для совершенствования технологий обучения иностранному языку в контексте многообразия пространственно-временных характеристик.

The conference was dedicated to the issues of language, society and man interaction in the socio-cultural discourse of space and time. Linking the issues of linguistics, linguistic text, literary studies and the methods of teaching of foreign languages within the framework of one conference is not occasional. Socio-cultural factors are the uniting basis that helps to investigate changes in a language, to study some new tendencies in literature (belles-lettres) and to improve the technologies of teaching of foreign languages in the context of diversity of space-temporal characteristics.

Ключевые слова: эволюция языка и общества, социолингвистика, языковая дифференциация, межкультурная коммуникация, лингвистика текста, сравнительная типология, технологии обучения иностранным языкам.

Key words: evolution of language and society, socio-linguistics, language differentiation, intercultural communication, text linguistics, comparative typology, technologies of teaching of foreign languages.

13–14 октября 2011 г. на факультете иностранных языков Астраханского государственного университета прошла Всероссийская конференция с международным участием «Язык в социокультурном пространстве и времени».

В конференции приняли участие преподаватели и аспиранты факультетов института делового языка и профессиональных коммуникаций, представители языковых кафедр Астраханского государственного технического университета, а также гости из других городов России. Учитывая заочных участников, география конференции оказалась необыкновенно широка, как и ее тематика. Ученые и аспиранты из Белгорода, Смоленска, Таганрога, Тольятти, Тюмени, Барнаула, Благовещенска, Улан-Удэ, а также иностранные ученые из Франции (Гренобль, Монпелье) и Азербайджана (Баку) обогатили материалы конференции ценными сведениями и исследованиями в области эволюции и функционирования различных языков в контексте определенных пространственно-временных и социокультурных факторов.

Торжественно открывая пленарное заседание, директор института делового языка и профессиональных коммуникаций О.Г. Егорова подчеркнула, что у столь широкой тематики конференции есть общее объединяющее начало – антропоцентризм, главный принцип современных лингвистических и филологических изысканий.

Действительно, соединение в рамках одной конференции проблем лингвистики, лингвистики текста, литературоведения и методики обучения иностранным языкам не является случайным. Социокультурные факторы являются объединяющим началом и для исследования изменений в языке, и для изучения новых тенденций в художественной литературе, и для совершенствования технологий обучения иностранному языку в контексте многообразия пространственно-временных характеристик. Как отметила в своем докладе А.В. Рябкова, поскольку человек живет в мире, то является его частью, он отражает этот мир в своем сознании в виде представлений, опираясь на существующий опыт, на имеющиеся знания, интерпретирует его и совершенствуется. В зависимости от того, где и как это происходит, проявляется некая особенность, называемая социокультурным фактором, непосредственно связанным с традициями, культурой социума, высвечивается и рефлектируется то, что влияет на формирование ментальности.

Особой честью для организаторов был приезд и участие в конференции доктора филологических наук, профессора РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) Лидии Анатольевны Становой, заведующей кафедрой романской филологии РГПУ, возглавляющей постоянно действующую школу-семинар им. Л.М. Скрелиной. В своем выступлении на пленарном заседании Лидия Анатольевна подчеркнула роль социокультурных факторов в разнообразии графического оформления старофранцузских скрипт на территории северной Франции в XII–XIII вв. Доклад профессора Л.А. Становой был продолжен дискуссией по поводу роли сcribes как человеческого фактора в создании различных скрипт. Участников конференции заинтересовали источники, представляющие предмет исследования Л.А. Становой. Были заданы вопросы о степени их доступности и достоверности.

Из доклада заведующего отделением восточных языков А.А. Мухина участники конференции и гости узнали много исторических фактов о причинах присутствия и исчезновения в разные периоды истории Ирана арабизмов в персидском языке. Докладчик коснулся также заимствований из европейских языков в первой половине XX в. Пленарное заседание продолжил доцент В.М. Викторин, который в своем выступлении поведал слушателям о сдвигах и консерватизме среды обитания конфессиолектов в этнолингвокультурах Поволжья, Урала и Юга России. Выступление В.М. Викторина, яркое и эмоциональное, вызвало большой интерес у аудитории, особенно у астраханцев, так как Астраханский регион является мультиэтническим и мультконфессиональным регионом России, где ощутимо взаимовлияние различных конфессиолектов, специальных терминов, используемых в различных вероисповеданиях.

Затем обсуждение языковых проблем в рамках социокультурных факторов продолжилось на разных секциях: «Язык и человек в социокультурном пространстве и времени» (секция № 1), «Проблемы синхронической и диахронической социолингвистики» (секция № 2), «Перевод и межкультурная коммуникация» (секция № 3) и «Современные технологии преподавания иностранных языков» (секция № 4).

Характерно, что на секции «Язык и человек в социокультурном пространстве и времени» тематика многих докладов касалась вездесущей реалии современной жизни – Интернета. Так, в докладе ассистента кафедры английского языка Светланы Исламовны Агагюловой «Ценностные характеристики концепта "Интернет" в обиходном и профессиональном языковом сознании»

были представлены как положительные, так и отрицательные характеристики данного концепта, однако, по словам Светланы Исламовны, положительная оценка концепта доминирует над отрицательной. Более того, отрицательная оценка проявляется не по отношению к Интернету в целом, а к той или иной его части (технические проблемы, оплата, некоторые услуги), в то время как положительная оценка, даваемая также под влиянием каких-либо частей, например, легкость, удобство в обращении, предоставляемая информация, переносится на отношение к концепту в целом.

Доцент кафедры английской филологии АГУ Е.Н. Галичкина посвятила свое выступление анализу номинативных средств социальных сетей разной, тематически детерминированной коммуникативной направленности, который позволил ей в общении участников коммуникации в рамках той или иной социальной сети обнаружить сугубо сетевую компьютерную терминологию. На представленных примерах Елена Николаевна показала, что одним из источников пополнения состава номинативной системы сетевой компьютерной коммуникации является формирование новых слов посредством телескопии, представляющей собой специальный словообразовательный механизм. Тему компьютерной коммуникации продолжила ассистент кафедры русского языка Астраханского государственного технического университета Лариса Викторовна Самойленко. Представленный ею доклад был посвящен контактообразующим языковым средствам в чат-сообщениях. Лариса Викторовна обратила внимание аудитории на прагматические функции различных языковых средств в контексте чат-сообщений и выделила инициальные, контактосохраняющие и контактозавершающие языковые средства, свойственные молодежным чатам, отметив также их взаимодействие. Дискуссию вызвал вопрос о графической форме и игнорировании норм написания реплик в чате, вызванных различными причинами. Участники секции единодушно пришли к мнению о необходимости формирования культуры компьютерной коммуникации.

Другие доклады секции «Язык и человек в социокультурном пространстве и времени» были также проникнуты антропоцентризмом, несмотря на различные предметы исследования и темы. Так, проблемы лингвокультурологии были затронуты в докладе доцента кафедры межкультурной коммуникации АГУ Светланы Владимировны Поповой «Лингвокультурный типаж "школьная учительница" в самопрезентации учителей», основанном на анализе сочинений информантов разных возрастных групп (школьников, студентов, взрослых), а также сочинений, написанных современными учителями, что позволило на основе ассоциативных характеристик выстроить вариативный образ исследуемого типажа. Доклад С.В. Поповой вызвал оживленный интерес и многочисленные комментарии аудитории, поскольку данный лингвокультурный типаж имел непосредственное отношение ко многим участникам и гостям секции.

Тему языкового сознания продолжила аспирант кафедры литературы АГУ Н.А. Филатова. В докладе «Семантика слова "одежда" и русское языковое сознание (на примере фрагмента повести Н.С. Лескова "Полунощники)» Наталья Андреевна показала, что тема одежды очень важна для характеристики главной героини анализируемой повести Клавдии, раскрывает такие ее черты, как упорство, целенаправленность, сочетание покорности и повинования с верностью избранному пути. Через отношение к одежде проявляется очень важная черта русского языкового сознания XIX в. – распространение духовности на дела мирские, христианизацию мирской жизни.

Доклад профессора Е.Н. Михайловой «Забытые имена европейской лингвистики: Шарль де Бовель (1479–1566)» коснулся философии науки. Участники конференции познакомились с языковой концепцией французского гуманиста и философа XVI в. Шарля де Бовеля, который одним из первых в европейской лингвистике затронул в своем трактате проблему происхождения французского языка, вопрос о его связи с латинским и другими европейскими языками, проблему взаимовлияния языков и некоторые другие. Е.Н. Михайлова подчеркнула парадоксальность того факта, что лингвистическое наследие одного из ярчайших представителей республики ученых эпохи Возрождения не только не получило должного признания у его современников, а затем надолго было забыто, но и продолжительное время оставалось вне поля зрения историографов лингвистики.

В качестве историографа лингвистической мысли выступила аспирантка кафедры романской филологии АГУ Ю.С. Подосинникова, представив доклад «Метафора как объект лингвистических учений на рубеже XX–XXI веков». Юлия Сергеевна отметила, что в последние десятилетия XX в. многие исследователи отходят от риторико-стилистических представлений в сторону семантического и когнитивного анализа. Вместе с тем, изучив современные подходы к определению метафоры, аспирантка пришла к выводу, что когнитивная теория метафоры возникла на основе предыдущих концепций метафоры. Вслед за современными лингвистами Ю.С. Подосинникова заключает, что основное отличие когнитивной теории заключается в том, что за единицу метафорического анализа может быть взят целый текст.

Заключительным докладом на секции «Язык и человек в социокультурном пространстве и времени» стал доклад доцента кафедры английского языка А.А. Соловьевой «Речевой жанр «поздравление» в обиходном дискурсе (на материале английского языка). Анна Александровна справедливо заметила, что речевой жанр «поздравление» можно назвать гипержанром, поскольку он представляет собой многоплановый объект и может быть рассмотрен с разных сторон: культурологической, социологической, этнографической, фольклористической, психолингвистической, собственно лингвистической. Изучив конститутивные признаки поздравления в обиходном дискурсе, А.А. Соловьева продемонстрировала, что поздравление в современном английском языке является сложным речевым жанром, в структуру которого входят и другие речевые жанры: приветствие, комплимент, пожелание, похвала, одобрение и т.п. Но все же в большинстве случаев поздравление является письменным речевым жанром, характеризующимся значительной степенью креолизованности и этикетности.

На секции «Проблемы диахронической и синхронической социолингвистики» были представлены доклады, посвященные вопросам языкового функционирования в различных социумах, проблемам языковой дифференциации, национального языка, различиям письменной и устной речи в разные исторические эпохи жизни общества.

Так, доцент кафедры романской филологии И.В. Богомоллова в докладе «Молодежный сленг в современном французском языке на радио» обобщила понятие этой формы существования языка в молодежной среде, называя сленг «ярким экспрессивным слоем нелитературной лексики, стилем языка, который является антиподом крайне формализованной речи». В то же время Ирина Вячеславовна отметила, что радио, популяризируя молодежную субкультуру, под ее влиянием само приобретает новые формы. Проблемы популяризации той или иной социальной нормы языкового общения вызвали жи-

вую дискуссию участников секции, тем более, что ее продолжением стало выступление доцента А.Р. Мубориевой на тему «Структурно-семантические элементы популяризации французских экономических текстов». Альбина Рафиковна представила в своем докладе результаты исследования прагматических функций языковых средств, которые могут быть использованы для популяризации научных текстов экономической тематики. А.Р. Мубориева постаралась убедить аудиторию, что автор-популяризатор выбирает эти коммуникативные стратегии и приемы, чтобы сориентировать реципиента в потоке сложной экономической информации, заинтересовать его и донести содержание в максимально доступной форме.

Обобщение понятия «сленг» было предложено и в докладе аспиранта кафедры английской филологии И.В. Петровой «О статусе афроамериканского варианта английского языка». Однако Инна Викторовна представила определение сленга для того, чтобы доказать, что афроамериканский вариант английского языка нужно считать не сленгом, как до этого было принято, а этническим социолектом, употребляемым определенной социальной группой людей, связанных тесной этнокультурной, территориальной общностью и находящихся в постоянном контакте. Все доклады секции были выслушаны с большим вниманием и интересом, который проявился в оживленном обсуждении каждого выступления.

На секции «Перевод и межкультурная коммуникация» обсуждались лингвистические проблемы, а также практические задачи перевода, которые касались различных языков в их взаимодействии. Основой многих выступлений стал контрастивный анализ семантических категорий в разных языках. Так, доцент кафедры романской филологии Е.В. Донченко продемонстрировала особенности выражения категории таксиса в русском и французском языках, аспирант кафедры русского языка АГУ И.В. Бочарникова сравнила темпоральную семантику концепта «жизнь» в русском и французском языках, доцент кафедры романской филологии А.А. Салхенова сообщила о результатах сопоставительного анализа средств выражения грамматических значений времени во французском, русском и казахском языках в сопоставлении.

Доклад ассистента кафедры романской филологии АГУ Е.А. Мельниковой, подготовленный в лингвистической лаборатории университета им. Стендаля в г. Гренобле под руководством профессора Ивы Новаковой, познакомил участников конференции с эквивалентами перевода глагольно-именных конструкций со значением чувств в русском и французском языках. Е.А. Мельникова представила результаты контрастивного анализа параллельных корпусов перевода русского и французского языков, чтобы доказать предположение о преимущественном использовании глаголов чувств в русском языке и существительных во французском. Внимание аудитории было привлечено к преимуществам использования корпусной лингвистики с целью получения наиболее объективных результатов исследования.

Китайский язык и культура дважды стали предметом выступлений докладчиков секции «Перевод и межкультурная коммуникация». Оба доклада представили ассистенты отделения восточных языков АГУ: А.М. Каликова («Средства выражения категории определенности/неопределенности в китайском языке») и В.А. Любимова («Концепт "герой" в китайской культуре»).

На секции «Современные технологии преподавания иностранных языков» особый интерес вызвали доклады А.О. Тенис и М.И. Свешниковой. Доцент кафедры английской филологии Анжелика Олесисовна Тенис подели-

лась опытом организации самостоятельной работы студентов с использованием специальных компьютерных программ на английском языке. Доцент кафедры романской филологии Марина Ильинична Свешникова подчеркнула роль стихотворного перевода текстов песен с французского языка на русский для обучения студентов практической фонетике и грамматике французского языка. Еще до начала конференции были получены положительные отклики на материал доклада Марьон Сюссэ «Представления о Франции и о французах в русских учебниках по французскому языку». Материал был опубликован в сборнике конференции и разослан иногородним участникам заблаговременно. Это позволило обсудить содержание доклада, представленного заочно, на заседании конференции. Для преподавателей французского языка статья М. Сюссэ, работавшей год назад в АГУ в качестве ассистента, оказалась довольно информативной и практически ценной.

14 октября конференция проходила в Астраханской областной научной библиотеке, которая гостеприимно предоставила для работы секции «Лингвистика текста и художественная реальность» свою литературную гостиную. Здесь для участников и гостей научного форума были подготовлены не только современное мультимедийное оборудование для представления докладов, но и выставка печатных работ преподавателей института делового языка и профессиональных коммуникаций, составленная заведующей отделом редких книг З.А. Малометовой.

В благожелательной и располагающей к дискуссии обстановке были прослушаны и обсуждены доклады, посвященные проблемам лингвистики текста (Е.В. Кузнецова «Типы повествования в прозе Гайто Гайданова», Т.А. Ткачева «Специфика категории субъектности в тексте «Мемуаров» Филиппа де Коммина», И.А. Ахмедова «Функциональные особенности парентезы в новеллах Клод Пюжад-Рено и Ги де Мопассана», Л.В. Маняшина «Особенности структурно-семантической организации текстов немецкой художественной литературы начала XX века».) Большая часть докладов была посвящена художественной реальности в русской и зарубежной литературе. Интерес присутствующих вызвали доклады доцента кафедры литературы Л.В. Спесивцевой «Художественная реальность в лирической поэме К. Бальмонта и А. Блока», раскрывшей в поэзии Серебряного века взаимодействие внешнего мира с внутренним миром поэтов, доцента кафедры английской филологии Е.С. Манченко «К вопросу о понятии кода английской литературы», выявившей принципы художественного взаимодействия или влияние одной культуры на другую. Доклад аспиранта кафедры литературы С.Г. Куксенко «Типология и функции аллитерации в поэзии Маяковского» позволил по-новому услышать и оценить известные стихи поэта-трибуна.

В завершение конференции для всех желающих З.А. Малометова провела небольшую экскурсию в отделе редких книг, открывшую для присутствовавших ценнейшие экземпляры печатных изданий, хранящиеся в АОНБ.

Конференция «Язык в социокультурном пространстве и времени» показала значимость гуманитарных исследований в области языка и литературы, позволила сплотить представителей разных филологических и лингвистических направлений, кафедр и факультетов на основе общих интересов в области гуманитарных и лингвистических проблем. На закрытии конференции многие участники выразили благодарность организаторам этого научного форума за предоставленную возможность участия и активного научного об-

щения, за четкую организацию работы секций, отметили актуальность представленных на секциях докладов.

Успеху конференции и ее безупречной организации во многом способствовала финансовая поддержка гранта РГНФ № 11-04-14092 г.

Т.А. Ткачёва

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКАВОВ РАШИД ЗАБИТОВИЧ – доктор филологических наук, директор Дагестанского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

АЛИЕВА ИРАНА МАМЕД ГЫЗЫ – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Бакинского славянского университета (г. Баку, Республика Азербайджан).
E-mail: tagia.ofelia@mail.ru

АПАЗОВА СВЕТЛАНА ТАНАТАРОВНА – аспирант кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI веков Московского государственного университета.
E-mail: appazova8181@mail.ru

АСТАХОВА ТАМАРА СЕРГЕЕВНА – аспирант Московского государственного университета им. М.А. Шолохова.
E-mail: tamriko-ast@yandex.ru

АХМЕЕВА АЛЬФИЯ РАСТИМОВНА – аспирант кафедры теории и методики профессионального образования Астраханского государственного университета.
E-mail: brilliantnpa@gmail.com

БАЕВА ЛЮДМИЛА ВЛАДИМИРОВНА – доктор философских наук, доцент, декан факультета социальных коммуникаций, заведующая кафедрой философии Астраханского государственного университета.
E-mail: Baevaludmila@mail.ru

БАЙБЕКОВА ЭЛЬМИРА ФАРИДОВНА – ассистент кафедры гражданского права Астраханского государственного университета.

БАЛАЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, аспирант кафедры теории и истории государства и права Астраханского государственного университета.
E-mail: balaev30@gmail.com

БЕРЕЗИКОВ СЕМЁН ВИКТОРОВИЧ – аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
E-mail: squ34@mail.ru

ВОЛЫНКИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА – аспирант кафедры социальной педагогики и психологии Астраханского государственного университета.
E-mail: Volinkin52@mail.ru

ГАВРИЛОВА ОКСАНА ВАЛЕРЬЕВНА – соискатель кафедры математики и методики ее преподавания Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (Карачаево-Черкесская Республика, г. Карачаевск).

ГАРАЕВА ДЖЕЙХУНА ГУСЕЙН ГЫЗЫ – диссертант кафедры «Азербайджанский язык и тюркология» Сумгаитского государственного университета (г. Сумгаит, Республика Азербайджан).
E-mail: tempus-sus@yandex.ru

ГЛИНЧЕВСКИЙ ЭДВАРД ИВАНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей Астраханского государственного университета.
E-mail: ned81@yandex.ru

ГРЕБЕНЮК ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Астраханского государственного университета.
E-mail: elenagrebenuk@mail.ru

ДАВЫДОВА ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, директор Института педагогики, психологии и социальной работы Астраханского государственного университета.
E-mail: lugena2003@mail.ru

ДЖАНГАЗИЕВА АЛЬБИНА САЛАМАТОВНА – ассистент кафедры социальной педагогики и психологии Астраханского государственного университета.
E-mail: dalina_84@mail.ru

ЖАРАВИНА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы Волгоградского государственного социально- педагогического университета.
E-mail: zharavinal@mail.ru

ЖАТКИН ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России.
E-mail: ivb40@yandex.ru

ЗАВЬЯЛОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Астраханского государственного университета.
E-mail: kafruslit@mail.ru

ЗУБОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА – аспирант кафедры теории и методики обучения, воспитания Челябинского государственного педагогического университета, старший преподаватель кафедры физико-математических дисциплин Трехгорного технологического института Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерный физический институт».
E-mail: na448@yandex.ru

ИСАЕВ ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы Астраханского государственного университета.
E-mail: kafruslit@mail.ru

КАЗИЕВА АЛЬМИРА МАГОМЕТОВНА – доктор филологических наук, профессор, директор Северокавказского НИИ филологии Пятигорского государственного лингвистического университета.

КАЙГОРОДОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Астраханского государственного университета.

E-mail: kin905@mail.ru

КОРНИКОВА АДЕЛЯ ИЛЬДАРОВНА – аспирант кафедры теории и методики профессионального образования Астраханского государственного университета.

E-mail: adelkor@mail.ru

КУЗНЕЦОВА ЕЛЕНА ВЕНИАМИНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: lena_kouznetsova@mail.ru

КУРБАНОВА МАЛИКА ГУМАРОВНА – аспирант кафедры общего языкознания Астраханского государственного университета.

E-mail: malika1806@yandex.ru

МИРЗОЕВ ГАСАН МАМЕДАЛИЕВИЧ – кандидат культурологии, профессор Дербентского института искусств и культуры (г. Дербент, Республика Дагестан).

E-mail: gnmirzoev@rambler.ru

МУСАЕВА СЕВИНДЖ АББАС ГЫЗЫ – старший преподаватель кафедры русской классической литературы Бакинского славянского университета.

МУСИНА-МАЗНОВА ГАЛИЯ ХАМИТОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Астраханского государственного университета.

E-mail: galmus@mail.ru

НИКУЛЬШИНА ЕЛЕНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: nikulchina@yandex.ru

ОЧЕРЕДЬКО ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английского языка для ФСК и ЮФ Астраханского государственного университета.

E-mail: Y-Ocheredko@yandex.ru

ПАЛАТКИНА ГАЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной педагогики и психологии Астраханского государственного университета.

E-mail: paL9@rambler.ru

ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ – прокурор г. Астрахани, советник юстиции.

E-mail: art-voyage@mail.ru

ПОТАПОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Астраханского государственного университета.

E-mail: potia2@yandex.ru

РОДИКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – преподаватель кафедры перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии.

E-mail: chelpopova@rambler.ru

РЯБОВА ЕЛЕНА ВАЛЕРИЕВНА – инженер научно-образовательного центра Астраханского государственного университета.

E-mail: elena5080@yandex.ru

САЛИКОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА – аспирант, ассистент кафедры романской филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: tcherni4enko@mail.ru

САНИН СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – аспирант кафедры социальной педагогики и психологии Астраханского государственного университета, старший преподаватель кафедры теории и методики довузовского образования Филиала Российского государственного социального университета в г. Сочи.

E-mail: rgsu-s@rambler.ru

САНИНА МАРИЯ КОНСТАНТИНОВНА – аспирант кафедры социальной педагогики и психологии Астраханского государственного университета, преподаватель кафедры теории и методики довузовского образования Филиала Российского государственного социального университета в г. Сочи.

E-mail: sanina.masha2010@yandex.ru

САРСЕНОВА ИННА ЖАРДЕМГАЛИЕВНА – аспирант кафедры литературы Астраханского государственного университета.

E-mail: 79_inna@mail.ru

СЕМЕНИЩЕВА МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА – аспирант кафедры социальной педагогики и психологии Астраханского государственного университета, заместитель директора по учебно-воспитательной работе МОУ «СОШ № 56» г. Астрахани.

E-mail: marinasemenishheva@rambler.ru

СИНЯЧКИНА НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов им. Миклухо-Маклая (г. Москва).

E-mail: k_millka@mail.ru

СОЕГОВ МУРАДГЕЛДИ – главный научный сотрудник Национального института рукописей Академии наук Туркменистана, член Союза писателей (бывшего СССР), доктор филологических наук, профессор, академик АН Туркменистана.

E-mail: msoyegov@gmail.com

СПЕСИВЦЕВА ЛЮБОВЬ ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Астраханского государственного университета.

E-mail: krilovalubov@bk.ru

ТКАЧЁВА ТАТЬЯНА АКИМОВНА – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: tatiana.tcka4eva@yandex.ru

ТРУБНИКОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант, ассистент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Астраханского государственного университета.

E-mail: ntrubnikova@mail.ru

ФЁДОРОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – ассистент кафедры физической культуры Астраханского государственного университета.

E-mail: 19fedorova19@mail.ru

ФРЕНКЕЛЬ ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: frenkel-mif@rambler.ru

ЧЕРНИКОВА ВАЛЕНТИНА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор философских наук профессор, профессор кафедры философии Ставропольского государственного университета.

E-mail: chervalen5@rambler.ru

ЧИЛИКИНА ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА – аспирант, преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета.

E-mail: chilikina@inbox.ru

ЧИСТЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА – доктор филологических наук, заведующая кафедрой риторики и культуры речи Астраханского государственного университета.

E-mail: okjemirvictoria@mail.ru, ritorika@aspu.ru

ЧУРУШКИНА АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА – ассистент кафедры немецкой филологии Астраханского государственного университета.

E-mail: churushkina@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал включен в перечень изданий, утвержденных ВАК для публикации основных результатов диссертационных исследований по направлениям «Филология», «Юриспруденция», «Педагогика».

Редколлегия журнала фундаментальных и прикладных исследований «Гуманитарные исследования» принимает к рассмотрению статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Человек. Общество. Государство», «Проблемы художественного слова», «Язык. Коммуникации», «Взгляд в прошлое», «Экономическая теория», «Грани духовного мира», «Астраханский край: прошлое, настоящее, будущее», «Воспитание. Образование. Школа», «Юридическая практика. Теория права», «Научная жизнь АГУ» и т.д. На страницах журнала представлены разработки филологов, юристов, экономистов, психологов, педагогов и всех, чьи исследования имеют гуманитарное направление.

Требования к публикуемым материалам: актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения. Статьи должны быть интересны достаточно широкому кругу читателей. Возможна публикация на английском языке. В журнале печатаются ранее не публиковавшиеся материалы.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Объем публикаций – не более 0,5 п.л., гарнитура Times New Roman, кегль 14, все поля по 2,5 см.

Оформление статьи. К статье необходимо приложить (в одном файле со статьей) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова на русском и английском языках, сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества (полностью), научных званий, должностей, места работы (обязательно указывается кафедра), электронного адреса.

Справочный аппарат. В статьях используется система текстовых сносок в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и через запятую – страницы, например: [1, с. 10]. **Страницы указываются обязательно.** Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Образец оформления:

1. Иванов И. И. Проблемы художественного слова / И. И. Иванов. – М. : Парус, 1990. – 456 с.

2. Петрова Г. В. Романтическая модель мира / Г. В. Петрова // Вопросы литературы. – 1997. – № 5. – С. 16–25.

3. Тихомирова Л. Н. «Ночная» поэзия как свертхтекст / Л. Н. Тихомирова. – Режим доступа: <http://proceedings.usu.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

На электронный адрес редакции просим направлять:

- текстовый файл со статьей;
- внешнюю рецензию на статью (отсканированную);
- квитанцию об оплате статьи либо о подписке на журнал (отсканированную).

Научный редактор журнала – доктор филологических наук, профессор *Геннадий Григорьевич Исаев*.

Ответственный секретарь – и.о. главного редактора Издательского дома «Астраханский университет» *Юлия Александровна Повх*.

На основании приказа ректора АГУ № 080101/193 от 25.03.2011 г., за размещение статей в журнале «Гуманитарные исследования» установлена цена в размере **500 рублей за 1 страницу** для иногородних и других авторов, не являющихся сотрудниками АГУ. **300 рублей за 1 страницу** для сотрудников АГУ.

Оплата публикации статьи производится автором только **после** получения от ответственного секретаря письма о том, что статья принята к публикации в очередном номере журнала.

Для аспирантов Астраханского государственного университета и любых других вузов и научных учреждений публикация бесплатна.

Аспирантам необходимо оформить годовую подписку на журнал. Подписной индекс журнала – 11109. Копию квитанции об оплате или о подписке отправлять электронной почтой по адресу: **gis_00@mail.ru**.

Реквизиты для оплаты публикаций

ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет»

Адрес: г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Тел. 48-53-47, 48-53-46, факс 48-53-46

ИНН 3016009269

КПП 301601001

УФК по Астраханской области (Астраханский государственный университет)

Лицевой счет 20256Ц14780

Расчетный счет 40501810400002000002

в ГРКЦ ГУ Банка России по Астраханской области г. Астрахань

БИК 041203001

код ОКОНХ 92110

код ОКПО 02079218

КБК 00000000000000000130

Обязательно указывать назначение платежа: Ф.И.О. автора, название и номер журнала, название статьи.

По всем возникающим вопросам авторы могут связаться с ответственным секретарем журнала Юлией Александровной Повх по тел.: (8512) 48-53-44 и e-mail: gis_00@mail.ru

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Автор представляет в редакцию рукопись, оформленную в соответствии с «Правилами для авторов».

Представленная автором рукопись направляется по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемых в рукописи вопросов на рецензию членам редколлегии соответствующей области научного издания, курирующим данную тематику, или экспертам – ученым и специалистам в данной области (докторам, кандидатам наук).

Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии рукописей для своих нужд.

Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензия носит закрытый характер и предоставляется автору рукописи по его письменному запросу, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи.

Рецензия может быть предоставлена по соответствующему запросу экспертных советов в ВАК РФ.

В случае положительной рецензии и рекомендации рецензентом материала к публикации рукопись и текст рецензии рассматриваются на заседании редколлегии. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией и фиксируется в протоколе заседания.

Если рецензент указывает на необходимость доработки материала, рукопись возвращается автору. В таком случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Разъяснение нуждающихся в улучшении аспектов производится редакторами журнала на основании полученной рецензии.

Редколлегия информирует автора о принятом решении. Автору не принятой к публикации рукописи редколлегия направляет мотивированный отказ.

Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии в течение трех лет.

Не рецензируются:

✓ рецензии на научную литературу, опубликованные в разделе «Рецензии»;

✓ тексты выступлений на круглых столах;

✓ материалы, публикующиеся в разделе «Научная жизнь АГУ».

**Подписка на наши издания осуществляется
по Объединенному каталогу «Пресса России»**

Журнал фундаментальных и прикладных исследований
«Естественные науки»
Подписной индекс – 11172

Журнал публикует теоретические, обзорные (проблемного характера), а также экспериментально-исследовательские статьи по всему спектру естественнонаучных проблем химии, физики, математики, биологии, науки о Земле, истории естествознания, краткие сообщения и информацию о новых методах экспериментальных исследований, а также работы, освещающие современные технологии преподавания естественных наук.

Журнал публикует информацию о научных публикациях издательства университета по естественнонаучным проблемам, о предстоящих и о прошедших научных конференциях, симпозиумах, съездах.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Ориентировочная стоимость одного номера – 400 р.

Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Журнал фундаментальных и прикладных исследований
«Гуманитарные исследования»
Подписной индекс – 11171

В журнале публикуются статьи по широкому спектру проблем гуманитарного знания. Ведущие направления публикаций отражены в следующих рубриках: «Человек. Общество. Государство», «Проблемы художественного слова», «Язык. Коммуникации», «Взгляд в прошлое», «Мировая и региональная экономика», «Грани духовного мира», «Астраханский край: прошлое, настоящее, будущее», «Воспитание. Образование. Школа», «Из юридической практики», «Научная жизнь АГУ» и т.д. На страницах журнала представлены разработки филологов, юристов, экономистов, психологов, педагогов и всех, чьи исследования имеют гуманитарное направление.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Ориентировочная стоимость одного номера – 400 р.

Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Научно-технический журнал **«Геология, география и глобальная энергия»**
Подписной индекс – 11173

Редколлегия журнала принимает к рассмотрению статьи по проблемам геологии, нефтегазоносности различных регионов, охватывающие важнейшие и крайне полезные для науки и производства, а также для обучения студентов естественного направления.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Ориентировочная стоимость одного номера – 400 р.

Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Научный журнал **«Каспийский регион: политика, экономика, культура»**
Подписной индекс – 11170

Профиль журнала – анализ проблем настоящего, прошлого и будущего Каспийского региона в их взаимосвязи с современным развитием мира.

Издание имеет многоплановый, междисциплинарный характер, знакомит читателя с исследованиями и дискуссиями во всех областях социальных и гуманитарных знаний по проблемам Каспийского региона. С этой целью используются различные формы публикаций: статьи, научные доклады, «круглые столы», интервью, отклики и комментарии, обзоры, рефераты, рецензии, сообщения.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Ориентировочная стоимость одного номера – 400 р.

Телефон: (8512) 48-53-47. E-mail: asupress@yandex.ru

Предлагаем всем желающим разместить в наших изданиях рекламу.

Адрес Издательского дома «Астраханский университет»:
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а; тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга),
48-53-45, 48-53-44; тел./факс (8512) 48-53-46,
e-mail: asupress@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЖУРНАЛ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2012
№ 1 (41)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77-14910 от 20.03.2003 г.

Учредитель
Астраханский государственный университет
Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Главный редактор Г.Г. Исаев

Редактор *Ю.А. Повех*
Компьютерная правка, верстка *Н.П. Туркиной*

Адрес редакции: Россия, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Дата выхода в свет 27.04.2012 г.

Цена свободная.
Уч.-изд. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Заказ № 2658. Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.).

Оттиражировано на базе Издательского дома «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.
Тел. (8512) 48-53-47 (отдел маркетинга), 48-53-45,
48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46
E-mail: asupress@yandex.ru